

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

Ордена Трудового Красного Знамени
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ

ДРЕВНИЕ СЛАВЯНЕ И ИХ СОСЕДИ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»

МОСКВА 1970

Сборник «Древние славяне и их соседи» посвящен 60-летию выдающегося советского археолога, одного из старейших сотрудников ордена Трудового Красного Знамени Института археологии АН СССР, члена-корреспондента АН СССР Петра Николаевича Третьякова, и 40-летию его научной деятельности.

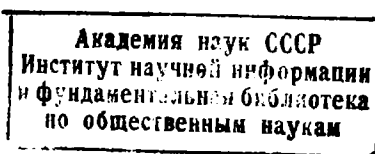
В сборнике приняли участие не только авторы, лично связанные с П. Н. Третьяковым по своей научной деятельности в Институте археологии АН СССР, но и археологи, работающие в других археологических учреждениях. Ограниченный объем сборника не позволил, к сожалению, опубликовать все присланные статьи, в частности большие и очень интересные работы А. Л. Монгайта, М. Б. Щукина, П. И. Хавлюка, заметки Г. В. Штыхова и О. В. Овсянникова.

Всем авторам статей, как опубликованных, так и не вошедших в сборник, редакция от имени Института археологии АН СССР выражает сердечную благодарность.

ОТВЕТСТВЕННЫЙ РЕДАКТОР
Ю. В. КУХАРЕНКО

D

24

040

71

*Петр Николаевич
Третьяков*

ПЕТР НИКОЛАЕВИЧ ТРЕТЬЯКОВ

В 1969 г. исполнилось 60 лет одному из ведущих советских археологов-славистов, члену-корреспонденту Академии наук СССР, старшему научному сотруднику Института археологии АН СССР, доктору исторических наук Петру Николаевичу Третьякову. Его имя неразрывно связано с достижениями советской славяно-русской археологии. Необычайно широк диапазон его научных исследований, хронологически охватывающих период времени от мезолита до средневековья, а территориально — от предгорий Урала до Средней Европы и от Белого моря до Балкан и Черного моря. Его исследованиям свойственны большой размах и целеустремленность, они обнаруживают широкую эрудицию автора и глубину теоретических обобщений.

Петр Николаевич Третьяков родился 13 ноября 1909 г. в г. Костроме в семье преподавателя гимназии. Еще в школьные годы он увлекся археологией, работая в Костромском музее и Научном обществе по изучению местного края, принимая активное участие в археологических исследованиях известного археолога-краеведа В. И. Смирнова. В 1924 г. он участвовал в раскопках В. А. Городцова на Галичской стоянке, а в 1925 г. — в экспедиции А. Я. Брюсова на Чухломском озере, где исследовались неолитические стоянки у с. Федоровского и в устье р. Юг. В те же годы он принял участие в археологических экскурсиях А. А. Спицына и финского археолога А. М. Тальгрена, заинтересовавшихся костромскими древностями.

Все это и знакомство с археологической практикой и литературой навсегда определили интересы П. Н. Третьякова. В 1926 г. после окончания костромской средней школы он поступает в Ленинградский государственный университет на факультет языка и истории материальной культуры, который оканчивает в 1930 г., получив специальность археолога-музееведа.

В Ленинградском университете в то время вел занятия по славянской археологии А. А. Спицын, кроме того, П. Н. Третьяков слушал лекции А. А. Миллера, П. П. Ефименко, Б. Л. Богаевского, В. И. Равдоникаса, А. В. Шмидта. Наибольшее влияние на П. Н. Третьякова оказал П. П. Ефименко, являвшийся крупнейшим специалистом не только в области палеолита,

но и по археологии славян и поволжских финно-угров. П. Н. Третьяков рассказывал, что, поступив в университет, он пришел к А. А. Спицыну, желая заниматься под его руководством, но старейший археолог А. А. Спицын отвел его к П. П. Ефименко и, представляя студента, сказал: «Вот у него вы будете учиться». Одновременно с занятиями в университете П. Н. Третьяков с 1926 г. стал работать под руководством П. П. Ефименко в Государственной академии истории материальной культуры (ГАИМК). В декабре 1927 г. он был зачислен в штат ГАИМК на должность научно-технического сотрудника. Ряд лет он участвовал в раскопках, проводимых П. П. Ефименко, и в обработке собранных им материалов. В 1928 и 1929 гг. он работал в экспедициях по изучению древнерусских городищ IX—X вв. на Дону в районе Воронежа.

В 1929 г. П. Н. Третьяковым были проведены первые самостоятельные полевые работы на р. Мсте в районе Вышнего Волочка. В следующем, 1930, году он, став младшим научным сотрудником, вел полевые работы на территории Чувашской АССР, во время которых у дер. Атлы-Косы впервые были исследованы памятники своеобразной культуры эпохи бронзы, впоследствии получившей название балановской. Опубликованы результаты этих раскопок в 1931 г. в статье «Из материалов Средневожской экспедиции», которая и была его первой печатной работой.

В 1933 г. в связи с земляными работами, связанными со строительством гидроэлектростанций, на верхней Волге были начаты большие археологические изыскания. Руководство ими было поручено П. Н. Третьякову, теперь уже старшему научному сотруднику ГАИМК. Эти исследования продолжались вплоть до конца 30-х годов и охватили огромные пространства по берегам Волги и нижние течения ее притоков: Мологи, Шексы, Нерли, Черемхи, Колокши, Ити, Себли, Кудаши и др. Здесь были обнаружены и исследованы многочисленные памятники древности разного возраста, начиная от мезолитических и кончая русскими средневековыми. Был получен обширнейший материал, во много раз превосходящий все данные, добытые здесь за предшествующие десятилетия.

Хотя работы эти не были заранее запланированы, так как велись с целью спасения памятников, находящихся под угрозой затопления и разрушения, собранный материал позволил наметить основные контуры древнейшей истории Верхнего Поволжья. Итоги работы в Верхнем Поволжье были освещены П. Н. Третьяковым в ряде публикаций¹.

При исследовании верхневолжских памятников особое внимание было обращено им на древности I тысячелетия н. э., среди которых нужно остановиться на раскопках дяковского городища у дер. Березняки Ярославской обл., относящегося к середине I тысячелетия н. э. Оно было исследовано впервые полностью в 1934—1935 гг.

На городище обнаружены остатки деревянных построек — жилых и хозяйственных, выявлены многочисленные данные о хозяйстве его обитателей, открыт особый «домик мертвых», куда помещался прах сожженных покойников — членов общины. Итогом работ было создание убедительной картины поселка патриархальной общины, ведущей неразделенное земледельческо-скотоводческое хозяйство и занимающейся железоделательным промыслом. Материалы городища Березняки заняли центральное место в большой обобщающей работе П. Н. Третьякова «К истории племен Верхнего Поволжья в I тыс. н. э.», опубликованной в 1941 г.

В этой работе дается не только общее представление о древнейшей истории племен Верхнего Поволжья, но и решаются проблемы экономического, социального и этнического их развития. Основная нить исторического развития племен прослеживается начиная с каменного века, но особенно интересные наблюдения сделаны по эпохе раннего железного века. Удалось всю материальную культуру городищ этого периода расчленить на четыре хронологические группы, охватывающие время от середины I тысячелетия до н. э. до V—VI вв. н. э. Дана также полная характеристика памятников середины и второй половины I тысячелетия н. э. В целом рассмотрены вопросы о роли земледелия и скотоводства в истории верхневолжских племен и прослежен переход от подсечного земледелия к пашенному. На основе археологических источников делается вывод об общественных отношениях и их изменениях в течение всего исследованного периода. В частности, рассмотрен переход от коллективных форм обработки земли к индивидуальным формам земледелия, что осо-

бенно четко прослеживается на материалах городища Березняки, Пападьинского селища и других памятников. В этой работе, в частности, была высказана мысль о том, что древности I тысячелетия н. э. в Волго-Окском междуречье составляют две группы — восточную и западную. Первая принадлежала финно-угорским племенам. Вторую П. Н. Третьяков ошибочно связывал тогда со славянами. Позднее, в свете новых данных, полученных в Верхнем Поднепровье, стало ясно, что западная группа древностей принадлежала восточнобалтийским племенам, в конце I тысячелетия н. э. поглощенным славянами. Это было обосновано в его работах, вышедших в свет в 50-х годах.

Помимо исследований в Верхнем Поволжье П. Н. Третьяков в 30-х годах выступил с рядом обобщающих исследований, послуживших значительным вкладом в дальнейшее развитие археологической науки на марксистско-ленинской основе. Им были опубликованы работы «Подсечное земледелие в Восточной Европе», «Первобытная охота в Северной Азии», «К истории доклассового общества Верхнего Поволжья», посвященные проблемам истории хозяйства, культуры и общественного строя древних племен, населявших центральную и северную полосы территории СССР в прошлом.

В 1937 г. Государственная академия истории материальной культуры — научно-исследовательское учреждение с широким историко-филологическим профилем — была реорганизована в Институт истории материальной культуры (ИИМК) — специализированное учреждение Академии наук СССР. Это открыло перед советской археологией новые широкие возможности.

П. Н. Третьяков, получивший в 1938 г. ученую степень кандидата исторических наук без защиты диссертации, принял активное участие в перестройке этого учреждения. Под его редакцией выходит в свет том «Материалов и исследований по археологии СССР», он участвует в создании серии «Кратких сообщений», является одним из авторов подготовляемого институтом коллективного труда «История СССР» (тома I, II). В 1940 г. он был утвержден заместителем директора ИИМК. Одновременно П. Н. Третьяков читал курсы по методике полевых археологических исследований и славянской археологии на историческом факультете Ленинградского университета. Он вел также большую общественную работу. В 1940 г. он был принят в члены КПСС.

После завершения работ в Верхнем Поволжье интересы П. Н. Третьякова все больше и больше сосредоточиваются вокруг славянской темати-

¹ Полный список печатных работ П. Н. Третьякова приложен в конце настоящей статьи.

ки, которая впоследствии стала основным содержанием его работы. Впрочем, эта тематика привлекала его и раньше. Еще будучи студентом, П. Н. Третьяков изучил в Костромском музее материалы курганов XII—XIV вв., опубликовав их в 1932 г. в работе «Костромские курганы». В этой работе был проведен тщательный источниковедческий анализ вещей из курганных погребений и показана вся важность археологических источников для исторических выводов. Основные исторические выводы этой работы сохранили свое значение и по сегодняшний день. Ведя работы в Верхнем Поволжье, он также обращался к славянским темам. В 1937 г. он выступил со статьей «Расселение древнерусских племен по археологическим данным». В эти же годы вместе с Г. П. Гроздиловым он работал над материалами из раскопок Н. И. Репникова в Старой Ладогге. Наконец, в 30-х годах им была произведена камеральная обработка материалов из раскопок П. П. Ефименко на воронежских славянских городищах.

Еще тогда для П. Н. Третьякова стало ясно, что серьезные исследования восточнославянских древностей невозможны без новых полевых работ в Поднепровье — области, в пределах которой должна была протекать древняя история восточных славян, где сложилась некогда древнерусская народность.

Попытка обобщить известные по старым работам археологические материалы Верхнего Поднепровья и определить основные группы днепровских древностей эпохи раннего железного века и I тысячелетия н. э. была предпринята П. Н. Третьяковым в работе «Северные восточнославянские племена», опубликованной в 1941 г. Здесь были намечены варианты культуры в разных областях Поднепровья, дана их хронология и поставлены проблемы, связанные с этногенезом восточных славян. Эта работа имела, однако, серьезные недостатки, связанные с тем, что ее автор во многом исходил из ошибочных взглядов академика Н. Я. Марра на пути этногенетического процесса.

Вместе с тем обобщающая работа была весьма необходима, так как она подготовила почву для последующих исследований. Дело в том, что изучение славянских древностей в области Поднепровья до этого ограничивалось большей частью памятниками эпохи Древней Руси, а основные интересы исследователей сосредоточивались на изучении древнего Киева с его монументальными памятниками, на дружинных погребениях Чернигова, Смоленска и т. д. Древнейшее прошлое восточного славянства и сложнейшая проблема происхождения славян в то время не были главными в проблематике

археологической науки о славянстве. Поднепровье оставалось в этом отношении недостаточно изученным, если не считать отдельных памятников роменского типа на левобережье.

Полевые работы в Поднепровье П. Н. Третьяков начал в 1938 г., когда им были проведены обследования славянских городищ в лесостепном левобережье на Полтавщине. Впоследствии эти работы продолжил И. И. Ляпушкин. В 1940 г. П. Н. Третьяков обследовал древности правобережья в области Киевского полесья. Однако Великая Отечественная война прервала эти исследования.

В июле 1941 г. П. Н. Третьяков уходит в ряды Советской Армии. Он был на пропагандистской и преподавательской работе в системе Главного политического управления РККА, читал лекции в Военно-политической академии им. В. И. Ленина и на Высших военно-политических курсах. В 1945 г. в составе лекторской группы Главного политического управления РККА объехал почти всю нынешнюю территорию ГДР. В это время был награжден орденом Красной Звезды. Осенью 1945 г. П. Н. Третьяков демобилизовался из рядов Советской Армии и возвратился в Ленинград на должность заместителя директора Института истории материальной культуры и заведующего Ленинградским отделением ИИМК.

В 1945 г. книга «К истории племен Верхнего Поволжья в I тысячелетии н. э.», подводящая итоги многолетним полевым исследованиям, была защищена П. Н. Третьяковым в качестве докторской диссертации.

Зимой 1946 г. во главе группы советских археологов и этнографов, куда входили А. В. Арциховский, Б. А. Рыбаков, В. И. Равдоникас, С. А. Токарев и П. Г. Богатырев, П. Н. Третьяков совершил трехмесячную поездку по странам Балканского полуострова — Болгарии, Югославии и Румынии. Советские ученые во время этой поездки информировали научную общественность этих стран о своих работах, прочитали многие десятки лекций для широкой аудитории, знакомились с состоянием археологических и этнографических исследований, изучали музейные собрания, памятники архитектуры и искусства и т. д. Впервые были установлены научные контакты, положившие начало тому сотрудничеству археологов и этнографов Балканских стран и СССР, которое существует в настоящее время.

В конце 1946 г. П. Н. Третьяков был привлечен на работу в Отдел науки Управления пропаганды и агитации ЦК КПСС, в связи с чем состоялся его переезд из Ленинграда в Москву. Вскоре он был утвержден профессором Акаде-

мии общественных наук при ЦК КПСС по кафедре истории СССР. В 1951—1953 гг. он являлся главным редактором журнала «Вопросы истории».

В 1951 г. по ходатайству Академии наук СССР П. Н. Третьяков был освобожден от работы в Отделе науки и утвержден директором Института славяноведения АН СССР, а вскоре заместителем академика-секретаря Отделения исторических наук АН СССР. Здесь он работает вплоть до 1959 г. с академиками-секретарями отделения Б. Д. Грековым, А. М. Панкратовой, М. Н. Тихомировым и Е. М. Жуковым.

В Институте славяноведения П. Н. Третьяков организовал работу по написанию коллективных обобщающих трудов «История Болгарии», «История Польши», «История Чехословакии», в составлении первых томов которых он участвовал и как автор, и как редактор. В связи с работами Института славяноведения П. Н. Третьяков много раз выезжал в Польшу, Чехословакию, Болгарию и Югославию. Он активно участвовал в работах Славянского комитета СССР и Всесоюзного общества культурной связи с границей (ВОКС). По их поручению он не раз выезжал в славянские страны, а также в Албанию и Венгрию. При зарубежных поездках, естественно, не были забыты и археологические интересы. П. Н. Третьяков изучал археологические собрания, бывал на местах раскопок и не раз участвовал в археологических конференциях, проводившихся в посещаемых им странах.

Несмотря на большую научно-организационную, педагогическую и общественную деятельность, П. Н. Третьяков не прерывал работы в Институте истории материальной культуры, в 1954 г. переименованном в Институт археологии АН СССР. Под его редакцией вышел в свет I том «Очерков по истории СССР», работа над которым была начата еще до Великой Отечественной войны. Вместе с А. Л. Монгайтом он выпустил перевод на русский язык книги Л. Нидерле «Славянские древности». В соавторстве с П. П. Ефименко он опубликовал работу «Древнерусские поселения на Дону» и материалы из раскопок Абашевских курганов в Чувашской АССР. Им были опубликованы научно-популярные книги «Древнейшие памятники чувашского Поволжья» и «Восточнославянские племена». В последней книге на основе археологического материала решаются важные вопросы древнейшей истории восточных славян от эпохи каменного века до образования Киевского государства. Во всем объеме в этой работе поднимаются две проблемы: этническое развитие восточнославянского мира и со-

циально-экономический строй восточных славян и начало их государственной жизни. Причем основные этапы этнического развития славян увязаны с развитием производительных сил, с изменением социально-экономического строя. Особое место занимает раздел, освещающий историю восточных славян в период великого переселения народов и походов на Балканы. Последующая эпоха (VII—IX вв.) рассматривается как время зарождения феодальных отношений и возникновения первых славянских государств. В связи с этим ставится вопрос о том, что сообщества, упоминаемые в Повести временных лет, в действительности были не племенами, а территориальными образованиями, возникшими вследствие распада первобытнообщинных отношений. Из всего изложенного в книге становится ясно, что жизнь восточных славян была далеко не однообразной и примитивной, а богатой, разнообразной и весьма динамичной.

В те же годы в связи с лингвистической дискуссией П. Н. Третьяков уделил большое внимание вопросам теории этногенетического процесса. Им был опубликован ряд статей, посвященных анализу распространенных тогда в советской археологии концепций академика Н. Я. Марра.

В 1952 г. как один из авторов коллективного труда «История культуры Древней Руси» П. Н. Третьяков был удостоен звания лауреата Государственной премии. Его научная, научно-организационная и общественная деятельность получила высокую оценку — он был награжден орденом Ленина.

Археологические исследования в Поднепровье П. Н. Третьяков возобновил еще в 1946 г., когда были произведены обследования в бассейнах рек Роси и Тясмина. В последующие годы он знакомился со славянскими памятниками на берегах Горыни и Случи. Эти работы, как и экспедиции 1938 и 1940 гг., не ставили задачи производства больших раскопок, а носили характер рекогносцировок. В итоге их П. Н. Третьяков пришел к выводу, что понимание исторического процесса, протекавшего в Среднем Поднепровье в I тысячелетии н. э., в частности решение вопросов восточнославянского этногенеза, не будет иметь успеха без проведения исследований в Верхнем Поднепровье, древности которого оставались слабо изученными. С 1950 г. он начинает археологические работы в Верхнем Поднепровье, продолжающиеся и по сей день.

В 1950—1953 гг. работы велись в южной части Верхнего Поднепровья, на Гомельщине. Особое внимание было уделено исследованию зарубинецких древностей. При участии Ю. В. Куха-

ренко и О. Н. Мельниковской были исследованы Чаплинское городище, примыкавший к нему могильник, Моховское 2-е городище и обследованы многочисленные другие памятники. В последующие годы работы по зарубинецкой культуре были продолжены на Припяти Ю. В. Кухаренко, а на Гомельщине — Л. Д. Поболем. Исследование милоградской культуры было поручено О. Н. Мельниковской.

С 1954 г. свои работы П. Н. Третьяков перенес в область Смоленского Поднепровья, где они продолжались до 1960 г. Наиболее важные результаты исследований на Смоленщине были получены в результате раскопок на городищах Верхнего Посожья. Было исследовано городище Тушемля — второй после Березняковского городища целиком раскопанный памятник такого рода в лесной полосе Восточной Европы. На городище Тушемля открыты три разновременных культурных слоя (вторая половина I тысячелетия до н. э., начало новой эры, вторая половина I тысячелетия н. э.), были обнаружены остатки оборонительных, жилых и культовых сооружений. Наиболее интересные результаты были получены при исследовании верхнего культурного слоя, относящегося к последнему периоду существования этого городища. Здесь найдены обгоревшие остатки оборонительных сооружений, располагавшихся по кругу, являвшихся одновременно и жилыми постройками. На мысовой части внутри укреплений было круглое в плане святилище. В целом исследование городищ этого облика позволило уточнить типы сооружений второй половины I тысячелетия н. э. и выделить городища-убежища и городища-святилища среди остальной массы укрепленных поселений и уточнить их материальную культуру. Так же полностью было исследовано городище у дер. Слобода-Глушица, одновременное верхнему слою Тушемля; частично исследован путем раскопок ряд других городищ.

В итоге была создана культурно-хронологическая шкала смоленских древностей I тысячелетия до н. э. и I тысячелетия н. э., изучено изменение культуры местного населения. При этом городища Смоленщины были определены как древности восточных балтов — коренного населения этих мест, что получило в среде советских археологов общее признание. Автор этих строк принимал непосредственное участие в раскопках на городищах Смоленщины и проводит эти работы до сегодняшнего дня, и только узкие рамки статьи заставляют его ограничиться их столь краткой характеристикой.

Археологические исследования П. Н. Третьякова приняли наибольший размах с конца 1950-х годов, когда он был избран в 1958 г.

членом-корреспондентом АН СССР и вскоре возвратился из Москвы в Ленинград, целиком посвятив себя проблемам славянской археологии. Им был выпущен том «Материалов и исследований по археологии СССР», посвященный зарубинецкой культуре, в составлении которого принял участие большой коллектив авторов. П. Н. Третьяков опубликовал в этом томе результаты работ на Чаплинском городище. В книге «Древние городища Смоленщины» им были подведены итоги работ в Смоленском Поднепровье. Большое внимание он уделил организации исследований в Верхнем Поднепровье. В этот период там производили раскопки многие археологи — большей частью его сотрудники и последователи.

С 1961 г. П. Н. Третьяков перенес свои исследования в восточные районы Верхнего Поднепровья, на Десну. Выяснилось, что восточнобалтийские древности, соответствующие смоленским, относятся здесь лишь ко времени I тысячелетия до н. э. Их сменяют культуры совсем иного характера, на Смоленщине почти не представленные, — позднезарубинецкие древности начала новой эры и древности более поздние, по-видимому в какой-то степени генетически с ними связанные, относящиеся к середине и третьей четверти I тысячелетия н. э. П. Н. Третьяковым исследовались в Подесенье позднезарубинецкие селища. Главное же внимание было уделено поселениям более позднего времени, таким, как Посудичи и Смольянь. Открытые на них остатки культуры в основных чертах соответствуют раннесредневековым славянским древностям, исследованным в 50-х годах украинскими археологами на среднем Днепре.

В последние годы П. Н. Третьяков вел полевые работы на Десне в восточной части Черниговской обл. УССР. И в этих местах были обнаружены как позднезарубинецкие древности, так и остатки культуры середины и третьей четверти I тысячелетия н. э., близкие упомянутым выше Посудичам и Смольяни и еще более близкие среднеднепровским раннесредневековым поселениям.

Все это позволило П. Н. Третьякову выдвинуть новую концепцию древней истории и этногенеза восточного славянства. Основные положения ее таковы: накануне нашей эры восточнославянские группировки занимали широкие пространства в Среднем Поднепровье, оставив древности зарубинецкого типа. В начале нашей эры в результате начавшегося «переселения народов» их главные центры переместились в южные и восточные области Верхнего Поднепровья, занятые ранее восточнобалтийским населением. Середина и третья четверть I тысяче-

летия н. э. были временем, когда в Верхнем Поднепровье развернулся процесс ассимиляции балтов славянами, имевшими более высокий уровень культуры и общественного строя. Одновременно днепровские славяне начали расширять свою территорию в южном направлении в области Среднего Поднепровья, обезлюдившей в послечерняховское время. В конце I тысячелетия н. э. они объединились здесь в обширный союз — «Русскую землю». Области Поднепровья и Волыни в то время принадлежали славянам другого происхождения (культура Корчак).

Вместе с тем П. Н. Третьяков пришел к выводу, что древняя история славянских племен не может получить объективного освещения без изучения их соседей, прежде всего балтийских, финно-угорских и сармато-аланских племен. Все они в той или иной мере были компонентами древнерусской народности. Эти представления были изложены П. Н. Третьяковым в ряде статей и в книге «Финно-угры, балты и славяне на Днепре и Волге» (1966), представляющей собой капитальное исследование, основанное на археологических источниках с привлечением данных языкознания, антропологии и этнографии. В целом эта работа поражает смелостью интересных научных гипотез, огромной эрудицией и доступностью изложения. Исследование охватывает огромный период времени, от эппалеолита до средневековья. Показано, что даже самая северная группа — финно-угорские племена — сложилась в результате очень сложных взаимодействий и передвижений исконных племен лесной полосы европейской части СССР и племен Приуралья и Зауралья. Намечены основные пути развития балтских племен из протоевропейцев лесной зоны и очерчены их группы. Дана картина возникновения культур

текстильной керамики в Поволжье и балтских племен с гладкостенной и штрихованной керамикой в Поднепровье. Определено время сложения славянских племен в Поднепровье и намечены основные пути их продвижения на север. Освещена роль славян в эпоху переселения народов и показана вся сложность славянского этногенеза в середине и второй половине I тысячелетия н. э. в северных областях Верхнего Поднепровья и в Волго-Окском междуречье.

В настоящее время им завершена работа над книгой «У истоков древнерусской народности», которая является как бы продолжением предыдущего труда, а также подготовлен к печати второй том «Материалов и исследований по археологии СССР», посвященных зарубинецкой культуре, в котором представлены работы украинских, белорусских и ленинградских археологов.

Одновременно с научной деятельностью Петр Николаевич Третьяков ведет преподавательскую работу на кафедре археологии исторического факультета Ленинградского государственного университета, продолжает руководить аспирантами. Многие его ученики являются крупными исследователями.

Более 40 лет творческого научного труда Петра Николаевича Третьякова получили широкое признание. Он автор около 140 печатных работ, ряд их переведен и опубликован за рубежом. Он является членом Польского археологического общества. Он член Ученого совета Государственного музея этнографии народов СССР, лектор общества «Знание».

Отмечая 60-летний юбилей одного из ведущих русских археологов, его коллеги, ученики и друзья желают Петру Николаевичу Третьякову здоровья и бодрости, новых открытий и больших творческих успехов.

Е. А. Шмидт

СПИСОК РАБОТ П. Н. ТРЕТЬЯКОВА

(Без мелких статей в газетах,
журналах и энциклопедиях)

1931 г.

1. Из материалов Средневожской экспедиции. СГАИМК, № 3, стр. 13—16.
2. Костромские курганы. ИГАИМК, т. X, вып. 6-7, стр. 1—38.

1932 г.

3. Средневековые городища ЧАССР. СГАИМК, № 5-6, стр. 62—66.
4. Подсечное земледелие в Восточной Европе. ИГАИМК, т. XIV, вып. 1, стр. 1—39.
5. Сектор доклассового общества ГАИМК. СГАИМК, № 3-4, стр. 74—75.
6. Сектор доклассового общества ГАИМК в 1932 г. СГАИМК, № 11-12, стр. 74—75.

1934 г.

7. 25-летие научно-педагогической деятельности проф. П. С. Рыкова. «Проблемы истории докапиталистических обществ», № 11-12, стр. 153—154.
8. Рецензия на кн. В. А. Городцова «Старшее Каширское городище». СЭ, № 4, стр. 146—148.

1935 г.

9. К истории доклассового общества Верхнего Поволжья. ИГАИМК, вып. 106, стр. 97—180.
10. Первобытная охота в Северной Азии. ИГАИМК, вып. 106, стр. 220—262.
11. Работы на строительстве Ярославской гидроэлектростанции (Средневожстрой). ИГАИМК, вып. 109, стр. 100—120, 135—144.

1937 г.

12. Расселение древнерусских племен по археологическим данным. СА, № IV, стр. 33—51.
13. Калужская экспедиция ГАИМК 1936 г. СА, № IV, стр. 328—330.
14. Экспедиция по изучению «арктического палеолита». СА, № II, стр. 227—228.

1939 г.

15. Экспедиция по изучению памятников бассейна р. Ворсклы. КСИИМК, вып. I, стр. 22.
16. Верхневожская экспедиция. КСИИМК, вып. I, стр. 17.
17. Археологические памятники восточнославянских племен в связи с проблемой этногенеза. КСИИМК, вып. II, стр. 3—5.
18. Памятники первого тысячелетия до н. э. в Верхнем Поволжье. КСИИМК, вып. II, стр. 24—26.
19. Северная половина Европейской части СССР в I тысячелетии до н. э. Культура городищ. Проис-

хождение славян. Венеты, склавены и анты. Племена северных и северо-восточных областей Европейской части СССР в VIII—X вв. н. э.—разделы «Истории СССР», ч. I—II, стр. 382—391; ч. III—IV, стр. 202—213, 470—479.

20. Древнейшее прошлое Верхнего Поволжья. «Очерки по истории Верхнего Поволжья в эпоху первобытнообщинного строя». Ярославль, стр. 1—72.

1940 г.

21. К вопросу об энеолитических памятниках Верхнего Поволжья. СА, № V, стр. 101—106.
22. Предисловие (памяти А. В. Шмидта) к сб. «Археологические памятники Урала и Прикамья». МИА, № 1, стр. 7—9.
23. Некоторые вопросы этногонии восточного славянства. КСИИМК, вып. V, стр. 10—16.
24. Новые данные по энеолиту Верхнего Поволжья. «Бюллетень Комиссии по изучению четвертичного периода», № 6-7, стр. 39—41.

1941 г.

25. К истории племен Верхнего Поволжья в I тыс. н. э. МИА, № 5, стр. 1—150.
26. Отчет об археологических работах в долине р. Оки. Сб. «Археологические исследования в РСФСР в 1934—1935 гг.» М., стр. 40—58 (в соавторстве с М. В. Воеводским и М. М. Герасимовым).
27. Отчет об археологических исследованиях на Бологовском озере. Там же, стр. 69—70.
28. Деревня Матаколя. Там же, стр. 18 (в соавторстве с А. В. Мачинским и А. П. Кругловым).
29. Отчет об археологических исследованиях в Ярославской области. Там же, стр. 75—85.
30. Северные восточнославянские племена. МИА, № 6, стр. 1—55.
31. Неолитические памятники Молого-Шекснинской низменности. «Труды Советской секции Международной ассоциации по изучению четвертичного периода», т. 5, стр. 147—155.

1945 г.

32. Древнерусские поселения на Дону. Рефераты научно-исследовательских работ за 1944 г. ОИФ АН СССР, стр. 29—30 (в соавторстве с П. П. Ефименко)..
33. Восточнославянские племена накануне образования Киевского государства. «Известия АН СССР, серия истории и философии», т. 2, № 3, стр. 159—168.
34. Archaeological studies in the origin of the Eastern Slavs. VOKS, Bulletin № 6. М., стр. 21—28.

35. Славянская (Днепровская) экспедиция 1940 г. КСИИМК, вып. X, стр. 120—124.
1946 г.
36. Балканская археолого-этнографическая экспедиция. «Известия АН СССР, серия истории и философии», т. 3, стр. 279—284.
37. Patanja stare istorije slovenstva u radovima sovjetskih naučnika. «Југославија — СССР», № 5. Београд, стр. 16—17.
38. Восточнославянские племена в свете археологических исследований последних лет. КСИИМК, вып. XIII, стр. 39—44.
1947 г.
39. Рецензия на книгу академика Б. Д. Грекова. «Крестьяне на Руси». «Известия АН СССР, серия истории и философии», т. 4, № 2, стр. 186—188.
40. Стародавні слов'янські городища у верхній течії Ворскли. «Археологія», т. I. Київ, стр. 123—140.
41. Источнославянските племена в навечернето на възникването на Староруската държава. «Трудове на секцията за славянска археология Археол. Института Българск. Акад. на науките», кн. 1. София, стр. 30—47.
42. Анты и Русь. СЭ, № 4, стр. 71—83.
43. Древнейшие городища Верхнего Поволжья. СА, № IX, стр. 61—78.
44. Днепровская экспедиция. КСИИМК, вып. XXI, стр. 98—99.
1948 г.
45. Восточнославянские племена. М.
46. Древнерусские поселения на Дону. МИА, № 8, стр. 1—128 (в соавторстве с П. П. Ефименко).
47. Восточнославянские черты в быту населения Придунайской Болгарии. СЭ, № 2, стр. 170—183.
48. Памятники древнейшей истории Чувашского Поволжья. Чебоксары, стр. 1—76.
49. Сельское хозяйство и промыслы. «История культуры Древней Руси», т. 1, стр. 47—77.
50. Описание находок из раскопок в Старой Ладге, произведенных Н. И. Решниковым в 1909—1913 гг. Сб. «Старая Ладога». Л., стр. 71—139 (в соавторстве с Г. П. Гроздиловым).
51. Звіт про археологічні дослідження 1946 р. в басейні річок Росі і Тясмину. «Археологічні пам'ятки УРСР», т. 1, стр. 223—236.
52. Археологические памятники древнерусских племен. «Ученые записки Ленинградского государственного университета», № 85, серия исторических наук, вып. 13, стр. 258—285.
53. Plemiona wschodnio-słowiańskie. Warszawa, стр. 1—243.
54. Некоторые вопросы происхождения народов в свете произведений И. В. Сталина о языке и языкознании. ВИ, № 10, стр. 3—18.
55. Вопрос о происхождении чувашского народа в свете археологических данных. СЭ, № 3, стр. 44—53.
56. Вопрос о происхождении чувашского народа. «Тезисы докладов на Объединенной сессии ОИФ АН СССР и Чувашского научно-исследовательского института». Чебоксары, стр. 3—6.
57. Эпипалеолитические поселения Скнятинских дюн. МИА, № 13, стр. 15—25.
1951 г.
58. Вопросы происхождения славян в свете трудов И. В. Сталина о языке и языкознании. «Тезисы докладов на сессии ОИФ и пленуме ИИМК, посвященном итогам археологических исследований 1946—1950 гг.» М., стр. 15—21.
59. Восточнославянские племена и вопросы происхождения славян. «Тезисы докладов и выступлений сотрудников ИИМК, подготовленных к совещанию по методологии этногенетических исследований». М., стр. 9—15.
60. Восточнославянские племена и вопросы происхождения славян. «Тезисы докладов на пленуме ИИМК, посвященном вопросам археологии Прибалтики 1951 г.» М., стр. 3—9.
61. Některé otázky ethnogeneze ve světle del J. V. Stalina o jazyce a jazykovědě. «Sovětska věda», N 3. Brno, стр. 3—23.
62. Об итогах дискуссии о периодизации истории СССР. ВИ, № 3, стр. 53—60.
63. О некоторых вопросах истории народов Средней Азии. ВИ, № 4, стр. 3—15 (в соавторстве с А. В. Лихолотом).
1952 г.
64. Питання походження слов'ян у світлі праць І. В. Сталіна про мову і мовознавство. «Вестник АН УССР», № 7, стр. 9—15.
65. Древлянские «градцы». «Сборник, посвященный академику Б. Д. Грекову в день семидесятилетия». М., стр. 64—68.
66. О происхождении славян. «Славяне», № 7. М., стр. 26—32.
67. Vyznam prace I. V. Stalina o marxismu v jazykovědě pro historickou vědu. «Sovětska věda». Historie, N 1. Praha, стр. 31—43.
68. Základné momenty dějin SSSR. Там же, стр. 43—52.
69. Nové poznatky o dávnych civilisacích na uzeme SSSR. Там же, стр. 52—67.
70. Конференция польских историков. «Вестник АИ СССР», № 6, стр. 81—86.
71. Железный век. БСЭ, т. 15, стр. 646—650.
1953 г.
72. Вопросы происхождения славян в свете трудов И. В. Сталина о языкознании. «Доклады VI научной конференции Института археологии АН УССР». Киев, стр. 29—39.
73. Вопросы этнографии северных восточнославянских племен. «Тезисы докладов на сессии ОИФ и пленуме ИИМК, посвященных итогам археологических исследований 1952 г.» М., стр. 23—30.
74. Znaczenie prac Józefa Stalina o zagadnieniach językoznawstwa dla nauki historii. «Pierwsza konferencja metodologiczna historyków polskich», т. 1. Warszawa, стр. 65—78; 147—150; 266—272.
75. Конгресс венгерских историков. ВИ, № 7, стр. 72—82 (в соавторстве с А. М. Панкратовой и Е. В. Тарле).
76. Восточнославянские племена. Изд. 2, переработанное и расширенное. «Научно-популярная серия АИ СССР», стр. 1—312.
77. К семидесятилетию З. Р. Неядлы. «Краткие сообщения Института славяноведения АН СССР», № 11, стр. 10—15.
78. Произведения И. В. Сталина о языке и языкознании и некоторые вопросы этногенеза. Сб. «Против вульгаризации марксизма в археологии». М., стр. 19—50.
79. У истоков Древней Руси. Сб. «По следам древних культур», т. 1. М., стр. 9—34.
80. О происхождении славян. ВИ, № 11, стр. 69—82.
81. Вступительное слово на совещании по болгарскому языкознанию. «Краткие сообщения Института славяноведения АН СССР», № 10, стр. 7—8.

1954 г.

82. Конференция чехословацких историков. ВИ, № 1, стр. 184.
83. Первобытнообщинный строй. «История Польши», т. I. М., стр. 15—26 (в соавторстве с В. Д. Королюком).
84. Раннеславянская культура в Верхнем Поднепровье. КСИИМК, № 55, стр. 11—16.

1955 г.

85. O praci Ustavu slavistiky Akademie věd SSSR. «Slovanský přehled», № 1. Praha, стр. 17—18.
86. Раннеславянские поселения и могильники на территории Белоруссии. КСИА АН УССР, № 4, стр. 49—51.

1956 г.

87. Спорные вопросы этнического развития восточных славян. «Тезисы докладов на сессии ОИИ и пленуме ИИМК, посвященных истокам археологических исследований 1955 г.». М.—Л., стр. 3—8.
88. Племена лесной полосы Европейской части СССР во II тыс. до н. э. Распад первобытнообщинного строя и возникновение классового общества на территории СССР. Раннеславянские племена. Восточные и западные славянские племена на рубеже н. э.— главы и разделы в «Очерках истории СССР», т. I. М., стр. 159—168, 179—185, 362—372, 518—530.
89. Славяне. БСЭ, т. 39, стр. 291—295 (в соавторстве с А. Я. Манусевичем).
90. Славяноведение. БСЭ, т. 39, стр. 296—302.
91. Первобытнообщинный и рабовладельческий строй на территории Чехословакии. «История Чехословакии», т. I. М., стр. 13—38.
92. Любор Нидерле и его «Славянские древности». Вступительная статья в кн. Л. Нидерле «Славянские древности». М., стр. 5—12.

1957 г.

93. К вопросу об этническом составе населения Волго-Окского междуречья в I тыс. н. э. СА, № 2, стр. 64—77.
94. Początki Dawnej Rusi. «Sladami dawnych kultur». Warszawa, стр. 7—41.
95. О деятельности Института славяноведения АИ УССР. «Beogradski metunarodni slavist. sastanak». Beograd, стр. 283—288.

1958 г.

96. Итоги археологического изучения восточнославянских племен. «Доклады IV Международного съезда славистов». М., стр. 1—35.
97. Городища-святилища левобережной Смоленщины. СА, № 4, стр. 170—186.
98. Волго-Окская топонимика и некоторые вопросы этногенеза финно-угорских народов Поволжья. СЭ, № 4, стр. 9—17.
99. Общественный и политический строй восточнославянских племен в первой половине I тысячелетия. «Очерки истории СССР», т. 2. М., стр. 90—99.
100. U kolébky Staré Rusi. Praha, стр. 1—347.

1959 г.

101. Введение к сб. «Памятники зарубинецкой культуры». МИА, № 70, стр. 5—10.
102. Чаплинское городище. Там же, стр. 119—153.

1960 г.

103. Локальные группы верхнеднепровских городищ и зарубинецкая культура. СА, № 1, стр. 36—46.
104. Работы Верхнеднепровской археологической экспедиции 1957 г. КСИА, вып. 79, стр. 80—82.
105. Моховское второе городище. КСИА, вып. 81, стр. 43—48.
106. Новые данные о зарубинецкой культуре в Поднепровье. «Slavia antiqua», t. 7. Warszawa, стр. 13—34.

1961 г.

107. У истоков этнической истории финно-угорских племен. СЭ, № 2, стр. 76—93.
108. Новые данные о Великоморавском государстве. ВИ, № 5, стр. 72—80.
109. Абашевская культура в Поволжье. МИА, № 97, стр. 43—110 (в соавторстве с П. П. Ефименко).
110. Абашевская культура. «Památky archeologické», т. I. П. Praha, стр. 374—383.

1962 г.

111. Бологовское городище. КСИА, вып. 87, стр. 36—41.
112. Этногенетический процесс и археология. СА, № 4, стр. 3—16.
113. Рецензия на кн. Е. И. Горюновой «Этническая история Волго-Окского междуречья». СА, № 4, стр. 258—269.
114. Средневековые займища Смоленщины. «Историко-археологический сборник». М., стр. 237—242.

1963 г.

115. Памятники зарубинецкой культуры в Верхнем Поднепровье. «Munera Archaeologica J. Kostrzewski». Poznań, стр. 285—290.
116. Введение к сб. «Труды Горьковской археологической экспедиции». МИА, № 110, стр. 3—8.
117. Позднемезолитические местонахождения Костромского и Ярославского Поволжья. Там же, стр. 9—24.
118. Древнерусский город Клещин. Сб. «Проблемы общественно-политической истории России и славянских стран». М., стр. 49—53.
119. Финно-угры, балты и славяне в области верхнего течения Днепра и Волги. Сб. «История, фольклор, искусство славянских народов». М., стр. 3—33.
120. Древние городища Смоленщины. В кн.: П. Н. Третьяков, Е. А. Шмидт. Древние городища Смоленщины. М.—Л., стр. 3—140.
121. Procesul de etnogeneză și arheologia. «Analele Romîno-Sovietice Istorie», № 2 (42). București, стр. 90—104.

1964 г.

122. К вопросу о балтах и славянах в области Верхнего Поднепровья. «Slavia Antiqua», t. XI. Warszawa — Poznań, стр. 1—35.
123. К вопросу о возникновении и древнейшей истории финно-угорских племен Поволжья. «Научная сессия по этногенезу мордовского народа (тезисы докладов)». Саранск, стр. 3—6.

1965 г.

124. Новые археологические данные по этнической истории восточнославянских племен в I тыс. н. э. «Тезисы докладов советской делегации на I Международном конгрессе славянской археологии в Варшаве». М., стр. 3—7.
125. О древностях середины и третьей четверти I тысячелетия в южных частях Верхнего Поднепровья. СА, № 4, стр. 63—77.
126. К вопросу о возникновении и древней истории финно-угорских племен Поволжья. Сб. «Этногенез мордовского народа». Саранск, стр. 7—17.

1966 г.

127. Сосуд из Борани. СА, № 1, стр. 263—265.
128. Финно-угры, балты и славяне на Днепре и Волге. М.—Л., стр. 1—307.
129. Конгресс по славянской археологии в Варшаве. «Вестник АН СССР», № 2, стр. 127—129.
130. Конгресс археологов-славистов в Варшаве. «Советское славяноведение», № 3, стр. 107—111.
131. О ранних и поздних городищах дьякова типа. «Pronksiajast varase feodalismini». Tallin, стр. 192—197.
132. Основные итоги работ Верхнеднепровской археологической экспедиции. Сб. «Древности Белоруссии». Минск, стр. 114—126.

1967 г.

133. Археологические обследования в Черниговской обл. Сб. «Археологические открытия 1966 г.» М., стр. 238—239.
134. Восточные славяне и балтийский субстрат. СЭ, № 4, стр. 110—118.
135. О формировании северной ветви древнерусской народности. Сб. «Смоленск. К 1100-летию первого упоминания города в летописи». Смоленск, стр. 27—41.

1968 г.

136. Академик Ян Айзнер. СА, № 1, стр. 322.
137. Исследования в Среднем Подесенье. Сб. «Археологические открытия 1967 г.» М., стр. 236—237.
138. Яндашевская стоянка. СА, № 2, стр. 126—135 (в соавторстве с П. П. Ефименко).
139. О древнейших русах и их земле. Сб. «Славяне и Русь». М., стр. 179—187.
140. Зарубинецкая культура и поднепровские славяне. СА, № 4, стр. 58—68.
141. Памяти В. И. Смирнова. Там же, стр. 239—243 (в соавторстве с Л. С. Китицной).

В. ХЕНСЕЛЬ ПРЕДПОЛАГАЕМОЕ ВЛИЯНИЕ
(Варшава) ХЕТТОВ НА ЛУЖИЦКИЕ ПЛЕМЕНА

В настоящее время хорошо известно, что начало раннего каменного века в Европе было тесно связано с этническими перемещениями или культурным влиянием из Малой Азии, а также из различных восточных средиземноморских стран. Все больше и лучше мы ориентируемся в том, насколько сильны были инфильтрации хеттов, которые распространялись до территории Средней Европы¹ около XV в. до н. э.

Однако нет достоверных данных, которые указывали бы на контакты этого стойкого народа с племенами лужицкой культуры.

Хетты, а также тохары принадлежали к тем племенам, которые раньше всех разорвали союз с праиндоевропейским сообществом². Нет сомнения в том, что около 1800 г. до н. э. хетты заселяли Малую Азию, причем предполагают, что они передвинулись сюда из района Каспийского моря. Около 1600 г. до н. э. было создано так называемое Старое царство. Наивысшего расцвета оно достигло в период владения Хаттусиля I (около 1570—1530 гг.) и Мурсилы I. Позднее оно пришло в упадок.

Конец беспорядкам положил Телепин около 1480 г. до н. э., во время владения которого был разработан довольно гуманный кодекс законов, насчитывающий около 200 статей. Старое царство пришло в упадок около 1450 г. до н. э. Так называемое Новое царство существовало примерно до 1200 г. до н. э., когда оно распалось при невыясненных обстоятельствах. Необходимо заметить, что около 1400—1200 гг. отмечается второй период расцвета анатolianской металлургии³. До конца VIII в. до

н. э. сохранилось в Северной Сирии несколько мелких царств, которые были разрушены ассирийцами.

Эти данные о хеттах я нахожу нужным привести для того, чтобы напомнить о том, что как независимый организм они существовали около тысячи лет. Почти столько же лет существовала археологическая лужицкая культура. Разница есть только во времени, а именно: хетты на арене деятельности появились раньше и раньше исчезли. Лужицкая же культура появилась и исчезла позднее. Период существования лужицкой культуры совпадает с существованием так называемого Нового царства, а также различных малых хеттских царств, а упадок относится к тому периоду, когда деятельная роль хеттов уже уменьшалась.

Какие же мы имеем предпосылки, которые позволяли бы нам предполагать о существовании связей между хеттами и лужицкой культурой? Можно сразу сказать, что эти связи были очень слабые. Археолог, который должен реконструировать прошлое, не может пренебречь исследованием едва мерцающего луча света даже в том случае, если в конечном итоге окажется, что этот луч является следом не жилища или очага кочующего племени, а только маленьким зернышком. Поскольку существуют малые факты, необходимо изучить их, даже если изучение это даст отрицательный результат.

В настоящей статье, которую я с удовольствием помещаю в книгу, издаваемой по случаю юбилея моего выдающегося коллеги профессора П. Н. Третьякова, члена-корреспондента Академии наук СССР, я предпринимаю попытку осветить одну из таких проблем, которая позволит глубже узнать генезис некоторых нарративных гравировок, с которыми мы встречаемся в лужицкой культуре. Эту тему я выбрал специально. Я хотел таким образом подчеркнуть заслуги Петра Николаевича в области изучения лужицкой культуры, а одновременно осветить вопрос, который его очень интересует, то есть все связанное с духовной культурой лужицких племен. Насколько правильны суждения, высказанные в настоящей статье, покажут последующие более подробные исследования.

¹ A. Morsolts. Goldfunde des Depotfundhorizontes von Hajdusamson, 46—47. «Bericht der Römisch-Germanischen Kommission, 1965—1966». Frankfurt am Main, 1968, стр. 45.

² T. Milewski. Zarys językoznawstwa ogólnego, cz. 2, z. I. Lublin — Kraków, 1948, стр. 224; K. Tymieniecki. Ziemia polskie w starożytności. Poznań, 1951, стр. 305.

³ S. Przeworski. Opera selecta. Wrocław — Warszawa — Kraków, 1967, стр. 304. С. Пшеворский принимает за начало расцвета 1500 год, но эта дата соответствовала состоянию исследований, когда книга отдавалась в печать, то есть в 1939 г.; переиздание книги было сделано в 1967 г.

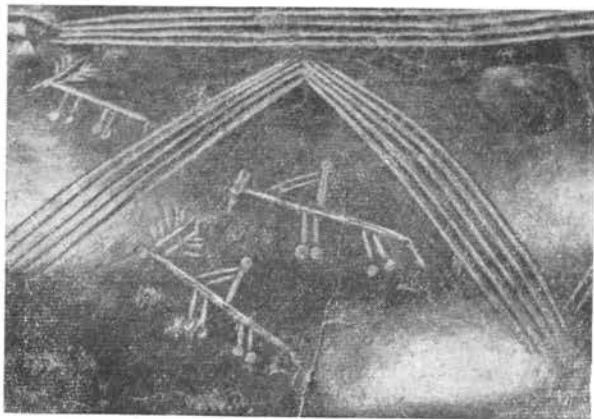

Р и с. 1.

Лазы, повят Волув. Глиняный сосуд с наррационной гравировкой. Фото Т. Биневски

Несколько лет назад, подготавливая оценку пранстории польских земель⁴, я должен был пересмотреть наново различные суждения, высказанные ранее в литературе по данному предмету, связанные с развитием различных археологических праисторических культур на польских землях. Поэтому понятно, что среди них должны были неминуемо оказаться вопросы, связанные с искусством народов лужицкой культуры, а главным образом вопросы, касаю-

⁴ W. Hensel. *Ziemia polskie w pradziejach*. Warszawa, 1969.

Р и с. 2.

Лазы, повят Волув. Часть наррационной гравировки сосуда, изображенного на рис. 1.

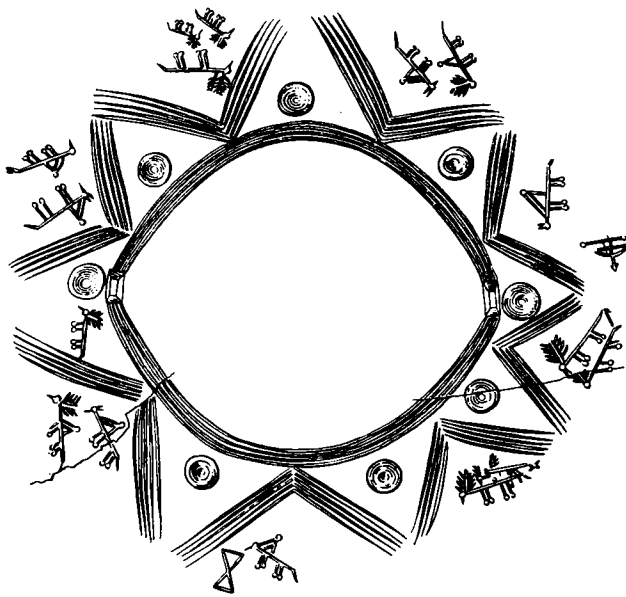
щиеся так называемых наррационных гравировок. В литературе, опубликованной ранее по данному предмету, наррационные гравировки интерпретировались в основном как сцены охоты, причем им часто приписывался магический характер⁵.

Существовало суждение, что они должны были быть тесно связаны с так называемой магией симпатии, другими словами, они должны были способствовать успешной охоте. Эти обобщающие интерпретации не вытекают, однако, из подробного анализа гравировок.

Не задавали себе также вопроса, почему на этих сценах повторяется только охота на оленей, а нет изображения охоты на более крупных животных, которые были опаснее оленей; поимка же этих зверей имела большое значение для жизни племен того времени. Более внимательный анализ наррационных гравировок позволил впервые выдвинуть существенное утверждение, а именно, что их нельзя «собрать в одну кучу». В нижеследующих рассуждениях я ограничусь обсуждением одной наррационной гравировки, с которой мы встречаемся в границах лужицкой культуры. Я имею в виду сцену, изображенную на наррационной гравировке на натертом графитом глиняном сосуде с могильника лужицкой культуры в местечке Лазы (повят Волув в Силезии), относящейся к гальштатскому периоду.

К этому вопросу можно отнести по-разному, то есть принять старую точку зрения исследователей или же признать, что необходимо взглянуть на это положение иначе. В первом случае мы имели бы перед собой наррационную гравировку, вмонтированную в треугольник в виде ожерелья (рис. 1, 2); во втором случае мы имели бы дело с фигуркой, напоминающей многоконечную звезду, — наррационная гравировка размещена по краям. Я лично склонен поддерживать вторую гипотезу, причем следовало бы подчеркнуть такое обстоятельство, что кроме звезды мы имеем дело с попыткой представить ореол. Таким образом, в самом геометрическом мотиве скрыты независимые от фигуральных замыслов различные интересные проблемы, разрешение которых не является темой настоящей статьи. Во всяком случае, хотя бы часть этих замыслов, например тарелочные украшения в верхней части выступа, ассоциируется, несомненно, с культом Солнца, что уже

⁵ E. Petersen. *Schlesien von der Eiszeit bis ins Mittelalter*. Langensalza, 1936, стр. 111; W. Hołubowicz. *Śląsk w epoce wspólnoty pierwotnej*; K. Maleszyski. *Historia Śląska*, c. I. Wrocław, 1960, стр. 93.

Р и с. 3.

Лазы, повят Волув. Увеличенная гравировка с сосуда, изображенного на рис. 1

подчеркивалось в литературе по данному предмету. Самой наррационной гравировки, помещенной чуть выше излома выступа, я не буду здесь описывать подробно. Ее хорошо видно на рис. 3. Напомню только, что здесь мы имеем дело с изображением всадников как на конях, так и на оленях, с двумя парами соединенных между собой оленей, а также как бы с парой оленей с молодыми оленятами. Почти на все вышеупомянутые черты правильно обращено внимание в литературе по данному предмету.

Следует, может быть, только добавить, что обстоятельство наличия всадников на оленях пробовали объяснить или ошибкой художника⁶, или использованием в охоте прирученных оленей⁷. Автор этой статьи в одной из своих последних работ⁸ пытался указать на возможность представления в таком случае коней с оленьими масками, а также на возможность соединения этих фигур под влиянием хеттов на религию лужичан.

Иногда случается, что различные исследователи (автор этой статьи также был введен в заблуждение⁹, принимая гипотезу, что орна-

менты из Лаз представляют сцену охотничьего обряда) не принимают во внимание таких обстоятельств: 1) две пары оленей связаны между собой, 2) в охоте принимал участие только один вооруженный человек. Всадники изображены без оружия. Конечно, можно предположить, что это была охота с лассо, что, однако, маловероятно. Вернее считать, что перед нами одна из обрядовых сцен, связанных с широко распространенным в различных религиях первобытных людей культом оленя¹⁰; культ этот, видимо, существовал и у народов лужицких. Пережитки этого явления известны также и на польских землях в более поздний период. С вышеупомянутой гипотезой согласовывалась бы точка зрения, что в действительности два всадника на сосудах из Лаз изображены не на оленях, а на конях с оленьими масками¹¹. Следует, однако, задать вопрос, является ли эта интерпретация обсуждаемых рисунков единственной (если отбросить точку зрения об ошиб-

¹⁰ S. Przeworski. Указ. соч., стр. 54.

¹¹ См., например, аналогии: М. П. Грязнов. Первый пазарыкский курган. Л., 1950, стр. 38—40, 84—85. Здесь я припомню взгляд Марра, что олень предшествовал коням как верховой зверь. По его мнению, слова, ранее означавшие «олень», стали значить «конь», он считает правдоподобным, что в культе олень предшествовал коню; другими словами, конь принял приписываемые ранее оленю черты. Это еще необходимо было бы проверить с точки зрения языкознания. Во всяком случае, исключается факт, что одна часть коней имела оленьи маски. Это отвечало бы ситуации, представленной на сосудах из Лаз. Одновременно необходимо заметить, что до последнего времени гравировки всадников интерпретируют так, как будто эти гравировки представляют всадников, сходящих в подземелье. Наличие их в Андоре связано с влияниями, проникающими с севера (M. C. Dewez. Nouvelles gravures rupestres dans les Pyrénées. «Acta Archaeologica Carpathica», t. IX, 1967 (1968), ст. 128). Известно, что в эгейской пиктографической письменности имеются знаки, изображающие всадников на конях (K. Majewski. Knossos i Mykeny — u kolebki cywilizacji europejskiej. Wrocław — Warszawa, 1948, стр. 60; E. Salin. Quelques objets rares du Haut Moyen Age. Academie des Inscriptions et Belles-Lettres, Comptes Rendus des Séances de l'Année 1967. Paris, 1968, стр. 398) («Pour des civilisations fort différentes dont les unes ont pus néanmoins influencer directement ou indirectement les autres l'image du cerf est liée a l'idée d'immortalité. Tantôt le cerf est le protecteur des défunts et leur conducteur dans l'au — delà. Tantôt il s'abreuve a la boisson d'immortalité. De tels concepts se rattachent à de vieilles croyances naturistes dont on trouve en Orient des vestiges très anciennes... «Les croyances se retrouvent en Gaule, témoin un bas — relief du Musée de Beaune où l'on voit un dieu et une déesse présentant chacun dans un gobelet la boisson d'immortalité à un cheval (le cheval est souvent associé au cerf) cependant qu'à leurs pieds deux cerfs s'approchent d'une vasque afin d'y boire»).

⁶ Не исключает такой возможности В. Голубович (W. Hołubowicz. Указ. соч.).

⁷ E. Petersen. Указ. соч.

⁸ W. Hensel. Указ. соч.

⁹ На сессии, посвященной проблематике языческого культа у славян, в Кельцах в 1967 г.

ке художника и об использовании прирученного оленя). Ответ последует отрицательный. У индоевропейских народов не однажды можно встретить изображения божеств на конях¹², а иногда божества изображались в образе людей, стоящих на различных зверях, в том числе и на оленях¹³. Но принятию этой гипотезы мешают три обстоятельства.

Первое — это вопрос, можно ли признать фигуру, изображенную на оленях, за стоящую фигуру. В этом мы не уверены. Необходимо вспомнить тот факт, что из времен лужицкой культуры нам известны такие примеры в области изобразительного искусства. К ним следует отнести глиняную фигуру зверя со стоящей на нем фигурой человека, найденную в Топорнице (повят Замость), датирующуюся концом бронзовой эпохи¹⁴ (рис. 4). Вероятно, орнамент, изображающий всадников на сосуде из Лаз, представляет собой стоящую фигуру без седла. Необходимо добавить, что положение всадника не может убедить нас отклонить гипотезу об обнаружении в этих гравировках хеттских влияний (при условии, что мы отбросим конвергенцию), так как, может быть, следует скорее думать, что влияние было косвенным; что касается непосредственного влияния, то легко представить возможность местных видоизменений. Этот факт окажется тем более реальным, если мы примем во внимание способ, при помощи которого изображено божество на орнаменте в виде наррационных гравировок из Швеции¹⁵.

Второе — это обстоятельство, что на основании данных, которые я имел в своем распоряжении¹⁶, раньше думали, что изображение божеств на оленях ограничивается хеттским периодом¹⁷.

Однако я думаю, что на основании этого нельзя исключить возможность существования культа такого рода вне территории, заселенной хеттами. Новые открытия или новый взгляд на некоторые проблемы часто заставляют нас изменить мнение, которое раньше было непоколебимым. Таким образом, даже этот аргумент не может послужить основанием для исключения предположения, что существует

¹² M. Stenberger. *Det forutida Sverige*. Stockholm, 1964, стр. 164, 248.

¹³ S. Przeworski. Указ. соч., стр. 51.

¹⁴ A. Gardawski, J. Gąssowski. *Polska starożytna i wczesnośredniowieczna*. Warszawa, 1961, стр. 78.

¹⁵ M. Stenberger. Указ. соч., рис. 104.

¹⁶ Возможно, что подробные исследования, которых я до сих пор не смог провести, изменят эту точку зрения.

¹⁷ S. Przeworski. Указ. соч., стр. 52. («Cette conception du cerf comme attribut divin est limitée au monde hittite»).

Рис. 4.

Топорница, повят Замость. Глиняная фигурка лужицкой культуры

связь между хеттами и лужицкой культурой.

Третье обстоятельство связано с утверждением о сравнительно слабых связях Малой Азии с территорией, занимаемой племенами лужицкой культуры. Но это не значит, что таких связей не существовало вообще.

Восточное средиземноморское влияние явно сказывается на примере фигурки, изображающей силуэт человека и голову зверя, из Дещна (рис. 5), на что было обращено внимание

Рис. 5.

Дещно, повят Гожув Велькопольски. Лужицкая глиняная фигурка

ранее¹⁸. К этой группе необходимо отнести некоторые другие памятники, опубликованные неоднократно в литературе по данному предмету. Если к этому добавим, что имеются также доказательства существования контактов с восточными средиземноморскими территориями в бассейне Балтийского моря (как в южной, так и в северной его части)¹⁹, то увидим, что действительно можно предполагать, что влияние хеттов распространялось на территории, занимаемые племенами с лужицкой культурой.

В этих условиях необходимо выдвинуть гипотезу, что лужицкому обществу не было чуждо изображение божеств в образе всадников. Далее, правдоподобна точка зрения, что такое изображение божеств было заимствовано из Ма-

лой Азии, вероятно, от хеттов. Лужицкие племена могли познакомиться с ними непосредственно или через другие народы. Последнее предположение более вероятно.

Проблема, которую я затронул в настоящей статье, имеет большое значение не только для дискуссии о контактах племен лужицкой культуры с Малой Азией, но и для более глубокого понимания некоторых сторон их религиозной жизни²⁰.

В том случае, если моя гипотеза о том, что вышеупомянутые фигурки и гравировки представляют лужицких богов²¹, подтвердится, следует отбросить утверждение о том, что нет достаточных оснований судить, что у лужицкого населения (в более поздних группах) не имеет места антропоморфизация божеств в предметах культа²².

Выяснение вопроса о влиянии хеттских племен на религию лужицких народов имеет большое значение для понимания общего пути развития племен, принадлежащих к этой культуре.

²⁰ Об этих аспектах и предполагаемых мной ранее связях с хеттами см. также: *W. Hensel. Rec.: A. Gieysztor. Mythologie slave. «Slavia Antiqua», t. 14, 1967, стр. 367.*

²¹ Понятно, как в свое время утверждал С. Пшеворский (*S. Przeworski. Указ. соч., стр. 51*), что таким же образом могли почитать разных местных божеств в различных районах.

²² *W. Holubowicz. Указ. соч., стр. 96.*

Э. А. СИМОНОВИЧ ЗАРУБИНЕЦКАЯ И ЧЕРНЯХОВСКАЯ КУЛЬТУРЫ (Москва) В ПОДНЕПРОВЬЕ

Вопрос о связях зарубинецкой и черняховской культур имеет большое значение для правильного понимания проблемы происхождения черняховских памятников и для изучения позднезарубинецких или послезарубинецких памятников в целом. Последние работы П. Н. Третьякова и разгоревшаяся вокруг них полемика делают эту проблему насущной¹. Вопрос о противопоставлении двух основных культур полей погребальных урн для территории Украины ранее не возникал ни в русской, ни в зарубежной дореволюционной и даже довоенной литературе². В настоящее время появилась тенден-

ция только противопоставлять обе группы памятников, что заставляет вернуться к анализу их признаков и сравнению обеих культур во всех деталях. Определение зарубинецкой культуры, предложенное Д. А. Мачинским, не может считаться удовлетворительным, так как девять названных им признаков не являются типичными для всех территорий и всего периода существования зарубинецких памятников³.

Тем не менее обращает на себя внимание, что большая часть отмеченных в качестве характерных для зарубинецкой культуры признаков, по крайней мере шесть из них, является

¹ *П. Н. Третьяков. Финно-угры, балты и славяне на Днепре и Волге М.—Л., 1966; он же. Зарубинецкая культура и поднепровские славяне. СА, 1968, № 4, стр. 58—68.*

² *В. В. Хвойка. Поля погребений в Среднем Поднепровье. ЗРАО, т. XII, вып. 1—2. СПб., 1904, стр. 172—*

190; М. Ю. Смишко. Відносно концепції про германську належність культури полів поховань. МДАПВ, вип. 3. Київ, 1961, стр. 59—76.

³ *Д. А. Мачинский. О происхождении зарубинецкой культуры. КСИА, вып. 107, 1966, стр. 3—4.*

типичной и для черняховской культуры. К ним относятся: единовременное в общем появление памятников зарубинецкого типа; бескурганые могильники, в которых сожженные кости очищены от остатков погребального костра (но следует заметить, что соотношение сожжений и труположений в зарубинецкой культуре иное, чем в черняховской, о чем будет речь ниже); фибулы, являющиеся характерной деталью одежды; роцетание грубой, шершавой и лощеной керамики; отсутствие в погребениях, как правило, оружия. Отличают эти культуры сильно ощутимые поморские элементы на первом этапе развития (что, заметим, является весьма спорным) и влияние кельтской и пшеворской культур на формирование памятников второго этапа — особенность, специфическая для черняховских памятников⁴. Другое заключение Д. А. Мачинского — об отсутствии социального и имущественного расслоения среди племен этой культуры — является проблематичным, поскольку наличие отдельных погребений с оружием в северозарубинецких памятниках противоречит этим положениям. Кроме того, наличие богатых и бедных инвентарем захоронений не раз отмечалось исследователями зарубинецкого этапа культуры полей погребений⁵. О сравнительно развитой социальной организации общества по сравнению с родовой больше семейной общиной, в частности, говорил П. Н. Третьяков⁶.

Наконец, выделение Д. А. Мачинским в качестве ведущего зарубинецкого признака для всех территорий больших горшков с гладким краем, валиком на плечиках и обычно нижней шершавой поверхностью нельзя считать обоснованным ни статистическими подсчетами (например, количественно ведущими для памятников полеской и верхнеднепровской групп следует признавать миски), ни типологическим анализом горшков, произведенным Ю. В. Кухаренко. Последний отметил специфику разных форм горшков для разных районов. При этом шершавая поверхность сосудов на поселениях и зарубинецких могильниках Верхнего Поднепровья, как он пишет, совсем не встречается и

довольно редка в районах Среднего Поднепровья⁷.

Исторически вполне естественно усиление социального расслоения по мере развития общества в римское время. Для этого времени характерен выбор новых мест поселений на укрепленных берегах рек и ручьев по мере ослабления угрозы местным племенам. Учитывая все это, можно допускать, что разделяющих черняховские и зарубинецкие памятники признаков станет еще меньше.

Однако более показательным для установления сходства или различия между двумя типами культур полей погребений мы считаем анализ конкретных археологических фактов, прежде всего тех, которые могут быть почерпнуты из материалов наиболее изученных в зарубинецких и черняховских памятниках могильников.

Прежде всего следует отметить, что открытые после Великой Отечественной войны верхнеднепровские и полесские зарубинецкие памятники во многом отличны от среднеднепровских⁸, что и позволило Ю. В. Кухаренко выделить их в самостоятельную локальную группу⁹. Как оказалось, в противоположность высказанному последним исследователем мнению, эти различия не хронологические. Д. А. Мачинский считает появление зарубинецкой культуры на всей территории ее распространения единовременным. Аналогичны выводы Е. В. Максимова и А. И. Кубышева, полученные в результате работ на Пироговском могильнике под Киевом¹⁰, а также в результате изучения античных привозных вещей в зоне распространения зарубинецких памятников¹¹. Кстати, отмеченное Е. В. Максимовым сходство некоторых хорошо датированных групп находок в пределах зарубинецких и черняховских памятников уже само по себе не позволяет говорить о хронологической разобщенности обеих культур, которую предполагал, к примеру, Ю. В. Кухаренко¹². О близости во времени обеих культур

⁷ Ю. В. Кухаренко. Зарубинецкая культура. САИ, вып. Д1 — 19. М., 1964, стр. 24—26.

⁸ В. П. Петров. Зарубинецько-корчуватівська культура Середнього Подніпров'я і синхронні культури суміжних територій. «Археологія», т. XII. Київ, 1961, стр. 74.

⁹ Ю. В. Кухаренко. Зарубинецкая культура, стр. 10—29.

¹⁰ А. И. Кубышев. Новый могильник зарубинецкой культуры. Сб. «Археологические открытия 1966 г.», М., 1967, стр. 226.

¹¹ Е. В. Максимов. Античний імпорт на Середньому Придніпров'ї в зарубинецький час. «Археологія», т. XV. Київ, 1963, стр. 110—122.

¹² Ю. В. Кухаренко. Памятники железного века на территории Полесья. САИ, Д 1—29. М., 1961, стр. 16—19. В качестве обособляющих моментов:

⁴ А. А. Спицын. Поля погребальных урн. СА, X, 1948, стр. 68—69; Э. А. Симонович. Об единстве и различиях памятников черняховской культуры. СА, XXIX—XXX, 1959; В. И. Бидзилья. Латенские традиции в черняховской культуре. КСИА, вып. 121. В печати.

⁵ Е. В. Мазно. Пам'ятки культури полів поховань черняхівського типу. «Археологія», т. IV. Київ, 1950, стр. 63.

⁶ П. Н. Третьяков. Чаплинское городище. МИА, № 70, 1959, стр. 152.

свидетельствует также наличие захоронений, сочетающих в своем инвентаре особенности присущие как тем, так и другим памятникам типа находки в Пищальниках¹³.

Подходя вплотную к сравнению культур предшествующего и последующего времени, укажем на необходимость, на наш взгляд, производить сопоставление на материалах прежде всего тех областей, где сочетаются памятники обоих типов, то есть зарубинецкие и черняховские. Если даже исключить вслед за И. И. Лапушкиным и Ю. В. Кухаренко из областей основного распространения зарубинецких памятников левобережье и территорию южнее р. Роси¹⁴, то и тогда область совпадения зарубинецких и черняховских памятников окажется весьма значительной.

В небольшой статье только вкратце возможно остановиться на некоторых важнейших характеристиках памятников, полагаясь на графическую выразительность рисунков. Данные для характеристики зарубинецких особенностей памятников Среднего Поднепровья почерпнуты из САИ, составленного Ю. В. Кухаренко.

В черняховское время был широко распространен обряд трупосожжения (до 50% всех захоронений на широко исследованных могильниках) (рис. 1, 1). Существовала определенная общность и некоторых деталей обряда (наличие кенотафов, захоронений черепов, сочетание урновых и ямных захоронений, широко рассыпанные по дну обожженные кости, обычай располагать сосуды на север и запад от костей, напоминающий о господствующих ориентировках черняховских трупоположений) (рис. 1, 2). Об этом же свидетельствуют сожжения, очищенные от остатков погребального костра, обставление сосудами кучки кальцинированных костей, как и в северных областях распространения черняховских памятников. Все это не может быть объяснено без материалов зарубинецкой культуры. Специально изучавшая черняховский обряд погребений с сожженными костяками Н. М. Кравченко пришла к выводу о значении для формирования обычаев черняховской кремации «особенностей зарубинецких сожжений»¹⁵.

для захоронений черняховского времени, найденных на зарубинецких могильниках, указаны цвет могильных ям, остатки угольков в поздних захоронениях и находки поврежденной огнем керамики.

¹³ В. П. Петров. Зарубинецкий могильник. МИА, № 70, 1959, стр. 56, рис. 9. Элементы, присущие обеим группам памятников, особенно широко представлены на Воляни (см.: Ю. В. Кухаренко. Волянская группа полей погребений. СА, 1958, № 4, стр. 226),

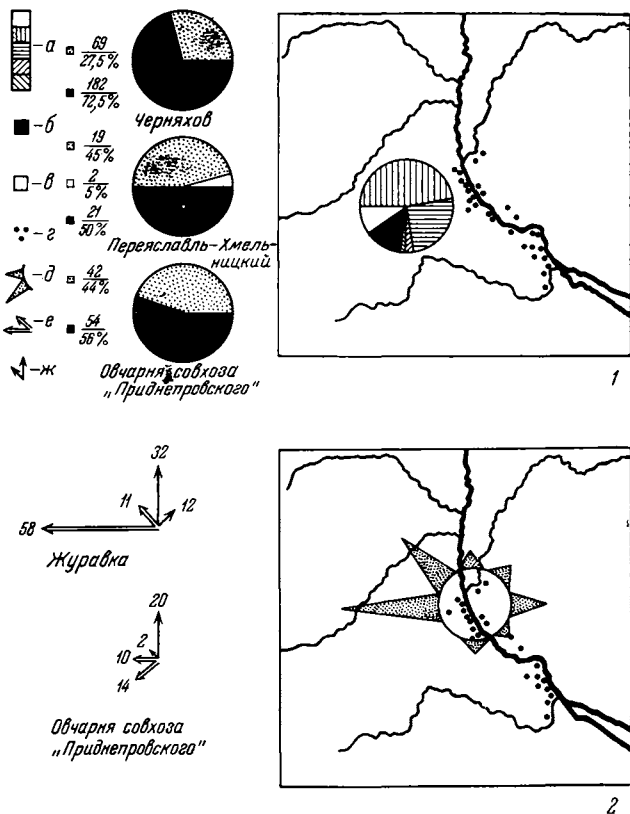

Рис. 1.

Таблица, характеризующая некоторые особенности обряда погребения черняховской и зарубинецкой (по Ю. В. Кухаренко) культур

1 — соотношение обряда погребения с сожжениями и с трупоположениями на некоторых главнейших могильниках Поднепровья (черняховские — слева; зарубинецкие — справа); 2 — господствующие ориентировки захоронений черняховских могильников (слева) и преимущественное расположение инвентаря в зарубинецких среднеднепровских могилах с сожжением (справа)

а — разные типы обряда с сожжениями; б — трупоположения; в — кенотафы; г — пункты мест находок зарубинецких среднеднепровских памятников; д — преимущественное расположение инвентаря в зарубинецких могилах в количественном выражении; е — господствующая группа ориентировок черняховских погребений, обращенных головами в западную сторону, с отклонениями; ж — другая господствующая группа ориентировок черняховских погребений, обращенных головами в северную сторону с отклонениями, как и предыдущая, данная в количественном выражении

однако и в Среднем Поднепровье как на правобережье, так и на левобережье имеются памятники с признаками, доказывающими связи обеих культур (Вишеньки, Ржищев, Новодоновка, Харьевка и др.).

¹⁴ Ю. В. Кухаренко. Зарубинецкая культура, стр. 8—9, рис. 1.

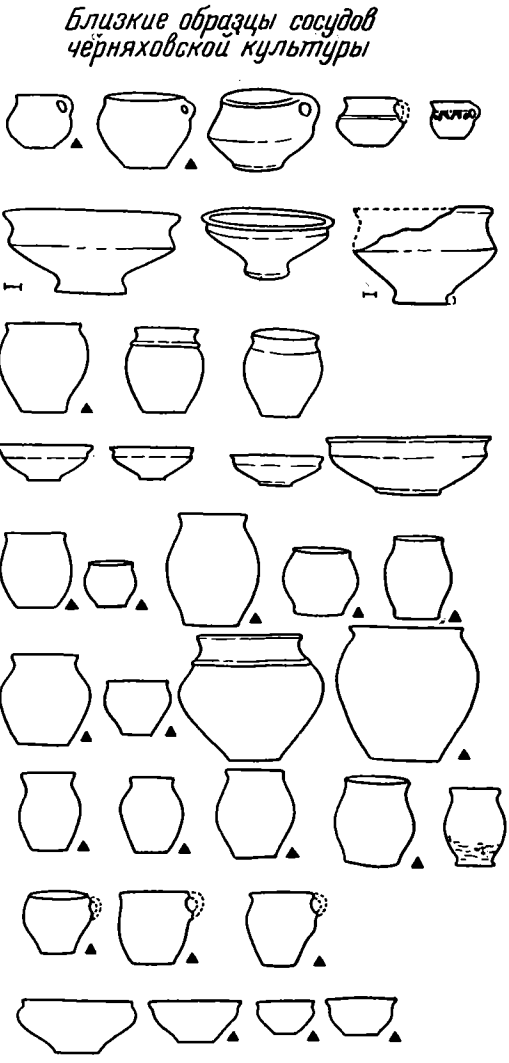
¹⁵ Н. М. Кравченко. К вопросу о происхождении некоторых типов обряда трупосожжения на могильниках черняховской культуры. КСИА, вып. 121, 1969. При этом следует обратить внимание на то, что к сообщениям об отсутствии кремации на ряде черняховских памятников надо относиться с большой осторожностью, так как на поверку захороне-

Образцы сосудов	Группа, вариант	Тип	Количество		
			Полесье	Верхний Днепр	Средний Днепр
	кружки		82	3	39
	миски на поддонах		13	3	13
	горшки		15	1	11
	миски		-	-	9
	горшки		-	1	8
	горшки		-	2	8
	горшки		-	1	8
	горшки с ушками		22	7	8
	миски		19	65	5

Рис. 2. Наиболее распространенные в Среднем Поднепровье группы, типы и варианты зарубинецкой посуды и их количество в

Важнейший показатель культурной принадлежности — керамика, несмотря на распространение в черняховскую эпоху гончарного круга, дает массовые аналогии большинству основных форм среднеднепровских сосудов зарубинецкой

ния часто оказываются уничтоженными вспашкой или размывами почвы. Нельзя, по-видимому, также игнорировать факты обнаружения в Поднепровье черняховских могильников, где решительно перевешивают захоронения с сожжениями, таких, как Каменка-Днепровская (СА, XXIV, 1955, стр 283—289) или Компанийцы (сб. «Археологические исследования на Украине 1965—1966 гг.» Киев, 1967, стр.

различных областях зарубинецкой культуры (посередине и слева), иллюстрирующие данный тип конкретные формы сосудов (по Ю. В. Кухаренко) и (справа) близкие им сосуды с черняховских памятников

культуры. На рис. 2 и 3 слева представлены взятые из работы Ю. В. Кухаренко группы, варианты и типы сосудов с их количественными показателями и воспроизведены конкретные сосуды, которыми проиллюстрирован тот или иной тип сосудов. На рис. 2 сверху показаны наиболее широко представленные в Среднем Поднепровье зарубинецкие типы керамики (более 10 экз.), там же, ниже — сосуды, известные в числе от 5 до 10 экземпляров, и на рис. 3

160—163) и других памятников типа Успенки путивильской, обнаруженных Е. В. Махно и требующих еще пристального изучения.

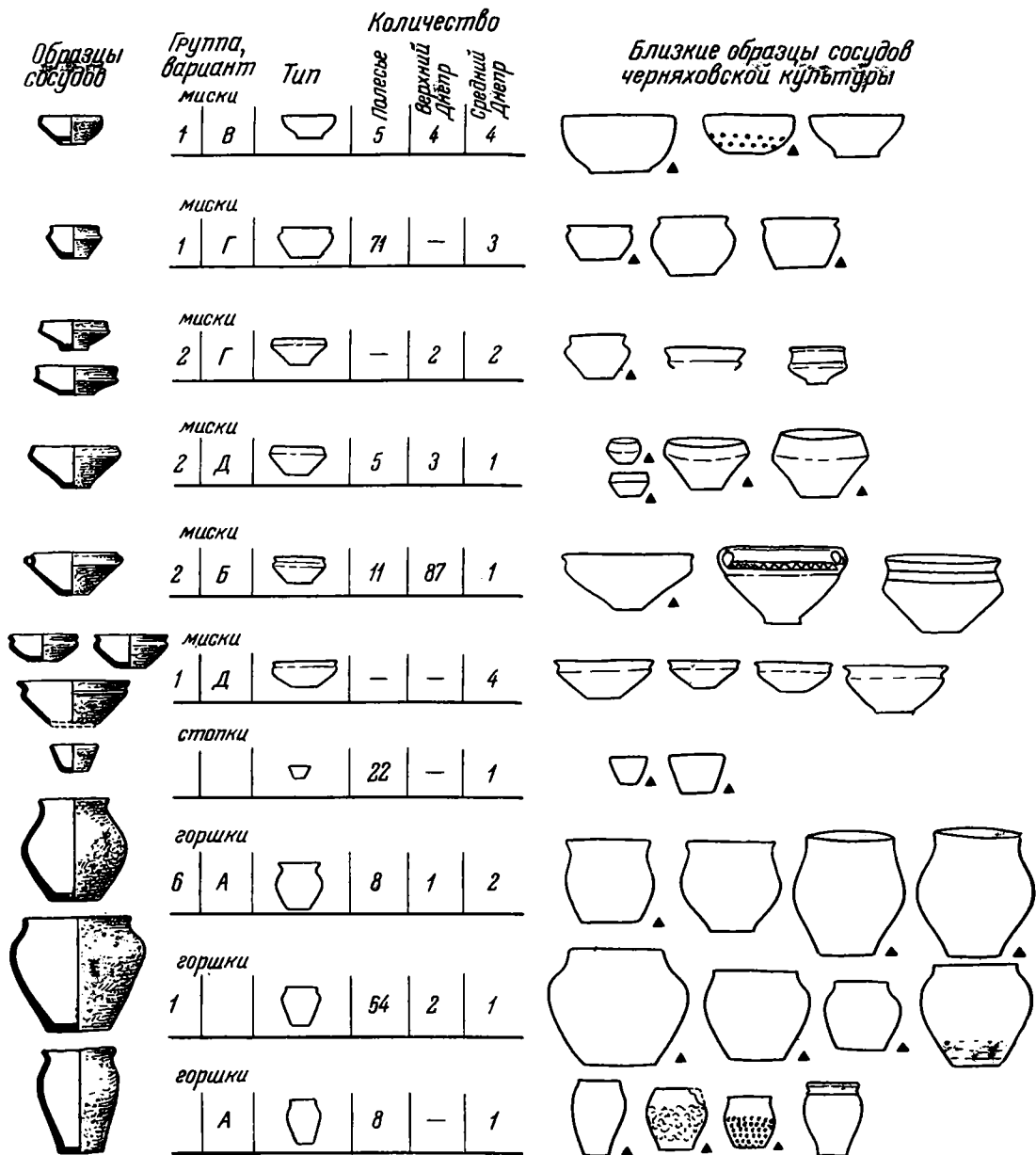

Рис. 3.

Отдельные менее распространенные в Среднем Поднепровье группы, типы и варианты зарубинецкой посуды и их количе-

ство в различных областях зарубинецкой культуры (посередине и слева), иллюстрирующие данный тип конкретные формы сосудов (по Ю. В. Кухаренко) и (справа) близкие им сосуды с черняховских памятников

помещены по сути дела единичные формы сосудов.

Справа на рисунках воспроизведены близкие зарубинецким формы посуды с черняховских памятников как вылепленные от руки (помечены треугольничками), так и сделанные на круге. Аналогии почерпнуты не из числа редких форм, а взяты из типологических таблиц, составленных нами для Поднепровья, что исклю-

чает в значительной степени элемент случайности. Характерно, что для большинства массовых зарубинецких форм сосудов на рис. 2 сходные формы выявляются достаточно легко в черняховских материалах, кроме, разве, больших горшков, которые в черняховское время заменили более совершенные, пифосообразные сосуды для хранения запасов, изготовленные на гончарном круге, подражающие южным образ-

цам керамики¹⁶. Техника лощения, некоторые виды орнаментации (насечки и вдавления по краю) и способ ошершавливания поверхности баночных горшков также являются признаками, сближающими посуду двух этапов развития культуры полей погребений.

Употребление ряда деталей одежды и некоторых украшений, например фибул, застежек-пряжек, подвесок, серег, колец и бус, и прочих предметов труда и быта (пряслиц, ножей, игл и т. п.) и положение их в могилу с сожжением не может быть не учтено при сопоставлении зарубинецкой культуры с черняховской. Так, пользуясь данными Ю. В. Кухаренко, можно сказать, что в зарубинецких среднеднепровских могильниках, если не считать количество находок отдельных форм керамики, на втором месте стоят находки костей животных, на пятом месте — фибулы, а далее следуют ножи, серьги, оплавленное стекло, бусы, подвески, камни, единственное копье из Корчеватого и вещи, побывавшие в огне¹⁷. Последнее особенно интересно, если вспомнить, что этот признак Ю. В. Кухаренко привлекал в числе прочих, пытаясь обособить в северных областях зарубинецкие памятники от приходящих им на смену¹⁸.

¹⁶ Э. А. Сымонович. Глиняная тара для хранения запасов на поселениях черняховской культуры. СА, XXVI, 1956, стр. 262—270.

¹⁷ Ю. В. Кухаренко. Зарубинецкая культура, стр. 46—47, табл. XVII, XVIII. Отсутствие в зарубинецких среднеднепровских погребениях изделий из кости, таких, как гребешки, трубочки-игольники, амулеты-подвески, возможно, объясняется не только хронологическими различиями и эволюцией обряда погребения; оно также может говорить об уничтожении некоторых видов погребального инвентаря огнем (МИА, № 70, 1959, стр. 143, рис. 14, 15).

¹⁸ Об этих погребениях, якобы не имеющих ничего общего с зарубинецкими погребениями, Ю. В. Кухаренко пишет, что они нередко наличествуют на одних и тех же могильниках. Для них также характерны сожжения; «...захоронения на них производились в небольших и неглубоких округлых ямах, в которые в беспорядке ссыпались не только обломки пережженных человеческих костей, но и остатки погребального костра вместе с поврежденными на

Детальное сравнение находок на поселениях и хозяйственных особенностей этих культур следует отложить до более полной изученности поселений зарубинецкого типа в Среднем Поднепровье. Пока же, как и в Черняхове, отмечено существование на зарубинецких поселениях наземных и углубленных в землю построек (Грини, Зарубинцы, Казаровичи, Лютеж, Великие Дмитровичи, Пилипенкова Гора и др.). Хотя большинство названных памятников, кроме Пилипенковой Горы, характеризуется как будто углубленными в землю постройками, но наличие явно наземных или слабо углубленных построек на городищах и открытых поселениях с зарубинецким слоем в северных областях распространения поднепровских памятников и констатация в Среднем Поднепровье на открытых поселениях таких же строительных приемов (столбы, переплет из прутьев и глиняная обмазка), какие распространены в черняховской культуре, являются опять-таки моментами, сближающими обе культуры.

Приведенные факты не исчерпывают все стороны культур зарубинецкого и черняховского типа, но нет сомнений, что по мере развертывания исследований возможности подробного сопоставления явлений материальной культуры будут все более увеличиваться. Однако и на данном уровне изученности нет достаточных оснований для решительного противопоставления и отрицания генетических связей зарубинецкой и черняховской культур, во всяком случае в Среднем Поднепровье.

огне и всегда фрагментированными вещами». В Велемичах I было обнаружено, например, 10 такого рода захоронений, среди которых имелись содержащие инвентарь типично черняховского (полусферический кубок со штампованной орнаментацией и пр.), но отнюдь не дитиничского типа (Ю. В. Кухаренко. Памятники железного века..., стр. 18, табл. 45, 5). Более поздний характер таких погребений при сравнении с классическим зарубинецким несомненен, но вопрос о возможности считать позднейшие погребения тех же могильников иным этнокультурным порождением, чем у зарубинецких племен, остается открытым.

Ф. М. ЗАВЕРНЯЕВ ЗАРУБИНЕЦКИЕ ПАМЯТНИКИ (Брянск) ВЕРХНЕГО ПОДЕСЕНЬЯ

Еще в недалеком прошлом раннеславянские памятники на территории Брянской обл. оставались неизвестными. Между юхновской культурой раннего железного века и роменской культурой VIII—IX вв. оставался большой хронологический разрыв. Этот разрыв приходился

на период, когда на арену европейской исторической жизни широко и твердо вступали славянские племена.

Известно, что еще крупнейший чешский ученый-славист Л. Нидерле на основе исследования топонимических данных в границы славян-

ской прародины на востоке включал не только Среднее Поднепровье, но и поречье р. Десны. Поэтому пробелы в истории Подесенья можно было связывать не с отсутствием здесь раннеславянских памятников, а с недостаточной изученностью археологических памятников вообще. Это побудило нас провести на территории Брянской обл. новые археологические разведки, организованные на средства Брянского областного краеведческого музея. В 1955—1956 гг. была обследована долина р. Судости, в 1957 г. — левобережье р. Десны от Брянска до г. Трубчевска и нижнее течение р. Нерусы, в 1958 г. — долина р. Десны на участке от райцентра Екимовичи Смоленской обл. до Брянска, а в 1959 г. — долина р. Ипути от райцентра Ермичи Смоленской обл. до границы Брянской обл. с Белоруссией.

В результате проведенных разведок на Брянщине удалось открыть целый ряд совершенно новых, ранее неизвестных здесь археологических памятников, в том числе и раннеславянских. Благодаря им стал постепенно заполняться почти восьмисотлетний хронологический разрыв местной славянской истории. К таким памятникам могут быть отнесены зарубинецкие и послезарубинецкие селища (рис. 1).

Как установлено, в большинстве случаев эти небольшие поселения располагались на площадках первой надпойменной террасы, реже на останцах или на второй надпойменной террасе, почти у самой воды. На Десне известны два небольших селища на пойме. Как выяснилось, они находились на незначительном древнем возвышении и ныне погребены под современным аллювием. Для селищ этой культуры характерны грубая толстостенная с бугристой поверхностью и примесью дровесы хозяйственная посуда, лишенная орнамента, за исключением насечки и вдавлений по обрезу венчика, чернолощенная и гладкая посуда с преобладанием ребристых мисок с прямым венчиком, обилие следов плавки болотной руды и наличие костей домашних животных. Помимо того, на них встречаются ножи с горбатой спинкой и различные украшения, в том числе и фибулы позднелатенской схемы. Аналогичные изделия характерны для поздnezарубинецкой культуры и находят прямые аналогии среди памятников Верхнего Поднепровья и Полесья.

На четырех селищах Верхнего Подесенья были произведены раскопки. Два из них, Почепское¹ и Синьковское², находятся на сред-

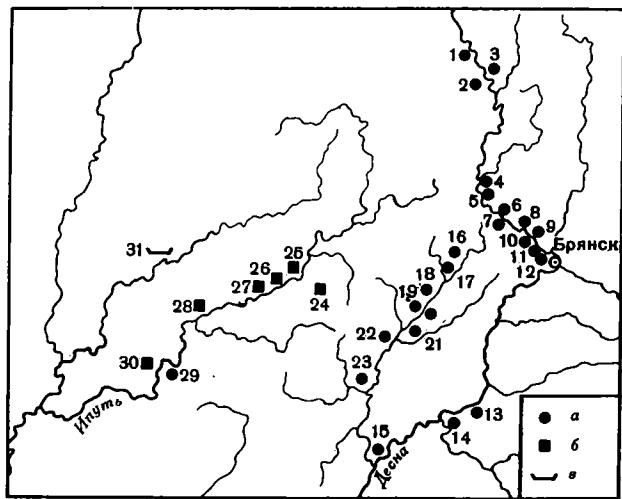

Рис. 1.

Распространение зарубинецких памятников на территории Брянской обл.

а — селище; б — городище с наслоением зарубинецкой культуры; в — могильник;
1 — Спартак; 2, 3 — Высокое; 4, 5 — Жуковка; 6 — Дядьковичи; 7 — Речица; 8 — Коммунар; 9—11 — Хотылево; 12 — Белокаменка; 13 — Арельск; 14 — Трубчевск; 15 — Муравьи; 16 — Марковск; 17 — Синьково; 18 — Дмитрово; 19, 20 — Почеп; 21 — Казарезовка; 22 — Рогово; 23 — Голяшевка; 24 — Ляличи; 25 — Ст. Дроква; 26, 27 — Сураж; 28 — Завод Корецкий; 29 — Холевичи; 30 — Новые Бобовичи; 31 — Ключи

ней Судости, а два — селище у дер. Спартак³ и Жуковское⁴ — на верхней Десне. Наиболее интересным из них является Почепское селище. Оно расположено в пойме р. Судости на песчаном останце на северо-восточной окраине г. Почапа в урочище «Грудок». По занимаемой площади оно, пожалуй, самое большое в Верхнем Подесеньи. Первые раскопки на нем были начаты в 1955 г. и продолжались в течение пяти лет. За это время на селище удалось заложить 13 раскопов общей площадью в 2100 кв. м.

Полученные в результате исследований фактические данные представляют несомненный интерес как в вопросах изучения материальной культуры его обитателей, так и в вопросах расселения и этногенеза славянских племен в области Подесенья.

Наряду с большим количеством материальных остатков здесь были вскрыты более или менее хорошо сохранившиеся остатки жилых и хозяйственных сооружений, различных ям и

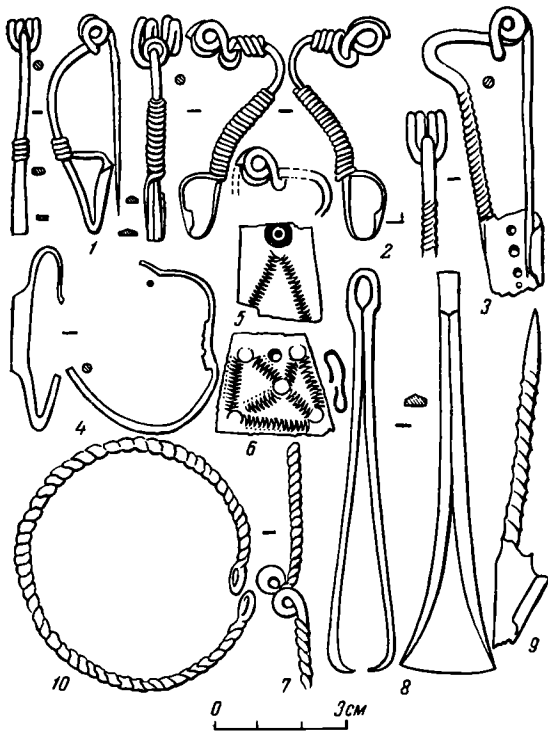
¹ Ф. М. Заверняев. Почепское селище первых веков н. э. СА, 1960, № 4.

² А. К. Амброз. К истории Верхнего Подесенья в первом тысячелетии н. э. СА, 1964, № 1.

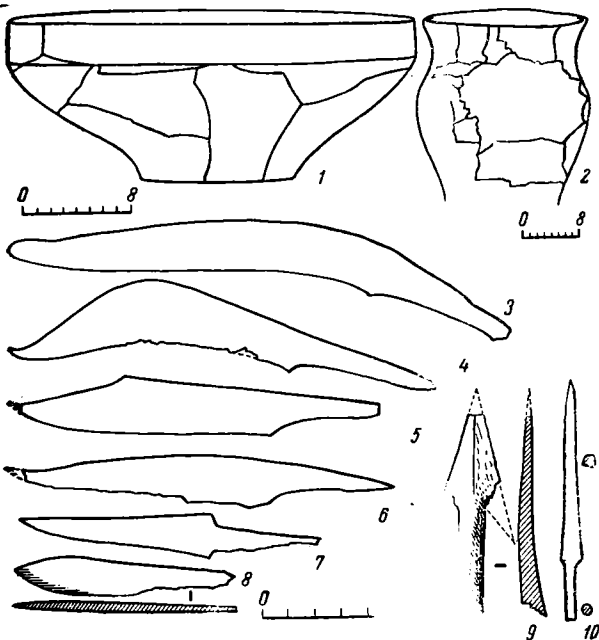
³ П. Н. Третьяков, Е. А. Шмидт. Древние городища Смоленщины. М., 1963, стр. 136—140.

⁴ Там же, стр. 135—136.

Рис. 2.
 Вещи из поселения у г. Почеп
 1—6 — бронза; 7—10 — железо

Рис. 3.
 Вещи из поселения у г. Почеп
 1, 2 — глина; 3—10 — железо

погребов. Остатки жилых помещений в виде землянок глубиной до 1,3 м от современной поверхности располагались в центральной, наиболее возвышенной площади останца, в западной части основного раскопа. Было раскопано девять таких помещений. Пять из них имели правильную прямоугольную форму, три были почти квадратными и одно имело правильную круглую форму диаметром около 5 м. Площадь землянок колебалась от 10 до 20 кв. м. У некоторых землянок в центральной части хорошо прослеживались развалы печей. Как нам представляется на основе произведенных наблюдений, это были развалы от цилиндрических или полусферических печей, установленных на деревянных стульях. Восемь исследованных землянок располагались в два ряда по кругу диаметром около 50 м и одна круглая — на площади этого круга с восточной стороны. Она могла в жизни поселка играть какую-то особую роль. На это как будто указывает находка обожженного амулета — подвески из египетской лазурной пасты.

Среди обильного материала, собранного во время раскопок, имеются изделия из глины, металлов, кости, камня и стекла (рис. 2, 3). Некоторые изделия происходят из греческих городов-колоний и свидетельствуют о связях местных раннеславянских племен с племенами Среднего Поднепровья. Особенный интерес представляют знаки, процарапанные как на грубой хозяйственной, так и на лощеной посуде. Они найдены не только на Почепском селище, но и на Синьковском селище А. К. Амбросом⁵. Аналогичные знаки широко известны на русских и белорусских вышивках и, по-видимому, ведут свое происхождение от раннеславянской символики. Подобные знаки в других, более ранних или синхронных культурных комплексах восточноевропейской части СССР пока не известны.

Несмотря на то что памятники зарубинецкого типа в Верхнем Подесенье открыты совсем недавно, а их исследования еще не получили широкого и планового размаха, имеющиеся археологические материалы позволяют уже сейчас разбить их на несколько групп. К первой из них могут быть отнесены памятники среднего течения р. Судости. Здесь на участке 40—50 км имеется несколько селищ, в том числе такой замечательный памятник, как Почепское селище.

⁵ А. К. Амброс. Указ. соч., стр. 68—70; *он же*. Раннеземледельческий культовый символ («ромб с крючками»). СА, 1965, № 3, стр. 15, рис. 26; *он же*. О символике русской крестьянской вышивки архаического типа. СА, 1966, № 1.

Вторая группа памятников занимает верхнее течение р. Десны. Наиболее яркими памятниками этой группы являются селища у дер. Спартак Екимовичского района Смоленской обл. и селище у дер. Высокое Дубровского района Брянской обл. Третья группа расположена на участке между г. Жуковка и Брянском. Здесь следует отметить такие памятники, как селище у пос. Коммунар и селище в устье Гассомы. Четвертая группа прослеживается на участке между г. Трубчевском Брянской обл. и г. Новгород-Северским Черниговской обл.

Как нам сейчас представляется на основе исследований Почепского селища, большинство памятников зарубинецкого типа в Подесенье оставлено поздnezарубинецкими племенами, пришедшими на эту территорию в конце I — начале II в. н. э. из Среднего Поднепровья. Это были не какие-то иноземные племена, а раннеславянские. На это указывают не только археологические, но и лингвистические данные. Следы поздnezарубинецкой культуры хорошо прослеживаются и в послезарубинецких памятниках, а некоторые из них дошли до наших дней.

Наряду с памятниками Верхнего Подесенья на Брянщине следует отметить памятники поздnezарубинецкого типа, расположенные в сред-

нем течении р. Ипути. За исключением одного не совсем ясно выраженного Холевичского селища памятники данного типа здесь представлены культурными наслоениями на древних городищах. Особенно выразительны в этом отношении верхние наслоения на Суражском городище и на городище у дер. Завод Корецкий. Древние наслоения этих городищ имеют своеобразный сероватый или коричневатый цвет, тонкую слоистость, сильную зольность, большую насыщенность материальными остатками южновского типа, значительную мощность и плотность. Что же касается более поздних наслоений зарубинецкого типа, то они имеют меньшую мощность, слабую насыщенность материальными остатками, сильно гумусированы, имеют рыхлую структуру темного или черного цвета. В них встречаются обломки грубой лепной и чернолощенной посуды зарубинецкого типа. В обнажениях хорошо заметны следы ям, вырытых в ранних образованиях. Правда, ипутьские памятники еще не подвергались исследованиям, и наши обоснования строятся только на результатах разведочных работ. Но, как известно, в соседнем, Гомельском Поднепровье имеются зарубинецкие городища, и поэтому открытие подобных памятников на р. Ипути не будет являться чем-то необычайным.

Е. В. МАКСИМОВ О ВРЕМЕНИ ЗАРУБИНЕЦКОГО (Киев) ПОСЕЛЕНИЯ ПИЛИПЕНКОВА ГОРА

На поселениях зарубинецкой культуры, которых на территории Среднего Поднепровья насчитывается уже более 50, довольно редко находят фибулы, которые многими исследователями рассматриваются как наиболее надежный и даже единственный источник датировки зарубинецкой культуры. Так, по сведениям Ю. В. Кухаренко, относящимся к 1964 г., с зарубинецких памятников Среднего Поднепровья происходит 46 фибул¹, но из них только две были найдены на поселениях.

В результате полевых работ последних лет, когда были исследованы десятки новых памятников зарубинецкой культуры, количество фибул возросло до 104, однако увеличение их числа произошло главным образом за счет фибул, найденных на могильниках (95 экз.), где они обнаруживаются в среднем в каждой четвер-

той могиле. На поселениях же можно вскрыть сотни квадратных метров площади и не найти ни одной фибулы.

Вместе с тем здесь отмечаются обломки посуды античного производства — амфор и столовой керамики. Особенно часты обломки амфор. Так, из 21 поселения, обследованного нами на Среднем Поднепровье в 1960—1965 гг., амфорный материал был зафиксирован на 17 пунктах, на 8 из них были найдены также обломки столовой посуды. Раскопки и шурфовка поселений убеждают, что предметы античного импорта практически встречаются на каждом поселении, где проводились эти работы.

Это обстоятельство дает возможность привлекать античный материал для установления времени существования поселений, на которых он был найден.

Как известно, датировка античной керамики эллинистической и раннеримской эпохи — именно такая керамика и найдена на зарубинецких поселениях Среднего Поднепровья — до-

¹ Ю. В. Кухаренко. Зарубинецкая культура. САИ, вып. Д1—19. М., 1964, стр. 30.

статочно хорошо разработана отечественными и зарубежными специалистами. Мы имеем в виду прежде всего работы Б. Н. Гракова², Т. Н. Книпович³, И. Б. Зеест⁴, М. И. Вязьмитиной⁵, В. Канарахи⁶, А. Маюри⁷, а также многих других исследователей.

Недостатком античных материалов как датирующего источника являются их довольно широкие хронологические рамки, иногда в пределах одного-двух столетий. Но с этим обстоятельством приходится мириться хотя бы потому, что иных датирующих материалов на поселениях, как отмечалось, часто вовсе не бывает. К тому же время античных импортов часто сужается взаимной корреляцией амфор из различных центров, выпускавших свою продукцию в определенные, установленные точно для каждого из них периоды античной эпохи. Важную роль для сужения даты античных материалов играют находимые иногда совместно с ними фибулы.

Из среднеднепровских поселений наибольшее количество амфорного материала дала Пилипенкова Гора. Расположено это поселение на южной окраине Канева, в центральной части среднеднепровской зарубинецкой области.

Единичные находки обломков античных амфор были сделаны здесь еще в 1948 г. В. А. Богусевичем⁸, осуществившим совместно с Н. В. Линкой небольшие раскопки. Но особенно много амфорных фрагментов было найдено нами в 1966—1967 гг. На площади в 380 кв. м., вскрытой в 1967 г., отмечено 7 обломков ручек, 5 ножек, 4 венчика и около 200 фрагментов стенок, дающих, как известно, возможность установить центр производства и время изготовления амфор. Большая часть этих материалов была найдена в комплексах — жилищах и хозяйственных ямах, принадлежность которых к зарубинецкой культуре не вызывает никаких сомнений, поскольку материалов других исторических периодов, кроме разроз-

Центр импорта	III в. до н.э.	II в. до н.э.	I в. до н.э.	I в. н.э.
Косс		■	■	
Фазос	■	■		
Синопа		■	■	■
Родос		■	■	■
Парос	■	■	■	■
Раннеримские				■

Хронология античного импорта по данным поселения Пилипенкова Гора

ненных обломков эпохи меди — бронзы, здесь вообще не встречено.

Следует отметить, что и на других зарубинецких поселениях античный материал может быть отнесен только к зарубинецкой эпохе, поскольку там или вовсе нет иного культурного слоя, кроме зарубинецкого, или же имеются находки эпохи бронзы, чернолесского времени, ранних исторических славян или Киевской Руси, к которым античный импорт не имеет, естественно, никакого отношения. Исключение составляют три поселения: Басовка, Завадовка и Таценки, где встречены материалы позднескифской эпохи III—I вв. до н. э. Но, как увидим ниже, их античные находки, идентичные обнаруженным на других зарубинецких поселениях, являются более поздними, относящимися не к скифскому, а к раннезарубинецкому времени.

В типологическом и хронологическом отношении античный импорт делится на две группы: позднеэллинистическую и раннеримскую.

Позднеэллинистический материал с Пилипенковой Горы представлен в основном обломками амфор с двухствольными ручками. Розовый цвет черепка и поверхность, покрытая обмазкой зеленовато-белого цвета, дают основание видеть в них амфоры косского производства⁹. Преимущественное количество обломков этих амфор на Пилипенковой Горе, как и на других среднеднепровских поселениях, объясняется тем, что благодаря своей дешевизне вино из Коса пользовалось в античном мире особенно большой популярностью. Как свидетельствуют данные различных поселений Боспора, Ольвии и ее периферии¹⁰, ввоз косского вина в Северное Причерноморье достиг особой интенсивности именно в конце III—II в. до н. э., что подтвержда-

² Б. Н. Граков. Древнегреческие керамические клейма с именами астиномов. М., 1929.

³ Т. Н. Книпович. Опыт характеристики городища у станицы Елисаветской. ИГАИМК, вып. 104, 1934; она же. Die Keramik römischer Zeit aus Olbia. Frankfurt am Main, 1929.

⁴ И. Б. Зеест. Керамическая тара Боспора. МИА, № 83, 1960.

⁵ М. И. Вязьмитина. Золота Балка. Київ, 1962.

⁶ V. Canarache. Importul amforelor stampilate la Istria. București, 1957.

⁷ А. Маюри. Nuova silloge epigrafica de Rhode e Cos. Firenze, 1925.

⁸ В. А. Богусевич и Н. В. Линка. Зарубинецкое поселение на Пилипенковой Горе близ г. Канева. МИА, № 70, 1959.

⁹ И. Б. Зеест. Указ. соч., стр. 104.

¹⁰ М. И. Вязьмитина. Указ. соч., стр. 152; И. Б. Зеест. Указ. соч., стр. 25.

ется и материалами Пилипенковой Горы. Здесь обломки косских амфор были в жилищах № 2—6, 8, 9, а также в ямах № 1, 2, 6, 13, 15, 16, причем иногда в довольно значительном для зарубинецких памятников количестве.

Меньше было найдено обломков фазосских, синопских, родосских и паросских амфор. Их находки, помимо указания на участие этих античных центров в торговле с городами Северного Причерноморья и глубинными его территориями, имеют очень важное значение для взаимного уточнения довольно широких дат косского импорта и других импортов в Среднем Поднепровье.

Как известно, расцвет импорта косского вина приходился на вторую половину III в. до н. э.— первую половину II в. н. э.; поступала эта продукция в Северное Причерноморье, но в меньшем количестве, вплоть до середины I в. до н. э.¹¹ Следовательно, обломки косских амфор, найденных на Пилипенковой Горе, могут быть отнесены к любому отрезку времени, ограниченному второй половиной III в. до н. э.— первой половиной I в. до н. э. (см. рис.).

Вывоз вина из других центров по времени не совпадает с косским импортом. Последние фазосские амфоры, например, датируются самым началом II в. до н. э.¹² Находки обломков амфор этого центра совместно с косскими позволяют установить время начала проникновения античной продукции на Пилипенкову Гору, которое соответствует периоду взаимного совпадения дат косских и фазосских амфор — второй половине III — началу II в. до н. э. (см. рис.). Подобную дату дает также корреляция фазосских и родосских амфор (см. рис.).

Для установления конечной даты античного импорта в Среднее Поднепровье по материалам Пилипенковой Горы важны фрагменты синопских амфор и амфор из «коричневой глины». Первых очень немного, коричневоглиняных же встречено довольно значительное количество — в жилищах № 1, 7, 10, 14, в ямах № 4, 9, 10, 11, 14. Синопский импорт, как от-

мечалось, зафиксирован со второй половины III в. до н. э. по первую половину I в. н. э. Этим же временем — первой половиной I в. н. э.— датируется прекращение импорта раннеримских амфор из «коричневой глины»¹³ (см. рис.).

Итак, на поселение Пилипенкова Гора эллинистические амфоры с вином начали поступать во второй половине III — начале II в. до н. э.; конец импорта позднеэллинистических и раннеримских амфор относится к первой половине I в. н. э.

Нам представляется, что эта дата не только фиксирует время существования одного поселения, но и позволяет установить хронологические рамки всей зарубинецкой культуры на Среднем Поднепровье, поскольку аналогичные материалы найдены на большей части известных по раскопкам и разведкам поселений.

Фибулы, происходящие из зарубинецких погребальных комплексов, даже если принять их современную, завышенную, по нашему мнению, датировку, в общем укладываются в хронологические рамки, определенные по амфорному материалу. Так, наиболее ранняя фибула с восьмеркообразной спинкой, найденная на Пироговском могильнике¹⁴, может быть отнесена к середине II в. до н. э.¹⁵, а самые поздние фибулы из Суботовского и Пироговского могильников¹⁶ относятся к I в. н. э.

Другие материалы (украшения поздне скифских, латенских и сарматских типов и пр.), рассмотрение которых не составляет предмет настоящей заметки, также подтверждают мнение, что на Среднем Поднепровье дату зарубинецкой культуры определяет период с рубежа III—II вв. до н. э. по I в. н. э.

¹³ М. I. Вязьмігіна. Указ. соч., стр. 158; И. Б. Зеест. Указ. соч., стр. 108.

¹⁴ А. И. Кубышев и В. А. Круц. Работы Чапаевского отряда Киевской археологической экспедиции. «Археологические исследования на Украине в 1965—1966 гг.». Киев, 1967, стр. 17.

¹⁵ Ю. В. Кузаренко. Указ. соч., стр. 49.

¹⁶ Е. В. Максимов. Памятники зарубинецкого типа в Суботове. КСИА, вып. 9. Киев, 1959, стр. 38; А. И. Кубышев и В. А. Круц. Указ. соч., стр. 17.

¹¹ И. Б. Зеест. Указ. соч., стр. 46, рис. 2.

¹² Там же, стр. 21.

А. М. ШОВКОПЛЯС ПОСЕЛЕНИЕ
(Киев) ЗАРУБИНЕЦКОЙ КУЛЬТУРЫ
НА БЕРЕГУ ПОЧАЙНЫ В КИЕВЕ

Река Почайна тесно связана с древней историей Киева. Именно на высоком правом берегу нижнего течения Почайны — правого притока Днепра — древнерусский летописец размещает известный ему Киев-град — столицу Древней Руси, а на низкой террасе — современном Подоле — древнейшую киевскую гавань, куда собирались на торг древнерусские и иностранные купцы. С Почайной связывается крещение киевлян при князе Владимире. В своем верхнем течении Почайна пересекает обширную низинную часть долины Днепра. Несколько более высокое правобережье Почайны известно под древним названием Оболонь. Оно составляет в настоящее время северо-восточную часть территории Киева.

Как свидетельствуют археологические исследования, эти места издавна были заселены человеком. Так, еще в 1876 г. на Оболони был найден клад из 200 бронзовых римских монет III—IV вв.¹ В 20-х годах в урочище Кристерова Горка у дороги, которая ведет из Приорки к р. Почайне, в результате разведки были собраны обломки древней посуды, отнесенной автором к энеолитической и скифской поре². Но в сохранившейся коллекции, а также среди материалов, собранных нами в урочище Кристерова Горка, находятся обломки глиняной посуды и пряслица, относящиеся к зарубинецкой культуре.

В послевоенные годы (1945—1950) в результате разведывательных работ экспедиции «Большой Киев» Института археологии АН УССР (В. Н. Даниленко, Н. П. Амбургер, Д. Я. Телегин, А. П. Савчук, В. Д. Дяденко) по обоим берегам Почайны были обнаружены обломки глиняной посуды, характерной для зарубинецкой культуры.

В Государственном историческом музее УССР (Киев) хранится небольшая коллекция глиняной посуды, собранной на Оболони в 1938 г., относящейся к первым векам новой эры.

¹ В. Б. Антонович. Описание киевского клада, содержащего римские монеты III и IV столетия. «Древности. Труды Московского археологического общества», VI, 1878, стр. 241—244.

² Разведка проводилась Всеукраинским историческим музеем под руководством А. А. Пионтковского. См.: К. Коршак. З праці семінару при археологічному Відділі Всеукраїнського історичного музею ім. Шевченка у Києві. «Хроніка археології та мистецтва», ч. I. Київ, 1930, стр. 58.

С целью отыскания места находок этих материалов в 1965 и 1966 гг. нами были осуществлены многократные разведки на Оболони, в частности в той ее части, которая известна под названием «урочище Луг».

Во время одной из таких разведок на правом берегу Почайны (пункт Луг IV) были обнаружены остатки поселения зарубинецкой культуры. Оно расположено напротив городского района Куреневки (в 2 км от ул. Ланцюговой).

На поверхности, а также в культурном слое места поселения находились обломки посуды, кости животных, древесные угольки. Культурный слой своим пепельно-серым цветом, который местами переходил в совсем черный, четко выделялся на подстилающем его светло-желтом песке.

В 1967 г. на поселении по поручению Государственного исторического музея УССР были осуществлены небольшие раскопки, охватившие площадь около 500 кв. м. На исследованной площади поселения обнаружены остатки жилища и 55 хозяйственных ям.

Жилище в плане имело прямоугольную форму размером 4,1×3,9 м. Его нижняя часть была углублена в слой светло-желтого песка на 0,55 м от древней дневной поверхности. В северо-западном углу жилища находились куски печины — остатки глинобитной печи. В заполнении жилища обнаружены обломки лепного чернолощеного горшка, двух мисок (с плавно выпуклым бочком и остросереберной), два обломка плоских круглых крышек, несколько обломков лепных сосудов с нелощеной поверхностью, венчики которых орнаментированы насечками, а также три плоских глиняных пряслица.

Ямы различаются по очертаниям и размерам. Тридцать из них имеют овальную форму длиной от 0,8 до 1,9 м, шириной от 0,55 до 1,45 м и глубиной от 0,3 до 0,82 м. Двадцать пять ям — круглые, диаметром от 0,6 до 1,25 м, глубиной от 0,35 до 0,80 м.

Подобные ямы встречаются на всех поселениях зарубинецкой культуры. «Обилие этих ям — одна из характерных особенностей поселений зарубинецкой культуры»³. Особенно много таких ям было встречено, в частности,

³ Ю. В. Кузаренко. Зарубинецкая культура. САИ, вып. Д1—19. М., 1964, стр. 11.

на поселениях в селах Лютеж Киевской обл.⁴, Чаплин⁵, Колочин Гомельской обл.⁶, Щатково Могилевской обл.⁷ и др.

В заполнении ям, вскрытых на поселении в урочище Луг IV в Киеве, находились обломки посуды, иногда угольки, кости животных и рыб, кусочки пережженной глины. В нескольких ямах попадались камни и шлаки. В некоторых ямах, например в ямах 17 и 37, было много костей и чешуи рыб. Среди них, по определению В. И. Таращука, — кости сазана, судака, осетра и др. Определение костей птиц, произведенное А. С. Уманской, показало, что они принадлежат курице и куропадке. Кости животных принадлежат свинье, быку, лошади, овце и козе. Дикие виды животных представлены костями оленя и лося. Изредка встречающиеся в ямах мелкие обломки пережженных кальцинированных костей, по определению Е. И. Даниловой, также принадлежат различным животным.

Самое большое количество находок в ямах составляют обломки лепной посуды с нелощеной шершавой поверхностью. Это толстостенные сосуды с прямыми или отогнутыми наружу венчиками. На венчиках иногда имеется орнамент в виде пальцевых вдавлений или косых насечек.

В жилище и яме 17 было найдено несколько обломков лепной посуды с «хрповатой» поверхностью, типичной для зарубинецких памятников Полесья⁸, а также несколько обломков лепных сосудов, орнаментированных расчесами, как на посуде, известной на поселении в с. Рубель Брестской обл.⁹ В ямах найдены также два маленьких плоскодонных глиняных тигелька.

Из других глиняных изделий встречаются пряслица — прямые и биконические. На одном биконическом пряслице имеется орнамент из точек, расположенных в виде отдельных квадратиков. Из глины изготовлялись также плоские

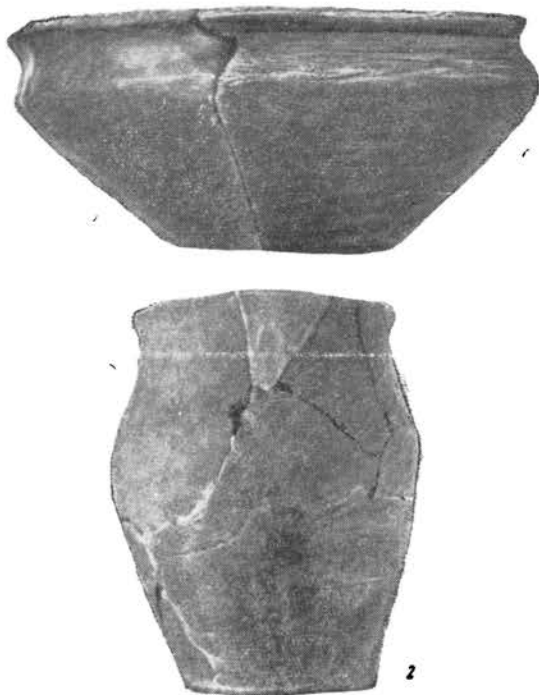

Рис. 1.

Киев — Оболонь. Глиняные сосуды с поселения (1, 2)

круглые крышки. Одна сторона в них обычно сглажена, а другая шершавая.

Посуда с лощеной поверхностью представлена главным образом мисками черного цвета. Среди них имеются острореберные миски с прямым высоким венчиком или слегка отогнутым наружу краем, иногда с гранью внутри (рис. 1, 1), а также миски с плавно выпуклыми бочками. Встречены также обломки горшков и небольшие ручки, вероятно, от кружек.

Интересен обломок красноглиняной амфоры с черными вкраплениями, светлым ангобом, которую можно отнести к рубежу новой эры.

На поселении найдена бронзовая подвеска из тонкой пластинки трапециевидной формы, орнаментированная точечным пунктиром с одной стороны и выпуклинами — с другой. Она подобна подвеске, найденной в погребении зарубинецкой культуры в с. Велемичи Брестской обл.¹⁰ Изделия из железа представлены обломками ножей с прямой спинкой и шильями. Найдены также точильный камень, круглый каменный пест с плоской рабочей сто-

⁴ Раскопки Института археологии АН УССР под руководством В. И. Бидзили.

⁵ П. Н. Трегьяков. Чаплинское городище. МИА, № 108, 1959, стр. 130—132, рис. 3, 4; 8.

⁶ Э. А. Сымонович. Городище Колочин I. Там же, стр. 108.

⁷ Л. Д. Поболь. Поселения железного века около дер. Щатково Бобруйского района. «Белорусские древности»: Минск, 1967, стр. 185—187.

⁸ Ю. В. Кузаренко. Памятники железного века на территории Полесья. САИ, Д1—29. М., 1961, стр. 28, 44, табл. 2, 3, 36. 12, 9; он же. Зарубинецкая культура, стр. 29, табл. 12, 3—5.

⁹ Ю. В. Кузаренко. Памятники железного века..., табл. 12, 7; он же. Зарубинецкая культура, табл. 12, 6.

¹⁰ Ю. В. Кузаренко. Памятники железного века..., табл. 13, 11; 29, 5, 14; он же. Зарубинецкая культура, табл. 17, 3.

роной, обломок костяного лощила, кусок рога оленя со следами поперечного расчленения и кусочек обработанной кости.

Материалы, собранные на поселении в урочище Луг IV, относятся к позднему этапу зарубинецкой культуры.

Раскопки в урочище Луг IV свидетельствуют, что поселения зарубинецкой культуры в Киеве располагались не только на высоких труднодоступных местах, но и на низинной территории. В настоящее время подобные поселения, расположенные в низинных районах, известны и в других пунктах Киева и его окрестностей, в Вите Литовской (Чапаевке), Тащенках, Лютеже, Козаровичах.

При раскопках на поселении Луг IV, а также среди материалов, собранных на Оболони в 1938 г., имеются обломки лепной посуды биконической и баночной формы с шершавой и сглаженной поверхностью (рис. 1, 2). Венчики этих сосудов слегка отогнуты наружу, а края венчиков иногда орнаментированы пальцевыми защипками.

Памятники с подобными материалами в 1951 г. были обнаружены В. Н. Даниленко в Киеве на песчаной возвышенности в районе площади Т. Г. Шевченко, а также к югу от Киева — в селах Новые Безрадиичи, Борнячи, Ходосовка, Погребы. По мнению В. Н. Даниленко, они представляют дальнейшее развитие

зарубинецкой культуры¹¹. Совсем недавно такая же керамика обнаружена и к северу от Киева — на поселениях у сел Козаровичи¹² и Новоселки на Днестре¹³.

Все эти керамические материалы очень напоминают также глиняную посуду, происходящую из поселения в с. Колочин Гомельской обл.¹⁴, где, как и в Киеве, жизнь началась еще в зарубинецкое время¹⁵. По общему облику эти сосуды похожи и на сосуды из верхнего горизонта культурного слоя городища Тушемля, в котором сохраняются поздnezарубинецкие традиции¹⁶.

Все это позволяет полагать, что зарубинецкая культура Приднепровья являлась основой развития культуры восточнославянских племен середины и второй половины I тысячелетия н. э.

¹¹ В. Н. Даниленко. Славянские памятники I тысячелетия н. э. в бассейне Днестра. КСИИ, вып. 4. Киев, 1955, стр. 27—29.

¹² Разведка А. И. Кубышева и В. А. Круца.

¹³ Раскопки Института археологии АН УССР под руководством Д. Т. Березовца.

¹⁴ Э. А. Сымонович. Указ. соч., рис. 17; 23.

¹⁵ Там же, стр. 97.

¹⁶ П. Н. Третьяков. Древние городища Смоленщины. В кн.: П. Н. Третьяков и Е. А. Шмидт. Древние городища Смоленщины. М. — Л., 1963, стр. 67, рис. 29; П. Н. Третьяков. Новые археологические данные по этнической истории восточнославянских племен в I тысячелетии н. э. «Тезисы докладов советской делегации на Международном конгрессе славянской археологии (сентябрь 1965 г.)». М., 1965, стр. 5—6.

Г. И. СМЕРНОВА   КОМПЛЕКСЫ КОНЦА I ТЫСЯЧЕЛЕТИЯ ДО Н. Э. (Ленинград)   НА ПОСЕЛЕНИИ У С. НЕЗВИСКО

Среди разнообразных материалов из верхних горизонтов многослойного поселения у с. Незвиско на Днестре имеется еще один культурно-хронологический комплекс, который, ввиду слабой изученности среднестрельских памятников последних веков I тысячелетия до н. э., представляется целесообразным ввести в научный оборот.

Речь идет в первую очередь о группе керамики из хозяйственной ямы 37, открытой в 1956 г. на квадрате Д/12. Контуры ямы были прослежены на глубине 1,5 м., то есть ниже того уровня, на котором встречаются комплексы первых веков новой эры¹. Яма диаметром 1,05 м и глубиной 1 м была вырыта в слое темно-жел-

того суглинка с находками комаровской культуры. В ее заполнении, содержащем включения углей и золы, обнаружено множество обломков керамики, из которых восстановлены целиком два сосуда.

По особенностям изготовления и формам эта керамика четко делится на две группы.

В первую группу входят фрагменты мисок, сделанных из хорошо отмученной глины и имевших черную или серо-коричневую лощеную поверхность, иногда с графитным блеском. Все они относятся к категории мисок с приподнятыми плечиками. Для них характерен довольно плавный излом стенок и отогнутый наружу венчик с закругленным краем. Но профилировкой они немного отличаются друг от друга: у одних из них плечики выражены слабо (рис. 1, 3, 4), у других — более выпуклые:

¹ Г. И. Смирнова. Поселение у с. Незвиско в первые века новой эры. МИА, № 116, 1964, стр. 196, рис. 1.

(рис. 1, 1; 2, 2;). У одной из мисок имеются следы небольших ушек (рис. 1, 1), две другие орнаментированы короткими бороздками, прорезанными по плечикам гребенчатым штампом (рис. 1, 3, 4).

Вторую, более многочисленную группу составляют обломки грубых нелощеных горшков светло-коричневого цвета.

Среди них выделяются большие толстостенные сосуды с бугристой «хрупчатой» поверхностью, покрытой иногда неглубокими вертикальными расчесами. Сделаны они из глины, содержащей значительные примеси дресвы и песка и в меньшем количестве растительные остатки. Из-за фрагментарности материала их форму восстановить трудно. Судя по обломкам, это были горшки со слабо выраженными плечиками и небольшим, слегка отогнутым наружу венчиком (рис. 1, 2, 5). Край орнаментирован пальцевыми вдавлениями, нанесенными с двух сторон в шахматном порядке.

Другой вид грубой керамики представлен слабопрофилированными горшками с короткой шейкой и округлыми боками. Как и на предыдущих горшках, край венчика орнаментирован пальцевыми вдавлениями, расположенными в шахматном порядке (рис. 2, 1). В отличие от «хрупчатых» сосудов они тонкостеннее, хуже обожжены, более рыхлой фактуры. Поверхность их снизу доверху шершавая, неровная, покрытая на целом горшке косыми расчесами.

Хотя комплекс керамики из ямы 37 на поселении у с. Незвиско невелик, тем не менее достаточно выразителен, чтобы высказать некоторые суждения об его культурной принадлежности.

Входящие в его состав миски с приподнятыми плечиками, в особенности целый экземпляр, имеют характерный для зарубинецкой культуры облик. А по такой детали, как негранный край венчика, они обнаруживают наибольшее сходство с сосудами этого вида из зарубинецких памятников Полесья². Там же можно найти аналогии мискам с маленькими ушками и с бороздчатым орнаментом³.

По ряду признаков («хрупчатый» или шершавый характер поверхности, вдавленный орнамент по краю венчика) грубую посуду из ямы 37 можно сопоставить с зарубинецкой керамикой⁴. Впрочем, эти же черты свойственны грубой посуде поморской культуры. А по таким деталям, как бугристый или «хрупчатый» ха-

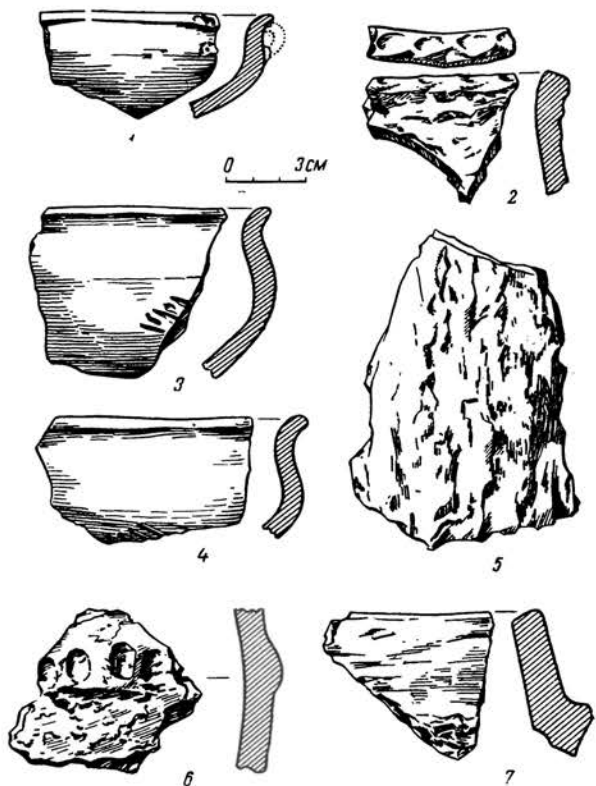

Рис. 1.

Лепная керамика с поселения у с. Незвиско

1—5 — из ямы 37; 6, 7 — из ямы 30

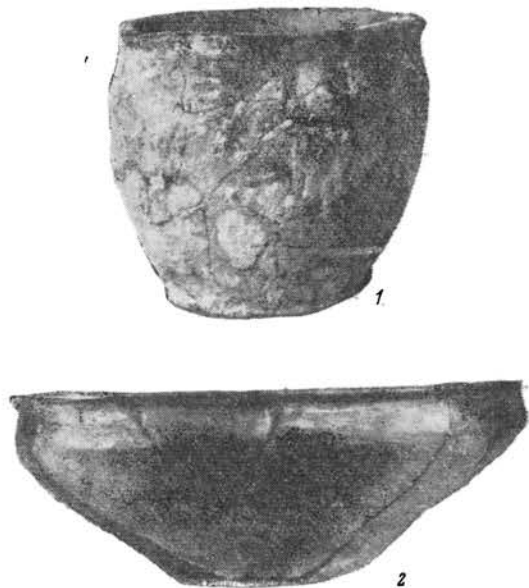

Рис. 2.

Сосуды из ямы 37 (1, 2)

² Ю. В. Кузаренко. Зарубинецкая культура. САИ, Д1—19. М., 1964, стр. 27—28, табл. 6, 6, 7, 17.

³ Там же, стр. 28—49, табл. 6, 22; 12, 6.

⁴ Там же, стр. 29, таб. 12, 3—5, 7.

рактар всей поверхности сосудов от венчика до дна, они ближе стоят к поморским клешам, чем к зарубинецким⁵. К сожалению, форма сохранившегося целиком горшка мало выразительна, поэтому уточнить его культурную принадлежность путем сопоставления с зарубинецкими и поморскими сосудами затруднительно.

В целом, принимая во внимание присутствие среди рассматриваемого материала мисок зарубинецкого облика, с большей долей вероятности можно относить комплекс находок из ямы 37 к кругу зарубинецких, точнее раннезарубинецких, памятников, допуская его переходный поморско-зарубинецкий характер.

Косвенным подтверждением принадлежности этого материала ко времени, более раннему, чем липицкий и последующие горизонты I—IV вв. н. э. в Незвиско, служат стратиграфические наблюдения над условиями его залегания. Как отмечалось выше, следы ямы 37 появились только на глубине 1,5 м, где находки первых веков новой эры обычно не встречаются.

Очевидно, к этому же кругу древности принадлежит материал из ямы 30 (квадрат З—Ж/15). Все фрагменты лепных сосудов отсюда относятся к категории грубых слабопрофилированных горшков с «хрповатой» поверхностью. В верхней части горшка поверхность гладкая и отделяется от «хрповатой» в нижней части низким валиком с вдавлениями (см. рис. 1, 6, 7). Здесь же найдены два обломка сделанных на круге темно-серых сосудов.

Такие особенности, как «хрповатый» характер поверхности, закономерность в расположении валика у основания шейки, тип валика — низкий с вдавлениями, не противоречат отнесению материала из ямы 30 к числу комплексов зарубинецкого типа⁶, хотя и не исключено, что по времени они будут иными, чем вышеописанные находки из ямы 37. Обломки гончарных сосудов из-за невыразительности довольно сложно определить.

В связи с выделением из незвисской коллекции хозяйственных комплексов с сосудами зарубинецкого типа возникает вопрос о возможности наличия подобной керамики в культурном слое этого памятника. Кроме невыразительных

обломков стенок сосудов с «хрповатой» или бугристой поверхностью, которые в равной степени могут относиться как к зарубинецкому, так и к пшеворскому горизонтам поселения, другой характерной для зарубинецкой культуры керамики выявить почти не удалось.

Лишь в порядке предположения считаем возможным присоединить к выделенному комплексу чернолощеную ребристую миску на полой подставке, ранее нами отнесенную на основании аналогий к пшеворскому горизонту⁷. Поводом для этого послужило не только ее сходство с сосудами подобного типа из зарубинецких памятников⁸.

С одной стороны, ставить этот вопрос позволяют условия находки рассматриваемого сосуда, обнаруженного вне закрытых пшеворских комплексов, в культурном слое на смежном с зарубинецкой ямой 37 участке (квадрат Д/11, глубина 1,35 м). С другой стороны, среди материала из закрытых пшеворских комплексов (ям и жилищ) отсутствуют прямые аналогии этой миске. Основные отличия между ними заключаются в качестве отделки сосудов и в характере поддонов — массивных, утолщенных у мисок из пшеворских жилищ⁹, легкого, полого у миски из культурного слоя. В дальнейшем при широком изучении среднеднестровских памятников зарубинецкого типа наше предположение относительно культурной принадлежности этой миски, видимо, удастся уточнить.

К сожалению, древности последних веков до новой эры в Верхнем и Среднем Поднестровье (в украинской части) почти не изучены. Отдельные памятники этой поры, ныне опубликованные, немногочисленны и различны между собой¹⁰. Поэтому пока трудно в полной мере судить об особенностях зарубинецких памятников в Среднем Поднестровье, а также об

⁷ Г. И. Смирнова. Археологические культуры I тысячелетия н. э. в Верхнем Поднестровье (по материалам Незвиско). СГЭ, XVII, 1960, стр. 54—56, рис. на стр. 55; она же. Поселение у с. Незвиско..., стр. 209—210, рис. 5, 5.

⁸ Ю. В. Кузаренко. Зарубинецкая культура, стр. 28, табл. 6, 44, 45; рис. 24, 2, 5.

⁹ Г. И. Смирнова. Підсумки досліджень верхніх шарів Незвиського поселення. МДАПВ, вып. 2, 1959, рис. 7, 5.

¹⁰ Б. А. Тимошук, И. С. Винокур. Памятники эпохи полей погребений на Буковине. КСИА, вып. 90, 1962, стр. 73—76; Д. А. Мачинский. Археологические памятники у с. Круглик и проблемы зарубинецкой культуры. «Тези доповідей Подільської історико-краєзнавчої конференції». Хмельницький, 1965, стр. 71—72; Л. И. Крушельницкая. Кельский памятник в Верхнем Поднестровье. КСИА, вып. 105, 1965, стр. 119—122.

⁵ Ю. В. Кузаренко. Памятники железного века на территории Полесья. САИ, вып. Д1—19. М., 1961, стр. 9, табл. 5, 16; 6, 5; 8, 1, 2, 10; В. Б. Никитина. Вновь открытые памятники поморской культуры. КСИА, вып. 102, 1964, стр. 43—44, рис. 15, 12; она же. Памятники поморской культуры в Белоруссии и на Украине. СА, 1965, № 1, стр. 203, рис. 3, 8; 4, 4.

⁶ Ю. В. Кузаренко. Зарубинецкая культура, стр. 24, 29, табл. 4, 8, 10; 12; 7.

их отношении к выделяемым вариантам зарубинецкой культуры на других территориях. Для постановки и решения этих вопросов необходимы дальнейшие целенаправленные работы по

накоплению материалов зарубинецкого типа в Среднем Поднестровье, тем более что, по имеющимся данным, нет оснований сомневаться в их существовании в этом районе.

Ю. В. КУХАРЕНКО ПОГРЕБЕНИЕ У С. ПЕРЕСЫПКИ

(Москва)

В краеведческом музее г. Путивля хранятся очень интересные вещи, поступившие в музей еще в 1936 г. из с. Пересыпки Путивльского района Сумской обл. Я имею в виду глиняный сосуд, железный нож, поясную пряжку и обломок точильного бруска (рис. 1, 2)¹. По сведениям музея, сообщенным мне в свое время Д. Т. Березовцем и покойным ныне И. И. Ляпушкиным, вещи эти были найдены жителями с. Пересыпки в том же 1936 г. в разрушенном ими погребении с трупосожжением. Погребение обнаружено случайно во время лесонасаждений на песчаной возвышенности правого берега р. Сейма недалеко от села. Обломки пережженных костей покойника в этом погребении находились в глиняном сосуде-урне. В этом же сосуде вместе с костями была и зола. В погребении (по теперь уже неизвестно, в самой ли урне или около нее) найдены нож, поясная пряжка и обломок точильного бруска.

Урна лепная, вазовидная, черновато-серого цвета (рис. 1). Край венчика граненый. Шейка урны отделена от тулова довольно широким круговым уступом, ниже которого по плечикам сосуда прочерчена ломаная бороздка. Подобная же бороздка, но горизонтальная, опоясывает тулово в придонной части. На плечиках урны имеются три симметрично расположенных налепных выступа в виде усеченных четырехгранных пирамидок. Наружная поверхность верхней и придонной частей урны, то есть выше ломаной и ниже горизонтальной бороздок, лощеная. Пространство же между бороздками, то есть поверхность средней части сосуда — тулово, покрыто неглубокими расчесами, нанесенными частым гребнем. Высота урны 20 см, диаметр отверстия около 16 см.

Нож железный, с горбатой спинкой (рис. 2, 1). Конец ножа отломан. Длина уцелевшей части 12 см. Поясная пряжка круглая, с длинным подвижным язычком (рис. 2, 2). Рамка

пряжки сделана из четырехгранного железного стерженька. Диаметр пряжки 5,5 см. От точильного бруска в погребении находился лишь небольшой сильно стертый обломок. Сделан из песчаника.

Описанная выше урна из погребения у с. Пересыпки для Приднепровья пока что является уникальной находкой. Близкие, хотя и не тождественные, аналогии ей мы находим лишь далеко на северо-западе, в низовьях Вислы. Я имею в виду находки подобных по форме сосудов в погребениях так называемой оксывской культуры, где они появляются еще в конце латенского времени и встречаются вплоть до III в. н. э.² В позднелатенское время подобные по форме сосуды известны также и у западных соседей оксывского населения — у племен так называемой ясторфской культуры³, в I—III вв. н. э. они иногда встречаются и на пограничных с оксывской культурой с юга памятниках пшеворской культуры⁴.

Исходя из времени бытования подобных сосудов в указанных районах Повисленья (более близких по территории аналогий нет), мы можем относить нашу урну из с. Пересыпки в целом к этому же времени, то есть к периоду с конца I в. до н. э. по III в. н. э. Этой датировке не противоречат нож и поясная пряжка, найденные вместе с урной. Ножи с так называемой горбатой спинкой в Европе, как известно, быто-

² D. Bohnsack. Die Burgunden in Ostdeutschland und Polen während des letzten Jahrhunderts v. Chr. Leipzig, 1938, стр. 77, рис. 67, 69; табл. 17, 4; он же. Die Burgunden. Vorgeschichte der deutschen Stämme, т. III. Berlin (1940), стр. 1052 табл. 428; R. Schindler. Die Besiedlungsgeschichte der Goten und Gepiden im unteren Weichselraum auf Grund der Tongefäße. Leipzig, 1940, стр. 32—64, табл. 21; M. Pietrzak. Cmentarzysko z okresu wpływów rzymskich w Malborku-Wielbarku przy ul. Odgórnej 4. «Pomerania Antiqua» т. 1. Gdynia, 1965, стр. 160, табл. I, 3, стр. 172, табл. III.

³ H. J. Eggert. Die Mittel-Latenezeit in Mittelpommern. «Baltische Studien», Т. 43. Hamburg, 1955, табл. 1, а; 2.

⁴ A. Dymaczewski. Cmentarzysko z okresu rzymskiego w Młodzikowie, w pow. średzkim. «Fontes Archaeologici Posnanienses», т. VIII—IX. Poznań, 1958, стр. 293, рис. 227 4; стр. 423.

¹ Путивльский краеведческий музей, инв. № 437. Публикуемые здесь фото и рисунки вещей по моей просьбе сделаны в музее О. Н. Мельниковской и Э. А. Сымоновичем, за что приношу им сердечную благодарность.

Рис. 1.
Пересыпки. Глиняная урна

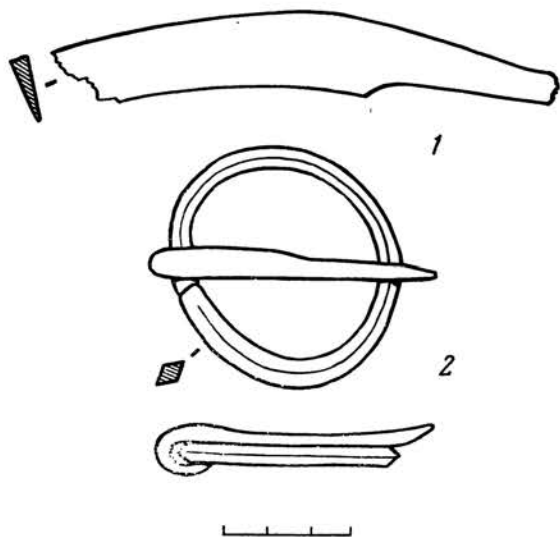

Рис. 2.
Пересыпки. Железные нож и пряжка (1, 2)

вали очень долго, вплоть до начала позднееримского времени, когда их сменяют ножи с прямой спинкой. Круглые поясные пряжки появились в конце позднелатенского времени и находились в употреблении вплоть до III в. н. э.⁵

⁵ J. Kostrzewski. Wielkopolska w pradziejach. Warszawa — Wrocław, 1955, стр. 222—224; A. Dymaczewski Указ. соч., стр. 411; E. Blume. Die germanischen Stämme und die Kulturen zwischen Oder und Passarge zur römischen Kaiserzeit, C. I. Würzburg, 1912, стр. 43—44.

Причем наиболее ранние варианты таких пряжек известны по находкам в погребениях той же оксывской культуры низовьев Вислы.

Погребение у с. Пересыпки можно датировать, однако, и более узкими хронологическими рамками. Основанием для этого является орнамент в виде чередующихся лощеных и покрытых мелкими расчесами полей, нанесенный на поверхность урны из этого погребения. Подобный орнамент, правда состоящий не из прямоугольных, как в нашем случае, а из треугольных чередующихся полей, встречается на сосудах той же оксывской культуры лишь начиная с середины I в. н. э. и бытует в основном до середины II в. н. э.⁶ И лишь на некоторых памятниках этой культуры сосуды с подобным орнаментом встречаются и позже, примерно до конца II в. н. э.⁷ На нашей территории сосуд, орнаментированный чередующимися лощеными и «хротоватыми» полями, был найден лишь в одном из погребений, вскрытых нами на могильнике Брест-Тришин⁸. Могильник этот возник во второй половине II в. н. э. и по своему характеру относится в общем к той же группе памятников, что и могильники низовьев Вислы. Урна из погребения у с. Пересыпки — вторая, причем самая удаленная к востоку, находка сосудов с подобным орнаментом на нашей территории. И мне кажется, что датировать ее, а следовательно, и погребение правильное всего будет концом I—II в. н. э.

Представляется несомненным также, что появление сосуда этого типа, а может быть, и самого погребения у с. Пересыпки объясняется наличием в то время тесных связей населения этого района Приднепровья с оксывскими и родственными им племенами Повисленья, Западного Полесья и Волыни (памятники типа Брест-Тришин, Пряжев и т. д.). Об этом свидетельствуют не только погребение у с. Пересыпки, но и некоторые другие факты. В соседнем с. Пересыпки с. Харивке, например, известно поселение II—IV вв. н. э., на котором во время раскопок были обнаружены обломки глиняных лепных сосудов, в том числе и сосудов с «хротоватым» туловом и лощеными верхней и придонной частями, того же в общем типа, что и сосуды из памятников Волыни и Полесья. На это давно уже обращал внимание исследователь

⁶ J. Kmiecinski. Zagadnienie tzw. kultury gocko-gepidzkiej na Pomorzu wschodnim w okresie wczesnorzymskim. Łódź, 1962, стр. 133—140.

⁷ J. Kmiecinski. Указ. соч., стр. 135—136; R. Schindler. Указ. соч., стр. 41.

⁸ J. V. Kuharenko. Le probleme de la civilisation «gotho-gepide» en Polésie et en Volhynie. «Acta Baltico-Slavica», V. Bialystok, 1967, стр. 22, табл. I, 5.

этого поселения Д. Т. Березовец⁹. Подобные же поселения этим исследователем были обнаружены на хут. Латышев и у с. Калиши этого же района, а также и в с. Пересыпки¹⁰.

К сожалению, пока что мы ничего не знаем о характере этих связей. Знаем только, что установились они еще раньше, в конце латенского времени. Об этом свидетельствуют, например, неоднократные находки на хут. Лески Менского района Черниговской обл., то есть в том же по существу районе, что и с. Пересыпки, бронзовых шарнирных шейных гривен в виде корон¹¹. Вещи эти вообще очень редки (рис. 3)¹².

Древнейшие их прототипы известны по находкам в Ютландии. Оттуда в самом начале латенского времени они распространились в районы Поморья, занятые племенами поморской, а затем оксывской культур. В позднелатенское время отдельные экземпляры таких гривен из Поморья попадают и в более южные районы Повисленья, а также на Украину (Вильхове Львовской обл., Залесье Тернопольской обл., Дашев Винницкой обл. и упомянутые уже Лески на Черниговщине). Причем везде это единичные находки и только в Лесках, находящиеся на самой восточной окраине области распространения таких гривен, их было найдено четыре. Это лишний раз свидетельствует в пользу того, что связи населения этого

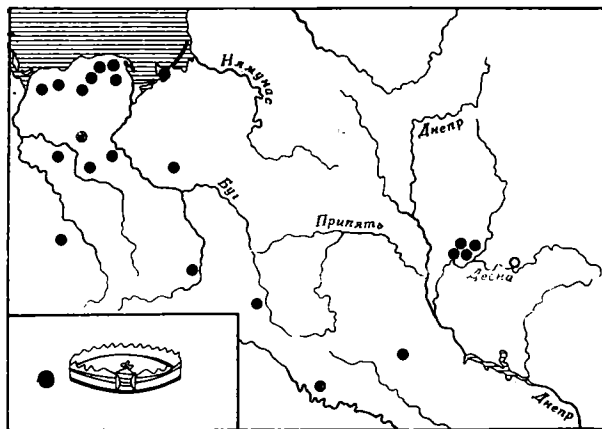

Рис. 3.

Распространение шейных шарнирных гривен в виде корон на территории СССР и Польши. Светлым кружком указано погребение у с. Пересыпки

района с нижневисленскими племенами были не случайны, а носили глубокий и устойчивый характер.

¹⁰ Там же, стр. 63.

¹¹ Ю. С. Виноградский, Д. И. Левьюк. Находки бронзовых украшений в Менском и Сосницком районах. КСИИ, вып. 9. Киев, 1959, стр. 96—98.

¹² J. Kostrzewski. Kronenhalsring. «Reallexikon der Vorgeschichte», T. VII. Berlin, 1926, стр. 106—108; он же. Pradzieje Pomorza. Wrocław — Warszawa — Kraków, 1966, стр. 93; J. Pasternak. Der kronenhalsring von Ulwivok. «Pozener Jahrbuch für Vorgeschichte», t. I. Poznań, 1944, стр. 103—110.

⁹ Д. Т. Березовец. Дослідження слов'янських пам'яток на Сеймі в 1949—1950 рр. АП УРСР, т. V. Київ, 1955, стр. 61—65.

Э. А. РИКМАН. ПОГРЕБЕНИЕ П В. Н. Э.
И. Г. ХЫНКУ У С. ПЕРВОМАЙСК
(Кишинёв) (Молдавия)

Погребение, о котором идет речь, было обнаружено летом 1966 г. в степной зоне Днестровско-Прутского междуречья у с. Первомайск Каушанского района при земляных работах¹. Вероятно, погребение совершено в кургане, ибо, по рассказам местных жителей, на месте, где оно обнаружено, было возвышение, срезанное бульдозером при сооружении памятника героям Великой Отечественной войны.

Погребальная яма, почти прямоугольная, в плане ориентирована длинной осью с севера на

юг и имела площадь 2,4×1 м, глубину 1,5 м. В яме находились разрозненные обломки человеческих костей, многие из них при этом отсутствовали. Кости черепа и грудной клетки были главным образом в северной половине погребальной ямы, а обломки костей ног — преимущественно в южной. Видимо, костяк был ориентирован по направлению север — юг. Предплечье правой руки покойного переломано, судя по рентгеновскому снимку, не менее чем за полтора года до смерти. Судя по несовместности концов обломков, срастание произошло без предварительного их совмещения².

¹ Погребение доисследовал И. Г. Хынку с помощью учителей Н. С. Богуславской и Л. С. Даниске в том же 1966 г.

² По этим вопросам авторов консультировал кандидат медицинских наук В. Р. Окушко.

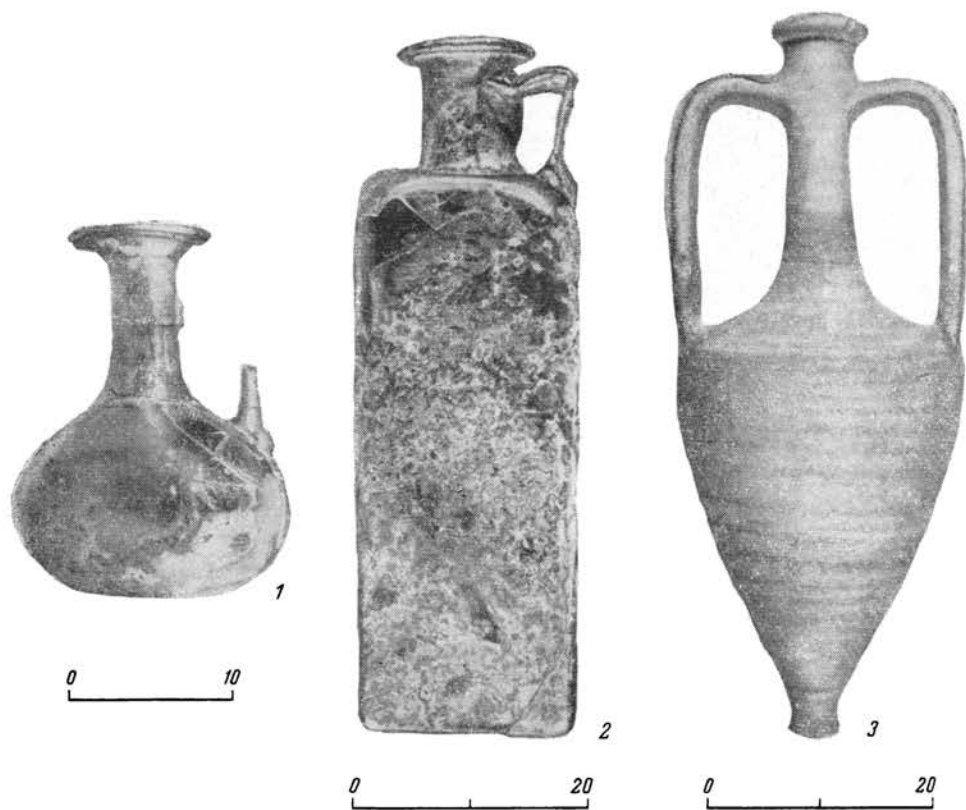

Рис. 1.
Первомайск. Стекланные сосуды (1, 2) и глиняная амфора (3) из погребения

В погребении на дне ямы к западу от головы покойника стоял кувшинчик с ручкой, изготовленный из прозрачного стекла простым дутьем (рис. 1, 1). Сосуды аналогичной формы найдены в сарматском погребении у с. Ново-Филипповки (Запорожская обл.)³ и в могильнике на территории Швейцарии⁴. Упомянутые стеклянные кувшинчики относятся к II в. н. э. Этим же временем датируется и кувшинчик из погребения у с. Первомайск⁵.

Около правого плеча покойника находилась небольшая железная пряжка округленно-овальной формы с утолщенным язычком. Слегка утолщена и передняя часть рамки пряжки (рис. 2, 1).

³ М. И. Вязьмитина. Сарматские погребения у с. Ново-Филипповка. Сб. «Вопросы скифо-сарматской археологии». М., 1954, стр. 238.

⁴ Ghr. Simonett. Tessiner Gräberfeld». Monographien zur Ur- und Frühgeschichte der Schweiz». Basel, 1941, Abb. 62,4.

⁵ Данные для датировки нам любезно сообщила Н. П. Сорокина.

Две другие железные пряжки, но более крупных размеров, были найдены у ног покойника. Одна из них круглая (рис. 2, 2), другая овально-вытянутой формы (рис. 2, 3).

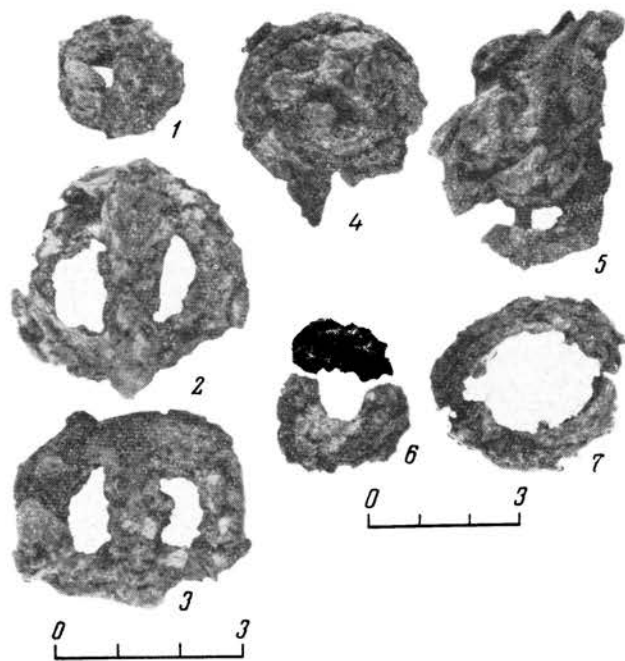
Сходные пряжки были широко распространены в первых столетиях новой эры в Северном Причерноморье, в частности на памятниках, относящихся к черняховской культуре⁶. Видимо, крупные пряжки относятся к уздечному набору, а малая, найденная около правого плеча покойника, служила застёжкой портупей.

Неподалеку от пряжек, лежащих у ног покойника, были найдены обломки железных кольчатых удиц (рис. 2, 4—7). У таза же находилась обломки железного ножа — часть лезвия и черенок с заклепкой, которой закреплялись накладки рукоятки.

В ногах покойного стояли рядом стеклянная бутылка с прямоугольным туловом (см. рис. 1, 2) и амфора (см. рис. 1, 3). Последняя светлоглиняная (розоватая), с удлиненным узким горлом и ручками с характерными продольными надрезами. Такие амфоры И. Б. Зеест относит к II—III вв. н. э.⁷, а И. С. Каменецкий —

⁶ Э. А. Рикман. Памятник эпохи великого переселения народов. Кишинёв, 1967, рис. 11, 2 и 38.

⁷ И. Б. Зеест. Керамическая гора Боспора. МИА, № 83, 1960, табл. XXXVIII, 94а.

Р и с. 2.

Первомайск. Железные вещи из погребения
1—3 — пряжки; 4—7 — обломки удила

к последней четверти II — началу III в. н. э. На плечах амфоры черной краской начертаны греческие буквы в две строки, по-видимому, λ, ν, η и непонятный значок (может быть, Ω — омега). На противоположной стороне тулова красной краской начертано Ε.

Бутылка четырехгранная, отлита из голубовато-зеленого стекла. Горло узкое, цилиндрическое, с широким плоским венчиком. Рифленая ручка припаяна к горлу и тулову, причем соединение с последним осуществлено с помощью разрезов на нижнем крае ручки. На дне имеются рельефные кружки по углам и три concentрические окружности в центре. Аналогичные сосуды найдены в Ольвии и Танаисе. Н. П. Сорокина полагает, что такие западноримские провинциальные сосуды привозили в Северное Причерноморье из Рейнской области или Галлии. Они относятся к I и преимущественно II в. н. э.⁸

У южной стенки ямы найдено бронзовое кольцо, овальное в поперечном сечении.

В заполнявшем яму грунте найдены обломки стенок и ручек красных и серых сосудов, в том

⁸ Н. П. Сорокина. Стекланные сосуды из Танаиса. «Древности Нижнего Дона». МИА, № 127, 1965, стр. 226—231, рис. 12, 7, 8, 10.

числе кувшинов, фрагменты рифленых стенок белоглиняных амфор. Видимо, в могилу были сыпаны обломки сосудов, разбитых после тризны.

Рассматриваемое погребение является сарматским, судя по тому, что оно совершено в кургане. О том же можно заключить по находке в могиле удила и других принадлежностей конского убора, характерных для сарматских могил⁹ и отсутствующих в захоронениях черняховской культуры. Наличие большого количества ценных импортных изделий также сближает могилу из с. Первомайск с сарматскими погребениями и отличает от захоронений черняховской культуры¹⁰.

Как и сарматская могила из Олонешт, рассматриваемое погребение служит свидетельством имущественной дифференциации и принадлежит предводителю племенной аристократии.

Обращает на себя внимание разрушенность костяка, сочетавшаяся с сохранностью (цельностью) дорогостоящих вещей в могиле. Более того, стеклянная бутылка стояла над заполнением могилы с разрозненными костями разрушенного скелета. Судя по этим данным, костяк разрушен не при ограблении могилы, а с ритуальными целями и сопровождающий инвентарь водворен на место.

Существует мнение, что разрушение скелетов в погребениях черняховской культуры производилось с ритуальными целями¹¹. Это правдоподобное положение было трудно обосновать на конкретном материале разрушенных погребений, которые часто ограблены. Погребение у с. Первомайск дает возможность обосновать мнение о ритуальном разрушении погребения, правда, не черняховского, а позднесарматского. Факты подобного рода ранее наблюдались Е. В. Махно в сарматском могильнике Усть-Каменка на нижнем Днепре¹².

Рассматриваемое погребение дает возможность уточнить датировку памятников сарматской культуры в Днестровско-Прутском междуречье, которые по краснолаковой посуде и фибулам датировались II—III вв. н. э. Для погребения в с. Первомайск дата (II в.) подтверждена совместной находкой стеклянных сосудов и амфоры.

⁹ А. И. Мелюкова. Сарматское погребение из кургана у с. Олонешты (Молдавская ССР). СА, 1962, № 1, стр. 206, 207.

¹⁰ Э. А. Рикман. Поздние сарматы Днестровско-Дунайского междуречья. СЭ, 1966, № 1, стр. 84.

¹¹ Э. А. Сымонович. Магия и обряд погребения в черняховскую эпоху. СА, 1961, № 1, стр. 59.

¹² Там же.

В последние годы было обращено большое внимание на изучение языческих памятников, связанных с древностями первой половины I тысячелетия н. э. на среднем Днестре. Это дало положительные результаты и расширило наши представления о истории и культуре черняховских племен II—V вв. н. э.¹ Работа по собиранию, систематизации памятников этого рода на территории Среднего Поднестровья продолжается и приносит все новые материалы. В этой заметке мы намерены рассказать о новых языческих памятниках, открытых в Среднем Поднестровье.

Примерно в 2,5 км на северо-восток от с. Кременная Городокского района Хмельницкой обл., в урочище Гора, на поле местные жители знают каменное изваяние, именуемое ими «камень-идол». В настоящее время изваяние смещено со своего первоначального места, так как оно, по рассказам старожил, мешало пахоте.

Идол высечен из камня-известняка. Высота его 1,5 м. В основе в поперечном сечении он прямоугольный, размером 0,40×0,45 м. Изображение в значительной мере выветрено, но

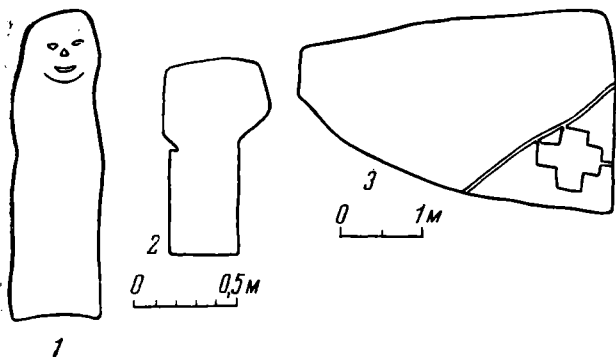

Рис. 1.

Каменные изваяния

1 — из с. Кременная; 2 — из с. Колодрибка; 3 — плита-жертвенник из с. Межигорье

все же читается. Это фигура бородатого мужчины. О положении рук судить трудно, так как в плечевой части изображение едва прослеживается (рис. 1, 1).

¹ М. Ю. Брайчевский, В. И. Довженок. Поселение и святилище в селе Иванковцы в Среднем Поднестровье. «История и археология юго-западных областей СССР начала нашей эры». МИА, № 139, 1967, стр. 238—263; И. С. Винокур. Языческие изваяния Среднего Поднестровья. Там же, стр. 136—144.

Мы произвели обследование в районе находки указанного изваяния. Оказалось, что там, где, по рассказам старожил, ранее стоял идол, на поверхности встречаются обломки глиняных сосудов черняховской культуры, а также куски обгорелого камня, прослойки золы и отдельные кости животных. Кроме того, примерно в 1,5 км к северу от места находки каменного изваяния при разведках обнаружены остатки черняховского поселения и славянского селища VI—VII вв. н. э. с керамикой типа Городокского селища².

Примерно в 2 км на юго-восток от с. Блыщанка Залещицкого района Тернопольской обл., в урочище Горбы, над р. Гнилой местные жители знают каменное изваяние — идол. Урочище Горбы расположено на правом берегу р. Гнилой (притока р. Серет). В 1914 г., по словам старожилы Л. И. Скибицкого, голова у идола была отбита. В настоящее время сохранилась нижняя часть идола, подквадратная в поперечном сечении, размером 0,40×0,40 м. Идол изготовлен из камня-известняка.

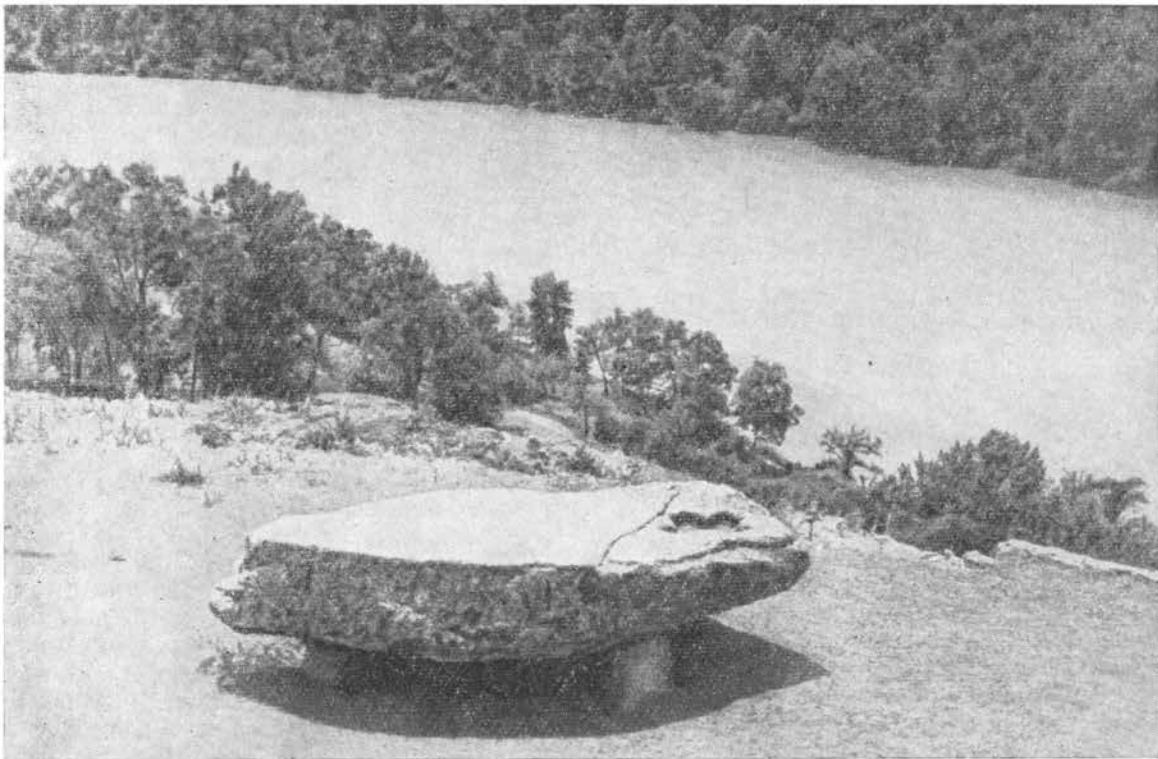
В непосредственной близости от идола находятся остатки селища с двумя культурными слоями: черняховским и трипольским. При постановке шурфа на месте, где стоит идол, на глубине 0,45—0,50 м найдены обломки черняховской керамики, кости животных и прослойки пепла. Связь указанного идола с черняховским культурным слоем на поселении очевидна.

В с. Колодрибка Залещицкого района Тернопольской обл. на усадьбе И. Ф. Присяжнюка стоит каменное изваяние — идол. Он принесен сюда, по словам старожил, где-то в 20-х годах с поля. Точно места его находки, однако, никто в селе указать не может. Идол имеет большую голову и антропоморфные очертания по контуру. Он высечен из известняка. Высота идола 0,95 м. Поперечное сечение его прямоугольное, размером 0,35×0,25 м (рис. 1, 2).

Все указанные новые находки связаны с антропоморфными изваяниями, причем преобладают изображения мужчин. Эта закономерность была прослежена и ранее³. По технике и манере изображения новые антропоморфные изваяния близки тем, которые были ранее об-

² И. С. Винокур, О. М. Приходнюк. Работы славянского отряда Подольской экспедиции. «Археологические открытия 1967 года». М., 1968, стр. 234—235.

³ И. С. Винокур. Указ. соч.

Р и с. 2.

Жертвенная плита на трех опорах в с. Межигорье

наружены на черняховских памятниках Поднестровья. Ситуация местонахождения новых каменных изваяний также указывает на связь их с черняховским культурным слоем⁴.

Несколько особняком стоит языческий памятник — жертвенник, находящийся в с. Межигорье⁵ Борщовского района Тернопольской обл. На юго-западной околице села на коренной террасе левого берега р. Серет расположены две пещеры, а перед ними — большой жертвенный камень, который покоится на трех каменных опорах. Плита имеет ровную поверхность и подтесана. В плане она не совсем правильной формы (см. рис. 1, 3; рис. 2). Длина плиты 4,6 м, ширина 2,5 м.

В одной оконечности плиты выдолблена канавка с уклоном, а от нее отходят еще две, меньшие. Последние переходят в выбитый и

рельефно читаемый крест. Крестообразное углубление имеет размер $0,72 \times 0,80$ м. Толщина углубления креста 12,5 — 13 см. Толщина всей жертвенной плиты 0,7—0,8 м.

Перед нами, очевидно, плита, служившая для древних языческих жертвоприношений. Об этом же свидетельствуют предания, связанные с указанным языческим памятником. Старожилы села и окрестных мест говорят о межигорском памятнике именно как о плите для жертвоприношений. Рельефное крестообразное углубление могло символизировать идею огня, как это широко известно в древних языческих религиях. Плоская и значительная по площади поверхность плиты с канавками-проточками могла служить местом приношения жертв частей или целых туш убитых животных.

Для определения примерного времени функционирования жертвенного камня нами были предприняты обследования пещер непосредственно вблизи самого памятника. В пещерах (они неглубокие — 2,5—3 м), к сожалению, обнаружить остатки культурного слоя не удалось. Явно видно лишь, что где-то совсем недавно, по словам старожилов в 20-х годах, были сло-

⁴ В самое последнее время разведкой Среднеднестровской археологической экспедиции в с. Непоротове Сокирянского района Черновицкой обл. обнаружено еще одно антропоморфное каменное изваяние (бородатый мужчина). Этот идол также связан с черняховским поселением.

⁵ Старое название села Монастырек.

жены опоры из камня, для того чтобы обезопасить выход в пещеры. Последние, как и весь живописный берег Серета, активно посещались туристами.

В непосредственной близости от плиты, у ее опор, были сделаны траншеи для выяснения стратиграфии культурных напластований. Оказалось, что каменные опоры углублены от современного уровня на 0,60—0,70 м. Ширина и толщина каменных опор 0,50—0,70 м.

Культурный слой был представлен в траншеях разновременной керамикой, самая древ-

няя из которой относится к раннему железному веку, а самая поздняя — к средневековой.

Таким образом, пока установить время функционирования жертвенной плиты в Межигорье не удалось. Видимо, необходимы более широкие работы для уточнения датировки этого памятника. Несомненно лишь одно, что жертвенная плита из Межигорья представляет значительный интерес для изучения древних языческих культов населения Среднего Поднестровья.

Б. А. РЫБАКОВ НЕСТОР

(Москва)

О СЛАВЯНСКИХ ОБЫЧАЯХ

Знаменитая характеристика быта славянских племен в Повести временных лет всегда интересовала историков России, но в большинстве случаев воспринималась ими как *этнографическая* запись киевского летописца о своих современниках.

Историки-норманисты смаковали слова Повести о том, что славяне «живяху звериньскомь образомь», «живяху в лесе, якоже всякий зверь», считая, что комментарии здесь не нужны.

Другие комментировали этот раздел исходя из позиции летописца христианина, хвалившего крещеных полян и умышленно чернившего язычников лесной полосы.

Задача критики этого текста распадается на две части: во-первых, надо установить хронологию той эпохи, о которой пишет Нестор, а во-вторых, проверить (например, по археологическим данным), был ли на самом деле тогда столь контрастен быт славян на берегах Днепра и вдали от Днепра.

Установление первоначального порядка перепутанных двумя редакторами отрывков Повести временных лет дает нам следующую последовательность изложения:

1. Вавилонское столпотворение.
2. Расселение славян в Европе.
3. Описание быта древних славян.
4. Построение Киева. Князь Кий — федерат Византии.
5. Появление хазар (VI—VII вв.).
6. Расселение славян по всему Балканскому полуострову (вторая половина VI—VII в.).
7. Нападения «белых угров» и авар на славян при императоре Ираклии (610—641 гг.).
8. Гибель Аварского каганата (803 г.).

9. Появление печенегов и венгров (конец IX — середина X в.)¹.

Как видим, все поддающиеся датировке события поставлены в хронологическом порядке. Наиболее глубокая дата — VI в. н. э. К сожалению, нельзя точно датировать время княжения Кия, но такая ситуация, когда славянского князя приглашает к себе в Царьград сам император и поручает ему охрану дунайской границы империи, могла возникнуть только в VI в. Более того, историк Велизария Прокопий Кесарийский подробно описал подобную ситуацию, когда ант Хилбудий был приближен ко двору и получил (как и Кий) город на дунайской границе. Это сужает дату до второй четверти VI в.

Итак, описание быта древних славян помещено между расселением славян (что относится к незапамятным временам) и различными событиями VI в., что заставляет нас обратиться к археологическим материалам до VI в., то есть к культурам первой половины I тысячелетия н. э. Здесь мы и найдем тот резкий контраст, о котором пишет Нестор.

Поляне «бяху мужи мудры и смыслены», они строят города, придерживаются хороших обычаев своих отцов². У них правильные семейные взаимоотношения, «стыденье» к жепской половине семьи, нормальный патрилокальный брак с приданым.

Единственным минусом древних полян, с точки зрения печерского монаха, было то, что они

¹ Б. А. Рыбаков. Древняя Русь. М., 1963. Анализ ввводной части Повести временных лет, стр. 219—236.

² «Новгородская I летопись». М.—Л., 1950, стр. 105.

«бяху же погане: жруще озером, и кладязем и роцением, якоже прочи погани»³.

Земля полян применительно к первой половине I тысячелетия н. э. — это одна из основных областей черняховской культуры с ее высоким уровнем земледелия, скотоводства и ремесла, с ее устойчивой хлебной торговлей с Римом, с ее огромными открытыми селами и богатыми кладбищами. Даже культ священных озер и колодцев отразился в черняховском инвентаре, о чем свидетельствует аграрно-магический календарь летних языческих молений о дожде, нанесенный на тулово кувшина для священной воды.

Черняховское поселение было и на месте Киева, первого княжеского центра полян.

Если бы какой-нибудь римский путешественник времен Птолема побывал в богатых селам полян-черняховцев, а потом посетил бы позднерубинские городища в землях древлян или радимичей с их примитивным натуральным хозяйством, родовым строем и полным отсутствием связей с римскими городами Причерноморья, то он должен был бы так же контрастно описать эти племена, как это сделал Нестор в XII в.

По сравнению с «мудрыми и смыслеными» полянами их лесные соседи, древляне и радимичи, действительно производили впечатление малокультурных племен, «живущих скотьскы». Первобытнообщинный строй здесь был в полной силе.

Из летописи мы узнаем то, что невозможно выяснить по археологическим материалам, но что очень гармонично с ними сочетается: у лесных соседей полян была примитивная форма брака — умыкание девиц на игрищах, допускалось многоженство.

По перечню того, чего не делали поляне, мы можем установить то, что допускали противопоставляемые им соседи: отсутствие «стыденя» к снохам, сестрам и свояченицам, пережитки матрилокального брака («хожаше зять по невесту»).

Древляне «убиваху друг друга», в чем, очевидно, следует видеть родовую кровную месть.

В итоге мы должны признать, что несторовская характеристика лесостепных (поляне) и лесных славянских племен, как резко различных по уровню своего развития, верна, но относить ее нужно не к современникам Нестора и Мономаха, а к отдаленным их предкам времен Римской империи.

Сам Нестор проводит четкую грань между своим историческим экскурсом и этнографическими наблюдениями над современниками, сообщая, что некоторые черты (трупосожжение) вероятно сохранились и в его дни: «еже творят Вятичи и ныне», что, как известно, тоже подтверждено археологическими данными (Нестор родился в середине XI в., когда у вятичей господствовал обряд сожжения и бескурганного захоронения).

* * *

Большой интерес для археологов представляет известное описание погребальных обрядов: «И аще кто умряше — творяху *тризну* над нимъ и посемь сотворяху *краду* велику и вложяху на *краду* мъртвьца и сожьжаху и. И посемь, собравше кости, вложяху в судину малу и поставляху на *столпе* на путях...» Это описание в прошедшем времени применено Нестором к радимичам, вятичам, северянам и кривичам; оно отнесено к языческим временам, и только для вятичей сделана приведенная выше оговорка в настоящем времени («творять»).

Первым комментатором текста Нестора был летописец из Переяславля-Залесского, закончивший свою летопись в 1214 г.

Слово «тризна» было ему понятно, и он оставил его без перевода. Загадочную «краду велику» он перевел словами: «громада дров велия», а к словам о поставлении погребальной урны на столпе он сделал интереснейшее дополнение: «...и в *курганы* сыпаху»⁴. Действительно, в начале XIII в. у вятичей еще существовал курганный обряд погребения⁵, о чем вполне мог знать переяславский летописец, живший в трех-четыре дня пути от земли вятичей.

Возвращаясь к вопросу о хронологии Несторова описания, обратим внимание на то, что сам Нестор ни слова не сказал о насыпке каких бы то ни было насыпей, могил, курганов, — следовательно, он писал о временах, когда еще не появился курганный обряд погребения.

Его описание очень точно соответствует археологическому понятию «полей погребальных урн». Окончательно утвердиться в этом мы сможем после того, как разберем всю

⁴ «Летописец Переяславля-Суздальского». Издан К. М. Оболенским. М., 1851, стр. 4.

⁵ А. В. Арцизовский. Курганы вятичей. М., 1930; Т. В. Равдина. Типология и хронология лопастных височных колец. Сб. «Славяне и Русь». М., 1968, стр. 142.

³ «Новгородская I летопись», стр. 105.

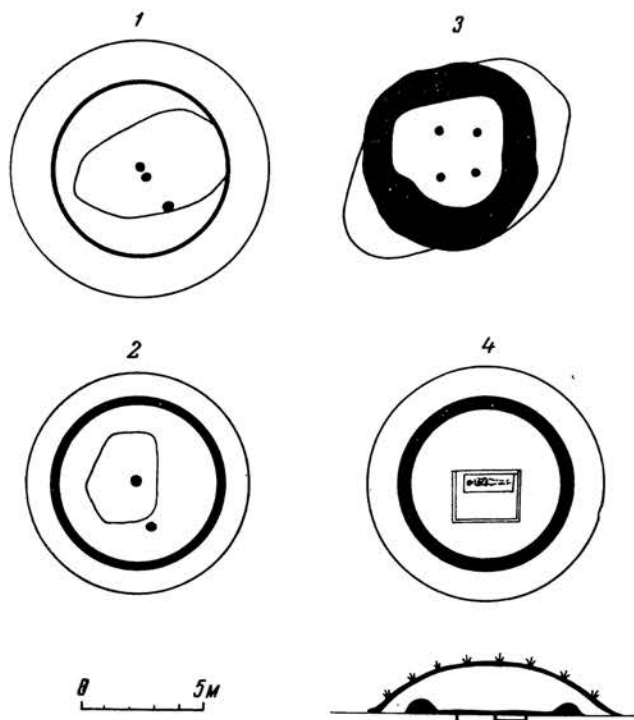

Рис. 1.

Славянские «крады» — огненные кольца в курганах
 1, 2 — Нижний Струтинь, курганы 8 и 9. Прикарпатье, раскопки М. Ю. Смишко; 3 — Демьяки, курган 4. Приднестровье, раскопки Г. Ф. Соловьевой; 4 — Вотвиновка, курган 2 (план и разрез), раскопки Г. Ф. Соловьевой

погребальную терминологию Нестора, ставшую частично непонятной уже в XIII в.

Тризна. Под словом «тризна», творимая над покойником, надо понимать, конечно, не поминальный пир по умершему (носивший название «стравы»), а боевые игры, ристания, особые обряды, призванные отгонять смерть от оставшихся в живых, демонстрировавшие их жизнеспособность. В памятниках XI в. слово «тризна» (трызна) означает «борьбу», «состязание» и соответствует греческим словам, означающим состязания в палестре или на стадионе. «Тризнице» — арена, стадион, место состязаний⁶.

Крада. Крада — не только громада горящих дров («жещи на краде»), но и особое священное место, жертвенник: «крады и требища идольская», «жра кумиром и възлагая на крады»⁷.

⁶ И. Срезневский. Материалы для словаря древнерусского языка, т. III. СПб., 1903, стб. 995—997. «Погребаему князю Михаилу ни тризница, ни думы, ни битвы не творяху» (Житие Константина Муромского. Там же, стб. 996).

⁷ Там же, т. I, стб. 1311.

Особенно интересны славяно-греческие параллели XI в. в переводе Хроники Георгия Амартола (не вошедшие в словарь И. Срезневского); слово «крада» здесь выражает два совершенно различных понятия — «огонь» и «круг». Соответственные греческие слова переводились следующими русскими синонимами: 1) «лур'а» = «крада», «огнь», «жьгома»; 2) «сфайра» = «крада», «кругъ», «образъ»⁸. Только археологические данные помогают нам понять причину смешения двух таких разнородных понятий, как «огонь» и «кругъ»⁹. В ранних хорватских курганах с трупосожжением III—V вв. н. э. М. Ю. Смишко обнаружил своеобразные кольцевые ровики, окружающие кострище, на котором сжигался покойник. Они всегда правильной формы, диаметром около 7 м и заполнены углем, золой, остатками костра даже в тех случаях, когда центральное кострище далеко не достигало ровика¹⁰ (рис. 1, 1 и 2).

В этих кольцевых ограждениях, вырытых в древнем дерновом слое, нет следов деревянных сооружений, тына; зола и мелкие угли свидетельствуют о том, что вокруг центрального кострища были образованы своеобразные «огненные круги» (ширина 20 см, глубина до 55 см), заполненные горючим материалом и своим огнем и дымом скрывавшие от глаз участников сгорание трупа на главном костре. Этот комплекс вполне отвечал слову «крада» и в его значении «сфайра», так как представлял правильный круг, и в значении «лур'а», так как этот круг горел. Хронологически это вполне соответствует той эпохе, о которой писал Нестор, — до VI в. н. э.

Отличие состоит лишь в том, что здесь эти огненные круги-крады засыпаны курганной насыпью; это было локальной верхнеднепровской особенностью — у других славянских племен курганов в это время еще не было. В земле радимичей в курганах X в. встречены подобные огненные круги со следами домовины внутри круга¹¹. Крады здесь более массивны (шириной до метра) и расплывчаты, но также образованы из остатков горючего материала — угля и золы. Крады сохраняются и в курга-

⁸ В. М. Истрин. Хроника Георгия Амартола, т. III. Л., 1930. Словарь, стр. 164, 179.

⁹ Б. А. Рыбаков. Древности Чернигова. МИА, № 11. М.—Л., 1949, стр. 29—30. Здесь со словом «крада» сопоставлено круглое в плане кострище курганов X в.

¹⁰ М. Ю. Смишко. Карпатські кургани першої половини I тис. н. е. Київ, 1960, стр. 12, табл. 1—4; стр. 19, табл. 11—16; стр. 32, табл. III, 6, 7, 8.

¹¹ Г. Ф. Соловьева. Славянские курганы близ с. Демьянки. СА, 1967, № 1, рис. 1, 4; 6, 1—4.

нах без сожжения трупа (там же, курган 3), синхронных Повести временных лет Нестора (рис. 1, 3 и 4).

Может быть, с этими пережитками трупосожжения и следует сопоставлять данные жития Константина Муромского о «дымах» при погребении.

«Судина мала». Погребальные урны с кальцинированными человеческими костями известны и в зарубинецкой культуре, и в черняховской, и в более поздних славянских курганах с трупосожжением.

Столп (сътълъпъ). Ошибка исследователей, пытавшихся реконструировать это погребальное сооружение, состояла в том, что они брали только одно из значений слова «столп» — столб, колонна, бревно.

В. З. Завитневич в одном курганном кладбище обнаружил остатки вертикальных столбов, что позволило ему так представить обряд погребения: «... на месте сожжения покойника ставили круглый столб; вокруг столба делали земляную насыпь; на вершине насыпи, на столбе, ставили урну»¹².

Более правильно мысль о «столбах» выразил художник Н. К. Рерих в своей картине «Изба смерти», где небольшая избушка стоит на четырех высоких столбах с комлями, как на четырех лапах; это навеяно сказочным образом зловещей «избушки на курьих ножках» Бабы-Яги, богини смерти.

А. А. Спицын предрекал археологическое открытие «изб смерти», и в раскопках П. П. Ефименко и П. Н. Третьякова в Боршеве действительно были обнаружены в курганах X в. небольшие деревянные срубы с остатками трупосожжения и кольцевой оградой вокруг них¹³.

После этих открытий нам нельзя уже игнорировать «избу смерти» или домовину как часть славянского погребального обряда и следует обратиться ко второму значению слова «столп» в письменных источниках эпохи Нестора¹⁴.

¹² В. З. Завитневич. Вторая археологическая экскурсия в Припетское Полесье. «Чтение в Обществе Нестора летописца», кн. VI. Киев, 1892, стр. 22. Графически реконструкция дана Н. О. Фрейманом в статье «Придорожная часовня — пережиток древнего погребения на столбах на путях» (СЭ, 1945, № 2, рис. 1 и 2). Должен заметить, что мне принадлежит только реконструкция на рис. 2 (основанная на северных старообрядческих надмогильных крестах). Рис. 3 приписан мне ошибочно.

¹³ П. П. Ефименко и П. Н. Третьяков. Курганный могильник у с. Боршева. МИА, № 8. М.—Л., 1948, рис. 37—42.

¹⁴ Б. А. Рыбаков. Древности Чернигова, стр. 30.

Чаще всего слово «столп» встречается в памятниках XI—XIII вв. в значении башни, небольшого домика, кельи, сторожки, надгробия, соответствуя греческим *πύργος*, *βομβός*¹⁵.

Русские путешественники XII—XIV вв. называли столпами саркофаги (раки), обычно имевшие форму двускатной домовины: «Тут [в Софийском соборе Царьграда] стоят многи столлове от камени красного мрамора. Оковани чудно. В них же лежат мощи святые»¹⁶.

Сооружение на Руси наземных (не подкурганых) деревянных домовин-столпов подтверждается как письменными, так и многочисленными этнографическими данными. В «Сказании о начале Москвы» XVI в. говорится о том, как преследуемый заговорщиками князь спрятался в таком погребальном столпе: «И нашел струбец, погребен ту был упокойный мертвый. Князь же влезе в струбец той, закрывся...»¹⁷

Русская этнография знает очень много примеров сооружения деревянных домовин-столпов на кладбищах от архангельского Севера до казачьего Дона¹⁸ (рис. 2).

Надмогильные домовины-столпы представляют собой деревянные срубные домики (1,5 × 2 м) с двускатной крышей и маленьким, в толщину одного бревна, оконцем. Иногда четвертой стены в срубе нет, и это дает возможность ставить внутрь домовины различные «приносы» во время поминовения мертвых (см. рис. 1 и 2).

В археологическом материале появляются новые следы описанных Нестором столпов. Так, в упоминавшихся уже радимичских курганах в Демьянках, где так хорошо прослежены огненные крады, есть явные следы прямоугольных домовин внутри кольца крад¹⁹.

¹⁵ И. Срезневский. Указ. соч., т. III, стб. 579—581; Г. Дьяченко. Полный церковнославянский словарь. М., 1910, стр. 664—666.

¹⁶ П. Савваитов. Путешествие новгородского архиепископа Антония в Царьград в конце XII столетия. СПб., 1872, стр. 67.

¹⁷ М. А. Салмина. Повести о начале Москвы. М.—Л., 1964, стр. 202.

¹⁸ «Белорусы Черниговской губернии (т. е. потомки древних радимичей) до последнего времени ставили на могилах срубы вместо могильных насыпей» (М. Домонтович. Черниговская губерния. СПб., 1865, стр. 533).

О домовинах-столпах Архангельской губернии см.: А. А. Бобринский. Народные русские деревянные изделия. М., 1911, табл. 52. Домовины Горьковской обл. опубликованы И. В. Маковецким («Заметки о памятниках деревянной архитектуры Поволжья». «Сообщения Института истории искусств», вып. 1. М., 1951, рис. на стр. 47). Этими отдельными примерами далеко не исчерпываются данные о домовинах.

¹⁹ Г. Ф. Соловьева. Указ. соч., рис. 1, 4; 6, 2.

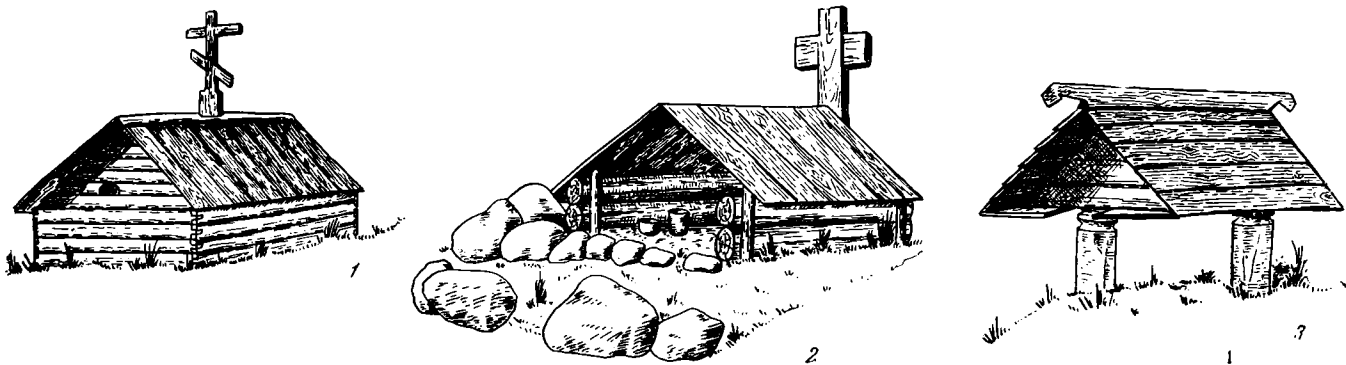

Рис. 2. Славянские домовины-столпы

1 — Солотча близ Рязани. Зарисовки 1930-х годов Н. О. Фреймана; 2 — Карелия, Лехтинский район, хутор Рню-

Варна; 3 — домовина-навес из севернорусского скита начала XX в. (рис. художника В. И. Плотникова)

Строгий порядок захоронений и отсутствие нарушений ранних могил поздними в зарубинецких и черняховских могильниках могут свидетельствовать о том, что именно тогда и появились домовины-столпы над бескуржанными погребениями полян, радимичей и древлян. Быть может, последующие тщательные раскопки обнаружат подлинные археологические следы домовин-столпов в этих могильниках. Кур-

жанный обряд сделал на время бессмысленными эти домики мертвых, так как они были засыпаны землей и недоступны для совершения обрядов. Кое-где они все же прослеживаются и под куржанными насыпями IX—XII вв. После исчезновения куржанный обряда домовины-столпы вновь получили широкое распространение, хорошо отраженное многочисленными этнографическими данными.

Е. ДАНИЛАЙТЕ РАСПРОСТРАНЕНИЕ ПАМЯТНИКОВ КУЛЬТУРЫ ШТРИХОВАННОЙ КЕРАМИКИ НА ТЕРРИТОРИИ ЛИТВЫ

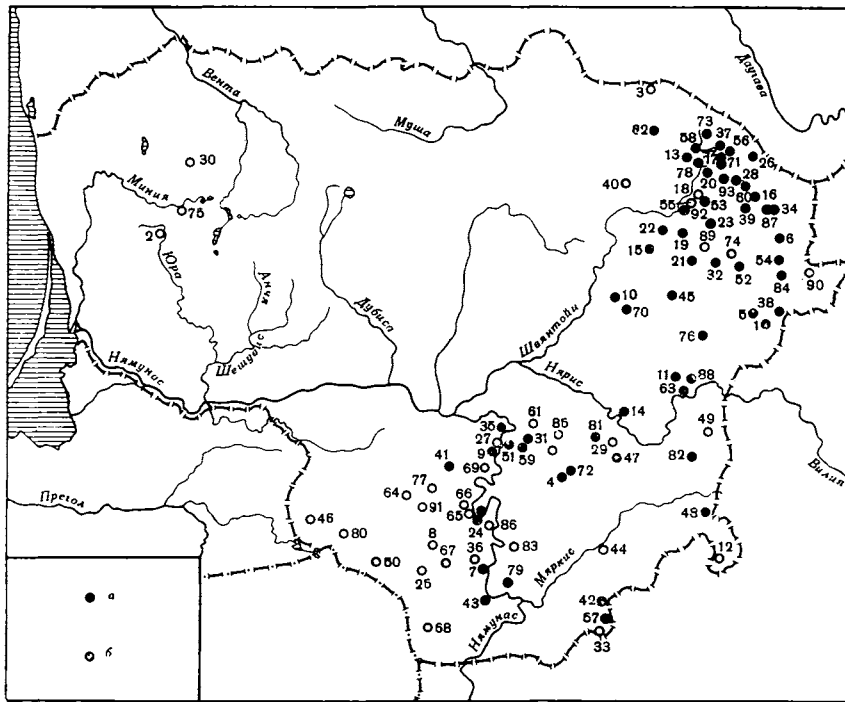
(Вильнюс)

В I тысячелетии до н. э. и в первой половине I тысячелетия н. э. на территории Литовской ССР были распространены археологические памятники — городища и селища, которым наряду с другими находками особенно свойственно наличие штрихованной керамики. Эти памятники составляют западную часть ареала так называемой культуры штрихованной керамики, распространенной также на территории Белорусской ССР и в части Латвии.

Первые сведения о городищах со штрихованной керамикой на территории Литвы сообщал в конце XIX в. Ф. В. Покровский. Первые раскопки этих памятников производили в начале XX в. В. Каширский, а также известный исследователь городищ Литвы Л. Крживицкий.

В 30-х годах эти исследования продолжал литовский археолог П. Тарасенка.

Наиболее широкие исследования начались в советские годы. Были начаты систематические раскопки городищ не только Восточной Литвы, но и Среднего Понеманья, Занеманья. Впервые были начаты исследования селищ при городищах и открытых поселений. Исследования в основном проводились Институтом истории АН Литовской ССР и Вильнюсским государственным университетом. Руководили ими П. Куликаускас, Р. Куликаускаене, О. Навицкайте, В. Даугудис и др. Данные, полученные во время раскопок, дополнили данные разведочных экспедиций. Собранный материал дает возможность уточнить ареал памятников культуры штрихованной керамики.

Р и с. 1.

Распространение памятников культуры штрихованной керамики на территории Литвы

а — памятники, на которых встречается только штрихованная керамика или же она преобладает; б — памятники, на

которых штрихованная керамика представлена в незначительном количестве и не является основной группой керамики

Перечень памятников¹

- 1 — Аквершкес Швенченского района. Городище. Лит.: Ф. В. Покровский. К исследованию курганов и городищ на восточной окраине современной Литвы «Труды Девятого археологического съезда в Вильне 1893 г.», вып. 2, стр. 195—196. М., 1897, стр. 195—196; А. Тавтовиčius. Rytų Lietuva mūsų eros I tūkstantmetyje. Vilnius, 1953, стр. 28—29, 93.
  - 2 — Акмянские, район Плунге. Селище, разрушенное более поздним могильником. Материалы хранятся в ТКМ.
  - 3 — Алксняй Рокишского района. Городище. Материалы хранятся в ИЭМЛ.
  - 4 — Аукштаварис Тракайского района. Городище и селище. Исследования 1957—1960 гг. Лит.: V. Daugudis. Aukštadvario piliakalnio įtvirtinimai ir pastatai «Lietuvos TSR Mokslų akademijos darbai». A serija 1 (12). Vilnius, 1962, стр. 43—59; P. Kulikauskas. Badania archeologiczne na Litwie w latach 1955—1961. «Acta Baltico-Slavica», 2. Białystok, 1965, стр. 231—232.
  - 5 — Богутишкес Игналинского района. Городище. Исследования 1894 г. Лит.: Ф. В. Покровский. К исследованию курганов и городищ на восточной окраине современной Литвы, стр. 190—194; А. Спицын. Литовские древно-
- ¹ Номера памятников соответствуют номерам на карте.

- сти. «Tauta ir žodis», 3, стр. 166. Kaunas, 1925; А. Тавтовиčius. Rytų Lietuva mūsų eros I tūkstantmetyje, стр. 28—29, 93.
- 6 — Байорай (Дудиняй) Игналинского района. Городище и селище. Материалы хранятся в ИЭМЛ.
- 7 — Балкасодис Алитусского района. Открытое селище. Исследования 1958 г. Лит.: P. Kulikauskas, R. Kulikauskienė, A. Tautavičius. Lietuvos Archeologijos bruožai. Vilnius, 1961, стр. 157; P. Kulikauskas. Badania archeologiczne na Litwie w latach 1955—1961, стр. 237—238.
- 8 — Бамбининкай Алитусского района. Городище. Материалы хранятся в ИЭМЛ.
- 9 — Бачкининкеляй Пренайского района. Городище и селище. Исследования 1956—1957 гг. Лит.: P. Tarasenska. Lietuvos piliakalniai. Vilnius, 1956, стр. 48; O. Navickaitė. Bačkininkelių piliakalnis. «Iš lietuvių kultūros istorijos», 2, стр. 103—118. Vilnius, 1959; R. Volkaitė-Kulikauskienė. Miniatiūrinių piliakalnių Lietuvoje klausimu. «Iš lietuvių kultūros istorijos», 2. Vilnius, 1959, стр. 125—137; P. Kulikauskas, R. Kulikauskienė, A. Tautavičius. Lietuvos archeologijos bruožai, стр. 155—156; P. Kulikauskas. Badania archeologiczne na Litwie w latach 1955—1961, стр. 232—233.
- 10 — Берзгайняй Укмергского района. Городище и селище. Предварительные исследования велись в 1936 г. Лит.: P. Tarasenska. Lietuvos piliakalniai, стр. 62.
- 11 — Бернотай Вильнюсского района. Городище. Материалы хранятся в ИЭМЛ.

- 12 — Беченай Эйшишкского района. Городище и селище. Материалы хранятся в ИЭМЛ.
- 13 — Брэдясэй Зарасайского района. Городище и селище. Материалы хранятся в ИЭМЛ.
- 14 — Бродялишкес Вильнюсского района. Городище. Материалы хранятся в ИЭМЛ.
- 15 — Буйвидай II Аникшчяйского района. Более точное местонахождение неизвестно. Материалы хранятся в ИЭМЛ.
- 16 — Ванагай Пренайского района. Более точное местонахождение неизвестно. Материалы хранятся в ШИЭМ, ПКМ.
- 17 — Великушкес Зарасайского района. Городище и селище. Исследования 1933 г.
Лит.: П. Тарасенка. Городища Литвы. КСИИМК, вып. 42, стр. 87—89; А. Tautavičius. Rytų Lietuva mūsų eros I tūkstantmetyje, стр. 83—91; P. Tarasenko. Lietuvos piliakalniai, стр. 23—27; P. Kulikauskas, R. Kulikauskienė, A. Tautavičius. Lietuvos archeologijos bruožai, стр. 127—128.
- 18 — Верславас Зарасайского района. Городище и селище. Материалы хранятся в ИЭМЛ.
- 19 — Виткунай Утенского района. Городище и селище. Материалы хранятся в ИЭМЛ.
- 20 — Возгеляй Зарасайского района. Городище. Исследования 1933 г.
Лит.: П. Тарасенка. Городища Литвы, стр. 90; А. Tautavičius. Rytų Lietuva mūsų eros I tūkstantmetyje, стр. 93; P. Tarasenko. Lietuvos piliakalniai, стр. 29.
- 21 — Воренай Молетайского района. Городище и селище. Исследования 1913 г.
Лит.: L. Krzywicki. Grodziska górno-litewskie. Grodzisko w Warancach. «Pamiętnik fizyograficzny», 22. Warszawa, 1914, стр. 18—32; А. Tautavičius. Rytų Lietuva mūsų eros I tūkstantmetyje, стр. 76—78.
- 22 — Галалай Утенского района. Открытое селище. Исследования 1958 г.
Лит.: P. Kulikauskas, R. Kulikauskienė, A. Tautavičius. Lietuvos archeologijos bruožai, стр. 157—158; P. Kulikauskas. Badania archeologiczne na Litwie w latach 1955—1961, стр. 238.
- 23 — Гарняй Утенского района. Городище. Материалы хранятся в ИЭМЛ.
- 24 — Геруляй Пренайского района. Более точное местонахождение неизвестно. Материалы хранятся в КГИМ.
- 25 — Гилуйчяй Алитусского района. Городище и селище. Материалы хранятся в ИЭМЛ.
- 26 — Голубишкяй Зарасайского района. Городище и селище. Материалы хранятся в ИЭМЛ.
- 27 — Гуогай-Пилуона Каунасского района. Городище и селище. Исследования 1956—1957 гг.
Лит.: O. Navickaitė. Guogų-Piliuonos piliakalnis. «Lietuvos TSR Mokslų akademijos darbai». A serija 1 (6). Vilnius, 1959, стр. 89—100; R. Volkaitė-Kulikauskienė. Miniatiūrinių piliakalnių Lietuvoje klausimu, стр. 135; P. Kulikauskas. Badania archeologiczne na Litwie w latach 1955—1961, стр. 234.
- 28 — Гагаучяй Зарасайского района. Городище и селище. Материалы хранятся в ИЭМЛ.
- 29 — Даниялишкес Тракайского района. Городище и селище. Материалы хранятся в ИЭМЛ.
- 30 — Джюгас (Джюгиненай) Тельшяйского района. Городище. Материалы хранятся в ТКМ.
- 31 — Довайнонис Кайшядорского района. Городище. Исследования 1957 г.
Лит.: R. Volkaitė-Kulikauskienė. Miniatiūrinių piliakalnių Lietuvoje klausimu, стр. 131—134; P. Kulikauskas, R. Kulikauskienė, A. Tautavičius. Lietuvos archeologijos bruožai, стр. 156; P. Kulikauskas. Badania archeologiczne na Litwie w latach 1955—1961, стр. 233—234.
- 32 — Дрижяй Утенского района. Городище и селище. Материалы хранятся в ИЭМЛ.
- 33 — Дубичяй Варенского района. Селище.
Лит.: P. К. Римантене. Стоянки раннего неолита в Юго-Восточной Литве. «Древности Белоруссии и смежных территорий (1966)». Минск, 1966, стр. 54—62; P. Kulikauskas. Badania archeologiczne na Litwie w latach 1955—1961, стр. 226—227.
- 34 — Дукштас (Сенасис) Игналинского района. Городище и селище. Исследования 1909 г.
Лит.: L. Krzywicki. Grodziska górno-litewskie. Grodzisko w Dukstach. «Pamiętnik fizyograficzny», 22, стр. 13—18; P. Kulikauskas, R. Kulikauskienė, A. Tautavičius. Lietuvos archeologijos bruožai, стр. 115—117.
- 35 — Жегждряй Каунасского района. Городище. Исследования 1956 г.
Лит.: D. Petrauskaitė. Žiegždrių piliakalnis. «Iš lietuvių kultūros istorijos», 2. Vilnius, 1959, стр. 119—124; R. Volkaitė-Kulikauskienė. Miniatiūrinių piliakalnių Lietuvoje klausimuė P. Kulikauskas. Badania archeologiczne na Litwie w latach 1955—1961, стр. 236.
- 36 — Жильве-Пупасодис Алитусского района. Городище и селище. Материалы хранятся в ИЭМЛ.
- 37 — Калночяй Рокишкского района. Городище. Материалы хранятся в КГИМ, ИЭМЛ, ПКМ.
Лит.: P. Kulikauskas, R. Kulikauskienė, A. Tautavičius. Lietuvos archeologijos bruožai, стр. 91.
- 38 — Капенишке Швенченского района. Городище. Материалы хранятся в ИЭМЛ.
- 39 — Кемонис Зарасайского района. Городище и селище. Материалы хранятся в ИЭМЛ.
- 40 — Керяляй Купишкского района. Городище. Материалы хранятся в ИЭМЛ.
- 41 — Клебишкис Пренайского района. Городище и селище. Материалы хранятся в ИЭМЛ.
- 42 — Копявеле Варенского района. Городище.
Лит.: В. А. Шукевич. Реферат об археологических местностях в Лидском и Трокском уездах. «Труды Виленского отделения Московского предвзятельного комитета по устройству въ Вильне IX археологического съезда». Вильна, 1893; Ф. Д. Гуревич. Археологическая разведка 1955 г. в Понеманье. «Труды Прибалтийской комплексной экспедиции», I. М., 1959, стр. 237, 253.
- 43 — Крикштонис Лаздияйского района: а) городище и селище; б) селище открытого типа, разрушенное курганным могильником V—VII вв. Курганы исследованы в 1958 г.
Лит.: P. Kulikauskas. Naujas archeologinis paminklas Užnemunėje. «Lietuvos TSR Mokslų akademijos darbai». A. serija 1 (6). Vilnius, 1959, стр. 77—88; он же. Badania archeologiczne na Litwie w latach 1955—1961, стр. 246.
- 44 — Круминяй Варенского района. Городище. Материалы хранятся в ИЭМЛ.
- 45 — Кулионис Молетайского района. Городище. Материалы хранятся в КГИМ.
- 46 — Кунигишкяй-Паевонис Вилнавишского района. Городище и селище.
Лит.: П. Куликаускас. Исследования городищ Запеманья — юго-западной части Литвы. «Pronksiajast varase feodalismini». Tallinn, 1966, стр. 72—86.
- 47 — Курганай (Воротнишкес) Тракайского района.

- Разрушенное курганным могильником V—VI вв. селище.
Лит.: А. З. Таутавичюс. Восточнолитовские курганы. «Труды Прибалтийской комплексной экспедиции», I. М., 1959, стр. 150; P. Kulikauskas, R. Kulikauskienė, A. Tautavičius. Lietuvos archeologijos bruožai, стр. 544.
- 48 — Курмеленай Эйшишского района. Городище и селище. Материалы хранятся в ИЭМЛ.
- 49 — Лаваришкес Вильнюсского района. Городище и селище. Предварительные исследования проводились в 1965 г.
Лит.: В. Даугудис. Археологические раскопки поселения у местечка Лаваришкес (Вильнюсский район) в 1965 г. «Материалы к отчетной конференции археологических и этнографических экспедиций 1964—1965 гг.» Вильнюс, 1966, стр. 7—8.
- 50 — Лакинская Капсукского района. Городище и селище. Материалы хранятся в ИЭМЛ.
- 51 — Лапайя Кайшядорского района. Селище. Исследования 1958 г.
Лит.: R. Rimantienė. Ankstyvojo geležies amžiaus puodžiai. «Iš lietuvių kultūros istorijos», 3. Vilnius, 1964, стр. 3—15.
- 52 — Линкменис Игналинского района. Городище и селище. Материалы хранятся в ИЭМЛ.
- 53 — Лужай Зарасайского района. Городище. Материалы хранятся в ИЭМЛ.
- 54 — Мажулонис Игналинского района. Городище и селище.
Лит.: «Отчет Императорской археологической комиссии за 1907 г.» СПб., 1910, стр. 106—107; «Отчет Императорской археологической комиссии за 1908 г.» СПб., 1911; Ф. В. Покровский. Археологическая карта Виленской губернии. «Труды Виленского отделения Московского предварительного комитета по устройству въ Вильне IX археологического съезда». Вильна, 1893, стр. 51; А. Спичын. Литовские древности, стр. 165—166; P. Tarasenka. Lietuvos archeologijos medžiaga. Kaunas, 1928, стр. 184; A. Tautavičius. Rytų Lietuva mūsų eros I tūkstantmetyje, стр. 33—35; П. Н. Третьяков. Северные восточнославянские племена. МИА, № 6, 1941; P. Tarasenka. Lietuvos piliakalniai, стр. 57; R. Volkaitė-Kulikauskienė. Lietuvos archeologiniai paminklai ir jų tyrinėjimai. Vilnius, 1958, стр. 54—55; V. Dangudis. Mažulomu piliakalnis. «Iš lietuvių kultūros istorijos», 3. Vilnius, 1961, стр. 16—40.
- 55 — Манейчай Утенского района. Городище и селище. Материалы хранятся в ИЭМЛ.
- 56 — Манюлишкес Зарасайского района. Городище. Исследования пробного характера велись в 1933 г. Материалы хранятся в КГИМ.
- 57 — Маргяй Варенского района. Погребение.
Лит.: W. Szukiewicz. Poszukiwania archeologiczne w powiecie Lidzkim gubernii Wilenskiej. «Materiary antropologiczno-archeologiczne», 10. Kraków, 1908, стр. 29.
- 58 — Мелонай Зарасайского района. Городище. Исследования пробного характера проводились в 1933 г.
Лит.: P. Tarasenka. Mielonų piliakalnis. «Gimtasai kraštas», 2. Siauliai, 1934, стр. 85—88.
- 59 — Мигонис Кайшядорского района. Городище и селище.
Исследования 1954—1955 и 1957 гг.
Лит.: P. Tarasenka. Lietuvos piliakalniai, стр. 46; R. Volkaitė-Kulikauskienė. Migonių (Jiezno raj) archeologiniai paminklai. «Iš lietuvių kultūros istorijos», 1. Vilnius, 1958, стр. 44—64; она же. Lietuvos archeologiniai paminklai ir jų tyrinėjimai. Vilnius, 1958, стр. 33—37; она же. Miniatiūrinių piliakalnių Lietuvoje klausimu; P. Kulikauskas, R. Kulikauskienė, A. Tautavičius. Lietuvos archeologijos bruožai, стр. 149—155.
- 60 — Минейкишкес Зарасайского района. Городище. Материалы хранятся в ИЭМЛ.
- 61 — Мойсеюнай Кайшядорского района. Городище и селище. Материалы хранятся в КГИМ и ИЭМЛ.
- 62 — Мошкенай-Лаукупенай Рокишского района. Городище. Исследования 1909 и 1911 гг.
Лит.: L. Krzywicki. Grodziska górno-litewskie. Grodzisko na Sórze Ościkowej pod Rakiszkami. «Pamiętnik fizyograficzny», XXIV. Warszawa, 1917, стр. 1—42; A. Tautavičius. Rytų Lietuva mūsų eros I tūkstantmetyje, стр. 79—83; P. Tarasenka. Lietuvos piliakalniai, стр. 28.
- 63 — Неменчине Вильнюсского района. Городище. Исследования 1952—1954 гг.
Лит.: A. Tautavičius. Rytų Lietuva mūsų eros I tūkstantmetyje, стр. 91—93; P. Kulikauskas. Nemenčinės piliakalnis. «Iš lietuvių kultūros istorijos», 1. Vilnius, 1958, стр. 20—43; P. Kulikauskas, B. Kulikauskienė, A. Tautavičius. Lietuvos archeologijos bruožai. Vilnius, 1961, стр. 144—148.
- 64 — Нендриняй Купсукского района. Селище, разрушенное более поздним могильником. Материалы хранятся в ИЭМЛ.
- 65 — Норкунай I Пренайского района. Городище и селище.
Лит.: В. Даугудис. Археологические раскопки городищ в Норкунай (Пренайский район) в 1964—1965 гг. «Материалы к отчетной конференции археологических и этнографических экспедиций 1964—1965 гг.» Вильнюс, 1966, стр. 5—7; П. Куликаускас. Исследования городищ Занеманья — юго-западной части Литвы, стр. 79.
- 66 — Норкунай II Пренайского района. Городище и селище.
Лит.: В. Даугудис. Археологические раскопки городищ в Норкунай (Пренайский район) в 1964—1965 гг., стр. 5—7; П. Куликаускас. Исследования городищ Занеманья — юго-восточной части Литвы, стр. 78—79.
- 67 — Обелите (Каукай Алитусского района. Городище и селище. Исследования 1967—1968 гг. Материалы хранятся в ИЭМЛ.
- 68 — Павейсининкай Лаздияйского района. Городище, могильник, селище.
Лит.: П. Куликаускас. Исследования городищ Занеманья — юго-западной части Литвы, стр. 72—74.
- 69 — Пагаршвис Пренайского района. Городище и селище. Материалы хранятся в ИЭМЛ.
- 70 — Пажельвай Укмергского района. Городище. Исследования пробного характера велись в 1933 г. Материалы хранятся в ИЭМЛ.
- 71 — Пакачине Зарасайского района. Городище. Исследования пробного характера велись в 1933 г. Лит.: П. Ф. Тарасенка. Городища Литвы, стр. 89—90.
- 72 — Памишке Тракайского района. Городище. Материалы хранятся в ИЭМЛ.
- 73 — Папильяй Рокишского района. Городище. Материалы хранятся в ИЭМЛ.
- 74 — Папильякальнис Игналинского района. Городище и селище. Материалы хранятся в ИЭМЛ.

- 75 — Паплинийс Тельшяйского района. Городище и селище. Исследования 1959—1961 гг.
Лит.: *E. Danilaitė. Brūkšniuotosios keramikos gyvenvietė vakarų Lietuvoje. «Lietuvos TSR Mokslų akademijos darbai». A serija 2 (17). Vilnius, 1964, стр. 23—38; P. Kulikauskas. Badania archeologiczne na Litwie w latach 1955—1961, стр. 240; V. Valatka. Titnaginis tirvukas iš Paplienijos. «Kraštotyra». Vilnius, 1967, стр. 173—175.*
- 76 — Паундяне Молегайского района. Городище и селище. Материалы хранятся в ИЭМЛ.
- 77 — Пашлавантис Пренайского района. Городище и селище. Материалы хранятся в ИЭМЛ.
- 78 — Петрашюнай Рокишского района. Городище. Исследования 1909—1910 гг.
Лит.: *L. Krzywicki. Pirkalnia pod wsią Petraszunami. «Rocznik Towarzystwa Przyjaciół nauk w Wilnie». Wilno, 1914, стр. 1—27; A. Tautavičius. Rytū Lietuva mūsų cros 1 tūkstantmetyje, стр. 72—76; P. Kulikauskas, R. Kulikauskienė, A. Tautavičius. Lietuvos archeologijos bruožai, стр. 117—118.*
- 79 — Пилякальнис Алитусского района. Городище и селище. Материалы хранятся в ИЭМЛ.
- 80 — Пилякальняй Вилкавишского района. Городище и селище. Исследования 1961 г.
Лит.: *P. Kulikauskas. Badania archeologiczne na Litwie w latach 1955—1961, стр. 235; П. Куликаускас. Исследования городищ Заеманья — юго-западной части Литвы, стр. 79—80.*
- 81 — Пипиришкес Тракайского района. Городище. Материалы хранятся в ИЭМЛ.
- 82 — Попишкес-Рудамина Вильнюсского района. Городище. Материалы хранятся в ИЭМЛ.
- 83 — Потеронис Алитусского района. Городище и селище. Материалы хранятся в ИЭМЛ.
- 84 — Працюнай Игналинского района. Точное местонахождение неизвестно. Материалы хранятся в ИЭМЛ.
- 85 — Рокишкяй Кайшядорского района. Городище и селище. Материалы хранятся в ИЭМЛ.
- 86 — Румбонис Алитусского района. Городище и селище. Материалы хранятся в ИЭМЛ.
- 87 — Сокишкес («Иоджеминис») Игналинского района. Городище и селище. Материалы хранятся в ИЭМЛ.
- 88 — Скужонис Вильнюсского района. Городище. Материалы хранятся в ИЭМЛ.
- 89 — Таурапилис Утенского района. Городище. Материалы хранятся в КГИМ.
- 90 — Толименай Игналинского района. Городище и селище. Материалы хранятся в ИЭМЛ.
- 91 — Шакалишкес Капсуковского района. Городище и селище. Материалы хранятся в ИЭМЛ.
- 92 — Шейминишкяй Утенского района. Городище и селище. Материалы хранятся в ИЭМЛ.
- 93 — Шипшонишкес Зарасайского района. Городище. Материалы хранятся в КГИМ и ИЭМЛ.

Л. Д. ПОБОЛЬ ГОРОДИЩЕ КИСТЕНИ

(Минск)

Городище, о котором идет речь ниже, находится почти в центре современной дер. Кистени Рогачевского района Гомельской обл. Расположено оно между двумя большими оврагами (рис. 1) на высоком правом берегу Днепра. В археологической литературе известно с конца XIX в.¹ В 30-х годах XX в. оно обследовалось белорусскими археологами². Кроме того, в секторе археологии Института истории АН БССР хранятся и неопубликованные материалы из этих обследований³. В 1951 г. городище обследовал Ю. В. Кухаренко⁴, а в 1957 г. — О. Н. Мельниковская⁵. Начиная с

1958 г. это городище неоднократно обследовалось мной. Никто, кроме Ю. В. Кухаренко, раскопок на городище не производил. Раскопки же Ю. В. Кухаренко были весьма ограниченными и носили лишь разведочный характер. В настоящее время городище интенсивно разрушается рекой. Сохранились лишь небольшая часть площадки городища и земляной вал, ограничивающий площадку городища с напольной стороны. В стенке обрыва со стороны реки очень хорошо прослеживается культурный слой мощностью около 0,90 м в средней части площадки городища и 1,50—2,00 м по ее краям. В стенке обрыва средней части площадки видны также остатки двух полуземляночных жилищ.

В осыпях со стороны реки мной собрано огромное количество вещей, происходящих из культурного слоя площадки городища. В настоящей заметке я и хочу кратко остановиться на характеристике этих вещей.

Всего мной в осыпях культурного слоя городища было собрано около трех тысяч обломков глиняных лепных сосудов. Примерно двадцать процентов из них относятся к милоградской культуре, остальные представлены типами, характерными для зарубинецкой культуры, в ча-

¹ ИАК, вып. 5. СПб., 1903, стр. 51; архив научной библиотеки Вильнюсского государственного университета, рукопись, ф. А — 46, дело 8807.

² А. Н. Лявданский. Археологические исследования в БССР после Октябрьской революции. «Сообщения ГАИМК», 1932, № 7—8, стр. 57, 60; «Савецкая Краіна». Менск, 1932, № 5, стр. 79.

³ Коллекционный № 700.

⁴ Ю. В. Кухаренко. Памятники зарубинецкой культуры в области Верхнего Поднепровья. МИА, № 70, 1959, стр. 29.

⁵ О. Н. Мельниковская. Отчет о работах Гомельского отряда Верхнеднепровской экспедиции ИИМК АН СССР в 1957 г. Архив сектора археологии Института истории АН БССР, № 27, стр. 16.

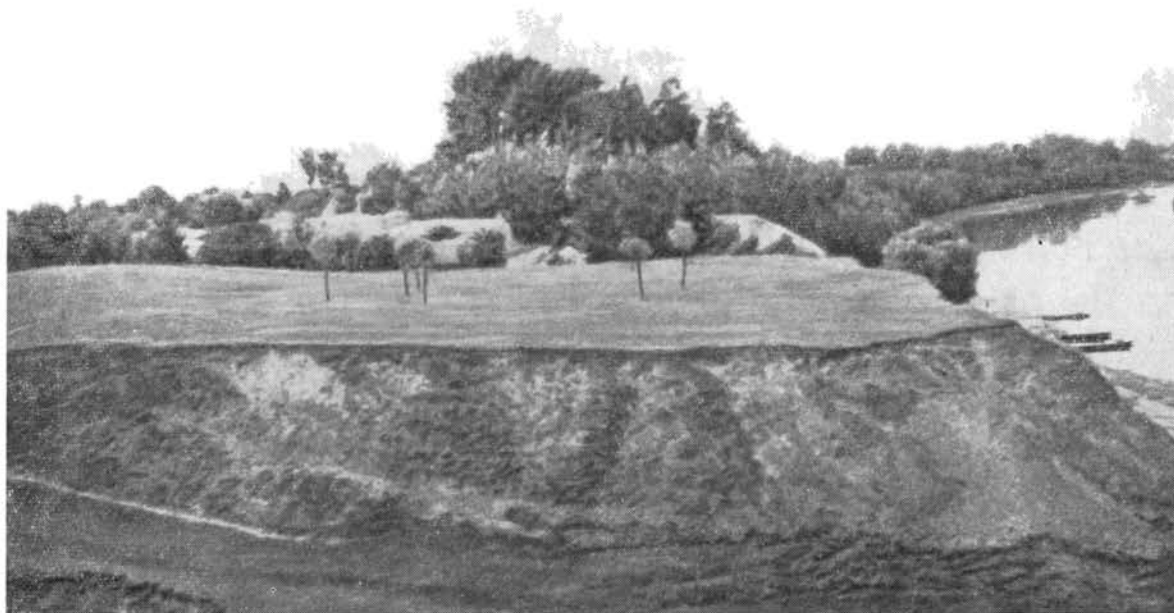
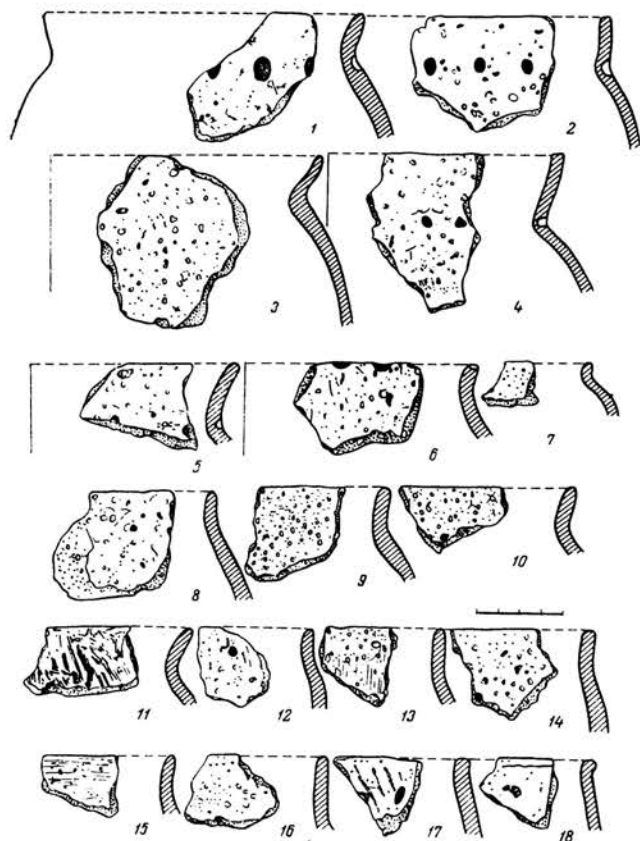

Рис. 1.

Городище Кистени. Вид с юга

стности для памятников типа Чаплина (рис. 2, 5—18). На некоторых обломках зарубинецких сосудов имеется легкая штриховка (рис. 2, 11, 13, 17). Это объясняется, по-видимому, влиянием северных соседей зарубинецкого населения — племен культуры городищ со штрихованной керамикой.

Кроме обломков глиняных сосудов, среди которых преобладают зарубинецкие формы, нами и другими исследователями, неопубликованные материалы которых хранятся в секторе археологии ИИ АН БССР, на городище были найдены бронзовое кольцо, глиняные пряслица с рогатыми выступами и несколько костяных проколов. Вещи эти также характерны и для памятников верхнеднепровской группы зарубинецкой культуры.

Исходя из преобладания на городище вещей, характерных для зарубинецкой культуры, мы вправе относить поселение в Кистенях к зарубинецкой культуре. Оно возникло на месте старого городища милоградской культуры. Этим самым устанавливается и более северная, чем это было принято считать ранее, граница распространения памятников зарубинецкой культуры и опровергается мнение О. Н. Мельниковской о том, что городище в Кистенях является памятником милоградской культуры и

← Рис. 2.

Городище Кистени. Керамика

1—4 — милоградская культура; 5—18 — зарубинецкая культура

культуры городищ со штрихованной керамикой, а не зарубинецкой⁶.

Как уже упоминалось, городище в Кистенях располагается на мысообразном выступе, образованном рекой и двумя оврагами. За одним из этих оврагов (северным по отношению к городищу) находится бескуржанный могильник (бывшая усадьба Бугрова). По сведениям Е. Р. Романова, на могильнике в 1900 г. было найдено много урн, содержащих пережженные человеческие кости и пепел⁷. Уже в пос-

⁶ О. Н. Мельниковская. Племена Южной Белоруссии в раннем железном веке. М., 1967, стр. 191, № 71.

⁷ Е. Р. Романов. Археологический очерк Гомельского уезда. «Записки Северо-Западного отделения Русского географического общества», вып. 1. Вильна, 1910, стр. 116.

О. Н. МЕЛЬНИКОВСКАЯ ПЕРВЫЕ СВЕДЕНИЯ О ПОГРЕБАЛЬНОМ ОБРЯДЕ (Москва) У ПЛЕМЕН ЮХНОВСКОЙ КУЛЬТУРЫ

Очень долгое время памятники юхновской культуры, распространенной в эпоху раннего железного века в Подесенье, археологам были известны только по поселениям¹. Следы могильников этой культуры удалось обнаружить лишь в последние годы во время раскопок, проведенных Деснинским отрядом Института археологии АН СССР на городищах у сел Кудлаевка Новгород-Северского района и Мезин Коропского района Черниговской обл.² Вначале нами предполагалось, что могильники должны находиться в непосредственной близости от поселений. Поэтому в 1965 г. около городища в Кудлаевке нами была вскрыта площадь размером около 3 тыс. кв. м., на которой, к сожалению, явных следов юхновских погребений обнаружено не было. Правда, в нескольких ямах, вскрытых нами на этой площади, прослеживались весьма нечеткие следы каких-то трупосожжений, сопровождавшихся мелкими и невыразительными обломками глиняных лепных сосудов. В одной из таких ям, кроме того, были найдены и обломки гончарного сосуда X в. н. э.

¹ М. В. Воеводский. Городища верхней Десны. КСИИМК, вып. XXIV, 1949, стр. 67—77; А. Е. Алихова. К вопросу о датировке двух городищ у сел Юхнова. КСИИМК, вып. 65, 1956, стр. 31—41.

² См. сб. «Археологические открытия за 1965, 1966 и 1967 гг.» М., 1966, 1967 и 1968 (заметки О. Н. Мельниковской).

левоенные годы на этом же месте крестьянка А. Гераськова также выкопала горшок с пережженными костями, а Ю. В. Кухаренко, обследовавший место находки, обнаружил несколько обломков глиняных лепных сосудов и стеклянную граненую бусину.

Итак, приведенные данные позволяют сделать вывод о том, что на городище в Кистенях обнаружены в основном такие же археологические материалы, как и на других укрепленных поселениях милоградской и раннего этапа зарубинецкой культур. Таким образом, выявленные здесь материалы позволяют предполагать, что ареал расселения племен зарубинецкой культуры по берегам Днепра был значительно севернее той границы, которую обычно называют археологи (устье Березины при впадении ее в Днепр).

Первое несомненно юхновское погребение нами было обнаружено в следующем, 1966 г. на самой площадке городища у с. Кудлаевка. Захоронение было произведено в небольшой округлой яме диаметром 0,80 м и глубиной около 0,45 м (рис. 1). По форме и размерам эта яма ничем не отличалась от обычных хозяйственных ям, встречающихся на этом городище. В заполнении и на дне ямы находились зола, мелкие древесные угольки и небольшое количество кальцинированных костей ребенка в возрасте от 8 до 11 лет³. На дне ямы кости лежали более плотным слоем. Грунт дна ямы слегка обожжен. В заполнении ямы найдены также два необожженных зуба жеребенка, ребро рыбы⁴, обломки глиняного мелкого сосуда и набор типичных для юхновской культуры глиняных грузил и блоков (рис. 2). От сосуда в погребении находилась только часть обломков (рис. 2, 14). Судя по ним, это был горшок средних размеров с пологими плечиками и плавно сужающимся книзу туловом. Поверхность тулова покрыта легкими расчесами, а на основании шейки нанесен ряд вдавлений, сделанных концом косо поставленной палочки. Сосуд этот по форме, фактуре и орнаментации типичен для юхновских городищ Подесенья.

³ Определение произведено И. М. Золотаревой.

⁴ Определение В. И. Цалкина.

Рис. 1.

Кудлаевское городище. Погребение с трупосожженным

Найдено 10 экземпляров грузил. Форма различна — лепешковидные, полусферические и конические (рис. 2, 4—13). Большинство грузил разбито. В некоторых случаях склеиваются различные по цвету обломки. Как и сосуд, грузила совершенно типичны для юхновской культуры — Подесенья и для Кудлаевского городища в частности. Только миниатюрные размеры нескольких грузил из погребения не находят повторения в массовом материале с городища. Можно полагать, что их специально изготовили в качестве погребального инвентаря, соответствующего своими небольшими размерами возрасту погребенного ребенка. В погребении найдено два целых и несколько обломков яйцевидных глиняных блоков — также характерных для юхновской культуры, но опять-таки уменьшенных размеров (рис. 2, 2, 3). Склеивающиеся обломки одного из этих изделий несут следы древнего разрыва острым орудием, свидетельствующие, как и другой инвентарь, о намеренной порче вещей при совершении похорон.

Нет сомнений в полной синхронности погребения с материалами из слоя городища. При анализе обряда детского погребения на Кудлаевском городище бросается в глаза близость его к погребениям милоградских могильников Южной Белоруссии. При этом особенно показательны такие детали погребального обряда, как нахождение в могиле только части сосуда, пред-

намеренная порча вещей, бросание в яму зубов жертвенных животных.

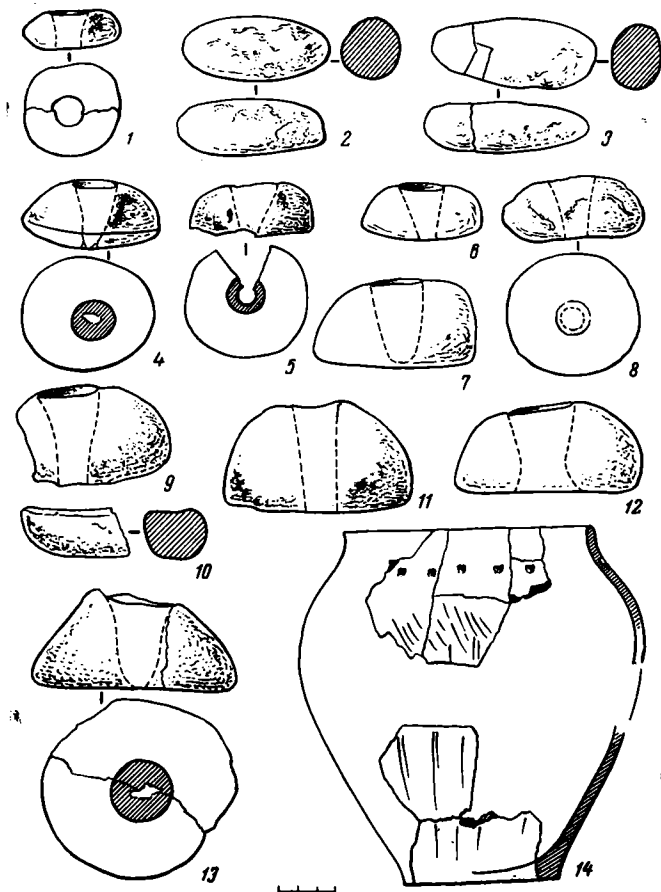
Определенных следов других древних погребений на Кудлаевском городище не обнаружено. Городище раскопано полностью. Правда, в одной из ям на мысу городища было отмечено незначительное количество кальцинированных костей, найденных вместе со скоплением грузил. Не следует исключать принадлежности костей человеку и связь с погребальным обрядом или другими культовыми действиями.

Представление о погребальном обряде племен юхновской культуры пополнили исследования городища в с. Мезин Коропского района Черниговской обл. Это небольшое городище расположено на высоком уступчатом отроге правого коренного берега Десны. Площадка городища имеет овальную форму. Она ориентирована по длинной оси с севера на юг и отделена от плато с запада валом и рвом. За валом находится современное кладбище.

Ниже, на уступе склона, в начале нашего века при сооружении фундамента церкви были обнаружены погребения, которые не могут быть связаны с современным кладбищем. Участок этот пока не исследован. В местном школьном музее хранятся череп человека со следами меди, бронзовая гвоздевидная булавка с наклонными кольцевидными насечками в верхней части стержня и небольшой горшочек с насечками по верху венчика (рис. 3, 1—2). Как выяснилось, эти вещи происходят из погребения, обнаруженного на разрушаемой обрывом восточной стороне городища. Учитель В. Е. Куриленко расчистил череп покойника и кости плечевого пояса. Далее вглубь погребение не расшичалось. Скелет покойника был ориентирован головой на восток. Горшочек и булавка лежали справа у черепа, касаясь друг друга. Непосредственно на черепе находилось бронзовое пластинчатое украшение очень плохой сохранности. Из обломков восстанавливались две округлые тонкие бляшки диаметром 2—2,5 см — одна плоская, другая слегка выпуклая. На север от черепа находился развал большого орнаментированного юхновского сосуда, связь которого с погребением хотя и вероятна, но не документирована.

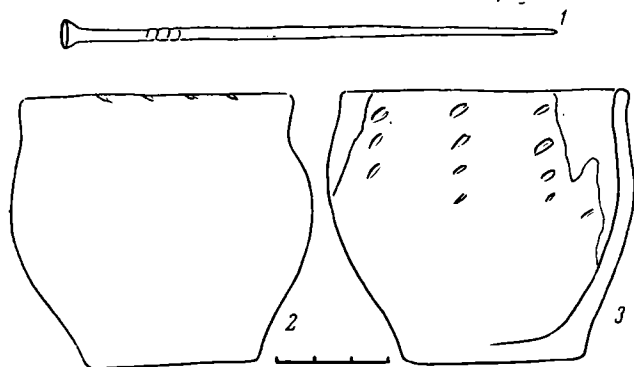
Раскопками Деснинского отряда Института археологии АН СССР подтверждено наличие погребений в восточной части площадки городища.

В течение двух последних полевых сезонов нами исследовано здесь 20 погребений с трупоположением. Шесть из них относятся к раннему железному веку, а 14 — к средневековью. Более древние костяки резко выделяются среди поздних не только иными элементами обря-

Р и с. 2.

Кудлаевское городище. Глиняные вещи из погребения с трупопожжением (1—14)

Р и с. 3.

Вещи из погребения, вскрытого на Мезинском городище (1—2), и из погребения Долинского могильника (3)
1 — бронза; 2, 3 — глина

да, но и большей глубиной, худшей сохранностью костей и иным их цветом. Древние скелеты были обращены головами на юг и восток. Они лежали на спине с вытянутыми руками. Кости красновато-коричневого цвета. В 1967 г. были вскрыты захоронения взрослого, подростка и ребенка. При черепе одного из погребенных, а также у бедер было обнаружено несколько черепков эпохи бронзы, в связи с чем три погребения, исследованных в 1967 г., были предварительно отнесены нами к эпохе бронзы.

Картину прояснили раскопки 1968 г., когда были раскрыты еще три погребения этой группы. Все они принадлежали взрослым людям. Не отличаясь от исследованных ранее захоронений по всем особенностям обряда, сохранности, цвету костей и т. д., могилы 1968 г. содержали, однако, в двух ямах инвентарь: в одной находилась железная булавка или острое, в другой — типичный сосуд юхновской культуры, поставленный в пределах могильной ямы, в ногах погребенного⁵. Расположение погребений на городище заставило отнестись с большой осторожностью к этим фактам, тем более что в первом из погребений расположение костей скелета было частично нарушено, а во втором сосуд стоял не на уровне дна могильной ямы, а несколько выше.

В этом плане значительный интерес представили стратиграфические наблюдения. В частности, яма одного из исследованных захоронений не доходила до уровня материка примерно на 0,15 м. Тщательное исследование слоя под могилкой показало, что в нем еще содержатся фрагменты сосудов, типичных для культурного слоя поселения. Несмотря на отсутствие инвентаря в этом погребении, принадлежность его к древней группе совершенно бесспорна как по всем элементам погребального обряда, так и по резко отличающемуся от поздних скелетов на городище красновато-коричневому цвету костей и их худшей сохранности. Яма погребения, в которой была найдена железная булавка, оказалась слегка углубленной в материк, но при раскопках было обращено внимание, что пятно ямы выделялось гораздо выше в культурном слое городища более темным цветом грунта⁶.

Стратиграфические наблюдения, таким образом, не позволяют связывать группу древних погребений на Мезинском городище с бронзовым веком. В этом свете данные о находках в погребении вещей, относящихся к раннему

⁵ В настоящее время материалы из раскопок 1968 г. находятся в обработке.

⁶ Над могилкой в слое найден кремневый топорик или тесло, связь которого с погребением вполне вероятна.

железному веку, приобретают большую убедительность и дают нам основание высказать мнение о принадлежности описанных выше погребений древним юхновцам, скорее всего жителям городища. По каким-то неясным нам причинам, может быть вследствие осады, часть жителей городища была похоронена тут же.

Не менее интересные результаты дали работы нашего отряда у с. Долинское в устье р. Сейма, на пограничье юхновской и скифской лесостепной культур. Здесь еще в 30-х годах при разработке глиняного карьера было обнаружено несколько труположений с украшениями скифского типа и наконечниками стрел V в. до н. э. Тогда же одно из таких погребений было исследовано на месте директором Сосницкого краеведческого музея Ю. С. Виноградским. Костяк принадлежал ребенку, ориентировка его неизвестна. При нем обнаружен небольшой горшочек, неточно воспроизведенный нами в публикации по рисунку, присланному Ю. С. Виноградским⁷. Сосуд сохранился в фондах музея (см. рис. 3,3). По профилю, примесям и другим признакам, а также по орнаменту (несколько рядов вертикальных вдавлений по верхней части сосуда) он близок керамике юхновских памятников Посеймья и существенно отличается от синхронной скифской лесостепной посуды с проколами, «жемчужным» орнаментом и пр.

Обследование показало, что могильник располагается на краю низкой боровой террасы, слегка возвышающейся над поймой, на берегу оз. Бушевого. Здесь же нами открыто большое поселение, синхронное могильнику, давшее в подъемном материале и при раскопках фрагменты сосудов, близкие юхновской культуре Посеймья, с существенными локальными отличиями от Деснинских городищ. По-видимому, поселение и могильник смыкались краями. Более насыщенный находками этой эпохи участок расположен несколько в стороне, на юг от могильника. Кроме того, на поселении имеются отложения середины I тысячелетия н. э.⁸, а также встречаются единичные черепки сосницкой культуры бронзового века.

При раскопках исследованы три погребения: одно скорченное с восточной ориентировкой,

относящееся к эпохе бронзы, и два детских скелета, относящихся к раннему железному веку. Последние залегали на границе с материковой глиной и в нижних горизонтах чернозема. Оба скелета вытянуты, лежат на спине и обращены головами на север. Череп мальчика-подростка лежал в разбитом сосуде, верхняя часть которого отсутствует. По форме сохранившейся части, примесям, обработке поверхности и т. д. сосуд ничем не отличается от керамики с поселения, не противореча своим обликом и горшочку из погребения, исследованного Ю. С. Виноградским. У левого плеча скелета найдена створка раковины уню. Верхняя часть скелета сохранилась *in situ*, нижняя частично потревожена. При другом детском погребении — маленькой девочки — найдены бронзовая серьга в виде согнутой в колечко с заходящими друг за друга концами узкой пластинки (найдена в черепе), бронзовая бусинка или пронизка и один черепок, а также зуб взрослого человека, положенный в могилу в ритуальных целях.

В окрестностях с. Долинское имеется несколько курганов. Под насыпью одного из них, разрушенного при строительстве дороги (в урочище Шейнина гора), было до войны обнаружено труположение, из которого в Сосницком музее сохранились лицевая часть черепа, гвоздевидная бронзовая булавка с маленькой шляпкой и обломок грубого сосуда с примесью дресвы в тесте.

Среди культур лесной зоны Поднепровья могильники эпохи раннего железа известны до сих пор только в милоградских памятниках Белоруссии. Обнаружение в Подесенье первых погребений раннего железного века вносит важное дополнение в характеристику культуры живших здесь в древности племен и позволяет надеяться в недалеком будущем на новые открытия в этой области.

Изложенные данные, касающиеся погребального обряда племен юхновской культуры, свидетельствуют пока о биритуализме. Как в милоградской культуре, здесь имеются погребения с труположениями и с трупосожжениями. Не исключено, что погребение на Кудлаевском городище совершено под влиянием обряда, господствовавшего в это время на смежной милоградской территории, может быть, выходами из милоградской среды.

Захоронения с труположениями характерны в милоградской культуре только для южных групп племен. На юхновских памятниках они тоже пока обнаружены лишь на юге, что, впрочем, не показательно в связи со слабой исследованностью более северных районов Поде-

⁷ О. Н. Мельникова. Могильник у села Долинское Черниговской области. КСИИМК, вып. XXXIV, 1950, стр. 73, рис. 20, 4.

⁸ Частично исследована постройка, в изобилии содержащая в своем заполнении обломки крупных сосудов оранжевого цвета с примесью очень крупного шамота и следами грубого заглаживания пальцами. Вместе с этой посудой найдена серая лепная миска, близкая по форме к черняховским.

сенья. Можно полагать, что как в той, так и в другой культуре погребения с труположениями свидетельствуют о влиянии погребального обряда скифских лесостепных племен. Это также сказывается в наличии курганных насыпей над южными милоградскими погребениями. Пока не следует исключать возможности существования и над погребениями Долинско-

го могильника курганных насыпей. Косвенным свидетельством этого как будто бы является редкость раскиданных на широкой площади единичных захоронений, незначительная глубина их, а также наличие близкого по инвентарю курганного погребения недалеко от могильника.

А. Ф. ДУБЫНИН   О НЕКОТОРЫХ ПРЕДМЕТАХ
(Москва)   СО ЗНАКАМИ ИЗ ЩЕРБИНСКОГО ГОРОДИЩА

При раскопках городищ дьякова типа эпохи раннего железного века неоднократно встречаются предметы с начертанными на них загадочными знаками. Значительное количество таких предметов на Троицком городище Московской обл. дало возможность впервые поставить вопрос о рассмотрении этих начертаний как знаков возможно существовавшей в то время весовой системы¹. Для этой цели использовались шарики, грузики, пряслица и другие предметы. Находки, сделанные во время раскопок на Щербинском городище около г. Подольска Московской обл., в значительной степени пополняют коллекцию такого рода предметов.

На Щербинском городище обнаружены глиняные шарики, по размерам и весу близкие троицким. Здесь были шарики весом 3,7; 7,3 и 7,9 г, которые могли быть в одну и две весовые единицы. Шарик в 12,1 г и бусина из глины в 11,6 г. имели знаки в виде треугольника, в углах одного из них видны 3 точки, что имеет аналогию в Троице и, очевидно, означает меру в 3 единицы весом около 4 г. На одном шарике в 19,7 г есть следы 5 точек, которые уже могут указывать на вес в пять единиц по 3,94 г. Имеются еще два шарика весом 20,6 и 20,7 г, по-видимому, тоже по 5 единиц в 4,1 г. К этой же категории вещей, вероятно, следует отнести еще ряд находок из Щербинского городища.

Заслуживают внимания три пряслица. Одно весом 10,7 г, оно имеет, как и на шариках, знак в виде треугольника и наряду с ним 3 точки, которые могут также означать 3 единицы веса по 3,57 г. Второе пряслице имело 2 точки в виде ямок, вес его 14,7 г. По аналогии со знаками из Троицкого городища знак на этом пряслице соответствует 4 весовым единицам по

3,68 г. Третье пряслице весом 15,5 г с четко обозначенными 4 точками (рис. 1, 1), указывающими на вес данного предмета в 4 весовые единицы, равные 4 г, а недостающие в весе 0,5 г следует отнести за счет имеющейся на его поверхности позднее выбитой щербины.

Представляет интерес и предмет в виде глиняной лепешки в 19,25 г (рис. 1, 2). На одной стороне вырезаны 3 звездчатых углубления (рис. 1, 1). На обратной стороне два знака (рис. 1, 2). Один — из 3 точек, расположенных треугольником, у вершины его находится четвертая точка, обозначающая по аналогиям с изображениями на весовых единицах античного мира, что количество весовых единиц следует удвоить. В этом случае единица веса равняется $19,25 \text{ г} : 6 = 3,21$. Второй знак на той же стороне состоит из точки, косой черты и за ней двух точек. Нам кажется, владеец предмета еще раз здесь отметил, что каждая точка из трех точек, размещенных треугольником на двух сторонах, соответствует 2 единицам, т. е. следует считать $(19,25 \text{ г} : 3) 2 = 3,21 \text{ г}$.

Затем заслуживает внимания и предмет в виде точильного бруска сегментовидной формы. На одной стороне его имеется шесть точек-углублений, расположенных в виде двух треугольников, вершины которых направлены в разные стороны. Шесть точек, составляющих два треугольника, могут означать «шестерик» (равный 6 единицам), а четыре точки, расположенные в ряд от оснований этих треугольников, возможно, означают, что здесь 4 «шестерика», на что указывают 4 мелкие точки, помещенные в щербине на той же стороне. Если это так, то данный предмет имеет вес, равный 24 единицам $(3 + 3 = 6 \times 4 = 24)$ по 3,88 г.

Наконец обращает на себя внимание камень со сверлиной наподобие «булавы» (рис. 1, 3). На одной его стороне щербина, похожая на глубокую зарубку (рис. 1, 3а), на другой — про-

¹ А. Ф. Дубынин. Троицкое городище Подмосковья. СА, 1964, № 1, стр. 193.

царапан знак, сходный с буквой «йод» из финикийского алфавита² (рис. 1, 3б). Этот предмет весит 289,3 г, что вполне соответствует весу наиболее крупной весовой единицы в системе мер веса, по-видимому существовавшей у населения «дьяковских» городищ. Дело в том, что на Троицком городище наряду с шариками, имеющими знаки, которые соответствуют 1—6-тикратным единицам их веса, в среднем по 4—4,5 г³, найден грузик с изображением 12 треугольников из 6 точек, причем пояс из треугольников перебивается 3 кружками с точкой в центре (рис. 1, 4). В первом случае изготовитель грузика, очевидно, хотел показать, что система веса состоит из 12 «шестериков», составляющих 72 весовые единицы (6 ед. $\times$ 12 = 72 ед), а тремя точками в кружках он отметил, что вес данного грузика соответствует лишь 3 «шестерикам». Сам грузик весит 82,45 г, если учесть, что вес его равен 3 «шестерикам» или 18 единицам (6 + 6 + 6), то получается что каждая единица у него равна 4,58 г и соответствует среднему весу кратных единиц шариков и грузиков. Последнее подтверждает возможность нашего предположения о значении знака из 3 кружков.

Очевидным становится и наше предположение о системе мер веса, состоящей из 12 «шестериков» (72 единицы), нашедшей отражение в орнаментации того же грузика. Если теперь допустим, что наибольшая мера в 12 «шестериков» имела кратные единицы веса по 4 г, то она должна была весить 28 г, то есть вес каменной «булавы» совпадает с этим весом.

Таким образом, «булава» вполне могла служить мерой веса. Поскольку вначале счет единиц велся от 1 до 6 единиц — до «шестерика», а затем счет вели по «шестерикам» до 12 «шестериков», эта мера, по-видимому, занимала в данной системе последующее место за «шестериком». На это может указывать то обстоятельство что за знаком наподобие полулуны, которым часто помечался «шестерик», среди знаков ценности на медных монетах Боспорского царства конца I в. до н. э. — начала I в.

² В. А. Истрин. Развитие письма. М., 1961, рис. 63 и 70.

³ А. Ф. Дубынин. Указ. соч., стр. 193.

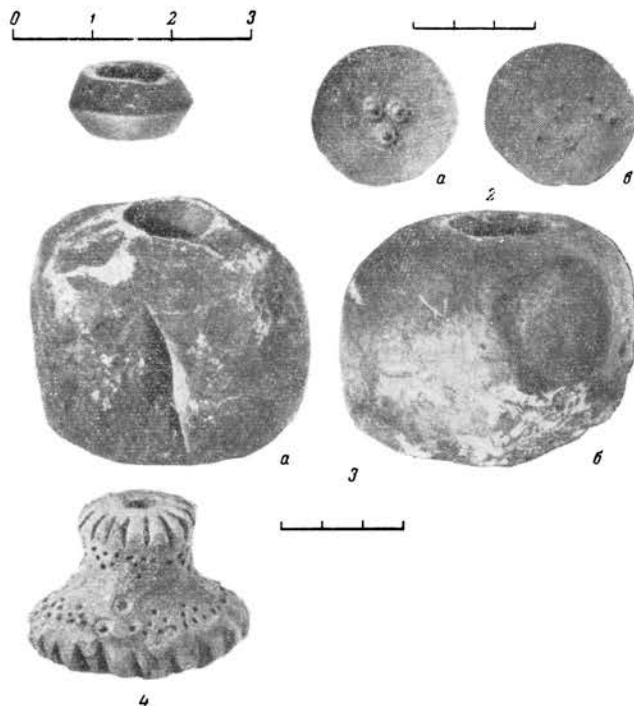

Рис. 1.

Щербинское городище. Предметы с знаками

1, 2, 4 — глина; 3 — камень

н. э. идет знак в виде буквы, напоминающей знак на «булаве»⁴. Что касается просверлины «булавы», то она служила для удобства подвешивания этого предмета при взвешивании, по-видимому, на весьма примитивном «безмене».

Итак, на Щербинском городище кроме шариков имеется еще ряд предметов, которые, очевидно, использовались для тех же целей, что и глиняные шарики и грузики Троицкого городища. Дальнейшее изучение материала других городищ Москворечья несомненно даст возможность проверить и уточнить первые предварительные наблюдения в этом направлении.

⁴ А. Н. Зоограф. Античные монеты. МИА, № 16. Л., 1951, стр. 194—196.

На памятниках раннего железного века в лесной и лесостепной зонах Восточной Европы среди массы глиняных изделий встречаются погремушки. Они представляют собой полые керамические изделия разных форм, внутри которых находятся маленькие камушки или глиняные шарики, издающие глухой негромкий звук при потряхивании. На ряде памятников найдены целые экземпляры погремушек, но большинство их встречается в культурных слоях городищ в виде обломков. Ввиду сходства обломков погремушек с обломками миниатюрных сосудиков или тигельков, несмотря на многочисленность этих предметов, многими исследователями они не выделяются. Обычно не привлекают внимания и маленькие обожженные глиняные шарики, весьма часто находящиеся в культурных слоях поселений и несомненно являющиеся деталями погремушек. Такие шарики были найдены на Троицком, Щербинском городищах и ряде других. Погремушки изготовлялись из глины, чаще всего без заметных механических примесей. Лепились они из двух половинок, которые после вкладывания в них шариков соединялись между собой; место соединения заглаживалось, и предмет подвергался обжигу. Ввиду того что в процессе обжига этих изделий при высокой температуре давление внутри повышалось, погремушки часто распадались, по-видимому, еще в процессе изготовления. Целые экземпляры погремушек, также в результате соединения их из двух частей, были очень хрупки и часто разламывались по месту спая. Именно в таком виде их чаще всего находят при раскопках. Таковую половинку погремушки можно отличить от миниатюрного сосудика по характеру обработки верхнего края и внутренней полости предмета, которые у сосудиков обычно формовались и заглаживались более тщательно. У половинок погремушек прослеживается линия распада по спаю и небрежная обработка внутренней, невидимой глазом полости предмета, которая часто имеет неправильное угловатое сечение.

Размеры погремушек различны, но все они сравнительно небольшие и не превышают 5—9 см в длину при ширине 3—5 см. Подавляющее большинство погремушек имеет гладкую поверхность, орнаментация погремушек встречается редко. Одним из первых исследователей, обративших внимание на глиняные погремушки, был В. А. Городцов. Он отнес их к категории детских игрушек и на основании на-

ходок со Старшего Каширского городища выделил два типа: яйцевидной и бочонковидной формы. В. А. Городцов отметил широкое распространение погремушек этих типов и небольшое количество их находок в то время на дьяковских памятниках¹.

В настоящее время глиняные погремушки эпохи раннего железного века известны на очень широкой территории. Они найдены на лужицких городищах в Польше², на памятниках скифского периода украинской лесостепи, в Верхнем и Среднем Поднепровье, в бассейне Северского Донца, в Белоруссии, в верхнем и среднем течении р. Десны, на памятниках в бассейнах рек Волги и Оки. Наибольшее количество погремушек происходит с городищ дьякова типа.

Значительно пополнилась эта серия предметов в результате исследований последних лет. В нашем распоряжении имеются сведения более чем о 70 погремушках, происходящих с 30 различных памятников. На этом материале кажется возможным выделить ряд типов погремушек и сделать некоторые предварительные выводы.

Тип I. Погремушки в виде шариков диаметром около 4—5 см. Найдены на городище Торфель³ и на городище милоградской культуры в с. Городок Лоевского района Гомельской обл. Последние обнаружены в виде клада. Поверхность каждой была покрыта проходящей по диаметру волнистой линией и точечными вдавлениями⁴.

Тип II (рис. 1, 1—4). Погремушки яйцевидной формы, различающиеся на варианты по форме концов.

Вариант 1 (рис. 1, 1). Погремушки правильной яйцевидной формы. Размеры — 7 × 3,5 см. Найдены (2 экз., один из них целый) на Михайловском городище Рузского района Московской обл.⁵ Две погремушки найдены

¹ В. А. Городцов. Старшее Каширское городище. ИГАИМК, вып. 85, 1934, стр. 16, рис. V, 11, 12.

² *Zoja Kołosówna*. Przedmioty kultury i zabawki z grodu kultury lużyckiej w Biskupinie. «III sprawozdanie z prac wykopaliskowych w Biskupinie». Poznań, 1950, стр. 209, рис. 15 и 16.

³ Е. И. Горюнова. Городище Торфель. КСИМК, вып. XXXI, 1950, стр. 153.

⁴ О. Н. Мельниковская. Племена Южной Белоруссии в раннем железном веке. М., 1967, стр. 122. Автор приводит сведения со слов нашедшего погремушки.

⁵ Раскопки Московской экспедиции ИА АН СССР под руководством А. Ф. Дубынина в 1962 г.

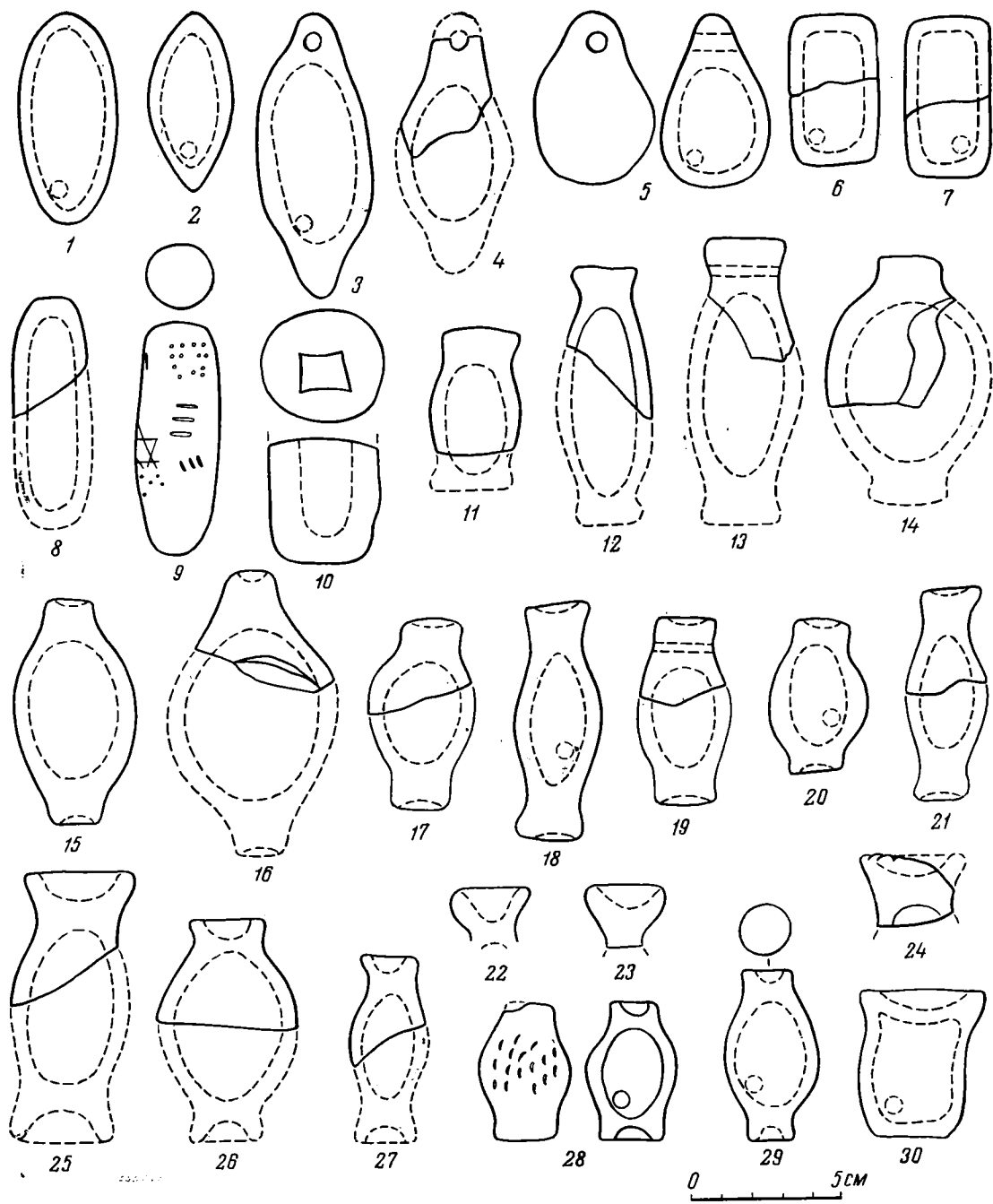

Рис. 1.

Керамические погремушки с городец

1 — Михайловское; 2 — Кунцевское; 3, 13, 22, 24 — Кузнечики; 4 — Родневское; 5 — Чергово; 6, 7, 10, 20, 26 — Троицкое; 8, 21, 23 — Щербинское; 9 — Тушемля; 11 — Певкин

Бугор; 12 — Язно; 14 — Мамоново; 15 — Серенское; 16 — Круглица; 17 — Знаменское; 18 — Дьяково; 19 — Нижние Ивняги; 25 — Борисоглебское; 27 — Барвиха; 28 — Караван; 29 — Огубское; 30 — Щепилово

на городище Кузина Гора в Курском Посеймье⁶.

Вариант 2 (рис. 1, 2). Погремушка яйцевидной формы с двумя заостренными концами. Найдена в целом виде на Кунцевском городище на территории г. Москвы⁷.

Вариант 3 (рис. 1, 3—4). Погремушки яйцевидной формы с оттянутыми концами, в каждом из которых имеется по отверстию для подвешивания игрушки перед глазами ребенка⁸. Размеры погремушки 9×4 см. Именно такой тип погремушки был назван В. А. Городцовым яйцевидным. На Старшем Каширском городище были найдены четыре погремушки этого типа, из них одна целая⁹. На городище Кузнецики Подольского района Московской обл. найдены одна целая и три обломка подобных погремушек¹⁰. С городищ Родневского Подольского района¹¹ и Троицкого Можайского района¹² происходит по одному обломку погремушек этого типа.

Тип III (рис. 1, 5). Погремушки грушевидной формы; один конец закруглен, а в другом, оттянутом конце имеется небольшое отверстие для подвешивания. Два экземпляра таких погремушек (из них один целый) происходят с Чертова городища Ветлужского уезда¹³. Их размеры $8 \times 5,5$ см и $5,5 \times 4$ см.

Тип IV (рис. 1, 6—10). Погремушки цилиндрической формы, различающиеся на варианты по форме концов.

Вариант 1 (рис. 1, 6—7). Погремушки цилиндрические с плоскими торцами. Размеры $5 (6) \times 3$ см. С Троицкого городища происходят две целые погремушки (каждая из них была найдена разломившейся на две половинки) и пять обломков. На Мамоновом городище в Москве найдены два обломка таких погремушек¹⁴.

Вариант 2 (рис. 1, 8—9). Погремушки цилиндрические, концы скруглены (иногда один конец уплощен), тулово слегка расширено посередине. Размеры варьируют: длина 7—9 см, ширина 2,5—4 см. Наиболее интересный экземпляр целой погремушки с шариком внутри най-

ден в нижнем слое городища Тушемля. На погремушке имеется орнамент, «представляющий собой как бы строку знаков, возможно имеющих не только орнаментальное, но и какое-то смысловое значение. Здесь видны фигуры из пересекающихся прямых линий, ряды черточек и ряды точек»¹⁵. С Мамонова городища происходят более крупная целая погремушка (найденная разломившейся на две части) и один обломок¹⁶, с Троицкого городища — три обломка, с Щербинского городища Подольского района Московской обл. — один обломок¹⁷, с городища Сатинка Тульской обл. — один обломок¹⁸, с городища Боровский курган Раменского района Московской обл. — один обломок¹⁹.

Тип V (рис. 1, 11—29). Погремушки бочонковидной формы, различающиеся на варианты по форме концов и тулова.

Вариант 1 (рис. 1, 11—13). Бочонковидные погремушки с оттянутыми и уплощенными концами, тулово слегка расширено посередине. Размеры варьируют: длина от 3 до 7—9 см, ширина от 1,5 до 4 см. Целый экземпляр такой погремушки происходит с городища Караван Харьковской обл.²⁰ Два обломка погремушек этого типа найдены на Троицком городище, два обломка — на селище Певкин Бугор Калужской обл.²¹, один обломок — на городище Круглица Раменского района Московской обл.²², один обломок — на Мамоновском городище²³, один обломок — на городище Язно Пинского района БССР²⁴, и один обломок происходит с городища Кузнецики. Последний экземпляр отличается наличием сквозного канала в торцевой стороне, предназначенного для подвешивания игрушки. Судя по польским аналогиям, такой канал был только на одном конце погремушки²⁵.

Вариант 2 (рис. 1, 14). Бочонковидные погремушки с оттянутыми и суженными концами и сильно раздутым туловом. Торцовые части уплощены и слегка расширены так, что

⁶ А. Е. Алихова. Городища Курского Посеймья. МИА, № 113, 1962, стр. 102.

⁷ Коллекция Музея истории и реконструкции г. Москвы.

⁸ В. А. Городцов. Указ. соч., стр. 16.

⁹ Там же, стр. 16, рис. V.

¹⁰ Раскопки А. Ф. Дубынина 1965 г.

¹¹ Разведки Р. Л. Розенфельда 1966 г.

¹² Раскопки А. Ф. Дубынина.

¹³ МАЭ, 1265/1—76, 77.

¹⁴ В. И. Качанова. О заселении Московского края в эпоху дьяковской культуры. «Труды Музея истории и реконструкции г. Москвы», вып. 5. М., 1954, рис. 20, 1.

¹⁵ П. Н. Третьяков и Е. А. Шмидт. Древние городища Смоленщины. М., 1963, стр. 51, рис. 15, 17 и 17, 1.

¹⁶ Раскопки В. И. Качановой. Музей истории и реконструкции г. Москвы.

¹⁷ Раскопки А. Ф. Дубынина 1961 г.

¹⁸ Раскопки С. А. Изюмовой.

¹⁹ Раскопки А. Г. Векслера.

²⁰ В. А. Шрамко. Древности Северского Донца. Харьков, 1962, рис. 77, 11.

²¹ Коллекция Московского областного краеведческого музея.

²² Раскопки Л. И. Пимакина.

²³ Коллекция Московского областного краеведческого музея.

²⁴ Раскопки А. Г. Митрофанова.

²⁵ Zoja Kolosowna. Указ. соч., рис. 15 и 16.

между ними и туловом погребушки имеется кольцевая перемычка, необходимая для привязывания и подвешивания предмета. Размеры варьируют: длина 6—9 см, ширина 3—6 см. Целый экземпляр погребушки происходит со Старшего Каширского городища²⁶. В. А. Городцов указывает на подобную находку на дюне у с. Рыковой Слободы близ Рязани²⁷. Один обломок такой погребушки найден на Троицком городище, один — на Мамоновом²⁸ и один происходит с Городецкого городища Трубчевского района Брянской обл.²⁹.

Вариант 3 (рис. 1, 15—21). Бочонковидные погребушки типа, близкого к варианту 2, но отличающиеся наличием неглубоких выемок в торцовых частях. Размеры варьируют: длина 5—8 см, ширина 3—5 см. Целые экземпляры происходят с городищ Троицкого (2 экз.), Свиногово Калужской обл. (1 экз.)³⁰, Серенского Калужской обл. (1 экз.)³¹, Дьяковского (1 экз.)³². Обломки такого типа погребушек найдены на Щербинском (3 экз.) и Борисоглебском (1 экз.)³³ городищах Подольского района Московской обл., на Знаменском городище Истринского района Московской обл. (1 экз.)³⁴, на городищах Мамоново (2 экз.) и Круглица (1 экз.), на городище Нижние Ивняги Луговичского района Московской обл. (1 экз.)³⁵. Погребушка с городища Нижние Ивняги имеет на конце канал для подвешивания.

Вариант 4 (рис. 1, 25—29). Погребушки бочонковидной формы, близкие к вариантам 2 и 3, но отличающиеся наличием глубоких выемок в торцовых частях. Размеры варьируют: длина 5—7 см, ширина 2,5—5 см. Целые экземпляры найдены на Огубском городище и на селище Шелковая³⁶. Погребушка с селища Шелковая имеет на тулове орнамент из ногтевых вдавлений. Обломки погребушек этого типа найдены на городищах Троицком (3 экз.), Барви-

ха³⁷ (1 экз.), Щербинском (1 экз.), Борисоглебском (1 экз.), Корыстовском Каширского района Московской обл. (1 экз.)³⁸ и на городище Кузнечики (4 экз.). Один из обломков с городища Кузнечики имеет в торцовой части насечки по краю.

Тип VI (рис. 1, 30). Погребушка своеобразной формы, напоминающая сосудик с отогнутым венчиком. Размеры 5×4 см. Нам известен только 1 экземпляр (целый) с городища Щепилово Тульской обл.³⁹

Наиболее распространенными и, по-видимому, долго бытующими типами являются бочонковидные погребушки V типа (43 экз.), цилиндрические IV типа (16 экз.) и яйцевидные II типа (15 экз.). Они найдены преимущественно на городищах Волго-Окского бассейна, отдельные экземпляры встречены в прилегающих районах Верхнего Поднепровья и на Северском Донце. Некоторые находки цилиндрических (Тупемля) и бочонковидных погребушек (Караван, Шелковая) происходят из датированных слоев и могут быть отнесены к V—III вв. до н. э.

Однако многочисленные находки погребушек этих типов на разновременных памятниках, в том числе и более поздних, относящихся к первой половине I тысячелетия н. э. (Огубское, верхний слой Троицкого городища, Язно), позволяют говорить о длительном бытовании этих предметов. О долговременности и сосуществовании погребушек разных типов могут свидетельствовать также и находки разных форм этих изделий на одном памятнике, причем часто в одном горизонте. Возможно, что дальнейшее накопление материала позволит расчленить во времени некоторые типы погребушек.

Шаровидные погребушки (I тип) в Волго-Окском бассейне неизвестны и, по-видимому, характерны для более западных районов (Среднее Поднепровье). Грушевидные погребушки (тип III) известны только с Поветлужья. Наконец, оригинальной формы погребушка (VI типа) найдена в единственном экземпляре в Калужской обл.

Назначение погребушек как детских игрушек не вызывает сомнений. Именно для подвешивания перед ребенком у них имеются разные приспособления в виде отверстий на концах или перемычек между туловом и концами. Однако некоторые погребушки гладкие и не приспособлены для подвешивания. Таковы яйцевидные погребушки без отверстий (тип II, варианты

²⁶ В. А. Городцов. Указ. соч., рис. V, 12.

²⁷ Там же, стр. 16.

²⁸ Раскопки В. И. Качановой. Коллекция Музея истории и реконструкции г. Москвы.

²⁹ Сборы В. П. Левенка.

³⁰ Т. Н. Никольская. Культура племен бассейна верхней Оки в I тысячелетии н. э. МИА, № 72, 1959, рис. 11, II.

³¹ Н. И. Булычев. Журнал раскопок по части водораздела верхних притоков Волги и Днепра. М., 1899, табл. XXV, 13.

³² В. И. Сизов. Дьяково городище близ Москвы. «Труды IX АС», т. II, М., 1897, стр. XXV a, 5.

³³ Раскопки Р. Л. Розенфельдта.

³⁴ Разведки Р. Л. Розенфельдта.

³⁵ Разведки Р. Л. Розенфельдта.

³⁶ Б. А. Шрамко. Указ. соч., стр. 223, рис. 83, 19.

³⁷ Раскопки Г. П. Латышевой.

³⁸ Разведки Р. Л. Розенфельдта.

³⁹ ГИМ, 84012, № 482.

1 и 2) и цилиндрические (тип IV). К этой группе относятся и цилиндрическая погребушка с городища Тушемля, выделяющаяся своей орнаментацией в виде системы знаков. Подобные изображения часто встречаются на предметах, относимых многими исследователями к культовым (грузики дьякова типа, «рогатые»

кирпичи, костяные изделия). Находки погребушек близ жертвенников вместе с другими культовыми предметами (в том числе и с миниатюрными сосудиками) и этнографические данные позволяют говорить также и о ритуальном назначении этих предметов.

Р. Л. РОЗЕНФЕЛЬДТ О ГЛИНЯНЫХ «ЖЕРТВЕННИКАХ»

(Москва)

При исследовании в 1902 г. городища Топорок на верхней Волге Ю. Г. Гендуне в центральной части площадки поселения обнаружила два глинобитных сооружения, которые размещались в основании напластований культурного слоя на материке¹. Оба они имели вид больших глиняных сковород. Диаметр одной равнялся 61 см при толщине сковороды 8 см. В центре сооружения была ямка диаметром 2 см. На этом «блюде» были найдены обломки разбитых сосудов, уголь, формочка для литья и несколько в стороне льячка. Исследовательница назвала это сооружение «жертвенником». Второй аналогичный по конструкции «жертвенник» имел тоже вид овальной в плане сковороды размером 61 × 46 см. Рядом с ним встретились глиняная птичка и 49 глиняных колокольчиков и бусин. Эти сооружения размещались на глинобитной площадке размером 2,13 × 1,52 м, по углам которой прослеживались ямы от вертикально зарытых столбов. По-видимому, «жертвенники» находились внутри наземного помещения.

Судя по характеру культурного слоя городища и нахождению сооружений на материке, они должны быть датированы серединой I тысячелетия до н. э.

Аналогичные сооружения встретились В. А. Городцову на Старшем Каширском городище в 1925 г.² Как писал исследователь, они имели вид эллиптических глиняных тарелок с плоскими днищами и приподнятыми краями. Длинной осью они были ориентированы в направлении с севера на юг по длинной оси площадки памятника. Размер одной из этих сковород, расположенной на материке, был 1,6 × 1,1 м, а другой, которую исследователь относит к несколько более позднему времени, —

1,42 × 1,06 м. Как было прослежено при раскопках, оба сооружения стояли на деревянных помостах. Поверхность второго, лучше сохранившегося помоста была промазана глиной. Ввиду того что исследование этого памятника велось траншеями, судить о связи этих сооружений с постройками на городище нет возможности. Реконструкция навеса над сооружением, приводимая В. А. Городцовым, не подтверждается материалами раскопок. В. А. Городцов, по-видимому, вслед за Ю. Г. Гендуной, тоже назвал найденные сооружения «жертвенниками». Он же отмечает, что подобный «жертвенник» им был найден и на Городецком городище в 1898 г., назначение которого в силу плохой сохранности тогда определить не удалось. Нахождение «жертвенников» на Старшем Каширском городище в нижних горизонтах культурного слоя и на материке дает возможность датировать их серединой I тысячелетия до н. э.

В 1925 г. еще один «жертвенник» был открыт Л. А. Евтюховой на городище Барвиха под Москвой³. Он имел вид эллиптической формы глиняной сковороды размером 94 × 80 см с бортиком высотой 7 см. Толщина его равнялась 10 см. Ниже этой сковороды находился слой обгорелой сосновой коры, под которым был еще пласт обожженной глины толщиной 1 см. Под этим слоем — горизонт обгорелого дерева, а еще ниже — пласт обожженной глины толщиной, 6 см.

Судя по описанию и чертежу, здесь был открыт не один «жертвенник», а три, из которых два находились ниже первого и относились к более раннему времени. Судя же по расположению сооружения в основании культурных напластований поселения, они датируются последними веками I тысячелетия до н. э. Это городище исследовалось тоже траншеей, и поэтому судить о связи «жертвенников» с

¹ Ю. Г. Гендуна. Городище Топорок. «Труды Второго тверского областного археологического съезда», 1903. Тверь, 1906, стр. 270.

² В. А. Городцов. Старшее Каширское городище. ИГАИМК, вып. 85. Л., 1934, стр. 40—41.

³ Л. А. Евтюхова. Барвихинское городище. СА, III, 1937, стр. 116.

иными сооружениями поселения нет возможности.

Аналогичного характера глинобитные сооружения были найдены Я. В. Станкевич на городище Подгай и на городище против с. Михайловского. На последнем поселении было найдено несколько таких сооружений, которые автор раскопок называет очагами наземных построек⁴.

Один из них, № 1, круглый в плане, диаметром 0,8 м, с узким бортиком. В центре этой сковородки и у края — ямки от жердей диаметром 1 см и глубиной до 18 см. Очаг был выложен на каменном основании и находился внутри остатков хорошо прослеженного наземного жилища. Еще один очаг такой же конструкции на том же поселении встретился на территории жилища 4. Его диаметр тоже равнялся 0,8 м, сохранился он хуже. В более верхнем горизонте культурного слоя на том же участке были остатки еще одной совершенно разрушенной большой глиняной сковороды. В постройке 9 на том же городище встретился глинобитный очаг, но не в виде сковороды, а в виде подковы. Его диаметр около 1 м. В глинобитном бортике его были ямки от жердей.

Все эти глинобитные сооружения на городище датируются последними веками I тысячелетия до н. э. Еще два такой же конструкции очага, относящихся к тому же времени, были открыты на территории наземной постройки 12. Один из них имел подковообразную форму и размещался в юго-западном углу постройки. Его диаметр 0,8 м. Рядом находился второй полуразрушенный глинобитный очаг в виде полуовала, от которого сохранилась лишь восточная половина. Это старый очаг, разрушенный при сооружении новой постройки.

На городище против с. Михайловского в жилище 1 был открыт круглый в плане глинобитный очаг диаметром 1,1 м. Собственно глинобитным у него был только бортик, а под был песчаный. На 25 см ниже прослежен второй, более древний очаг такой же формы диаметром около 1 м. Открытые очаги построек подковообразной формы были обнаружены и в других постройках того же поселения. Так, в постройке № 6 был найден очаг диаметром 1,5 м, второй открытый очаг на территории той же постройки был овальным в плане с максималь-

ным диаметром 1 м. Третий, там же расположенный, был грушевидной формы.

Я. В. Станкевич отмечает находки остатков подобной же конструкции наземных очагов в культурном слое городища у дер. Городок № 1 на оз. Яссы и на поселении у дер. Жабино в междуречье рек Ловати и Западной Двины.

Непосредственная связь открытых Я. В. Станкевич глинобитных сооружений с остатками наземных жилищ позволила ей не только определить назначение этих сооружений как открытых очагов, но и высказать сомнения в правомерности определения подобных сооружений в лесной зоне как «жертвенников». Это сомнение нам представляется особенно правомерным потому, что количество «жертвенников», открытых за последние годы, все больше и больше увеличивается. Так, Л. И. Пимакиным при исследовании городища Круглица, расположенного в Раменском районе Московской обл., в 1956 г. были открыты несколько наземных жилищ в слое середины I тысячелетия до н. э. и на территории одного из них хорошо сохранившийся очаг, который он назвал «жертвенником». Это глиняная сковорода размером 163 × 85 см, с бортиком высотой 12 и шириной 5 см⁵. Второй, подобный первому по форме и размерам, очаг был найден тем же исследователем на селище Погостище в Московской Мещере.

Хорошо сохранившийся большой глинобитный очаг в виде сковороды был найден Т. Н. Никольской на городище Николо-Ленивец в Калужской обл. Размер его 3,6 × 2,6 м. Автор раскопок тоже называет это сооружение «жертвенником».

Нам представляется, что в действительности это тоже очаг, но, по-видимому, не закрытого помещения, а очаг, не связанный с постройкой, возможно, производственного назначения. По-видимому, время этого сооружения — первые века новой эры⁶.

Обломки бортика от большой глиняной сковороды диаметром около полутора метров были найдены в нижних горизонтах культурного слоя Щербинского городища. В этих обломках бортика есть несколько несквозных отверстий диаметром 2 см. Судя по положению в культурном слое, эти остатки очага наземного помещения должны быть датированы середи-

⁴ Я. В. Станкевич. К истории населения Верхнего Подвинья в I тысячелетии н. э. и начале II тысячелетия н. э. «Древности северо-западных областей РСФСР в I тысячелетии н. э.» МИА, № 76, 1960, стр. 53.

⁵ Л. И. Пимакин. Предварительный отчет о раскопках городища Круглица в Раменском районе Московской области в 1956 г. Архив ИА АН СССР, р. 1, л. 1396.

⁶ Т. Н. Никольская. Городище у дер. Николо-Ленивец. СА, 1962, № 1, стр. 238—239, рис. 5.

ной — второй половиной I тысячелетия до н. э.⁷

Несколько открытых глинобитных очагов в виде больших сковородок размером примерно в 130 × 150 см было найдено при исследовании городища Немецине в Литве при раскопках П. Куликаускаса. Они относятся к разновременным наземным постройкам, но все могут быть датированы последними веками до новой эры — первыми веками новой эры⁸.

Нахождение на памятнике открытых очагов в виде больших глинобитных сковород в применении к поселениям лесной зоны является надежным свидетельством присутствия и самих наземных построек, которые не найдены либо в силу ограниченности площади раскопок, либо в силу плохой сохранности самих этих сооружений. Наличие, в частности, таких очагов на Старшем Каширском городище и на городище Барвиха говорит за то, что для нижних горизонтов культурного слоя этих поселений характерны наземные постройки. Это еще раз ставит под сомнение реальность открытых на Старшем Каширском городище В. А. Городцовым круглых землянок — весьма необычных в свете остальных материалов, которые известны на подобных поселениях. Интересно, что почти на всех памятниках лесной зоны, на которых встретились открытые глинобитные очаги в виде сковород, встречаются и «рогатые» кирпичи, что подтверждает их принадлежность к открытому очагу этого типа.

В связи с вышесказанным нам представляется, что трактовка этих очагов отдельными исследователями как «жертвенников» правомерна только в том смысле, что они были домашними «жертвенниками», ибо сами очаги были центрами различных домашних культов. Поэтому рядом с ними нередко находят миниатюрные сосудики, глиняные ложечки, бусы, фигурки людей и животных, имитации литейных форм и льячек.

Открытые очаги в виде больших глиняных сковород нередко встречаются на поселениях скифского времени в лесостепи, в Приднепровье, на Дону и на Кубани. Так, Б. А. Шрамко на городище у с. Караван Харьковской обл. в 1954 г. на участке у вала поселения в шурфе нашел «жертвенник» в виде овальной в плане сковороды с наибольшим диаметром, равным 1,53 м, и с бортиками толщиной от 5 до 10 см.

⁷ И. Г. Розенфельдт. Итоги раскопок Щербинского городища. КСИА, вып. 112, стр. 92, рис. 30, 4.

⁸ P. Kulikauskas. Nemečines piliakalnis «Iš Lietuvių kultūros istorijos», вып. 1. Vilnius, 1958, стр. 23—24, рис. 5.

Поверхность его была сильно прокалена⁹. Автор раскопок отмечает на примере этой находки и других неоднократную подмазку и починку сооружений этого рода. Он датирует эту сковороду VI—V вв. до н. э. Он отмечает находку на сооружении толстого слоя золы от сожженной соломы. Из-за того что сооружение это было найдено в шурфе, автор, по нашему мнению, и не пишет о бытовом назначении сковороды, границы постройки остались за его пределами.

Остатки открытых глинобитных очагов в виде глиняных сковород разного вида и разной сохранности встретились Б. Н. Гракову на Каменском городище и тоже в наземных постройках¹⁰.

При наших исследованиях Липинского поселения в Курской обл. в нижних горизонтах культурного слоя, которые датируются позднескифским временем, неоднократно встречались обломки больших глиняных сковородок диаметром около одного-полутора метров, которые происходят от разрушенных открытых очагов наземных построек. Хорошо сохранившийся открытый очаг в виде глиняной сковороды диаметром около 120 см был найден П. Д. Либеровым на позднескифском Кировском городище в Белгородской обл.¹¹ в 1965 г.

По-видимому, такого же характера глинобитные очаги были найдены М. А. Радищевым на хвалынских городищах и селищах № 1, 13, 18¹². До сих пор они некоторыми исследователями считаются «жертвенниками»¹³. Этому в некоторой степени способствуют статьи типа написанной Е. Ф. Покровской — «Жертвенник раннескифского времени у с. Жаботин»¹⁴, в которой в качестве аналогии уникальному «жертвеннику» на селище Жаботин привлекается и очаг открытого типа с городища у с. Караван.

Широкое распространение на поселениях скифского времени в Нижнем Подонье и на Северном Кавказе открытых очагов в виде глиняных сковород, часть из которых относится и к более раннему времени, чем сооружения,

⁹ Б. А. Шрамко. Древности Северского Донца. Харьков, 1962, стр. 201—203.

¹⁰ Б. Н. Граков. Каменское городище на Днепре. МИА, № 36, 1954, стр. 61—64.

¹¹ П. Д. Либеров. Исследования на среднем Дону. «Археологические открытия 1965 г.» М., 1966, стр. 93.

¹² М. А. Радищев. Хвалынские городища. ТСУАК, вып. 31 и 33. Саратов, 1914, 1916.

¹³ А. П. Смирнов, Н. В. Трубникова. Городецкая культура. САИ, Д114. М., 1965, стр. 12—13.

¹⁴ Е. Ф. Покровская. Жертвенник раннескифского времени у с. Жаботин. КСИА, вып. 12. Киев, 1962, стр. 73.

характеризованные выше, позволяет думать, что именно из этой области они проникли на территорию лесной зоны, где и получили широкое распространение преимущественно на поселениях финноязычных племен во второй половине I тысячелетия до н. э. Позже на той же территории такое же широкое распространение получают открытые очаги с обкладкой из камней.

Конструкция глинобитного очага находит неожиданные параллели и в керамическом производстве на той же территории. Так, отмечается, что в тесте «сетчатой» керамики, характерной для I тысячелетия до н. э., почти никогда не содержится измельченного камня, как в виде дресвы, так и в виде измельченного кремня. Мелкие камни, которые иногда попадают в тесте этой керамики, — естественные примеси, попадавшие в черепок из глины. В более поздней лепной керамике, соответствующей по времени наземным постройкам с открытыми очагами, обложенными камнями, примесь

дресвы и камня, введенная искусственно в керамическое тесто, всегда значительна. Эту дресву жители городищ никогда не изготавливали специально для керамического производства, она получалась в результате разрушения камней, которые служили обкладкой очага. На некоторых городищах, как, например, на Троицком, в культурном слое встретились целые пласты дресвы, сваленные в заброшенный ров, оказавшийся на площадке поселения. Долговременность многих поселений железного века в лесной зоне, возникших в середине I тысячелетия до н. э., многочисленные перестройки их, планировки площадок — все это, естественно, не способствовало сохранению остатков построек начальной поры существования поселений, в том числе относящихся к этому времени глинобитных очагов. Потому эти специфического вида сооружения первоначально и попали в разряд «жертвенников», из которого должны быть ныне окончательно исключены.

Е. А. ШМИДТ О КУЛЬТУРЕ ГОРОДИЩ-УБЕЖИЩ (Смоленск) ЛЕВОБЕРЕЖНОЙ СМОЛЕНЩИНЫ

В середине I тысячелетия н. э. в силу каких-то внешних факторов население Смоленского Поднепровья, жившее на открытых поселениях, стало сооружать на древних, ранее заброшенных городищах укрепленные убежища, а в некоторых таких убежищах устраивались и особые святилища. Памятники этого периода были впервые изучены и описаны П. Н. Третьяковым и названы им городищами-убежищами и городищами-святилищами¹.

Наиболее интересным памятником, целиком раскопанным П. Н. Третьяковым, оказалось городище Тушемля². На нем вскрыты постройки, погибшие от огня, представлявшие собой наземные сооружения столбовой конструкции. Постройки располагались по краю площадки, образуя неполный овал. Середина площадки была не застроена. Стены построек, выходящие наружу к склону городища, были засыпаны землей, образовавшей здесь снаружи как бы подобие кругового вала. Все сооружение, вы-

димо, делилось на отдельные помещения, имевшие каменные очаги. На стрелке городища шла только наружная стена и перекрытых помещений не было, а на свободном месте было сооружено круглое святилище диаметром 6 м. Культурный слой этого времени на городище Тушемля оказался весьма бедным находками. Исключение составляет керамика, которая представлена как фрагментами, так и целыми глиняными сосудами. Эта керамика была подразделена на четыре группы³.

Кроме городища Тушемля, памятники этой же культуры исследовались П. Н. Третьяковым у деревень Прудки, Городок, Слобода-Глушицы, Вошкино, Лахтево, Асташково и Шапырево⁴. В результате этих работ было установлено, что почти все они погибли в результате пожаров в начале последней четверти I тысячелетия н. э. Наряду с этим были получены дополнительные материалы к характеристике общей планировки городищ-убежищ и выявлены некоторые конструктивные детали деревянных построек. Однако культурный слой и на этих городищах оказался весьма бедным; кро-

¹ П. Н. Третьяков. Городища-святилища левобережной Смоленщины. СА, 1958, № 4, стр. 170—186; *он же*. Древние городища Смоленщины. В кн.: П. Н. Третьяков, Е. А. Шмидт. Древние городища Смоленщины. М.—Л., 1963, стр. 29.

² П. Н. Третьяков, Е. А. Шмидт. Указ. соч., стр. 42—71.

³ П. Н. Третьяков. Городища-святилища..., стр. 182.

⁴ П. Н. Третьяков, Е. А. Шмидт. Указ. соч., стр. 93—129.

ме находок некоторых новых форм ребристых сосудов на Лахтеевском городище, вещественный комплекс культуры городищ-убежищ почти ничем не пополнился.

В целях получения новых сведений о культуре городищ-убежищ левобережной Смоленщины автором настоящей статьи были проведены раскопки городища Демидовка. Оно расположено в 0,5 км южнее дер. Демидовка на правом берегу речки Русановки (левый приток Днепра), в 12 км западнее города Смоленска. Результаты первых лет изучения этого памятника были опубликованы частично в археологической литературе⁵. К настоящему времени площадка городища раскопана целиком.

Верхний культурный слой городища Демидовка, хорошо стратиграфически отделяющийся, относится к периоду бытования в Смоленском Поднепровье городищ-убежищ типа Тушемля. Однако в отличие от других городищ этого периода здесь кроме керамики найдено значительное количество самых разнообразных предметов, составляющих своеобразный вещевой комплекс; некоторое отличие имела также планировка жилых и оборонительных сооружений.

Сооружения на городище Демидовка были несколько своеобразны по сравнению с постройками, обнаруженными на городище Тушемля, где наружные стены длинного дома, размещаясь вдоль края площадки по кругу, одновременно имели и оборонительные функции. Постройки на городище Демидовка были также по своей конструкции столбовыми и длинными, но располагались они не вдоль края площадки, а пересекали ее с востока на запад, причем наружная стена каждой постройки отстояла от края площадки на 6—8 м, а в мысовой части — до 15 м (рис. 1). Эта постройка состояла как бы из двух длинных домов, соединяющихся на западе своими концами, а на востоке они упирались в земляную насыпь вала. Северная часть, более прямая, имела длину 34 м при ширине около 3,5 м. Основу ее составляли парные столбы-опоры. Они прослеживаются

по большим ямам, в плане округло-четыреугольным. Размер их в материке до 1 м в поперечнике и до 0,9 м глубиной, а общая глубина ям с учетом культурного слоя была до 1,5 м. Расстояние между парами столбов колебалось от 2,8 до 4 м. Можно предполагать, что данная северная часть постройки могла делиться на небольшие помещения, ограниченные парами столбов, имеющие в среднем размеры 3,5×3,5 м; но не исключено, что были специальные помещения, значительно большие по своей площади. В пределах постройки есть только одно большое скопление камней, расположенное примерно в середине, которое, возможно, является остатками очага. Второе скопление камней было в северном углу восточного конца постройки и, скорее всего, не связано с очагом, а имело какое-то другое назначение. В 7 м восточнее предполагаемого очага в пределах сооружения был найден нижний камень очень большой зернотерки, а вокруг нее на уровне древнего пола собраны обуглившиеся зерна пшеницы, ячменя, ржи, овса и конских бобов.

Культурный слой, заполнявший северную постройку, был серого цвета и содержал небольшое количество керамики, здесь также почти не было других находок. Все это заставляет предполагать, что рассмотренная часть сооружения имела хозяйственное назначение, одно помещение, несомненно, использовалось для размолва зерна, а остальные могли быть сараями или амбарами.

Южная часть постройки столбовой конструкции, примыкая концами к северной, образовывала полуовал. Длина ее около 38 м при ширине 2,5—2,8 м. Расстояние между опорными столбами в каждой стене 2,5—3 м, но они не составляют пар, причем в южной стене было на четыре столба больше, чем в северной. Сами же ямы имели совершенно такой же характер, как и в северной части постройки. В пределах южного сооружения вскрыто 7 скоплений камней. Располагались они довольно равномерно, на расстоянии около 4 м друг от друга. Видимо, эта южная часть постройки делилась на 7—8 жилых помещений. О том, что эти помещения были жилыми, говорит и характер культурного слоя, очень темного, гумусированного, содержащего большое количество фрагментов керамики и отдельные полуистлевшие кости и комплексы находок, располагавшихся главным образом вокруг очагов.

Пространство между северной и южной частями постройки длиной в 30 м было сравнительно нешироким, максимально до 6 м. Оно образовывало как бы внутренний дворик. Вполне возможно, что этот дворик весь им частич-

⁵ Впервые разведочные работы на городище Демидовка проводил А. Н. Лявданский (см.: А. Н. Лявданский, Материалы для археологической карты Смоленской губернии. «Труды смоленских государственных музеев», вып. 1. Смоленск, 1924, стр. 40). С 1957 по 1967 г. раскопки на городище проводил автор статьи (см. публикации: Е. А. Шмидт. Некоторые археологические памятники Смоленщины второй половины I тысячелетия н. э. МИА, № 108, 1963, стр. 51—56; он же. Некоторые результаты изучения памятников третьей четверти I тысячелетия н. э. в Смоленском Поднепровье. «Древности Белоруссии». Минск, 1966, стр. 196 и сл.).

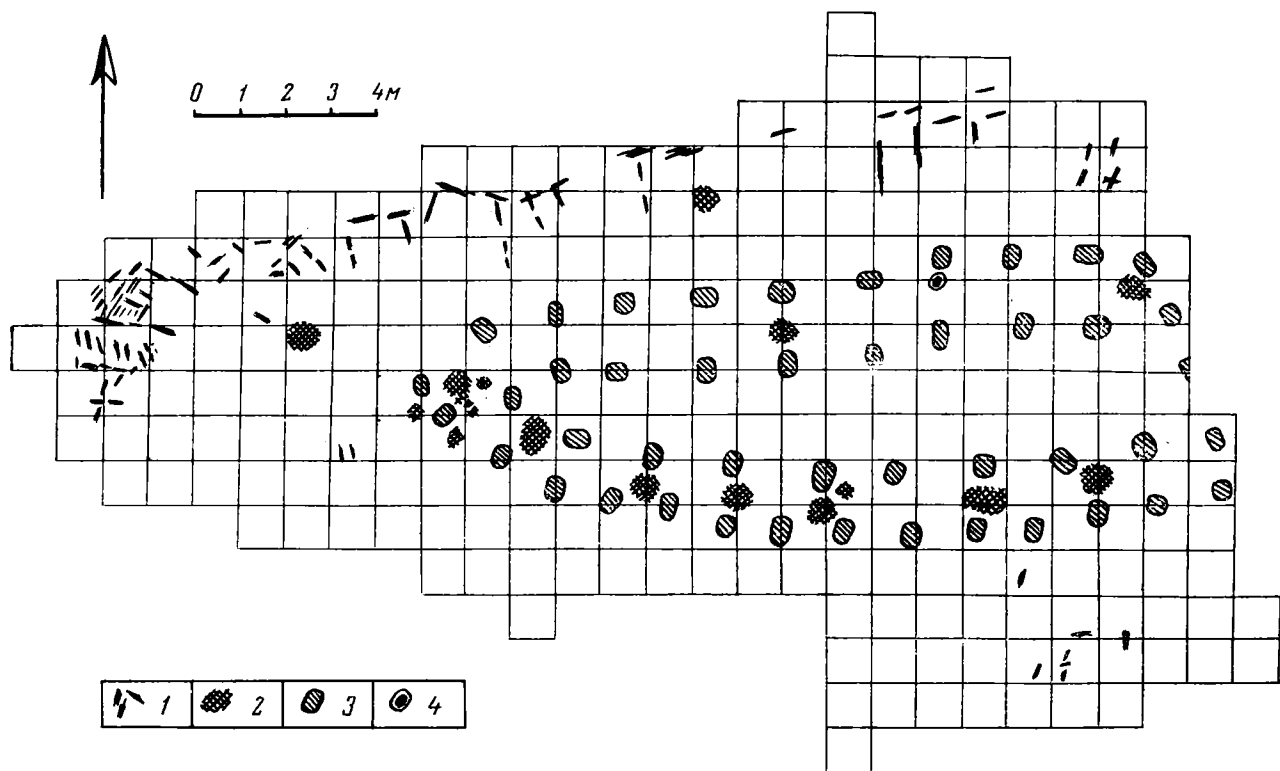

Рис. 1.

Схематический план размещения остатков сооружения V—VII вв. на городище Демидовка

1 — обгоревшие бревна; 2 — скопление камней; 3 — ямы от столбов; 4 — большая зернохранилища

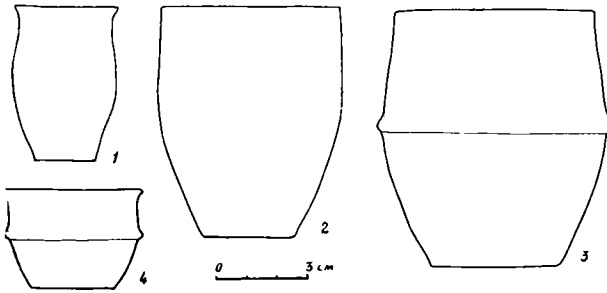
но был перекрыт крышей и мог использоваться в хозяйственных целях.

Помимо длинной постройки столбовой конструкции, использовавшейся в жилых и хозяйственных целях, на городище были особые оборонительные сооружения, расположенные вдоль края площадки и на валу. Остатки их в виде обгоревших бревен лучше всего сохранились по северному краю и на мысу (см. рис. 1). В расположении обгоревших бревен наблюдается строго определенная закономерность. Наиболее крупные и массивные бревна лежали перпендикулярно краю площадки, почти радиально относительно ее средней части. Расстояние между концами бревен на краю площадки было в среднем около 2 м, но не превышало в отдельных случаях 3,2 м. Судя по обгоревшим частям, бревна имели толщину до 0,3 м, а в длину они достигали 4 м; все они еловые. Другая часть обгоревших бревен лежала параллельно краю площадки, образуя как бы контур наружной стены. Эти бревна были также достаточно массивными. В длину они достигали 3,5 м. Из них, видимо, составлялись стены, так как сохранилось по 2—3 бревна, лежащих рядом.

Кроме этих массивных крайних бревен, судя по материалам мысовой части городища, были еще тонкие бревна и жерди, лежавшие также параллельно краю площадки городища, их сохранилось до 7 рядов. Под обгоревшими бревнами в пределах всей полосы оборонительных сооружений не найдено ни одной столбовой ямы вышеописанного типа, характерного для длинной постройки столбовой конструкции.

Все это заставляет предполагать, что оборонительные сооружения на городище Демидовка конструктивно отличались от длинных столбовых построек площадки и состояли из срубов, имевших мощные перекрытия, засыпанные сверху землей. В результате пожара срубы сгорели, кроме нижнего наружного бревна, лежавшего на земле, а рухнувшая кровля с перекрывавшим ее грунтом местами до конца не сгорела, а только обуглилась.

В юго-восточной части городища на краю напольного вала был сравнительно ровный уступ, прослеженный не только на поверхности, но и на контакте верхнего и среднего культурного слоев. В этом месте, видимо, были ворота в оборонительных сооружениях. У северного края

Р и с. 2.

Наиболее типичные формы сосудов из городища Демидовка (1—4)

уступа, в месте его перехода в площадку в культурном слое были прослежены перекопы и ямы, как бы следы каких-то столбов, отграничивающих проезд на городище, но из-за сильной испорченности этого участка барсучьими норами выявить конструктивные особенности ворот не удалось.

Помимо округлых камней, встречающихся в пределах оборонительных сооружений и служивших, видимо, целям обороны, здесь, в северной части площадки в непосредственной близости от обгоревших бревен найдены два больших скопления расколотых и целых камней. По своему виду они очень напоминают остатки очагов. Первое такое скопление было в середине северного края и занимало площадь около 0,9 м в поперечнике, а второе располагалось ближе к мысу и имело поперечник 1,5 м.

Таким образом, планировку городища-убежища Демидовка можно представить в следующем виде. В середине площадки была поставлена столбовая длинная постройка жилого и хозяйственного назначения, образующая вытянутый полуовал, внутри которого был узкий дворик, возможно частично перекрытый кровлей. По краю площадки и валу шли деревянные оборонительные сооружения, видимо, срубной конструкции. Между оборонительными сооружениями и внутренней постройкой оставалось пространство, служившее для передвижения к отдельным помещениям. Въезд на площадку был с юго-восточной стороны, и ворота в оборонительных сооружениях располагались на южной окраине напольного вала.

На городище Демидовка получен богатый вещевой комплекс третьей четверти I тысячелетия н. э., значительно расширяющий представление о культуре городищ-убежищ.

Керамика, как и на городище Тушемля, представлена многочисленными фрагментами и от-

дельными целыми сосудами. По характеру обработки поверхности и составу теста она подразделяется на два типа: 1) груболопная с бугристой поверхностью; количество ее, по подсчетам, проведенным в 1967 г., составило около 77%; 2) лепная с гладкой подлощенной поверхностью, ее количество было около 23%. Груболопная посуда изготовлена из не тщательно перемешанной и промятой глины, к которой добавлена в большинстве случаев крупная дресва, но иногда использовались мелкая дресва и слюда. Поверхность обработана не тщательно — снаружи на стенках сосудов бывают полосы и вмятины от пальцев, а крупные зерна дресвы выступают наружу, образуя бугорки. Обжиг сосудов слабый. Цвет черепков снаружи и на изломе от серовато-бурых до почти черных тонов. Толщина стенок значительная — до 1,4 см, некоторые сосуды имеют размеры до 35—40 см высотой при несколько меньшем диаметре.

Гладкая подлощенная керамика изготовлена из глины, несколько лучше промятой, к которой добавлены очень мелкая дресва, реже песок или слюда. Лощенной бывает только наружная поверхность, и характер лощения различный — от очень тщательного лощения всего сосуда до небрежного подлощения только верхней части. Лощенная поверхность, как и излом черепка, чаще всего бывает серого или темно-серого цвета, реже встречаются почти черные и очень редко — красновато-бурые.

По форме все сосуды можно разделить на четыре группы (рис. 2).

Первую группу составляют сравнительно высокие сосуды с плоским дном, слегка расширяющимися кверху стенками, несколько суженной горловиной и чуть отогнутым наружу венчиком. Все эти сосуды груболопные, с бугристой поверхностью, обжиг слабый и неравномерный, часть из них асимметрична. Сосуды первого типа составляли около половины от всей найденной керамики (рис. 2, 1).

Сосуды второй группы по своей форме несколько напоминают посуду первой группы, но у них прямой венчик. Однако их существенно отличает состав теста и характер обработки поверхности. Тесто у них не такое грубое, так как в качестве отошающих добавок использовались либо мелкая дресва, либо песок, а поверхность сосудов сравнительно гладкая и иногда даже немного подлощенная (рис. 2, 2).

Третья группа включает миски, главным образом лощенные. Их отличительным признаком является наличие ребра, расположенного в верхней половине тулова. Изготовлены они из

глины, сравнительно хорошо промятой, к которой добавлены либо песок, либо слюда с очень мелкой дресвой. Лощение серовато-черное, но очень редко встречается красновато-бурое (рис. 2, 4).

Четвертая группа представляет собой высокие сосуды с ребром и залощенной поверхностью. Обычно ребро располагается на середине сосуда или немного выше. Венчик может быть как прямым, так и слегка отогнутым наружу. По составу теста и цвету эти сосуды аналогичны посуде третьей группы (рис. 2, 3).

Подобного рода керамика встречена не только на городище Демидовка, она характерна и для других городищ-убежищ Смоленского Поднепровья. В Посожье на городищах Городок и Прудки найдены фрагменты лепных лощеных и бугристых сосудов первых двух типов⁶, на городище Тушемля обнаружены как фрагменты, так и целые сосуды первых трех групп. Отсутствует только высокая подлощенная ребристая посуда четвертой группы⁷, однако на Лахтеевском городище были и ребристые сосуды четвертой группы⁸. На правом берегу Днепра на городищах Близняки и Акатово найдена керамика всех четырех групп.

Такая керамика встречается и за пределами Смоленского Поднепровья. В Белоруссии в верхнем слое Банцеровского городища под Минском найдено значительное количество слабопрофилированных сосудов, подобных сосудам первой и четвертой групп Демидовского городища⁹. То же самое можно сказать и о глиняной посуде из Колочинского городища на Гомельщине, где есть аналогии всем группам как слабопрофилированных, так и ребристых сосудов¹⁰. Аналогичные формы сосудов описаны и с некоторых памятников в бассейне Десны¹¹ и Сейма¹².

Широкое распространение описанной выше слабопрофилированной керамики третьей четверти I тысячелетия н. э. в Верхнем Подне-

провье заставляет видеть в ней не какой-то случайный элемент, проникший извне, а закономерный этап в развитии керамического производства поднепровских племен.

Металлический инвентарь весьма своеобразен (рис. 3). Значительное место среди находок занимают предметы вооружения. Железные втульчатые наконечники копий представлены несколькими типами. Среди них есть двушипные и с пером пламеобразной и листовидной формы. Подобные двушипные наконечники копий встречаются на памятниках третьей четверти I тысячелетия н. э. в бассейне Волги¹³, восточнее Смоленского Поднепровья, но есть они и на территории Белоруссии¹⁴, и в Литве¹⁵. Наиболее многочисленные аналогии наконечникам копий с пером листовидной и пламеобразной формы есть в древностях литовских V—VIII вв.¹⁶.

Часты находки железных наконечников стрел, все они трехлопастные и черешковые. Подобные наконечники кроме городища Демидовка найдены на городище Гостимля в бассейне Сожа и на городище Владимирском в Верхнем Подесенье, но есть они и южнее, на Десне¹⁷. За пределами Верхнего Поднепровья в лесной зоне они известны на памятниках середины и третьей четверти I тысячелетия н. э. в Литве¹⁸, на городищах бассейна верхней Оки¹⁹ и средней Волги²⁰. Подобные стрелы широко бытовали в это время в лесостепной и степной полосе от Приуралья до Дуная²¹.

¹³ Н. В. Трубникова. Раскопки на городище Ножа-Вар близ д. Сареево в 1958—1959 годах. «Археологические работы в Чувашской АССР в 1958—1961 годах». Чебоксары, 1964, стр. 151, рис. 14, 1.

¹⁴ А. Г. Митрофанов. Указ. соч., стр. 253, рис. 2, 1.

¹⁵ P. Kulikauskas и др. Lietuvos archeologijos bruožai. Vilnius, 1961, стр. 311, рис. 214, 5.

¹⁶ Ф. В. Покровский. К исследованию бассейна Вилии в археологическом отношении. «Труды X археологического съезда в Риге 1896 г.», т. I. М., 1899, стр. 107, табл. 11, 2; «Литовское народное искусство. Украшения древних литовцев», кн. II. Вильнюс, 1966, стр. 155, рис. 12.

¹⁷ В. А. Падин. Указ. соч., стр. 318, рис. 2, 7.

¹⁸ Городище Аукштадварис, исследованное В. В. Даугудисом, см.: P. Kulikauskas и др. Указ. соч., стр. 431, рис. 300.

¹⁹ Т. Н. Никольская. Культура племен бассейна верхней Оки в I тысячелетии н. э. М., 1959, стр. 43, городище Аникишинское, рис. 15, 4, 7.

²⁰ Н. В. Трубникова. Указ. соч., стр. 150, рис. 13, 14, 17.

²¹ Н. А. Мажитов. Бахмутинская культура. М., 1968, табл. I; J. Werner. Beiträge zur Archäologie des Attila-Reiches. München, 1956, A. Textteil, стр. 125, B. Tafelteil, табл. 57, рис. 14, 15; D. Csallany. Archäologische Denkmäler der Gepiden im Mitteldonaubecken (454—568 u. Z.). Budapest, 1961, стр. 261, рис. CCLXXIX, 9.

⁶ П. Н. Третьяков, Е. А. Шмидт. Указ. соч., стр. 100—102.

⁷ Там же, стр. 67 и сл.

⁸ Там же, стр. 120 и сл.

⁹ А. Г. Митрофанов. Банцеровское городище. «Белорусские древности». Минск, 1967, стр. 256 и сл.

¹⁰ Э. А. Сымонович. Городище Колчин I на Гомельщине. МИА, № 108, 1963, стр. 126 и сл.

¹¹ Л. В. Аргишевская. Разведка в верховьях Десны. КСИИМК, вып. 68, 1957, стр. 88 и рис. 33, 10—12; она же. Могильник раннеславянского времени на реке Десне. МИА, № 108, 1963, стр. 89 и сл., рис. 3; В. А. Падин. Раннеславянские поселения и могильник в районе Трубчевска. СА, 1960, № 3, стр. 317—319, рис. 1.

¹² Ю. Липкинг. О чем рассказывают курганы. Воронеж, 1966, стр. 48.

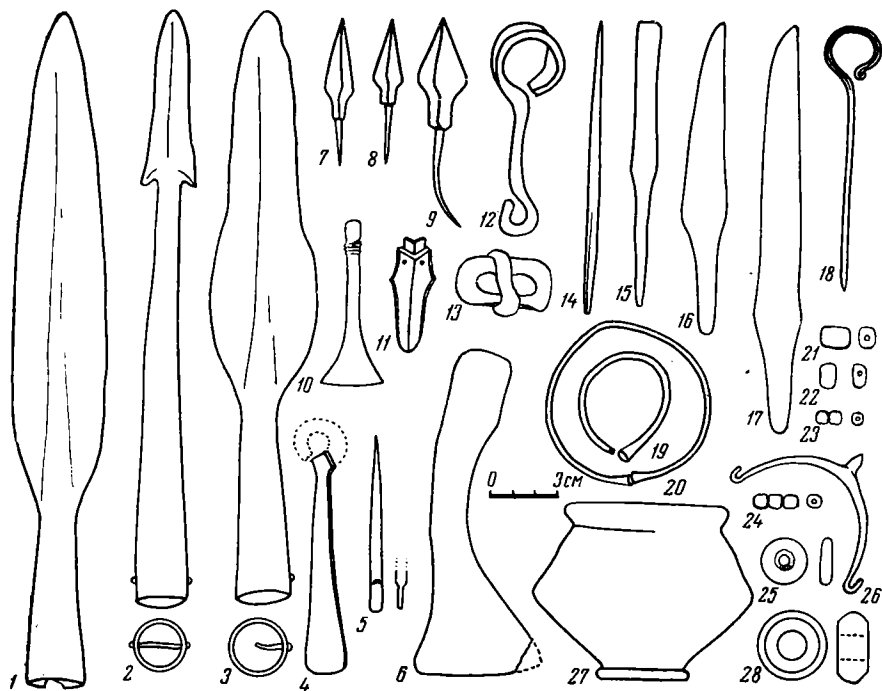

Рис. 3.

Основные типы вещей

1—3 — наконечники копий; 4 — кресло; 5, 14 — шилья; 6 — топор; 7—9 — наконечники трехлопастных стрел; 10 — пинцет; 11 — обломок фибулы; 12 — часть удила; 13 — пряжка; 15 — долото; 16, 17 — ножи; 18 — булавка; 19, 20 — височ-

ные кольца; 21—25 — бусы; 26 — шпора; 27 — гончарный лощенный сосуд; 28 — пряслице; 1—10, 12—18, 26 — из железа; 11 — из бронзы; 19, 20 — из серебра; 21, 22, 27, 28 — из глины; 23, 24 — из стекла с позолотой; 25 — из янтаря

К предметам снаряжения воина-всадника относятся и другие железные вещи: удила, шпоры с крючками, ножи, топор, пинцет, кресало, пряжки. Аналоги этим предметам имеются как в древностях Поднепровья, так и за его пределами. Близкие по форме шпоры вместе со слабопрофилированной керамикой найдены на селище у дер. Шугайлово в бассейне Западной Двины (Смоленская обл.) и на городище Наквасино близ Дорогобужа на Днепре. В Белоруссии одна такая шпора обнаружена в жилище VI—VII вв. на поселении «Замковая Гора», где была также и керамика, по форме очень близкая вышеописанной²², а вторая — на селище у дер. Щатково, датируемом IV—VI вв.²³ Пинцеты аналогичных форм были распространены в IV—VI вв.²⁴, то же самое относится к железным кресалам²⁵, а железные

пряжки близких форм найдены во многих местах Восточной и Средней Европы²⁶. Среди находок выделяется серебряная пряжка с нарезным орнаментом (рис. 4, 1). Она несомненно бытовала в V—VI вв., и хотя точных аналогий ей пока не найдено, но по стилю орнамента и общей конструкции она ближе всего стоит к пряжкам из Крыма²⁷. Целый пояс с массивной серебряной пряжкой и 104 серебряными бляшками очень близок португальским поясам, распространившимся после гуннского нашествия (рис. 4, 2).

Вещи, связанные с женским костюмом и украшениями, также довольно многочисленны (рис. 3, 4). Среди них есть серебряные, бронзовые и железные круглопроволочные височные кольца разного диаметра, отличительной особенностью которых являются слегка утолщенные разомкнутые концы. Аналогичные кольца на памятниках соседних территорий пока не найдены, но по характеру обработки и

²² Раскопки А. Г. Митрофанова, материалы хранятся в Институте истории Академии наук БССР.

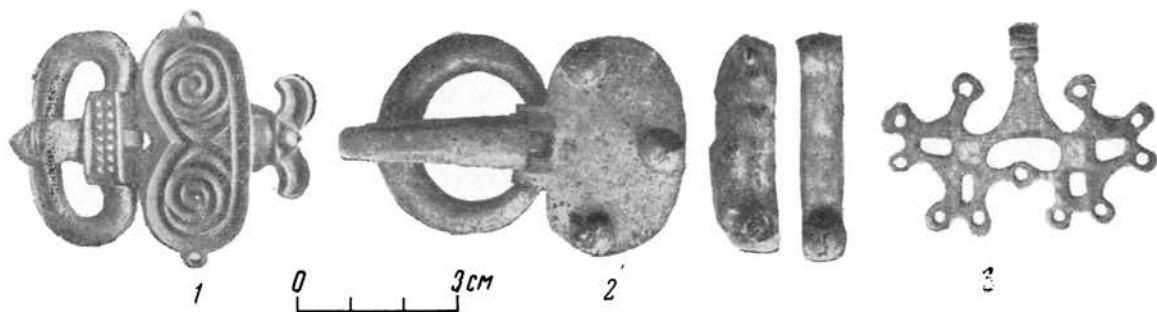
²³ Л. Д. Поболь. Поселения железного века около д. Щатково Бобруйского района. «Белорусские древности». Минск, 1967, стр. 226, рис. 23, 9 (из культурного слоя).

²⁴ J. Werner. Указ. соч., табл. 41, рис. 10.

²⁵ Н. И. Бульчов. Журнал раскопок по части водораздела верхних притоков Волги и Днепра. М., 1899, стр. 6, табл. II, 8.

²⁶ J. Werner. Указ. соч., табл. 43, 4; D. Csallany. Указ. соч., стр. 276, табл. XXV, 2; P. Kulikauskas и др. Указ. соч., стр. 348, рис. 256.

²⁷ Н. И. Репников. Некоторые могильники области крымских готов. ИАК, вып. 19, СПб., 1906, стр. 70.

Р и с. 4.

Вещи с городища Демидовка

1 — серебряная пряжка с нарезным орнаментом; 2 — сереб-

ряная пряжка с серебряными поясными набойками; 3 — бронзовая подвеска, инкрустированная эмалью

форме концевых утолщений они перекликаются с некоторыми типами браслетов, известных среди материалов середины и третьей четверти I тысячелетия н. э.²⁸

Довольно часто встречаются бусы, входившие, видимо, в ожерелье: стеклянные мелкие с позолотой, иногда двойные и тройные; янтарные в виде простых кружочков; глиняные овальных очертаний. К ожерелью, скорее всего, относилась и бронзовая подвеска-лунница, инкрустированная кирпично-красной эмалью (рис. 4, 3). Она является более усложненной формой общеизвестных подвесок-лунниц с эмалью из Мощинского клада²⁹. Совершенно аналогичная подвеска-лунница найдена на городище Ножа-Вар в Чувашии, датированном со II—III вв. до конца V — начала VI в.³⁰ В результате анализа типологического развития подвесок-лунниц А. С. Якубовский пришел к выводу, что подвеска из Ножа-Вар «должна быть отнесена к VI веку или, может быть, к концу V — началу VI в. н. э.»³¹.

Фрагмент бронзовой двупластинчатой фибулы (рис. 3, II), найденный на городище Демидовка, по классификации А. К. Амброза, от-

носится ко 2-й подгруппе 21-й группы фибулы юга европейской части СССР. Эта фибула типологически ближе всего стоит к крымским формам, датированным VI — началом VII в. н. э.³²

Глиняные пряслица, найденные неоднократно на городищах-убежищах, имеют биконическую форму, весьма обычную для пряслиц второй половины I тысячелетия н. э., распространенных во всем Поднепровье.

Среди изделий из глины нужно отметить серолощенный кубок, найденный в обломках. Изготовлен он при помощи гончарного круга (рис. 3, 27), аналогии ему есть в бассейне Дуная, где они датируются V в. н. э.³³

Таким образом, анализ комплекса вещей из городища Демидовка подтвердил датировку V—VII вв. городищ-убежищ типа Тушемля, определенную ранее П. Н. Третьяковым³⁴, и показал, что племена Смоленского Поднепровья в эпоху переселения народов не жили изолированно. Они знали многие приемы изготовления изделий из железа и цветных металлов, распространенные в более южных и западных областях, и пользовались вещами, бывшими в употреблении у многих племен Европы. Появление вещей общеевропейского стиля в V—VI вв. говорит о проникновении «гуннской» моды и на отдаленный север Поднепровья.

²⁸ D. Csallany. Указ. соч., стр. 271, табл. IX, 6; Н. И. Репников. Указ. соч., рис. 9; Н. В. Трубникова. Указ. соч., рис. 18, 14, 16.

²⁹ Н. И. Булычев. Указ. соч., табл. IX, XI.

³⁰ Н. В. Трубникова. Указ. соч., стр. 149, 153, 154, рис. 18.

³¹ А. С. Якубовский. Новый тип подвески-лунницы с городища Ножа-Вар. «Археологические работы в Чувашской АССР в 1958—1961 годах». Чебоксары, 1964, стр. 161—162.

³² А. К. Амброз. Фибулы юга Европейской части СССР. САИ, вып. Д1—30. М., 1966, стр. 88—91, рис. 8, 3, 8.

³³ J. Werner. Указ. соч.; А. Texteil, стр. 110, В. Tafelteil, табл. 10, 5.

³⁴ П. Н. Третьяков. Городища-святилища..., стр. 183 и сл.

Внимание археологов уже давно привлекает своеобразный комплекс находок из дер. Хотыща Могилевской обл., происходящий, как предпологает П. Н. Третьяков, из «домиков мертвых»¹. В 1912 г. И. А. Сербовым была собрана на пашне значительная коллекция вещей, известная лишь по перечню. Были найдены «три бронзовые с позолотой бляшки с птичьими головками и выпуклой фигуркой человека», «девять бронзовых фибул», семь бронзовых витых и массивных с утолщенными концами браслетов, две бронзовые гривны с привесками и три витых перстня, наконец, «24 янтарные разной величины (от самых мелких до небольшого яйца) и формы (в том числе 8 грушевидных) бус и 10 стеклянных бус, синих и красных бочонковидной формы»². В 1930 г. там же нашли часть массивной бронзовой позолоченной пряжки (рис. 1, 1) и два бронзовых браслета³. Уже единственная опубликованная пряжка позволяла говорить о существовании в лесах Верхнего Поднепровья очага своеобразной и художественно яркой культуры, сформировавшейся в раннем средневековье на фоне широких внешних связей. Однако других аналогий долго не было, кроме близких по стилю бронзовых пластины и пряжки, случайно найденных при земляных работах на Борковском могильнике в г. Рязани (рис. 1, 3, 4)⁴ и по стилю сильно отличающихся от местных окских украшений. Находка Е. А. Шмидтом массивной серебряной пряжки (рис. 1, 2) на городище близ дер. Демидовка Смоленской обл.⁵ впервые позволила связать украшения типа Хотыщи с конкретной культурной средой — с памятниками типа Тушемли — Колочина.

Для рассматриваемой группы пряжек характерны следующие устойчивые признаки: оваль-

ное гладкое кольцо равномерной толщины и той своеобразной вытянутой формы, которая встречается у многих пряжек VI в.; широкий изогнутый шип с поперечной площадкой-перекладиной; вытянутый овальный щиток с заклепками в полукруглых выступах; резьба двух типов: трехгранно-выемчатая (рис. 1, 1, 2; в зарубежной литературе — «кербшнит») и в виде грубой прямоугольной решетки (узор состоит как бы из рядов пирамидок; рис. 1, 2—4; 2, 7). При общей близости формы и декора каждая пряжка весьма индивидуальна по орнаментации. Борковская — с решетчатым узором (рис. 1, 3), хотыщинская — с В-образной резной рамой, окружающей заштрихованное «поле» (рис. 1, 1), демидовская — с крупными многовитковыми спиралями, вырезанными техникой трехгранно-выемчатой резьбы (рис. 1, 2). Для всех трех находок характерны массивные головы орлов с длинными желобчатыми клювами, довольно неуклюже посаженные на низких прямоугольных выступах. В Борках птичьи головы украшают пластинку из гарнитура к пряжке (рис. 1, 4). В Хотыще, судя по описанию, также были 3 бронзовые с позолотой бляшки с птичьими головками и выпуклой фигуркой человека. Итак, перед нами цельный и устойчивый набор мотивов и форм. Рассмотрим его отдельные элементы.

Изображения головок хищных птиц были широко распространены в искусстве раннего средневековья от Северного Кавказа до Испании. По особенностям их трактовки всю эту зону можно разделить на две части: крымско-кавказскую, в которой головки обычно схематичны и имеют короткий крючковатый клюв (исключения редки), и более западную, где клюв чаще изображается очень длинным, желобчатым и нередко слабо изогнутым (и здесь есть исключения). На территории СССР длинные желобчатые клювы западного типа имелись лишь на среднеднепровских пальчатых фибулах; как и на верхнеднепровских пряжках, птичьи головки в декоре этих фибул посажены на узкие прямоугольные выступы. Однако среднеднепровские изображения очень деградированы, по сути уже рудиментарны, и сами фибулы относятся к более позднему времени — к VII в. На юге СССР резные орлиные головки с маленькими клювами встречаются преимущественно на боспорских пальчатых фибулах и

¹ П. Н. Третьяков. Финно-угры, балты и славяне на Днепре и Волге. М.—Л., 1966, стр. 279.

² И. А. Сербай. Археолёгичныя абсьледваньні ў вадаборах рэк Проні — Ухлясьці ў был. Магілеўшчыне. «Працы сэцкыі археолёгіі БАН», т. III. Менск, 1932, стр. 240.

³ А. М. Ляўданскі. Розныя знаходкі. «Працы сэцкыі археолёгіі БАН», т. III, стр. 244, табл. I, 5.

⁴ А. А. Спицын. Древности бассейнов рек Оки и Камы. МАР, № 25. СПб., 1904, стр. 42, табл. XIV, 18, 19.

⁵ Е. А. Шмидт. Исследования в Смоленском Поднепровье. «Археологические открытия 1967 года». М., 1968, стр. 41, 42; см. также статью Е. А. Шмидта в этом сборнике, стр. 68—69.

северокавказских инкрустированных брошках VI в.⁶ Но для данной темы особенно интересны орлиные головки пряжек.

Небольшие трапециевидные пряжки VI в. изредка находят на Северном Кавказе (рис. 2, 4) и на Боспоре (рис. 2, 1, 3)⁷. Они имеют вытянутое кольцо, изогнутый язычок, их обойма спереди овальна и завершается сзади выступом с птичьей головой. Но в отличие от верхнеднепровских пряжек их кольцо неравномерной ширины и чаще прогнуто В-образно, птичья головка помещена на массивном трапециевидном выступе; большинство пряжек выгнуто из тонкой пластинки и сделано или целиком из одного листа металла (рис. 2, 4), или с подвижным кольцом (рис. 2, 1, 3), но обычно полым снизу. Эти пряжки были вариантом довольно многочисленной на Северном Кавказе, в Башкирии (VI—VII вв.) и Венгрии (VII в.) группы пряжек с диском на конце широкой трапециевидной пластины (рис. 2, 2)⁸. Еще больше отличаются от верхнеднепровских пряжек большие прямоугольные орлиноголовые пряжки Крыма и Среднего Подунавья VI и первой половины VII в.⁹

Таким образом, верхнеднепровские пряжки и по форме, и по стилю не имеют аналогий среди древностей юга СССР. Стилистически наиболее близки верхнеднепровским западные изображе-

ния орлиных голов с длинными желобчатыми клювами, выполненные техникой трехгранно-выемчатой резьбы. Они появились на среднем Дунае в декоре больших пряжек и пальчатых фибул второй половины V в. и широко распространились в VI в., охватив область от Румынии и Болгарии до Испании и Франции¹⁰. Наиболее близки образцы VI в. (рис. 1, 5). Орлиная головка демидовской пряжки имеет два клюва (рис. 1, 2). Мотив двух соприкасающихся орлиных головок обычно встречается в двух вариантах: 1) две частично слившиеся головы с намеченными глазами (рис. 2, 4), 2) треугольный выступ с двумя птичьими клювами (рис. 1, 2). На территории СССР такая композиция довольно редка (рис. 2, 4, из Чегема в Кабардино-Балкарии), на западе встречается чаще¹¹. Почти точная аналогия демидовскому изображению — средний луч франкской пальчатой фибулы VI в. (рис. 1, 5)¹². Но и на западе нет орлиноголовых пряжек, подобных верхнеднепровским.

Спиральный резной узор (рис. 1, 2) также распространен не везде. Он не встречается на Кавказе, на Оке и в Приуралье. На территории СССР он имелся лишь на боспорских пальчатых фибулах VI в. и на крымских пряжках второй половины VI — первой половины VII в., но крымские узоры сделаны иначе, чем демидовские.

В Крыму изредка тоже изображали многовитковые парные спирали, но, как правило, спирали были малооборотными и имели вид S-видных фигур или бесконечных «бегущих» спиралей¹³. Главное же отличие крымских изделий в том, что они лишь подражают трехгранно-выемчатой резьбе. Они не вырезаны ножом в виде резких граней с прямым скатом, а выдавлены по воску в виде округлых желобков. Тем более не идут в сравнение прочерченные циркулем спирали среднеднепровских

⁶ Т. М. Минаева. Могильник Байтал-Чапкан. «Материалы по изучению Ставропольского края», вып. 2-3. Ставрополь, 1950, рис. 24, а; она же. Археологические памятники на р. Гиляч в верховьях Кубани. МИА, № 23, 1951, рис. 5, 6; J. Werner. Die Fibeln der Sammlung Diergardt. Berlin, 1961, табл. 27, 113; 28; 32, 127; 33, 128; 44, 255—257; Н. И. Репников. Некоторые могильники области крымских готов, ч. II. ЗООИД, т. XXVII, 1907, табл. XIII, 1.

⁷ В. Ф. Миллер. Некоторые замечания о культуре, обнаруживаемой могильниками Осетии и горских обществ Кабарды. МАК, т. I, 1888, табл. XXIII, 12 (Чегем); F. R. Martin. Fibulor och söljor från Kertch. «Konigliches vitterhets historie och antiquitets Acaemiens Månadsblad», 1894, Bihang. Stockholm, 1897, рис. 74; ИАК, вып. 35, 1910, стр. 33, рис. 20 (Керчь); Одесский археологический музей, инв. № А47071 (рис. 2, 3; серебро, Керчь), инв. № А48189 (рис. 2, 1; бронза, найдена якобы около Симферополя).

⁸ Коллекция Нальчикского краеведческого музея (Тырны-Ауз, рис. 2, 2; Гижгид и Тызыл — все предметы относятся к VI—VII вв.); N. Fettich. Le découverte de tombes princières hunniques à Szeged-Nagyszéksós. Budapest, 1952, табл. XXXVIII, 10 (Кудинетово, VI в.); Н. А. Мажитов. Бахмутинская культура. М., 1968, табл. 5, 35; 29, 3, 4; N. Fettich. Das awarenzeitliche Gräberfeld von Pilismarót — Basaharc. Budapest, 1965, рис. 5, 11; 168, 9; 176, 1.

⁹ Н. И. Репников. Некоторые могильники области крымских готов, ч. I. ИАК, вып. 19, 1906, табл. VIII и IX; А. К. Амброс. Дунайские элементы в ранне-средневековой культуре Крыма VI—VII вв. КСИА, вып. 113, 1968, рис. 1, 1—8.

¹⁰ G. Annibaldi, J. Werner. Ostgotische Grabfunde aus Acquasanta Prov. Ascoli Piceno. «Germania», т. 41, вып. 2. Berlin, 1963, табл. 42; 44, 1; 45, 2, 3; 46, 1; 47 (вторая половина V в.); рис. 9 (первая половина VI в.); J. Werner. Указ. соч., табл. 2, 6; 4, 11; 7, 19; 13, 57; 16, 75; 17, 76; 39—44 (VI в.).

¹¹ B. Salin, Die altgermanische Tierornamentik. Stockholm, 1904, рис. 81; J. Werner. Указ. соч., стр. 24, табл. 16, 75; H. Dannheimer. Die germanische Funde der späten Kaiserzeit und des frühen Mittelalters in Mittelfranken. Berlin, 1962, стр. 176, табл. 3, 5 — все VI в.

¹² J. Werner. Указ. соч., стр. 15, табл. 4, 11.

¹³ Н. И. Репников. Указ. соч., ч. I. ИАК, вып. 19, 1906, табл. VI, 2, 8; VIII, IX; он же. Указ. соч., ч. II. ЗООИД, т. XXVII, 1907, табл. XIV; J. Werner. Указ. соч., табл. 26—32; A. Götze. Gotische Schnallen. Berlin, 1907, табл. IX и X.

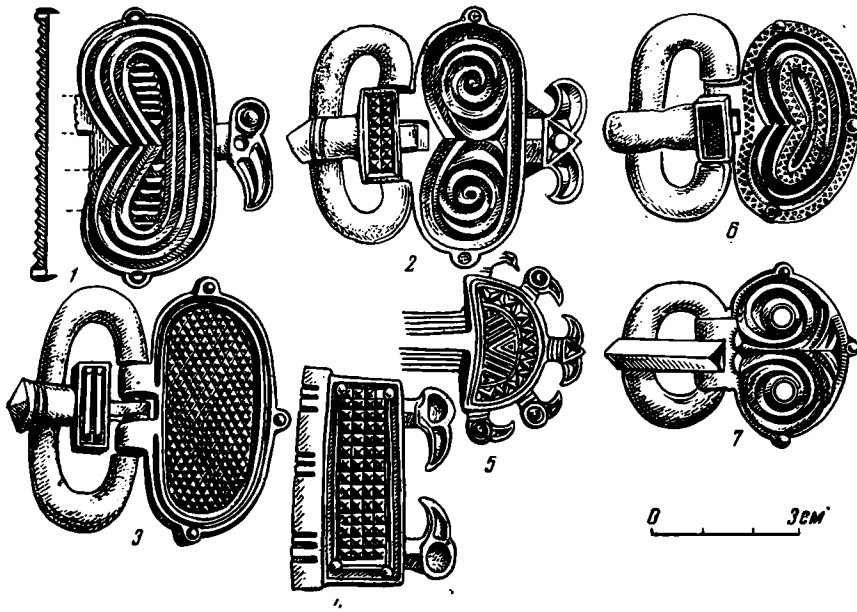

Рис. 1.

Украшения из Верхнего Поднепровья и их аналоги

1 — Хотыща; 2 — Демидовка; 3, 4 — Борки; 5 — Монсо-ле-Нёф, Франция; 6 — место находки неизвестно; 7 — Блужи-

на, Чехословакия; 1—3, 6, 7 — пряжки, 4 — пластина, 5 — фибула

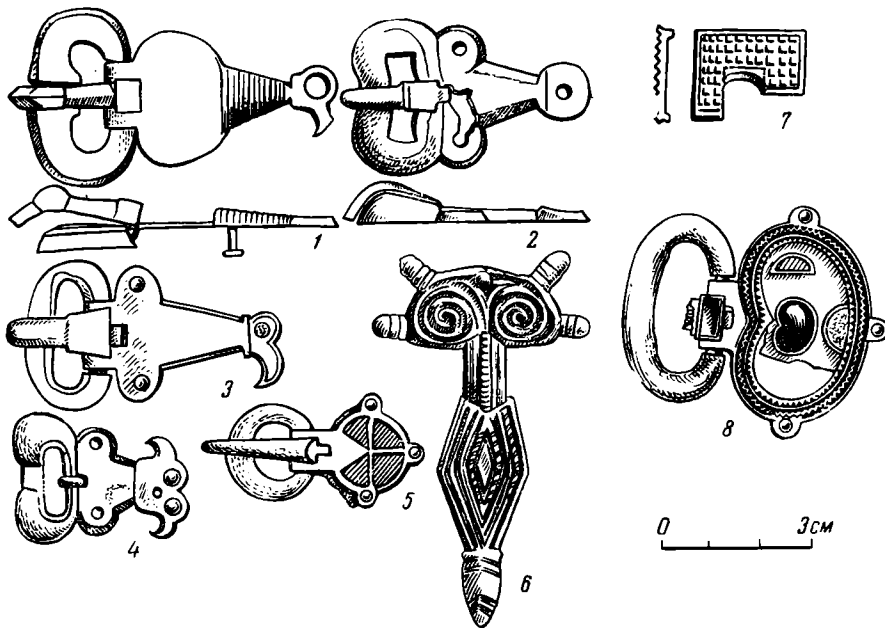

Рис. 2.

Украшения с территории СССР, Австрии и ФРГ

1 — якобы окрестности Симферополя (маловероятно; может быть, Керчь?); 2 — Тырны-Ауз; 3 — Керчь; 4 — Чегем;

5 — Унтерзибенбрунн, Австрия; 6 — Спас-Перекша; 7 — Посудичи; 8 — Блюменфельд, ФРГ; 1—5, 8 — пряжки; 6 — фибула; 7 — пластина

пальчатых фибул VII в.¹⁴ Спирали, исполненные трехгранно-выемчатой резьбой, характерны для позднеримских изделий дунайских и рейнских провинций IV в. и для заимствовавшего многие провинциальные элементы искусства древнегерманских племен на Дунае, в Италии, в Средней и в Северной Европе второй половины V и VI в. (рис. 1, 7)¹⁵. Но своеобразие трактовки демидовских спиралей — многооборотность и особенно их произвольное пересечение с рамкой — говорит о работе местных мастеров, лишь знакомых с техническими приемами дунайских ювелиров. Мастера Верхнего Поднепровья по-своему перерабатывали заимствованные мотивы.

Резной решетчатый орнамент кроме пряжек из Демидовки и Борков (рис. 1, 2—4) имеется на пластинке из Посудичей Брянской обл. (рис. 2, 7), на дунайских и итальянских пряжках второй половины V и VI в., на боспорских и мервингских пальчатых фибулах VI в., на одной днепровской пальчатой фибуле VII в.¹⁶ Однако недостаток местных образцов (при простоте самого орнамента) пока не позволяет судить о том, как появился этот мотив в Верхнем Поднепровье.

Итак, судя по орнаментам, наиболее вероятная дата верхнеднепровских пряжек — VI в. Рельефный резной декор второй половины V в. (он имелся на среднем Дунае, кое-где далее к западу и в Скандинавии) сложнее, более богат и еще весьма далек от наших образцов. В VI в. он стал проще и однообразнее, его ареал значительно расширился, охватив на юге СССР Крым. Для VI в. характерны также очень вытянутые овальные массивные кольца пряжек, круглые в сечении и имеющие равномерную толщину (рис. 1, 2; 3, 6). Они распространены очень широко: на византийских, крымских и германских пряжках¹⁷ — и могут служить хорошим хронологическим признаком.

¹⁴ Н. И. Репников. Указ. соч., ч. I. ИАК, вып. 19, 1906, табл. VI, 7; J. Werner. Slawische Bügelfibeln des 7. Jahrhunderts. «Reinecke-Festschrift». Mainz, 1950, табл. 36, 1—5; 37, 7—9; Б. А. Рыбаков. Древние русы. СА, XVII, 1953, рис. 17, 1.

¹⁵ B. Salin. Указ. соч., рис. 116, 117, 177, 319, 344, 380—394, 405, 406, 479—481; G. Annibaldi, J. Werner. Указ. соч., табл. 37—40, 42—47.

¹⁶ П. Н. Третьяков. Указ. соч., стр. 262, рис. 77, 5; G. Annibaldi, J. Werner. Указ. соч., табл. 38, 2 и рис. 9; J. Werner. Die Fibeln..., табл. 5, 14; 7, 22; 8, 26; 11, 41, 42; 12, 43—45; 13, 50; 30, 119; Б. А. Рыбаков. Указ. соч., рис. 10, 4.

¹⁷ А. Л. Якобсон. Раннесредневековый Херсонес. МИА, № 63, 1959, рис. 136, 1—3; J. Werner. Zu den donauländischen Beziehungen des alamannischen Gräberfeldes am alten Gotterbarmweg in Basel. «Helvetia antiqua». Festschrift E. Vogt. Zürich, 1966, рис. 1, 3, 5; 2, 9.

Последний элемент украшений, который следует здесь рассмотреть, — округлая обойма с тремя заклепками на боковых выступах (у двух пряжек средний выступ заменен птичьей головкой). Впервые такие обоймы появились в искусстве подчиненных гуннам народов Европы в первой половине V в. и обычно покрыты инкрустацией (рис. 2, 5)¹⁸. Со второй половины V в. некоторые из них украшались трехгранно-выемчатой резьбой. Например, серебряные позолоченные пряжки этого времени из богатой могилы в Блучине (Чехословакия) орнаментированы такими же большими спиралями, как и пряжка из Демидовки, но формы кольца и обоймы у них более ранние (рис. 1, 7)¹⁹. На территории СССР кроме инкрустированных пряжек гуннской эпохи найдена большая гладкая пряжка VI в. с полым снизу В-образным кольцом (Бирский могильник в Башкирии)²⁰. Место верхнеднепровских пряжек в общей эволюции всей группы можно определить точнее. Обоймы пряжек из Хотыщи и Демидовки имеют прогиб края со стороны кольца (рис. 1, 1, 2), что придает им так называемую «почечную» (niereförmig) форму, по принятой у зарубежных археологов терминологии. «Почечные» пряжки с инкрустацией или с трехгранно-выемчатой резьбой были распространены во второй половине V и первой половине VI в. в обширной ооласти от среднего Дуная до Франции. Особенно близки верхнеднепровским пряжкам экземпляры первой половины VI в. (рис. 1, 6; пример пряжки рубежа V и VI вв. — рис. 2, 8)²¹. Сходны формы обоймы, кольца и шипа с поперечной пластинкой у основания, а также применение трехгранно-выемчатого декора.

Однако пряжки из Верхнего Поднепровья и Борков нельзя относить к привозным вещам, настолько они своеобразны по комбинации, казалось бы, широко распространенных элементов и их трактовке. Это произведения местной ювелирной школы, связанные в одну группу ярко выраженной однородностью и созданные в несомненном контакте с ремеслом Среднего Подунавья. Найденные до сих пор предметы показывают, что резной декор был здесь в VI в. основным способом орнаментации по металлу. Этим Верхнее Поднепровье заметно выделялось

¹⁸ J. Werner. Beiträge zur Archäologie des Attila-Reiches. München, 1956, стр. 130, рис. 2, 1, табл. 4, 1; 10, 9—11; 16, 11, 13.

¹⁹ K. Tihelka. Knížecí hrob z období stehování národů u Blučiny. «Památky archeologické», т. LIV, вып. 2. Praha, 1963, рис. 3; 9, 14.

²⁰ Н. А. Мажиров. Указ. соч., табл. 5, 26.

²¹ J. Werner. Zu den donauländischen Beziehungen..., стр. 286, рис. 1—3 (особенно рис. 1, 1—6).

среди окружающих областей. Судя по пряжке из могильника Магорзно под Трубчевском²², местное ювелирное искусство осталось своеобразным и в VII—VIII вв.

Выделение верхнеднепровского очага художественной металлообработки хорошо согласуется с тем, что в соседних районах уже были известны другие подобные очаги. Они также соответствуют отдельным археологическим культурам, например верхнеокский (с фибулами и керамиковой шаньковского типа), среднеокский (с крестовидными фибулами и другими типами украшений) и другие очаги. Для всех них характерны далекие связи, лучше всего прослеживаемые именно по металлическим украшениям.

Знакомство ювелиров Верхнего Поднепровья с ремеслом далеких областей на Дунае не только не исключительно, а даже скорее характерно для VI в. Истощенный разорительными вторжениями Боспор уже давно потерял роль законодателя моды для далекой варварской периферии. Боспорская культура V и VI вв. локальна. Ограниченно воздействуя на небольшую округу, она сама во многом ориентировалась на Подунавье. В Среднем Поднепровье искусство VI в. пока неизвестно, а местная «культура пальчатых фибул», относящаяся уже к VII в., буквально насыщена дунайскими элементами, полученными не в боспорской интерпретации, а непосредственно с запада. Чем объяснить проникновение дунайского влияния в столь удаленные области? В первой половине VI в. на среднем Дунае существовало сильное королевство гепидов, унаследовавшее не только земли и богатства уничтоженной им гуннской державы, но и многие традиции гуннской эпохи. Влияние народов Среднего Подунавья и в их числе гепидов распространялось на запад до Рейна и к востоку до Крыма и Поднепровья²³. Каковы конкретные пути и способы его распространения, пока не всегда известно. Но яс-

но, что речь идет не о каком-то общем влиянии гепидов на жизнь удаленных от них народов, а лишь о передаче гепидами некоторых черт подунайской моды, освященной в глазах современников ореолом воспоминаний о былом могуществе и блеске гуннской державы.

Внешние связи населения Верхнего Поднепровья не ограничивались юго-западом. В том же слое Демидовского городища найден обломок бронзовой северокавказской двупластинчатой фибулы варианта II В²⁴. Ее дата — вторая половина VI — первая половина VII в., установленная по аналогиям в Борисовском и Пашковском могильниках на Северо-Западном Кавказе. Фибулы более деградированной формы найдены в большом количестве в могильнике Чирюрт в Дагестане, датированном подражаниями византийским монетам второй половины VII в.²⁵ Находки в Демидовке этой фибулы и эмалевой лунницы²⁶ наиболее позднего типа подтверждают дату пряжки, полученную выше путем типологического анализа.

О связях Верхнего Поднепровья с Крымом данных пока нет. Нельзя считать Крым и посредником в распространении дунайского влияния на север, так как в боспорской и остроготской среде Крыма заимствованные с Дуная элементы известны в местной переработке и заметно отличаются от собственно дунайских. Но полностью исключать возможность каких-то связей с Крымом все же нельзя. Косвенно об этом говорит находка на соседней территории памятников шаньковского типа (на городище у дер. Спас-Перекша на р. Угре) пальчатой фибулы с рельефным орнаментом, подражающей боспорским образцам, но со значительной переработкой прототипа (рис. 2, 6)²⁷. Если связи с Боспором и существовали, их удельный вес был невелик, если судить, например, по тому, что большинство пальчатых фибул Среднего Поднепровья (кроме, может быть, трех) восходило к иным прототипам и не имело соответствий в боспорском искусстве VI—VII вв.

²² Л. В. Артишевская. Могильник раннеславянского времени на р. Десне. МИА, № 108, 1963, стр. 94, 95, рис. 6, 1.

²³ J. Werner. Zu den donauländischen Beziehungen..., стр. 283, 286, 287, 289, 290; А. К. Амброз. Указ. соч. И позднее, в VII в., имеются яркие примеры далеких связей. Так, производство фибул VI—VII вв. в Мазурии включало франкские, тюрингские, лангобардские элементы, но особенно много там имитировались фибулы дунайских славян VII в.

²⁴ Е. А. Шмидт. Указ. соч., стр. 41; см. также его статью в этом сборнике, стр. 68—69.

²⁵ А. К. Амброз. Фибулы юга Европейской части СССР II в. до н. э.—IV в. н. э. САИ, Д1—30. М., 1966, стр. 57 и 88, рис. 8, 8.

²⁶ Е. А. Шмидт. Указ. соч., стр. 41; см. также его статью в этом сборнике, стр. 69.

²⁷ Н. И. Булычев. Журнал раскопок по части водораздела верхних притоков Волги и Днепра. М., 1899, стр. 24, табл. XVIII, 1.

Среди археологических коллекций Венгерского национального музея (Будапешт) хранится чрезвычайно интересная пальчатая фибула «эпохи переселения народов» (рис. 1). Она была найдена близ дер. Вецел в Хуньяд медье (теперь — Хунедоарский район в Румынии) и в 1875 г. передана в Венгерский национальный музей. В печати первые сведения об этой находке появились в 1879 г.¹

Фибула относится к типу так называемых пальчатых или лучевых. Верхний щиток ее венчают семь выпуклых ложковидных отростков («лучей», иначе «пальцев» или «кнопок»). Отростки отлиты вместе с основой и имеют чисто орнаментальное значение. Щиток полукруглый, с приподнятыми краями. Дужка изогнутая, с тремя выпуклыми продольными рельефами, длина фибулы 11,5 см, размах крайних лучей 6,6 см. Нижний щиток украшен двенадцатью боковыми выступами. В двух верхних углах нижнего щитка помещены головы птиц в профиль с чуть загнутыми клювами. Обожествление птиц и поклонение их изображениям было распространено в древности чрезвычайно широко, и пережитки этого культа сохранялись до самого недавнего времени.

Нижний щиток заканчивается изображением мужской головы. Контуры человеческого тела проработаны слабо: туловище треугольной формы, очертания рук и ног отсутствуют. Голова мужчины отличается четкими, выразительными линиями и реалистичностью изображения, о чем свидетельствуют глаза, брови, нос, волосы, борода и усы. Поверхности обоих щитков фибулы богато орнаментированы. Рельефные линии, переплетаясь, образуют причудливый растительный орнамент, ограниченный пояском из выпуклых точек «*an geuposse*». На оборотной стороне полукруглого щитка имеется выступ с отверстием для оси пружины. Пружина, игла и приемник отсутствуют. Дужка с «лучи» с

оборотной стороны вогнуты, остальные части плоски. Фибула сломана в верхней части нижнего щитка. Техника изготовления фибулы — отливка по восковой модели. Материал — смесь олова, серебра и свинца. Литье хорошее, но в отдельных местах на поверхности фибулы есть небольшие углубления. Сохранность фибулы неплохая, если не считать слома.

В конце XIX в. после выхода в свет труда де Бай² большая категория пальчатых фибул Европы и самые разнообразные предметы IV—VIII вв. юга России без убедительных на то оснований получили название «готских», которое прочно укрепилось за ними на длительное время. Работа Б. Салина³, в которой вецелская фибула и аналогичные ей приведены как готские, еще более укрепила это положение. В 1928 г. вышла в свет книга В. Антоневица⁴, а годом позже рецензия на нее Б. Ритхофена. Поддерживая точку зрения Б. Салина о готской принадлежности группы фибул, подобных вецелской, авторы пошли еще дальше. Исходя из ложного положения о том, что колонизация Татр славянами произошла в XI в., В. Антонец и Б. Ритхофен группу поздних пряжек XVIII—XIX вв., найденных в Словакии и имеющих аналогии на территории Австрии, производят от «истинно» готских фибул, к которым они причисляют как фибулы с Украины, так и вецелскую фибулу⁵. Любор Нидерле называл эти фибулы готскими, хотя, по его словам, это название он охотно заменил бы другим⁶. В 1936 г. Терек Дюла дал краткое описание фибулы из Вецел⁷. В 1938 г. вецелская фибула появилась в натуральную величину на страницах «Германии» в публикации И. Нестора⁸. В то время И. Нестор не имел еще мате-

¹ I. Hampel. Magyarhoni régészeti leletek repertórium. «Archaeologiai Közlemények», т. III. Budapest, 1879, стр. 68. Даны лишь краткое описание и довольно широкая датировка в пределах V—IX вв. н. э. Рисунок фибулы был дан не в натуральную величину. Отсутствовало изображение профиля фибулы, между тем степень изгиба дужки, форма приемника — существенные признаки для характеристики и сопоставления разных типов фибул. Ни техника изготовления, ни аналогии, а тем более относительно точная датировка и этническая принадлежность фибулы не были, да и не могли быть выяснены в то время.

² De Baye. Les bronzes emailles de Mostchina. Paris, 1892.

³ B. Salin. Die Altgermanische Thierornamentik. Stockholm, 1904, стр. 130—131.

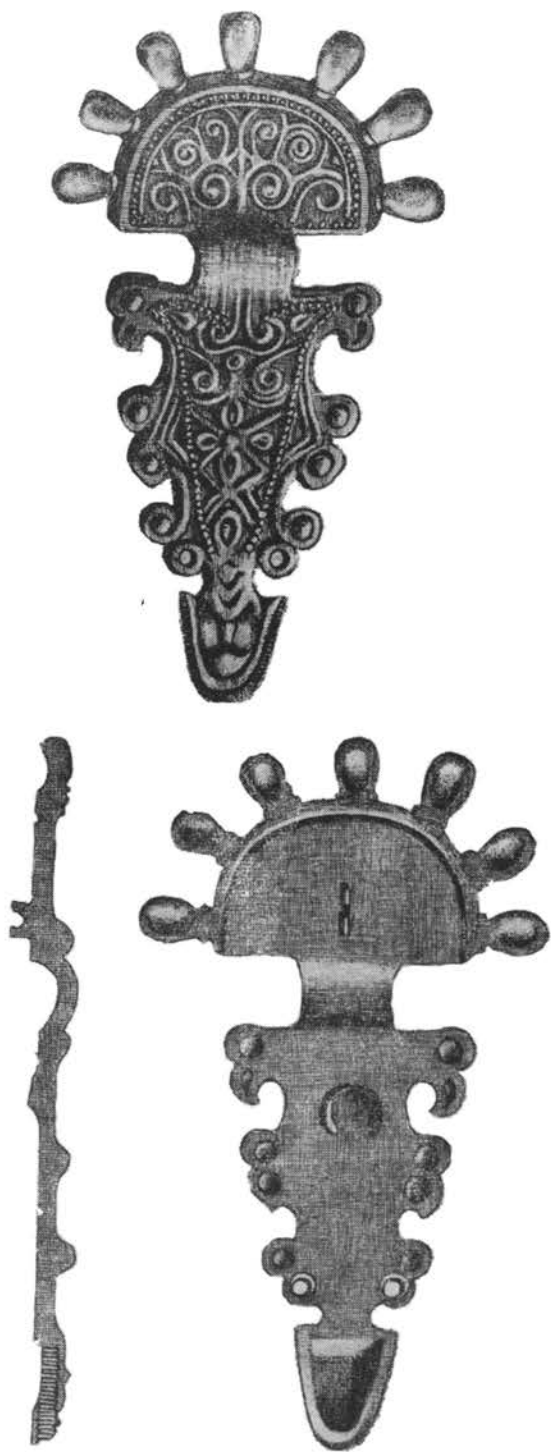
⁴ W. Antoniewicz. Metalowe spinki góralskie. «Prace Komisji etnograficznej Polskiej Akademii Umiejętności», 8. Kraków, 1928.

⁵ B. Richtshofen. Zur bearbeitung der Metallenscenen der Boralen Westgalliens und der Slowakei durch prof. Antoniewicz. «Mannus», т. 21. Berlin, 1929, стр. 312—318.

⁶ Л. Нидерле. Славянские древности. М., 1950, стр. 240.

⁷ Gy. Török. A kizombori germán temető helye népvándorláskori emlékeink között. «Dolgozatok», XII, 1—2. Szeged, 1936, стр. 144.

⁸ I. Nestor, C. S. Nicolaescu-Plopsor. Der völkerwanderungszeitliche Schatz Negrescu. «Germania», т. 22, вып. 1, стр. 33—41.

Р и с. 1.

Пальчатая фибула из Вецел

риала, чтобы правильно установить происхождение и этническую принадлежность этой фибулы. Одновременно с ним Н. Феттих посвятил несколько строк в одном из разделов «Путеводителя» фибуле из Вецел. Она была определена им как фибула южнорусского типа⁹. Несколько позже Д. Паллас выдвинул положение о византийской, Х. Кюн — о герульской, а Штурмс — о неславянской принадлежности пальчатых фибул. В качестве аргумента Штурмс приводит тот факт, что они, как правило, отсутствуют в материале поселений и могильников славян, широко распространенных в Восточной Европе¹⁰.

В 1950 г. И. Вернер упомянул о вецелской фибуле в одной из своих работ и отнес ее к подтипу «Б» (тип I — Спарта — Линкунен — Кошовени)¹¹. Анализируя пальчатые фибулы, близкие нашей, И. Вернер в противоположность другим исследователям вводит в оборот широкие аналогии и пытается установить связи между керамикой пражского типа Румынии, где в последнее время найдены пальчатые фибулы, и случайными находками пальчатых фибул в Европе и Малой Азии. Отвергая положение Д. Палласа о византийской и Х. Кюна о герульской принадлежности фибул, И. Вернер относит их к славянам VII в н. э.¹² Этому не противоречит и мнение Б. А. Рыбакова. Типологическая таблица фибул И. Вернера и карта распространения различных типов, связавшая воедино центрально-юго-западно-восточные пальчатые фибулы, дают много данных о пальчатых фибулах с территории Венгрии. Согласно данным И. Вернера, мы имеем дело с 12 экземплярами венгерских пальчатых фибул, которые он подразделяет на две группы с соответствующими подгруппами:¹³ 1) местонахождение неизвестно; 2) Szakály-Öreghegy, погребение № 12; 3) Szakály-Öreghegy, погребение № 12; 4) Keszthely-Dobogó; 5) Kiskö-gös; 6) местонахождение неизвестно; 7) местонахождение неизвестно; 8) местонахождение неизвестно; 9) Gátég, погребение 238, Будапештская обл.; 10) Pára; 11) местонахождение неизвестно; 12) Tiszabura.

⁹ «Vezető a régészeti gyűjteményben». Budapest, 1938, стр. 152.

¹⁰ Fr. Kuhn. Die germanischen Bügelfibeln der Völkerwanderungszeit in der Rheinprovinz. Bonn, 1940, стр. 314.

¹¹ J. Werner. Slawische Bügelfibeln des 7. Jahrhunderts. «Reinecke-Festschrift». Mainz, 1950, стр. 150—152.

¹² J. Werner. Neues zur Frage der slawischen Bügelfibeln aus südosteuropäischen Ländern. «Germania», Т. 38, 1960, вып. 1—2, стр. 114—120, табл. 28—30.

¹³ Там же.

Четыре экземпляра пальчатых фибул с территории Венгрии введены в научный оборот А. Шош-Чемицки. Это: 1) Szigetszentmiklós Nagós, погребение № 14; 2) Várpalota (Шош); 3) Előszállas-Bajesihegy, погребение № 81; 4) Csádbéreny; погребения № 172, 349, 364.

Цитируя материал И. Вернера и Б. А. Рыбакова, А. Шош-Чемицки подчеркивает, что фибулы, приведенные ими, безусловно славянские. Поэтому она с полным правом использует типологическую схему И. Вернера для четырех фибул, указанных выше, которые она также связывает со славянами¹⁴.

И. Ковачевич отрицает принадлежность вепцельской фибулы и аналогичных ей гепидам, как считает Х. Севиц, ибо ни Югославии, ни Южной России гепиды не достигли, а фибулы такого типа там тем не менее встречаются¹⁵. Интересна точка зрения Петре Аурелиана, который на основании анализа материала пришел к заключению, что антропоморфные фибулы заимствовали форму нижнего щитка у фибул типа Арчар-Истрия и Диргард-Кожовени де Жос. В вопросах генезиса он склоняется к тому, что антропоморфные фибулы изготовлялись в мастерских империи и, возможно, вывозились потом в «варварский» мир, где их носили различные племена¹⁶.

Эпоха I тысячелетия н. э. — один из важнейших этапов в истории Европы. Она характеризуется массовыми переселениями, быстрой консолидацией и появлением на исторической арене крупных объединений сарматских, дако-гетских, германских, аварских и славянских племен. Именно в это время возникает соприкосновение славянского мира с римской цивилизацией, начавшееся с проникновения в Сарматии и выхода к Дунаю, борьбой и победой над Византией и закончившееся колонизацией значительной части Балканского полуострова в VI—VII вв. н. э.¹⁷ Рубеж VI—VII вв. ознаменовался рядом славянских походов в глубь

империи (во Фракию, Македонию, Пелопоннес, Лаконию)¹⁸. Славянский флот напал на Фессалию, Кикладские острова Ахеи, Эпир и достиг даже Южной Италии и Крита. Приблизительно три четверти Балканского полуострова было завоевано славянами менее чем за одно столетие¹⁹. В результате этого этнический состав населения Балканского полуострова существенно изменился, славянский компонент стал играть здесь важную роль. И это не преминуло сказаться и на материальной культуре, о чем, в частности, убедительно свидетельствуют находки пальчатых антропоморфно-зооморфных фибул, прародина которых лежала далеко на северо-востоке.

Пальчатые антропоморфно-зооморфные фибулы, аналогичные Вецел, распространены, как случайные находки, на обширных территориях Европы (в СССР, Югославии, Венгрии, Румынии, Болгарии, Польше, Греции и Малой Азии) (рис. 2).

Среди археологических исследований в Румынии за последние годы интересны раскопки И. Нестором славянского могильника VI в. в Сэрата-Монтеору. Уже сам факт открытия могильника этого времени представляется событием немалой научной значимости. Помимо всего прочего в нем сочетаются керамика пражского типа и пальчатые фибулы²⁰. Аналогию одной из них можно найти на поселении в Сучаве-Шипоте, славянском памятнике VI — начала VII в. н. э.²¹ Мы надеемся, что положение полностью изменится, когда в научный оборот будут введены все материалы этого могильника и он сможет стать тем опорным памятником, на материале которого может быть разработан ряд важных вопросов по истории ранних славян и, в частности, убедительно разрешен вопрос об этнической принадлежности пальчатых фибул.

Пальчатая фибула VII в. из Сармизегетузы (район Хацер, область Хунедоара, Трансильвания), по мнению К. Хоредта, имеет хорошие аналогии в аварских могильниках Венгрии²². Это совсем не означает, что авары сами изготовляли пальчатые фибулы. Г. Б. Федоров вслед за К. Хоредтом считает, что это результат влия-

¹⁴ A. Cs. Sós. Ujabb avarcori leletek Csepel-szigetről. «Archaeológiai Értesítő», 1961, вып. 1. Budapest, стр. 32—51.

¹⁵ J. Kovačević. Varvarska kolonizacija južnoslavenskih oblasti. Novi Sad, 1960, стр. 17, табл. III, рис. 9.

¹⁶ A. Petre. Contribuția atelierelor romano-bizantine la geneza unor tipuri de fibule «digitate» din veacurile VI—VII e. n. «Studii și cercetări istorie veche», т. 17, вып. 1. București, 1966; *он же*. Fibule «digitate» de la Histria (I). «Studii și cercetări istorie veche», т. 16, 1965, вып. 1.

¹⁷ На основании новейших открытий многие авторы обоснованно указывают, что начальную колонизацию Балканского полуострова славянами нужно видеть уже на рубеже V—VI столетий.

¹⁸ «Очерки истории СССР. III—IX вв.». М., 1958, стр. 109.

¹⁹ Там же.

²⁰ I. Nestor, E. Zaharia. Santierul arheologic Sărata-Monteoru. «Studii și cercetări istorie veche». București, 1955, т. 3-4, стр. 510; *он же*. La Necropole slave d'époque ancienne de Sărata-Monteoru. Там же, стр. 291.

²¹ M. D. Mareș. Славянское поселение в Сучаве. «Dacia», IV. București, 1960, стр. 375—394.

²² K. Horedt. Contribuții la istoria Transilvaniei în secolele IV—XIII. București, 1958, стр. 297—308.

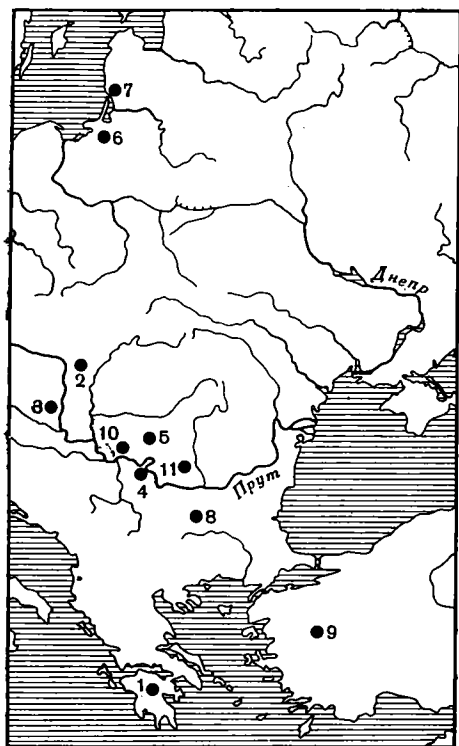

Рис. 2.

Распространение фибул типа Вецел

1 — Спарта, Греция; 2 — Венгрия, в Британском музее; 3 — Сакай-Öрегхедь, Венгрия; 4 — Кладово-на-Дунае; 5 — Вецел, Румыния; 6 — Линкунен, Польша; 7 — Шрейтлауен, Литва; 8 — Стара Загора, Болгария; 9 — Малая Азия, в Стокгольмском музее; 10 — Бела Црква, Югославия; 11 — Кошовени де Жос, Румыния

ния не аварского населения²³. По мнению М. Комши, наличие таких фибул в аварских могильниках можно объяснить тем, что авары, продвигаясь к западу, уводили за собой и славянские племена из Среднего Поднепровья²⁴. Поэтому трудно согласиться с мнением И. Чалого о германской принадлежности пары пальчатых фибул из аварского могильника Сакай-Öрегхедь. Антропологическое строение костяка и ношение покойницей при жизни пары фибул, согласно германской традиции, привели исследователя к вышеуказанному утверждению²⁵. На наш взгляд, здесь скорее можно говорить о славяно-аварском симбиозе, выражающемся в

сочетании специфически аварских предметов со славянскими, что неоднократно было встречено в могильниках на территории Румынии. Исследования К. Хоредта, М. Комши целиком подтверждают это положение. Подобное явление было замечено М. Комшей в Гымбаше (погребение № 3). Наличие двух фибул в погребении в Гымбаше она объясняет влиянием на аваро-славян гепидского населения, оставшегося в Трансильвании²⁶.

Одним из доказательств славянского происхождения пальчатых фибул И. Кудлачек, ссылаясь на византийские источники и новейшие данные, считает приход антско-славянских племен в области, лежащие на юг к Дунаю, на Балканский полуостров и Карпатскую котловину непосредственно перед аварами²⁷. Но доказательством славянского происхождения пальчатых фибул данное положение являться не может, ибо определенная группа пальчатых фибул появилась в Карпатской котловине лишь с приходом авар. Они отсутствуют в славянских погребениях с трупосожжением и керамической пражского типа, датированных доаварским периодом. На это указывает и М. Комша, приводя в пример пятипальчатые фибулы из Баната и Сармизегетузы²⁸.

Для славянских территорий СССР VI—VII вв. н. э. от бассейна р. Роси до рек Донца и Дона характерны два типа пальчатых фибул, выделенных Б. А. Рыбаковым²⁹. Простые с циркульным орнаментом и птицеголовые (верхний щиток украшен 4—6 птичьими головами и одной звериной, нижний покрыт циркульным орнаментом). С декоративной точки зрения (украшение поверхности фибул concentрическими кругами) аналогичные экземпляры можно встретить как в Воронежской обл. (у Колоскова), на Пастырском городище, в Менах, так и в Тисабурге, Морешти, почти на всех фибулах из Карпатской котловины (Сентеш-Берекхат).

Для Западного Поднепровья, помимо описанных выше типов фибул, характерны еще два типа фибул: сложные антропоморфно-зооморфные и простые двуглавые зооморфные VI—VII вв. Замечание Б. А. Рыбакова о том, что область распространения пальчатых фибул является, кроме того, и областью распростране-

²³ Г. Б. Федоров. Население Прутско-Днестровского междуречья. МИА, № 89, 1960, стр. 211—216.

²⁴ М. Комша. Новые сведения о расселении славян на территории РНР. «Romanoslavica», IX. București, 1963, стр. 505—526.

²⁵ J. Csalog. A Szakály-Öreghegyi avar sirmező. «Archaeológiai Ertesítő...», 1944—1945. Budapest, стр. 295—299.

²⁶ М. Комша. Указ. соч.

²⁷ J. Kudláček. K otázce gótskej riše a pobytu góťov v strednem Podněstri «Študijne Zvesti». Nitra, вып. 14, 1964, стр. 5—42.

²⁸ М. Комша. Указ. соч.

²⁹ Б. А. Рыбаков. Древние русы. СА, XVII, 1953, стр. 23—104.

ния височных колец, находимых в комплексах с фибулами и не встречаемых нигде за пределами Русской земли³⁰, мы можем считать веским аргументом для доказательства славянской принадлежности фибул с этих территорий.

Вопрос об исключительно готской принадлежности лучевых фибул должен быть пересмотрен. В частности, на территории СССР в Артеке и Суук-Су Б. А. Рыбаковым выделены фибулы того типа, который он связывает со славянами³¹. Об этом писал и В. К. Пудовин, занимавшийся вопросами «переселения народов» и дополнительной обработкой материалов из могильника Суук-Су³². Но не следует забывать о том, что при изготовлении лучевых фибул славяне использовали не только керченские (понтийские) образцы, но и германские (готские). Отсюда кажущаяся однородность типов, но на самом же деле это совершенно иной мир, с более сложными формами и с более роскошной декорировкой по сравнению со славянской простотой. Об этом упоминал в свое время Н. Нидерле³³.

Помимо СССР, Румынии и Венгрии находки лучевых фибул выявлены в Фессалии (Неа Анхалос) и Югославии (Стенейвец). Для последней типичен поднепровский тип лучевых фибул, на что указывал и И. Кудлачек³⁴.

Болгарские находки лучевых фибул стоят несколько обособленно, за исключением фибул из Новграду и Войникова. По мнению И. Кудлачека, они представляют собой особый вариант лучевых фибул поднепровского типа³⁵. Это — фибулы из Реки Дивни, Арчара, фибула из неизвестного местонахождения в Софийском музее.

Пальчатые фибулы из Польши (Шелиги) датируются VI—VII вв. н. э. По мнению И. Кудлачека, бронзовая фибула из Шелиги вполне идентична с фибулой из гепидского могильника в Морешти (Румыния)³⁶.

В археологической литературе с некоторого времени существует гипотеза относительно того,

что местом изготовления пальчатых фибул был район Днепра. Существование Пастырского городища, памятника VI—VIII вв. н. э., превосходящего по количеству металлических изделий все остальные в Восточной Европе, с великолепной кузницей, разнообразными инструментами и двумякладами ювелирных изделий в какой-то мере подтверждает это³⁷. Но пока это только гипотеза, принять которую можно только в том случае, если учитывать, что помимо района Днепра безусловно существовало еще несколько центров изготовления фибул. И. Нестор выступил за пересмотр гипотезы о существовании только одного, днепровского центра производства пальчатых фибул. Одним из его аргументов в пользу этого является то, что в Приднепровье распространен несколько иной тип фибул, чем на Дунае³⁸. Однако в Югославии при раскопках аварского могильника была найдена одна такая фибула, которые до этого были известны лишь в Поднепровье. Главное же в том, что продвижение славян к югу, общение с разноплеменными дружинами Причерноморья и Подунавья, естественно, вело к изменениям в их материальной культуре (оружии, одежде и украшениях). Пятипальчатые фибулы преобразовались на юге в семи- и девятипальчатые, соответственно изменились орнаментация и отдельные детали. Отсюда появление нового типа с более пышной декорировкой, казалось бы не похожего на свой прототип.

Исследования в области этнической принадлежности лучевых фибул, поиски их истоков в Среднем Поднепровье в настоящее время не вышли еще за рамки гипотез, здесь много неясного, много спорного. Попытки связать пальчатые фибулы со славянами, исходя из письменных источников и имеющегося археологического материала, можно считать более или менее удачными, но ни одна из них еще не привела к точным научным выводам, делающим их неопровержимыми. Только дальнейшее накопление археологического материала и работы археологов в контакте с лингвистами, историками и этнографами могут привести к действительному решению перечисленных выше вопросов.

³⁰ Ю. С. Виноградский, Д. И. Хавлюк. Находки бронзовых украшений в Менском и Сосницком районах. КСИИ, вып. 9, Киев, 1960, стр. 96—98.

³¹ Б. А. Рыбаков. Ремесло Древней Руси. М., 1949, стр. 47, 57—71.

³² В. К. Пудовин. Датировка нижнего слоя могильника Суук-Су. СА, 1961, № 1, стр. 177—185.

³³ Л. Нидерле. Указ. соч., стр. 240.

³⁴ I. Kudláček. Указ. соч., стр. 5—42.

³⁵ Там же.

³⁶ Там же.

³⁷ М. Ю. Брайчевский. Пастырский скарб 1949 р. «Археологія», VII, Київ, 1952, стр. 161—174.

³⁸ I. Nestor. L'établissement des slaves en Roumanie. «Dacia», VII, 1952, вып. 1. București, стр. 1—3.

На городище Серенск Мещовского района имеется культурный слой, принадлежащий до-славянскому населению. Этот слой характеризуется находками лепной керамики, железных и бронзовых вещей, встречающихся на верхнеокских городищах мощинской культуры (Мощины, Дешовки, Николо-Ленивец, Подборки и т. д.)¹.

Основной слой городища Серенск оставлен древними вятичами. Это предопределило важность исследования культуры субстрата, которая хотя и не послужила основой культуры древних вятичей, но, во всяком случае, оказала на последнюю большое влияние.

Небольшая раскопанная площадь не позволяет с достаточной определенностью судить о форме жилищ, оборонительных конструкций и о вещевых комплексах раннего слоя. К тому же нижний слой сильно нарушен древнерусскими постройками.

Но с достоверностью можно сказать, что древнерусские обитатели появились в тот момент, когда ранние оборонительные сооружения городища были целы. Пришельцы подсыпали вал лишь с напольной стороны, во всех остальных местах используя балтские укрепления как фундамент стен. При дальнейших раскопках, вероятно, более точно выяснятся детали оборонительных конструкций, теперь же можно лишь говорить о нескольких периодах постройки вала древними балтами. В разрезе глина и слои сгоревшего дерева периодически сменяют друг друга. Из элементов конструкции вала следует упомянуть плетневые перегородки, соединенные с более толстыми древесными стволами.

Из вещевого материала, обычного для городищ мощинского типа, необходимо выделить группу фибул, впервые встреченных в таком количестве на одном памятнике этого района. На городище найдены две железные (воинская двучленная и подвязная) и две бронзовые (с кнопкой и, вероятно, окского типа, типичная для второй половины I тысячелетия н. э.) фибулы.

Двучленная воинская фибула (рис. 1, 2) имеет узкую ножку и длинный приемник и относится, по классификации А. К. Амброза, к груп-

пе 17, подгруппе 1, типу 1в². Для этой фибулы характерны крупные размеры, широко прогнутая дужка и имитация завязки на границе дужки и ножки. Фибулы подобного типа не обнаружены в области черняховской культуры, но зато широко встречаются в Средней Европе, в частности в Прибалтике. Е. Блюме относит их к III в. н. э.³ В. Энгель также отмечает их находки в Юго-Восточной Прибалтике⁴. Фибулы подобного типа наиболее распространены в Чехословакии по Эльбе⁵.

Железная подвязная фибула (рис. 1, 4) является обычной как для области черняховской культуры, так и для бассейна верхней Оки⁶. Фибула сильно корродирована. Игла и приемник обломаны. Длина 4,5 см. Сечение дужки и ножки сегментовидное, у завязки — прямоугольное.

Бронзовая фибула с кнопкой на ножке (рис. 1, 3) имеет длину 9,2 см. Ножка несколько деформирована, тетива и пружина отсутствуют. На спинке, у головки, хорошо прослеживаются два выреза по бокам, а в середине корпуса можно видеть поперечный валик, украшенный бороздками. Поверхность ножки фибулы имеет слабые грани. Подобные фибулы распространены в районе верхней Оки⁷. Они встречены на городищах у сел. Мощино, Поречье, в курганах у сел. Кажакки, Шаньково, Почепок. Наиболее близкими являются фибулы из Мощинского городища, имеющие четко выраженный поперечный валик и выпуклую кнопку на ножке. Ножка фибулы также имеет слабые грани. Фибулы из Поречья, Шаньково, Почепок и с. Кажакки более уплощены, вместо валика заметны лишь поперечные бороздки и кнопка на конце превратилась в круглый щиток. Кроме того, почти незаметны вырезы по бокам на спинке у головки. Вся серия фибул является характерной для бассейна верхней Оки, но прототипы установить в настоящее время затруднительно. Бли-

² А. К. Амброз. Фибулы юга Европейской части СССР. САИ, Д1—30. М., 1966, стр. 70—71.

³ E. Blume. Die germanische Stämme und die kulturen zwischen Oder und Passarge zur römischen kaiserzeit, t. II. Berlin, 1945, стр. 32.

⁴ C. Engel und W. da Baume. Kulturen und Völker der Frühzeit in Preussenlande. Königsberg, 1937, Abb. 240, 9.

⁵ А. К. Амброз. Указ. соч., стр. 70.

⁶ Там же, стр. 96.

⁷ Н. И. Булычев. Указ. соч., табл. II, 10; табл. XII, 7; табл. XXII, 14; Т. Н. Никольская. Культура племен бассейна верхней Оки в I тысячелетии н. э. МИА, № 72, рис. 15, 8.

¹ Н. И. Булычев. Журнал раскопок по части водораздела верхних притоков Волги и Днепра. М., 1899, стр. 15—21; Т. Н. Никольская. К этнической истории бассейна верхней Оки. КСИА, вып. 107, 1966, стр. 14—15.

жайшей аналогией является экземпляр, найденный в Польше в Келецком воеводстве, повят Буско⁸. К сожалению, эта вещь является случайной находкой, обнаруженной вне комплекса. Из характерных черт этой фибулы выделяются S-видный профиль и небольшие выемы по бокам на спинке. Хорошо прослеживаются поперечный валик на спинке и выщупкая кнопка на ножке. Этот экземпляр, вероятно, можно сравнить с так называемыми сильно профилированными фибулами с центром производства в Северной Паннонии⁹.

Подобные сильно профилированные фибулы с гребнем на дужке датируются II—III вв. н. э.¹⁰, но прямой связи между ними и окскими фибулами не наблюдается. Не исключено, что на производство последних повлияли сильно профилированные фибулы Прибалтики¹¹.

Другая бронзовая фибула, найденная на городище Серенск, представляет собой вариант окских T-образных (крестовидных) фибул (рис. 1, 1). Длина ее 8,2 см. Этот экземпляр имеет биконическую головку с косой насечкой по ребру, дугообразную дужку, поверхность которой украшена ромбическим нарезным орнаментом, и треугольную ножку. Ножка в сечении уплощенно-треугольная. Углы основания отсутствуют. Фибула не имеет боковых выступов, обычных для фибул этой серии. Игла и приемник также утрачены.

Подобные фибулы распространены на территории средней и нижней Оки и датируются V—VII вв. н. э.¹² Е. И. Горюнова считает их присущими мерянским древностям, но исходные формы видит в древностях Юго-Восточной Прибалтики¹³. Гипотеза о принадлежности к прибалтийским вариантам пока не имеет основания. Только общий «стиль» вещи похож на прибалтийские образцы. Так, оформление головки и орнаментация дужки находят аналогии на различных категориях вещей Прибалтики.

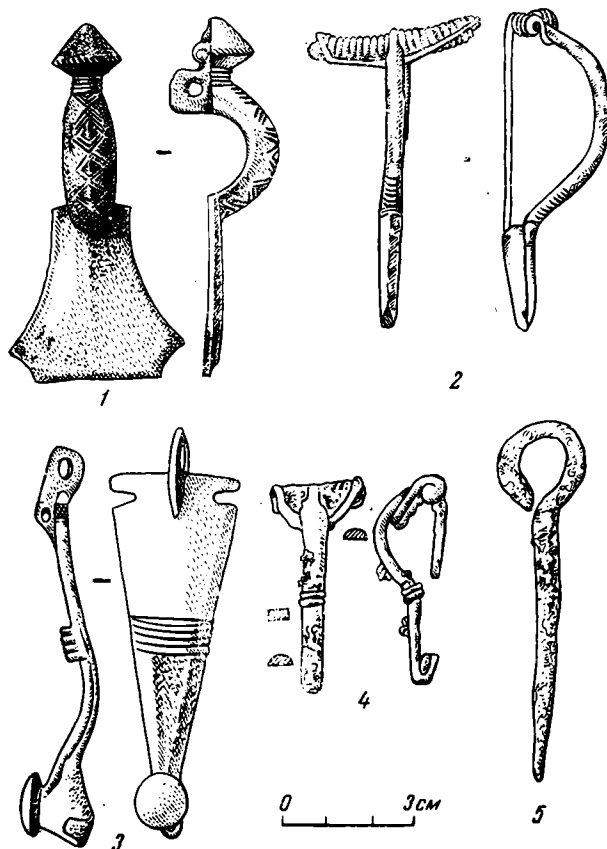

Рис. 1.

Серенск. Фибулы и булавки из нижнего слоя
1, 3 — бронза; 2, 4, 5 — железо

А. К. Амброс считает, что прототипом окских фибул являются фибулы среднеднепровского типа¹⁴. В настоящий момент невозможно точно ответить на вопрос о происхождении данного типа, так как необходима детальная разработка всего материала в целом, включая происхождение и взаимосвязь нескольких категорий бронзовых вещей, встречаемых на территории Поочья.

Кроме фибул на Серенском городище найдено бронзовое браслетообразное кольцо. Оно сделано из узкого дрюта, сужающегося к концам. Подобные кольца имеются среди находок городища у с. Мощино¹⁵ и нескольких памятников Волго-Окского междуречья¹⁶. Причем часто они сопровождаются либо вещами с эмалью (Мощино, Березняки), либо булавками с загнутой головкой (посоховидными), характерными для широкой территории от Прибалтики

⁸ Teresa Liana. Znaleziiska z okresu późnolatenskiego i rzymskiego z terenu województwa kieleckiego u zbiorach Państwowego muzeum archeologicznego, «Wiadomości archeologiczne», vol. XXVIII, zeszyt I. Warszawa, 1962, tabl. X, 19.

⁹ А. К. Амброс. Указ. соч., стр. 38—39, табл. 7, 13, 14. Там же.

¹⁰ В настоящее время невозможно подтвердить тезис Е. И. Горюновой о несомненной принадлежности окских фибул прибалтийским типам (Е. И. Горюнова. Этническая история Волго-Окского междуречья. МИА, № 94, стр. 212). Экземпляры, рассматриваемые Е. И. Горюновой в качестве прибалтийских, не имеют прямых аналогий в районе Балтийского моря.

¹² А. К. Амброс. Указ. соч., стр. 76, табл. 13, 2.

¹³ Е. И. Горюнова. Указ. соч., стр. 91.

¹⁴ А. К. Амброс. Указ. соч., стр. 76.

¹⁵ Н. И. Бульчов. Указ. соч., табл. XIII, 3.

¹⁶ Е. И. Горюнова. Указ. соч., рис. 36, 13, 14.

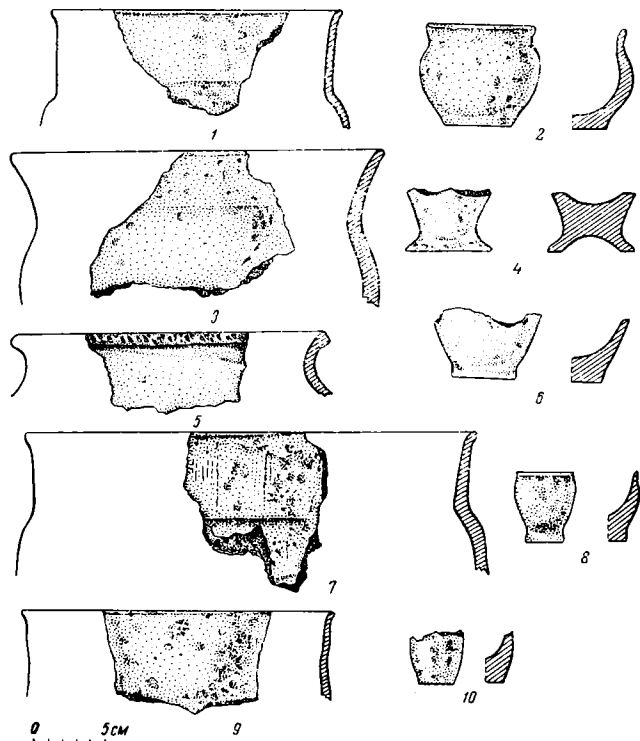

Рис. 2.

Серенск. Сосуды из нижнего слоя городища (1—10)

до Оки. Подобный тип височных колец наиболее часто встречается и особенно характерен для Восточной и Юго-Восточной Литвы¹⁷. Там они появляются в составе женских украшений в V в. н. э. Возможно, из Прибалтики этот тип височных колец вместе с вещами с эмалью в V в. н. э. проникает на верхнюю Оку и в западные районы Волго-Окского междуречья.

На городище у дер. Серенск найдена железная булавка с загнутой головкой (рис. 1, 5). Ее длина 8,1 см. Вещь сильно корродирована. Близкой по форме является булавка, обнаруженная на городище у дер. Дешовки¹⁸. Подобные вещи широко распространены на всей древнебалтской территории. Кроме этого, на городище Серенск Н. И. Булычовым был обнаружен обломок бронзового предмета, украшенного красной эмалью¹⁹. Целую форму восстановить

¹⁷ R. Volkaitė-Kulikauskienė. Senovės lietuvių moterų galvos danga ir jos papuosalai. «Iš lietuvių kultūros istorijos», t. 2. Vilnius, 1959, стр. 23, 51.

¹⁸ Т. Н. Никольская. К этнической истории бассейна верхней Оки, рис. 1, 5.

¹⁹ Н. И. Булычов. Указ. соч., табл. XXIV, 10.

невозможно, но, вероятно, это трехлепестковый конец крестообразной фибулы типа Вирунука (Эстонская ССР)²⁰. Но орнаментация близка к стилю украшений из могильника Ябара (Эстонская ССР)²¹.

Керамический материал нижнего слоя Серенского городища типичен для верхнеокских поселений середины I тысячелетия н. э. (Мошино, Дешовки и др.). В большом количестве встречены лощенные сосуды, миски и грубые лепные горшки (рис. 2). Сосуды, как правило, имеют широкое горло с высоким прямым венчиком, иногда орнаментированным ямками или насечками (очень близки к первой группе сосудов с Дешовского городища)²². Имеются сосуды с раструбовидным горлом. Подобный тип характерен для поселений верхней Десны и Оки²³. Более близки сосуды из курганов у дер. Шаньково, но полностью охарактеризовать подобный тип затруднительно из-за фрагментарности серенской керамики. Встреченные на городище лощенные миски с прямым цилиндрическим верхом и ребром в нижней части сосуда, а также миски с загнутым внутрь краем очень похожи на аналогичные типы с городища Дешовки²⁴.

Кроме того, на городище найдены глиняные пряслица черного лощения, детские игрушки.

Таким образом, городище у дер. Серенск (нижний слой) принадлежит к кругу верхнеокских памятников середины I тысячелетия н. э. Самыми ранними вещами являются железные фибулы, характерные для прибалтийских древностей IV в. н. э., но определить время их появления на памятниках Поочья не представляется возможным. Более точно можно говорить о вещах, появления которых закономерно на памятниках древних балтов (вещи с выемчатой эмалью, височные кольца определенных типов). Учитывая весь комплекс находок на городище, наиболее вероятной датой нижнего слоя можно считать период с V по VII в. н. э.

²⁰ С. Лаул. Каменные могильники с оградками в Вирунука Вырусского района. «Известия АН ЭССР», т. XIV, серия общественных наук, 1965, № 3, рис. 11, 12.

²¹ М. Х. Шмидегельм. Археологические памятники периода разложения родового строя на северо-востоке Эстонии. Таллин, 1955, рис. 22, 8.

²² Т. Н. Никольская. К этнической истории бассейна верхней Оки, рис. 2, 7, 11.

²³ А. К. Амброс. К истории верхнего Подесенья в I тысячелетии н. э. СА, 1964, № 1, рис. 2, 14; Н. И. Булычов. Указ. соч., табл. III, 2, 7, 12.

²⁴ Т. Н. Никольская. К этнической истории бассейна верхней Оки, рис. 3, 5, 9.

(с середины I тысячелетия до н. э.
до середины I тысячелетия н. э.)

На протяжении многих лет Верхнеокской экспедицией Института археологии АН СССР исследовались городища и селища верхней Оки, относящиеся ко времени последних веков I тысячелетия до н. э. и к первой половине I тысячелетия н. э. Поскольку исследовались разновременные памятники, нам удалось изучить приемы домостроительства, существовавшие у верхнеокских племен на протяжении довольно длительного промежутка времени. В настоящей статье кратко излагаются результаты этого изучения.

Наиболее полное представление можно было составить о жилищах, открытых в древнейшем слое городища у дер. Николо-Ленивец на р. Угре. Довольно четкие планы этих построек как бы отпечатались на светлом суглинке предматерикового грунта в виде темных полес и круглых пятен — следов сгнивших бревен и ям от столбов.

Все вскрытые постройки, относящиеся к одному строительному горизонту, однотипны по плану, если не считать некоторых незначительных деталей, одинаково ориентированы (с северо-востока на юго-запад), имеют одни и те же размеры (в среднем 9×3 или 6×3 м) и возведены из одного строительного материала (дерева, глины). Сближает постройки и форма открытых в них очагов (незначительно углубленные в материк ямы, имеющие в плане форму восьмерки). Жилища были расположены в два ряда на расстоянии около 3 м ряд от ряда и образовывали улицу (?)¹.

Для реконструкции формы построек и их внутреннего устройства данных очень мало. Однако вполне очевидно, что все вскрытые жилища были наземными, столбовыми: каркас дома сооружался из бревен (толщиной 0,2—0,3 м), поставленных по углам и в середине стен, в вертикальные пазы которых входили менее толстые бревна, положенные горизонтально. Стены и потолок построек, очевидно, обильно смазывались глиной, толстые слои которой как бы очерчивали контуры домов. Встречались и куски глиняной обмазки со следами прутьев, — по видимому, часть стен делалась из плетня. Полы были также глинобитными.

¹ Т. Н. Никольская. Городище у дер. Николо-Ленивец. СА, 1962, № 1, стр. 226, рис. 5, вклейка.

Что касается внутреннего устройства построек, то можно заключить, что каждая из них была разделена перегородками на две или три камеры. Одна из этих камер, меньшая по размерам, представляла собой сени, а в другой был расположен очаг. Внутри жилищ, очевидно, имелись нары. Следы их улавливались по узким канавкам или ямкам от столбов, расположенных вдоль стен жилища, иногда вблизи от очага.

На дневной поверхности построек, около очагов, а иногда в канавках от бревен и ямках от столбов найдены разнообразные предметы быта: обломки лепных сосудов, глиняные пряслица, обломки рогатых кирпичей, погремушки, тигельки, льячки, костяные наконечники стрел, гарпуны, шилья, каменные грузила сетей, железные ножи, обломки серпов, бронзовое спиралевидное колечко и обломок бронзового браслета типа Латена II, датирующие нижний культурный слой городища и неземные постройки III—II вв. до н. э.

Кроме этих небольших прямоугольных в плане домов к нижнему культурному слою относится большая столбовая постройка подковообразной формы. Являясь своеобразным оборонительным сооружением, она вместе с тем могла служить и жилищем². Подобная же картина была выявлена А. Ф. Дубыниным и на исследованном недавно Троицком городище³.

Поскольку материалы раскопок городища у дер. Николо-Ленивец опубликованы⁴, нет необходимости останавливаться на характеристике вскрытых построек более подробно. Следует только упомянуть, что кроме жилищ здесь были обнаружены и следы небольших хозяйственных построек типа амбаров, поставленных, вероятно, на высокие столбики⁵.

Культура верхнеокских племен этого времени, приемы домостроительства, инвентарь, керамики имеют много общих черт с куль-

² Т. Н. Никольская. Указ. соч., рис. 5, 1.

³ А. Ф. Дубынин. Троицкое городище Подмосковья. СА, 1964, № 1, стр. 178—180, рис. 2; стр. 182, рис. 5.

⁴ Т. Н. Никольская. Культура племен бассейна верхней Оки в I тысячелетии н. э. МИА, № 72, 1959, стр. 33—35.

⁵ Т. Н. Никольская. Городище у дер. Николо-Ленивец, стр. 228.

турой соседних племен Подесенья и верхнего Днестра⁶.

Другим поселением, также раскопанным нами полностью и на котором вскрыты остатки жилых и хозяйственных построек, является городище у дер. Дешовки на р. Жиздре⁷. На всей раскопанной площади городища (2000 кв. м) удалось выявить более или менее четкие контуры 13 построек — наземных и типа полуземлянок и около 100 хозяйственных ям — погребов для хранения запасов, грушировавшихся главным образом в западной и центральной части поселения.

Все наземные постройки были прямоугольными в плане и имели незначительные размеры (3 × 4, 3 × 6 м). Располагались они либо параллельно склону городища, либо были ориентированы по сторонам света. В постройках обнаружены остатки глинобитных очагов или очажные ямы.

Как и на городище у Николо-Ленивец, постройки представляли собой сооружения столбовой конструкции, стены которых были обмазаны глиной. Около построек и особенно по всему северному склону городища, куда, очевидно, сбрасывался строительный мусор, было найдено огромное количество кусков глиняной обмазки. Крыша построек, очевидно, была двускатной, покрытой соломой.

В основе построек типа полуземлянок была также столбовая конструкция, отличалось только перекрытие, которое у круглых полуземлянок было более легким, конусовидным.

В планировке поселения выявилась определенная закономерность: все жилые постройки были расположены в основном вдоль северного, северо-восточного и западного (у вала) склонов городища. Вся центральная часть площадки и ее южный склон заняты хозяйственными строениями. Здесь обнаружены 15 хозяйственных ям типа погребов, расположенных как бы по периметру большого круга, и многочисленные ямы от столбов. Следует иметь в виду, что в этой части площадки культурный слой почти совершенно распахан и возможно, что следы некоторых наземных построек были уничтожены.

⁶ В. П. Левенко. Городища юхновской культуры. КСИА, вып. 7. Киев, 1957, стр. 49; *он же*. Юхновская культура (ее происхождение и развитие). СА, 1963, № 3, рис. 1, 2; М. В. Воеводский. Городища верхней Десны. КСИИМК, вып. XXIV, 1949, стр. 69; П. Н. Третьяков. Финно-угры, балты и славяне на Днестре и Волге. М.—Л., 1966, стр. 171—174; А. К. Амброс. К истории Верхнего Подесенья в I тыс. н. э. СА, 1964, № 1, стр. 62, рис. 6.

⁷ Т. Н. Никольская. К этнической истории бассейна верхней Оки. КСИА, вып. 107, 1966, стр. 9.

Остатки наземных жилищ были выявлены на материке в виде темных пятен культурного слоя подпрямоугольных очертаний, иногда же обрисованы ямками от столбов. Постройки ориентированы по сторонам света. Наиболее четко выявилась одна из построек в западной части городища у самого вала: ее заполнение в виде темно-коричневого пятна было вытянуто с запада на восток на 6 м и с севера на юг на 3,5 м. Вдоль западной и южной стенок постройки шли ямы от столбов (их 5) диаметром 0,15—0,20 м, значительно углубленные в материк (на 0,40—0,50 м). В северо-восточном углу расположен вход в жилище, а в противоположном углу — очажная яма диаметром 1 м, углубленная в материк на 0,53 м. Заполнение ямы состояло из углей и обожженных камней. На полу постройки найдено множество обломков лепных толстостенных сосудов без лощения, обломки мисочки черного лощения и костяная рукоятка ножа.

В некоторых постройках обнаружены глинобитные полы и куски глиняной обмазки стен. По-видимому, эти наземные постройки, обнаруженные на уровне материка, относятся к самому раннему периоду существования поселения. Кое-где их остатки были нарушены при сооружении построек типа полуземлянок.

С меньшей уверенностью можно говорить о жилищах, обнаруженных в культурном слое городища. Три подобные постройки с трудом можно определить в северо-западной части площадки по расположению ямок от столбов и остаткам очагов. Постройки были наземными, прямоугольными в плане; две из них имели размеры 3,60 × 3,20, третья — 3 × 4 м. Их границы определялись ямами от столбов по углам жилища, а иногда в середине стен. Остатки очагов в виде овального в плане пятна обожженной глины или небольшой ямы, заполненной углем и золой, расположены в центре и юго-восточном углу жилища. Около очагов — скопления обломков грубых толстостенных лепных сосудов, гладкостенных или орнаментированных по краю венчика защипами и насечками, а по плечикам ямочными вдавлениями. Встречаются и обломки мисочек черного лощения. Предметы быта немногочисленны: костяная свистулька, глиняные грузики и пряслица, в том числе и светлого лощения, маленькие железные ножи с «горбатой» спинкой и плоские черешковые двушипные стрелочки (рис. 1). Судя по этим находкам, данные постройки можно отнести ко II—III вв. н. э. По-видимому, эти жилища были столбовыми и по своей конструкции напоминали наземные столбовые постройки бассейна верхнего Днестра, в частно-

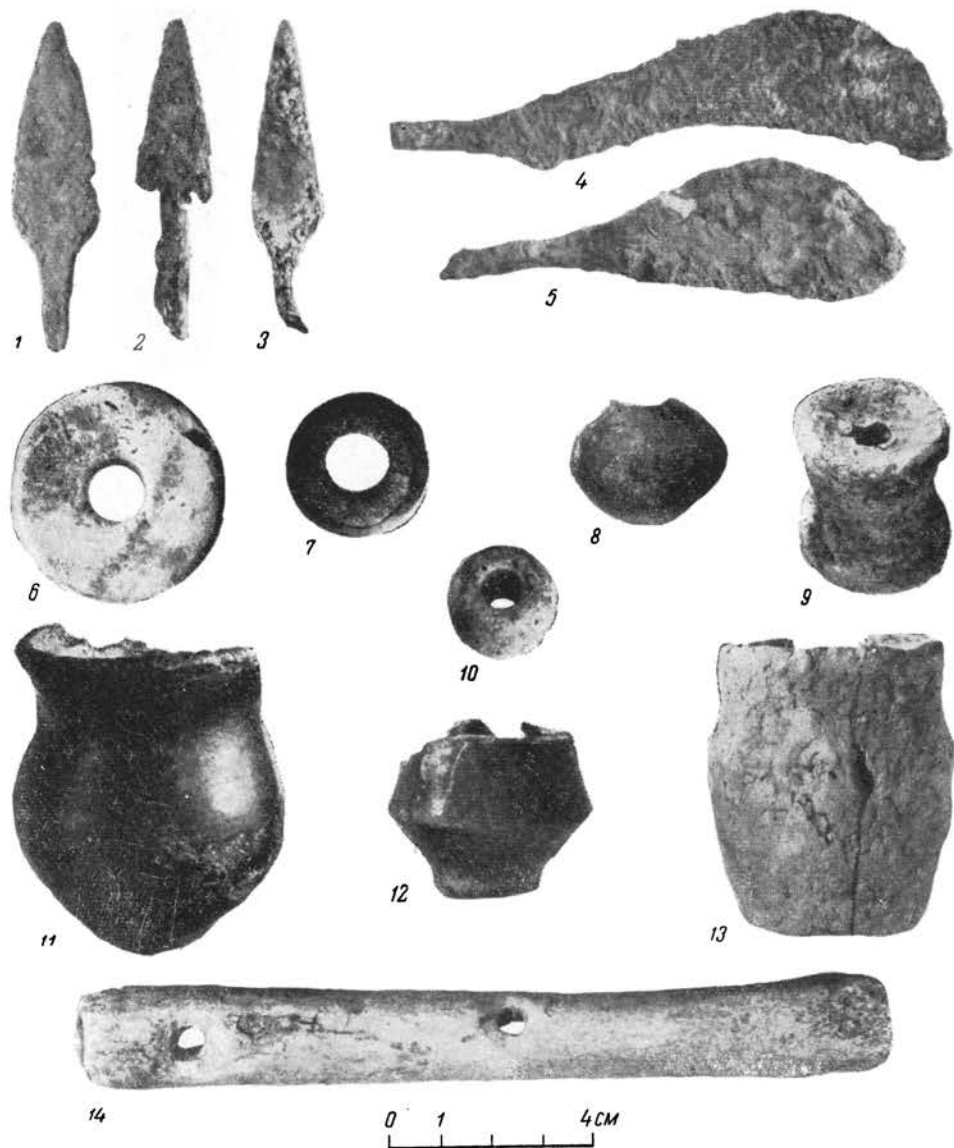

Рис. 1.

Городище Дешовка. Вещи из наземных построек

1—5 — железо; 6—13 — глина; 14 — кость

сти жилища верхнего слоя городища у дер. Новые Батеки и Чаплинского городища, также относящиеся к первым векам новой эры (II—III вв.)⁸.

Почти все сооружения типа полуземлянок были в плане округлыми, и только одно строение, довольно хорошо сохранившееся, имело

форму прямоугольника. Эта постройка, расположенная в юго-восточной части площадки городища параллельно его северному склону, имела длину стен 4,90 и 4,60 м. Вход в помещение был в западной части. Внутри постройки — по углам и у середины западной и восточной стенок обнаружены ямы от столбов, служивших для крепления стен и перекрытия. Перекрытие, очевидно, было двускатным.

Центральная часть полуземлянки, представлявшая собой круглую в плане площадку, бы-

⁸ П. Н. Третьяков, Е. А. Шмидт. Древние городища Смоленщины. М.—Л., 1963, стр. 150 и сл.; П. Н. Третьяков. Чаплинское городище. МИА, № 70, 1959, стр. 124.

ла незначительно углублена в грунт, образуя форму неглубокой чаши; возможно, что на возвышениях у стен сооружались нары. По всей донной части постройки (глубина ее от уровня современного горизонта 0,75, 0,80 м) было зафиксировано множество ямок от столбов, являвшихся, очевидно, следами ее внутреннего убранства⁹.

В постройке сохранились остатки деревянного пола, стены ее были также обшиты деревом (об этом свидетельствуют остатки сгоревших бревен, расположенных параллельно стенам постройки). Вдоль стен жилища на уровне материка обнаружены неглубокие и узкие канавки, следы сгнивших досок или плах, положенных в основания стен. На полу, почти в самом центре, остатки очага (пятно докрасна обожженной глины и углей).

Находки, собранные в постройке, немногочисленны: обломок железных удил, каменный точильный брусок с отверстием для подвешивания, глиняные пряслица, в том числе и чернолощенные, маленький глиняный сосудик. Кроме того, на полу постройки найдено множество обломков лепных горшков, изготовленных из серой глины с примесью крупной дресвы и слабо обожженных. Некоторые фрагменты орнаментированы: по краю венчика насечки или пальцевые вдавления, по плечикам ямки, продольные углубления и т. п. Здесь же найдены обломки горшков и мисок черного и светлого лощения со слегка загнутым внутрь краем. Судя по этим находкам, сооружение землянки относится к IV—V вв. н. э. В других полуземлянках найдено значительно больше разнообразных предметов быта, вооружения и украшений (рис. 2).

На площадке Дешовского городища было вскрыто также около ста хозяйственных ям типа погребов, служивших для хранения запасов. Большая часть этих ям имела округлые или овальные очертания с диаметром 0,80—1 м, глубину в материке до 0,50 м, плоское дно и колоколовидную форму стен. Стены и дно некоторых ям были обмазаны глиной.

В северо-восточной части поселения (на мысу) сооружались постройки, имевшие главным образом производственное назначение. Там, почти у самого края площадки открыта «металлургическая мастерская» с сыродутным горном.

Остатки древних дославянских построек столбовой конструкции, наземных или типа полуземлянок, были открыты нами в последние го-

ды при раскопках древнерусских поселений у дер. Серенск на р. Серене и у дер. Слободка на р. Навле. Эти городища, являющиеся остатками древнерусских городов вятичей (Серенск, Домагощ), возникли на древнем культурном слое, оставленном дославянскими, вероятно балтскими, племенами, жившими здесь примерно в IV—VI вв. н. э. Одно из этих поселений — у дер. Слободки — было в древности неукрепленным, другое — у дер. Серенск — с момента своего возникновения было укреплено довольно мощным земляным валом с деревянными конструкциями.

Древний культурный слой на Серенском городище сильно нарушен, и сооружения этого времени часто перекрывались древнерусскими постройками. А так как раскопанная площадь в детинце невелика, около 900 кв. м, то наши сведения о домостроительстве первых обитателей поселения пока еще недостаточны. Однако и сейчас можно сделать некоторые выводы.

Все открытые на поселении древние постройки были столбовыми, прямоугольными в плане. Четко выделяются два типа жилищ — наземные и полуземлянки (глубина в материке около 1 м). Известны и наземные постройки со слегка (на 0,25 м) углубленным в грунт полом (сооружение 6).

Небольшое наземное сооружение было открыто в юго-восточной части детинца у вала (сооружение 14а). Его контуры очерчиваются по остаткам сгоревших бревен и столбовым ямам по углам строения. Размеры жилища 2,20 × 2,20 м. Сооружение ориентировано под углом 60°, его юго-восточная стенка примыкала к деревянным оборонительным конструкциям, идущим параллельно краю площадки городища и ориентированным в южных квадратах так же, как и постройка. В центре жилища, ближе к северной стене, обнаружен развал глинобитной печи. Контур печи овальной формы, размером 0,80 × 0,60 м, прослеживается по остаткам пода и стенок. Северная и восточная части, кроме того, были укреплены небольшими камнями. Устье печи, вероятно, было обращено к северо-западной стене постройки. На уровне дневной поверхности постройки собраны фрагменты лепных сосудов, лощеных и с шероховатой поверхностью.

Почти в самом центре площадки детинца, ближе к ее западному краю, открыта прямоугольная в плане постройка типа полуземлянки размером 5,80 × 4,40 м, углубленная в материк на 1 м. Это сооружение (№ 8) столбовой конструкции. Ямы от столбов находились по углам постройки. В постройке местами сохранилось деревянное покрытие пола, состояв-

⁹ Так как жилище было углублено в материк всего на 0,40 м, правильнее называть его наземным с углубленным полом.

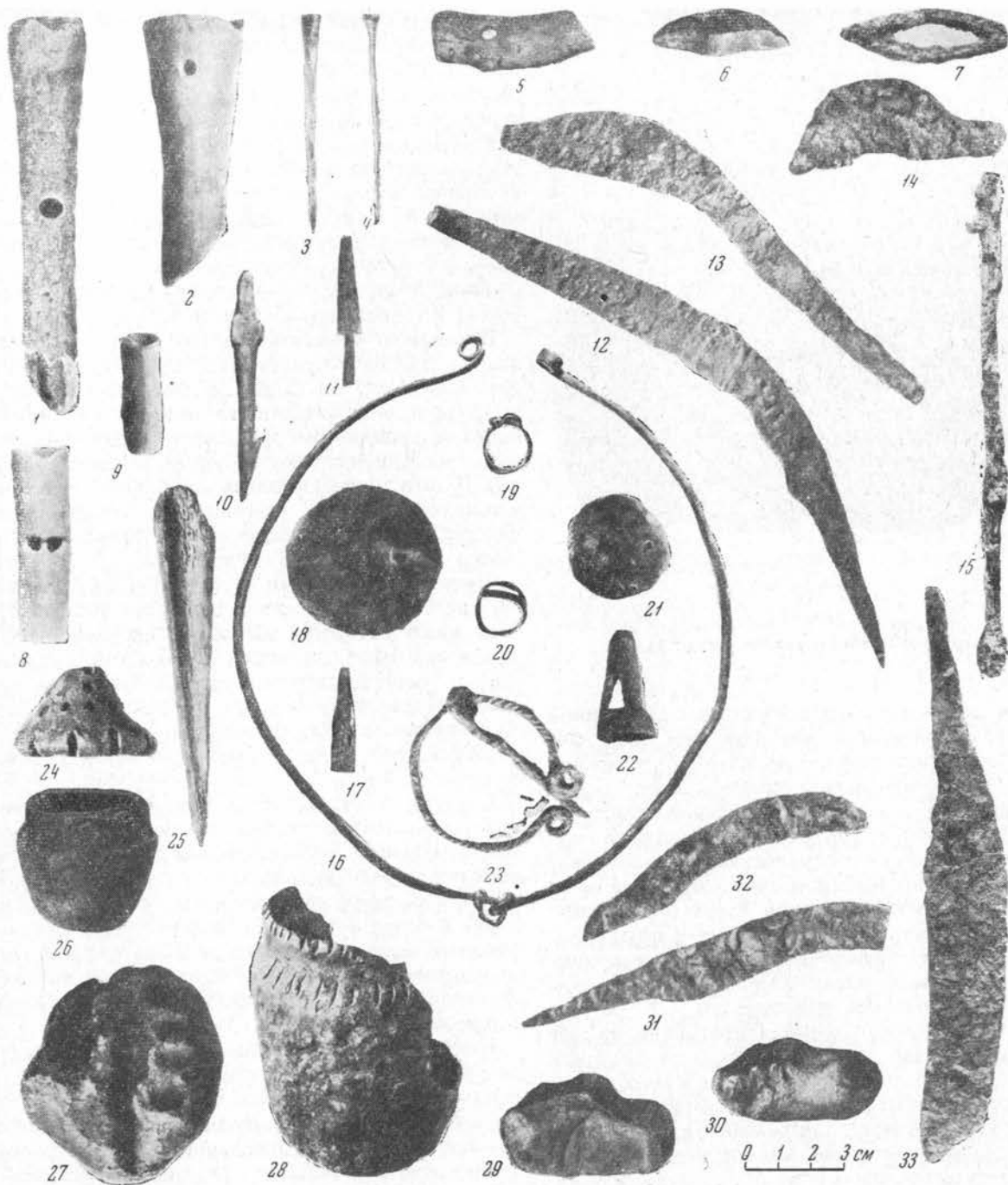
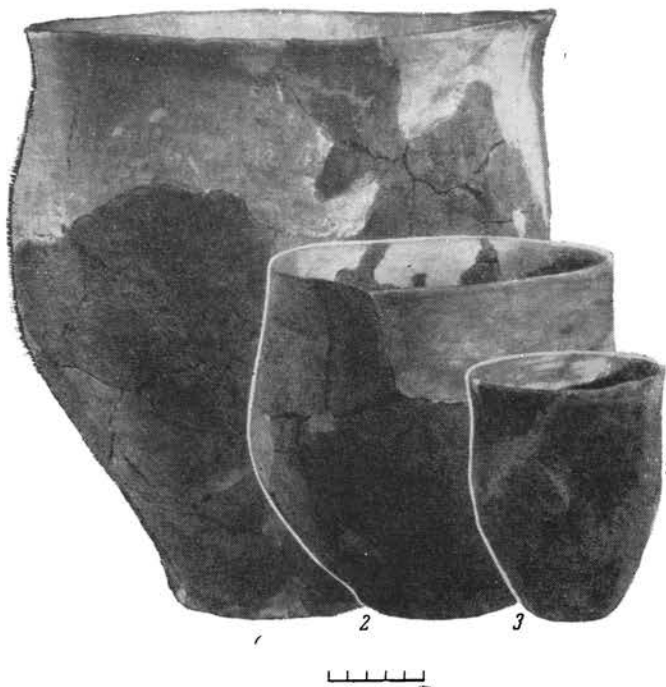

Рис. 2.

Вещи из полуземлянок и наземных построек

1-6, 8-11, 25 — кость; 7, 12-14, 15, 23, 31-33 — железо; 26-30 — городище Лужки; 1-5, 7, 9-13, 15-19, 21, 24, 25, 16-22 — бронза; 24, 26-30 — глина; 6, 8, 14, 20, 22, 23, 31-33 — городище Дешовка

Р и с. 3.

Городище Слободка. Глиняные лепные сосуды (1—3)

шее из длинных продольных слег (шириной 0,20 м), опиравшихся, вероятно, на раму каркаса. Сохранившаяся часть северной и южной стенок имела небольшой уступ и скос, свидетельствующие о внешней каркасной конструкции. Об этом же говорят и дополнительные столбовые ямки на полу постройки диаметром 0,20 и глубиной 0,30 м. Северо-западный угол строения и часть восточной стены разрушены более поздними, древнерусскими сооружениями. В темном, углистом заполнении полуземлянки собраны обломки лепных сосудов, глиняные чернолощенные пряслица.

Остатки печи или очага в постройке не обнаружены; очень вероятно, что очаг был разрушен в более позднее время при строительстве древнерусских сооружений. Однако не исключена возможность, что данная постройка имела хозяйственное назначение и потому печь в ней отсутствовала.

Древний культурный слой Серенского городища датируется целым комплексом находок: бронзовыми и железными арбалетовидными и крестовидной фибулами с узкой ножкой и длинным приемником¹⁰, черными лощеными пряслицами, глиняными погремешками, глиня-

ными лепными сосудами с широким горлом и высоким прямым венчиком, иногда орнаментированным ямками или насечками. Встречаются сосуды с раструбовидным горлышком, а также черные лощеные миски с прямым цилиндрическим верхом и ребром в нижней части сосуда, миски с загнутым внутрь краем — тип, близкий к мискам Дешовского городища¹¹. Весь керамический материал типичен для верхнеокских памятников середины I тысячелетия н. э.¹² Наиболее вероятной датой древнего культурного слоя и открытых в нем сооружений являются IV—VI, может быть, VII в. н. э.

Жилища и хозяйственные постройки, открытые в древнем культурном слое городища у дер. Слободки, по форме и деталям конструкций были близки древним постройкам Серенского городища. Это небольшие наземные сооружения столбовой конструкции и полуземлянки. Кроме прямоугольных в плане известны также сооружения овальные и грушевидной формы. Последние имели хозяйственное назначение (постройки типа погребов).

Несмотря на то что остатки очагов или печей не сохранились ни в одной из исследованных нами построек, мы не сомневаемся, что среди них были и жилища. Дело в том, что многие постройки, так же как и в Серенске, частично были разрушены в древнерусскую эпоху. Случай, когда древнерусское сооружение перекрывало древнее, отмечены нами неоднократно.

Следует отметить, что древние (дославянские) постройки концентрировались главным образом в центральной части площадки городища. Объяснить это незначительными размерами древнего поселка вряд ли можно, так как именно на краю площадки детинца под насыпью древнерусского вала сохранился довольно значительный по толщине древний культурный слой, сохранивший находки (глиняные пряслица, керамику, железный серп и т. д.).

Как упоминалось выше, этот древний поселок еще не имел искусственных земляных укреплений. Городище здесь возникло позже. Почти в самом центре площадки городища открыто сооружение прямоугольной в плане формы (размером 2,80 × 3,20 м). Оно углублено в грунт на 0,30 м (сооружение 6а). В юго-западной части расположен вход — полуовальное расширение (шириной 2 м) со следами столбовых ямок в стенках. По дну постройки также обнаружен ряд столбовых ямок, расположенных

¹¹ Там же.

¹² Т. Н. Никольская. К этнической истории бассейна верхней Оки, стр. 15, рис. 2; стр. 16, рис. 3.

¹⁰ См. статью И. К. Фролова в настоящем сборнике.

по оси северо-восток — юго-запад (диаметры ямок 0,40—0,60 м, глубина в материке 0,20—0,40 м). По внешнему периметру постройки у северной и южной стен находилось еще несколько столбовых ям большого диаметра (0,40—0,80 м), значительно углубленных в грунт (0,60—0,80 м). На уровне пола найдены только обломки лепных толстостенных сосудов из серой глины (постройка была перекрыта постройкой древнерусского времени — сооружением 6).

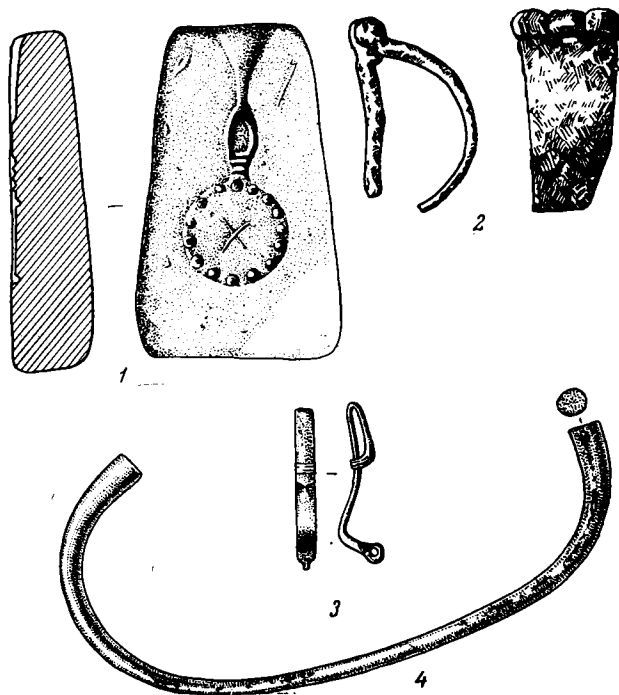
Несколько древних хозяйственных ям было открыто у южного и западного краев площадки городища. Одна из таких ям (в юго-восточной части), круглая в плане, углубленная в материк на 0,60 м, имела форму конуса (диаметр верхней части 1,20 м, дна 0,80 м). Заполнение ямы состояло из светло-серого грунта — культурный слой с песком. На дне ямы были обнаружены два лепных сосуда: большой раздавлен, маленький почти целый (рис. 3, 1, 3).

Подобная же яма была обнаружена и в северо-западной части площадки. В ней также было два лепных слабо профилированных сосуда, очень хрупких и распавшихся от прикосновения. Один из сосудов был украшен волнистой линией, другой — из красноватой глины, с отогнутым венчиком, украшен по плечикам веревочным орнаментом.

В яме, расположенной поблизости (на глубине 1 м), был также обнаружен развалившийся толстостенный лепной сосуд, изготовленный из темно-желтой глины, слабо профилированный и без орнамента (рис. 3, 2).

Все найденные в ямах грубые лепные горшки, а также миски черного лощения по характеру теста и форме близки сосудам, найденным в древнем слое Серенского городища, и относятся, очевидно, также к IV—VI вв. н. э. Близкой аналогией лепным сосудам без лощения городища Слободки является лепная керамика городища Колочин и верхнего слоя Тушемли¹³.

К этому же времени относились и наземные постройки обитателей древнего поселения, исследованного нами на многослойном городище у дер. Лужки или Пашково (верховье Оки, Кромский район Орловской обл.), о существовании которых мы можем только судить по остаткам каменно-глинобитных очагов или столбовых ямок в культурном слое. Фрагменты керамики, найденные в этих очагах, принадлежали толстостенным лепным сосудам, довольно хо-

Р и с. 4.

Городище Лужки. Вещи из наземных построек

1 — глина; 2 — железо; 3 — бронза; 4 — серебро

рошо профилированным и иногда украшенным веревочным орнаментом, сковородкам с невысоким бортиком и чернолощенным мискам с высоким цилиндрическим верхом и ребром в нижней части. В одном из очагов найден обломок бронзовой фибулы, которая, по определению А. К. Амброза, возможно, относится к IV в. н. э. (рис. 4, 3).

Итак, на основании обзора остатков жилых и хозяйственных построек, открытых на поселениях бассейна верхней Оки, можно заключить, что на протяжении почти целого тысячелетия существовала устойчивая традиция в приемах домостроительства. Жилые постройки были столбовыми, наземными или со слегка углубленным в грунт полом (глинобитным или деревянным). Реже встречаются полуземлянки. Хозяйственные постройки обычно представляли собой сооружения, углубленные в материк, ямы типа погребов, также столбовой конструкции, реже — наземные сооружения, поставленные на высокие столбики.

Такая преемственность в технике домостроения объясняется, очевидно, тем обстоятельством, что обитателями этих древних поселков были племена, родственные этнически.

Подобные приемы домостроительства прослежены в это же время и у соседних верхне-

¹³ Э. А. Сымонович. Городище Колочин I на Гомельщине. МИА, № 108, 1963, рис. 17, 2, 3; рис. 20, 8; П. Н. Третьяков, Е. А. Шмидт. Указ. соч., стр. 69, рис. 29, 1—6, 9, 10.

днепровских племен. Однако если у последних стены жилищ иногда сооружались из сплошного ряда столбиков или кольев, то у верхнеокских племен каркас стен составляли горизонтально положенные бревна, входившие в пазы вертикальных столбов. В хозяйственных пост-

¹⁴ Способ горизонтальной закладки бревен в вертикальные пазы, выдолбленные в столбах или стояках, составлявших основу жилища, был распространен с древнейших времен в лесной и лесостепной полосе Восточной Европы (см.: П. Н. Третьяков.

ройках применялись, кроме того, плетневые конструкции ¹⁴.

Чаплинское городище. МИА, № 70, 1959, стр. 126). В настоящее время эта техника применяется на Украине для строительства дворов, а иногда и жилых построек (Е. Э. Бломквист. Крестьянские постройки русских, украинцев и белорусов. «Востоочнославянский этнографический сборник». М.—Л., 1956, стр. 84, 86), а также в Калужской и Орловской областях (наблюдения автора).

В. В. СЕДОВ ДЛИННЫЕ КУРГАНЫ (Москва) СЕБЕЖСКОГО ПООЗЕРЬЯ

На старой кривичской территории длинные курганы распространены весьма неравномерно. Себежское поозерье с примыкающими к нему реками бассейна Великой принадлежит к одному из самых насыщенных курганами участков ареала длинных курганов (см. рис.). Всего ныне известно около 300 могильников, имеющих в своем составе валообразные насыпи. Из них в исследуемом районе, составляющем менее $\frac{1}{50}$ территории распространения длинных курганов, насчитывается свыше 50 таких могильников.

Длинные курганы Себежского края всегда расположены в одних могильниках совместно с полусферическими насыпями. При этом валообразные курганы не образуют особой части курганной группы, а располагаются вперемежку с круглыми. Курганные группы с длинными насыпями различны по величине — от небольших, состоящих из 3—10 курганов ¹, до крупных, насчитывающих 50—100 насыпей. Наиболее крупными могильниками являются Волкорезы (100 курганов), Грицково (97), Латшонки (84), Шакелево (70), Шешки (65).

В большинстве могильников на долю длинных насыпей приходится сравнительно небольшой процент курганов. В могильниках Волкорезы (из 100 насыпей), Толкачево (из 29), Рубанка, Адерево, Забелье, Чернавская дача, Пакрули, Мозули, Синее I, Кауза, Козловка, Бубново, Фзерница, Чапец, Хапево зафиксировано по одному длинному кургану. В большинстве могильников длинные курганы не составляют 15% всех насыпей. Например, в Грицково на

долю длинных курганов приходится 9% (9 из 97 насыпей), в Идрици — 8% (2 из 25), Обходах — 9 (2 из 21), Шакелеве — 9 (6 из 70), Горбунах — 6 (3 из 48), Шешках — 4 (2 из 65), Латшонках — 13 (11 из 84), Идрице — 12 (2 из 17), Угоринке 10% (2 из 20) и т. п. Могильники, где на долю длинных курганов приходится свыше трети насыпей, составляют редкое исключение. Таковы Казиха — 44% (19 из 43), Малое Крупово — 58 (7 из 12), Каталово — 41 (22 из 54), Шушково — 37 (3 из 8) и Синее IV — 43% (20 из 47).

Исследователи неоднократно отмечали, что Псковские длинные курганы расположены около рек или озер и, как правило, вытянуты вдоль их берегов, на Смоленщине же большинство таких курганов насыпано перпендикулярно к берегу реки или озера ². Расположение Себежских длинных курганов своеобразно — они насыпались в стороне от водоемов (в 0,5—2 км), но зато при сухопутных (ныне действующих или заброшенных) дорогах. При этом валообразные насыпи, как правило, вытянуты вдоль дорог. Повесть временных лет сообщает, что славяне-язычники хоронили умерших при дорогах: «мертвеца сожжяху, и посемь собравше кости вложяху в судину малу, и поставляху на столпе на путех» ³. В связи с этим допустимо предположение, что дороги, при которых насыпаны длинные курганы, являются довольно старыми.

Около половины валообразных насыпей Себежского поозерья имеют в длину не более 20 м (47%). Насыпи длиной от 20 до 30 м составляют 31,5% всех длинных курганов исследуемого района, длиной от 30 до 40 м — 10%,

¹ Многие из этих могильников, по всей вероятности, ранее были более крупными. Можно предполагать, учитывая их положение рядом с пахотными полями, что часть курганов этих могильников уничтожена.

² С. А. Тараканова. Длинные и удлиненные курганы. СА, XIX, 1954, стр. 98.

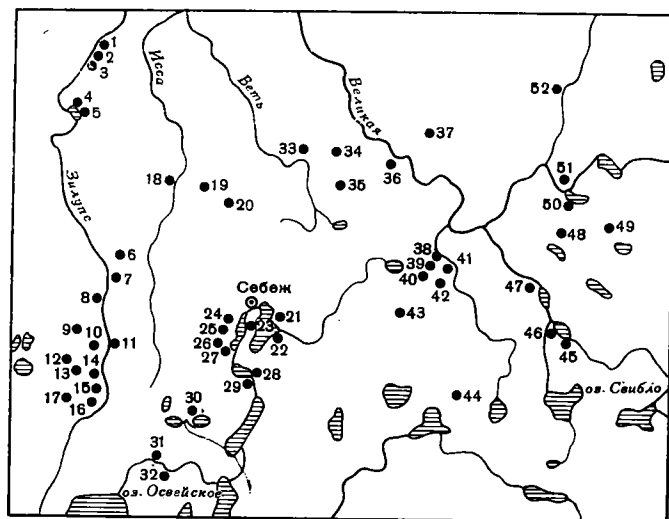
³ «Повесть временных лет», ч. I. М.—Л., 1950, стр. 15.

от 40 до 50 м — 5% и свыше 50 м — 6,5%. Наиболее крупные курганы зафиксированы в Адере (95 м), Грицкове (70 и 52 м), Максимкове (62 и 52 м), Старом Козлове (60 м), Язове (60 м), Синее IV (58 м). Различные по длине насыпи более или менее равномерно распределены по изучаемому району. Высота длинных курганов от 0,6 до 1,5 м, ширина от 7 до 12 м.

Впервые раскопки длинных курганов Себежского поозерья произведены в Литвинове, где при изучении круглых насыпей траншеей была разрезана и длинная⁴. В 1925 г. латышский археолог Ф. Балодис исследовал траншеями по одному длинному кургану в Шешках и Латишонках⁵. Позднее длинные курганы раскапывались на снос. В 1954 г. один курган размерами 15 × 9,5 × 1,2 м в Каталове исследовала Э. Д. Шноре⁶, а в следующем году одна насыпь (длинная, комбинированная с круглой, размерами 18 × 9 × 0,9 м) была раскопана С. А. Таракановой в Язове⁷. С 1966 г. Себежские длинные курганы исследуются автором. В 1966 г. шесть курганов (длиной 36,5 м; 22; 21; 31; 21,1; 31,7 м) раскопано в Казихах, в 1967 г. два кургана (длиной 26 и 52 м) — в Грицкове⁸. Таким образом, всего к настоящему времени исследователи располагают данными о 13 раскопанных курганах.

Сожжение умерших производилось во всех случаях вне курганов, по-видимому, на специальных погребальных кострах. В курганах хоронили главным образом лишь мелкие кальцинированные кости, собранные с погребальных костров. Сооружались длинные курганы в большинстве случаев одновременно. Вместе с тем зафиксированы случаи сооружения насыпей в два-три приема. Так, один из шести Казихинских курганов был насыпан в два приема, а Грицковский курган длиной 52 м — в три приема.

Площадка, избранная для сооружения погребальных насыпей, очищалась огнем. Для этого здесь разжигался костер, в котором горели, ви-

Курганные могильники с длинными насыпями

1 — Мозули-Барашково; 2 — Мозули; 3 — Мозули-Агарышево; 4 — Синее IV; 5 — Синее I; 6 — Бурачки; 7 — Долгое; 8 — Каталово; 9 — Кауза; 10 — Пакрули; 11 — Скрипчина; 12 — Козловка; 13 — Шушково; 14 — Шешки; 15 — Заборье; 16 — Латишонки; 17 — Волкорезы; 18 — Чернавская дача; 19 — Демиденки; 20 — Рубанка; 21 — Горбуны; 22 — Чернея; 23 — Угоринка; 24 — Литвиново II; 25 — Литвиново; 26 — Дворищи; 27 — Язovo; 28 — Забелье; 29 — Горушка; 30 — Шакелево; 31 — Малое Крупово; 32 — Ганжиново; 33 — Адерево; 34 — Гришманы; 35 — Обходы; 36 — Казиха; 37 — Куриловцы; 38 — Идрица; 39 — Идрица; 40 — Идрица (в 1,5 км); 41 — Старое Козлово; 42 — Максимково; 43 — Мостище; 44 — Красная Могила; 45 — Сутоки; 46 — Грицково; 47 — Толкачево; 48 — Хапево; 49 — Чапец; 50 — Езерница; 51 — Кохново-Мутцы; 52 — Бубново

димо, солома и сухие ветки, или же горячую золу приносили с погребального костра и насыпали по всему основанию кургана. Следы этого ритуала являются подошвенные зольные прослойки, обнаруженные во всех Себежских курганах.

В каждом длинном кургане, насыпанном в один прием, имеется по одному, а иногда и по два захоронения, совершенных в основании насыпи перед ее сооружением или в самый начальный этап сооружения. Кальцинированные кости таких погребений находятся в неглубоких ямках (размерами от 0,25 × 0,2 м до 0,8 × 0,3 м при глубине 0,15—0,25 м), вырытых в зольной прослойке и в материке, или же разбросаны на поверхности зольной прослойки (на площади от 0,4 × 0,3 м до 4 × 1 м).

Большинство захоронений в Себежских курганах впускные. Остатки трупосожжений помещались или в ямках, вырытых в верхней части насыпи (их размеры от 0,2 × 0,2 м до 0,7 × 0,8 м, глубина от 0,2 до 1 м, большин-

⁴ Н. Н. Чернягин. Длинные курганы и сопки. МИА, № 6, 1941, стр. 108.

⁵ Государственный музей Латвийской ССР, рукописный отчет.

⁶ Институт истории АН Латвийской ССР, рукописный отчет.

⁷ С. А. Тараканова. Себежские городища и курганы. Сб. «Вопросы этнической истории народов Прибалтики». М., 1959, стр. 118—121.

⁸ В. В. Седов, М. В. Седова. Раскопки длинных курганов на Великой. Сб. «Археологические открытия 1966 г.». М., 1967, стр. 14—16; В. В. Седов. Исследования Кривяцкого отряда. Сб. «Археологические открытия 1967 г.». М., 1968, стр. 15.

ство глубиной 0,2—0,3 м), или ссыпались прямо на вершине кургана. Не исключено, что в последнем случае сожженные кости помещались кучкой и, возможно, в берестяном сосуде⁹. Однако такие погребения оказались размытыми и развеянными, поэтому в процессе раскопок их остатки открываются непосредственно под дерном на значительной площади (от 0,6 × 0,6 м до 2,85 × 2,1 м). В некоторых случаях остатки поверхностных захоронений оказались полностью размытыми и были зафиксированы в заполнениях ровиков, окружавших курганные насыпи. В связи с этим можно полагать, что число захоронений на верху курганов было несколько большим, чем это устанавливается при раскопках. Какая-то часть их полностью уничтожена ветрами, дождевыми и весенними водами. Большое число так называемых пустых курганов (в том числе длинных и круглых), по-видимому, объясняется довольно широким распространением на Псковщине обычая помещать остатки трупосожжений на вершинах погребальных насыпей.

Число открытых раскопками захоронений в длинных курганах различно: в Кatalове — 16, в Грицкове — 11 и 6, в Казихах — от 2 до 7, в Язбове — 1.

Во всех траншеях, прорезавших заполнения ровиков, окружающих Казихинские и Грицковские курганы, открыты остатки ритуальных костров. Нужно думать, что костры в ровиках разводились с ритуальными целями во время захоронений умерших.

Абсолютное большинство погребений в Себежских длинных курганах принадлежит к безурновым и безынвентарным. Глиняные урны встречены менее чем в 5% исследованных захоронений. Это — лепные толстостенные баночные сосуды из грубого теста¹⁰. Они встречаются в обычном и перевернутом поло-

жениях. Исключительно редко встречаются и вещевые находки. В Литвинове найдены пряжка и железное кольцо, в одном из захоронений Грицковских курганов — железная пряжка. Из 21 захоронения Казихинских длинных курганов вещи встречены в четырех — проволочные височные кольца, голубая стеклянная бусина, металлические сплавы и глиняное пряслице биконической формы.

Для датировки Себежских длинных курганов данных нет. Верхняя дата захоронений в этих памятниках ориентировочно может быть определена VIII—IX вв., ибо в это время здесь распространяется уже обычай хоронить исключительно в круглых курганах. Казихинское биконическое пряслице имеет многочисленные аналогии в памятниках третьей четверти I тысячелетия н. э.

Материалы Себежских курганов не оставляют сомнений в кривичской принадлежности захоронений в длинных насыпях. Себежские круглые курганы IX—X вв., кривичская атрибуция которых бесспорна, обнаруживают полную генетическую преемственность с длинными насыпями, свидетельствуя о том, что те и другие памятники оставлены одной этнической группой. Сходство между длинными и круглыми насыпями обнаруживается в следующем: 1) одинаковое устройство насыпей; 2) идентичный обычай очищения огнем оснований курганов; 3) и там и тут распространены ритуальные кострища в ровиках; 4) одинаковое в деталях размещение остатков трупосожжений; 5) господство безынвентарных и безурновых погребений. К этому добавляется расположение длинных и круглых насыпей попеременно в одних могильниках. Нет никаких различий (за исключением формы насыпей) между длинными и круглыми курганами.

В заключение необходимо заметить, что кривичи периода захоронений в длинных курганах кроме пришлого собственно славянского элемента имели в своем составе и местное население, подвергшееся славянизации. Поэтому среди материалов длинных курганов обязательно должны быть и неславянские элементы. На Смоленщине таковыми являются украшения балтских типов. В Себежских курганах к числу неславянских элементов, видимо, относятся баночные сосуды.

⁹ В песчаных насыпях Себежского края береста не сохраняется. Берестяные сосуды с остатками трупосожжений зарегистрированы в длинных курганах Смоленщины.

¹⁰ Ближайшими аналогиями им служат сосуды из длинного кургана № 9 близ дер. Лезги в окрестностях Изборска (Г. П. Гроздилов. Археологические памятники старого Изборска. «Археологический сборник Государственного Эрмитажа», вып. 7. Л., 1965, стр. 81, 82, рис. 16, 1).

И. П. РУСАНОВА   КАРТА РАСПРОСТРАНЕНИЯ
(Москва)   ПАМЯТНИКОВ ТИПА КОРЧАК
(VI — VII вв. н. э.)

Ареал раннеславянских памятников типа Корчак или пражского был определен Ю. В. Кухаренко, который в 1960 г. издал карту этих памятников¹. За истекшие с тех пор годы добавилось много нового материала, что дает возможность уточнить и пополнить эту карту.

Прежде всего раскопки поселений, проведенные на р. Тетерев в районе с. Корчак, а также на реках Случь, Западный Буг, Днестр и в других местах, позволяют более четко выделить эту группу памятников. Собственно к пражскому типу относится керамика лишь самого раннего периода, VI и VII вв. В более позднее время, уже в VII—VIII вв., наблюдается эволюция керамики и переход ее к следующей ступени, к типу Луки-Райковецкой. Большие керамические комплексы можно пытаться датировать с точностью, до одного столетия. Подъемный материал, найденный при разведках, не дает такой возможности, и по нему можно лишь судить, к более ранней или поздней группе относится памятник. На составленной карте приведены памятники, относящиеся к ранней группе — к VI—VII вв.² Но при этом необходимо учитывать, что систематические раскопки некоторых памятников могут несколько изменить их датировку. На карту помещены только те пункты из архива С. С. Гамченко, материал которых сохранился, так как сам С. С. Гамченко не мог в 20-х годах хронологически расчленил материал и объединял все памятники второй половины I тысячелетия в одну группу.

Многолетние разведки на территории Припятского Полесья, Житомирщины и Западной Волины заполнили некоторые белые пятна на карте раннеславянских памятников³. Вместе с тем проверка сведений о ранее известных памятниках заставляет снять с карты часть из них. Так, не подтверждаются многие сведения С. С. Гамченко, опубликованные В. П. Петро-

вым⁴. С. С. Гамченко весь известный ему подъемный материал рассматривал как остатки бескурганых могильников, тогда как в большинстве случаев этот материал происходит с поселений. Около сел Корчак, Катериновка и Перлевка в ряде случаев на месте указанных бескурганых могильников с погребениями в каменных ящиках были позднее раскопаны поселения с углубленными жилищами и печами-каменками, которые и были, вероятно, приняты С. С. Гамченко за «каменные погребальные ящики». На месте «могильника» на левом берегу р. Гнилопяти у с. Тетеревка (быв. Альбиновка) также открыто и раскопано большое поселение⁵. В курганной группе урочища Цыганские Лески на правом берегу р. Бобривки не обнаружены трупосожжения, описанные С. С. Гамченко, но в восьми курганах, раскопанных здесь, открыты трупоположения, правда, с очень плохой сохранностью костяков, что могло ввести С. С. Гамченко в заблуждение⁶.

В целом, после ряда уточнений общий ареал памятников типа Корчак остается почти таким же, что и на карте, опубликованной Ю. В. Кухаренко. Эти памятники распространены к югу от Припяти до верховьев р. Тетерева и Днестра, на востоке они не доходят до Днестра, а на западе примыкают к области распространения памятников пражского типа. За пределами корчакской области, к северу и востоку от нее, известны памятники культуры типа Тушемли и Колочина, а к югу — памятники типа Пеньковки. На поселениях пеньковской группы иногда встречаются отдельные корчакские сосуды (поселения Хуча и Реча в Молдавии, Самчинцы и Семенки на Южном Буге).

Среди корчакских памятников в основном известны селища. Они невелики по площади и обычно расположены на невысоких коренных берегах рек, часто рассеченных оврагами и лощинами, или на мысах и выдающихся в пойму отрогах этих берегов. Из-за такого расположения селища, как правило, имеют естественные границы с трех или со всех четырех сторон. В большинстве случаев селища группируются

¹ Ю. В. Кухаренко. Памятники пражского типа на территории Приднепровья. «Slavia antiqua», VII. Warszawa — Poznań, 1960, стр. 111—124.

² На ранее опубликованных картах в числе памятников середины I тысячелетия оказались и более поздние, например Приборск и Фрузиновка на р. Тетерев, Городище на р. Ясельде (Ю. В. Кухаренко. Указ. соч., стр. 113, 115).

³ Карта раннеславянских памятников Западной Волины и Поднепровья составлена В. Д. Бараном (В. Д. Баран. Раннеславянские памятники на Западном Буге. «Slovenska archeologia», XIII—2. Bratislava, 1965, стр. 361).

⁴ В. П. Петров. Памятники корчакского типа (по материалам раскопок С. С. Гамченко). МИА, № 108, 1963, стр. 16—38.

⁵ И. К. Фролов. Поселение Тетеревка I (VII—VIII вв.). КСИА, вып. 110, 1967, стр. 30—35.

⁶ И. П. Русанова. Курганы XI—XII вв. у с. Буки Житомирской области. КСИА, вып. 110, 1967, стр. 42—47.

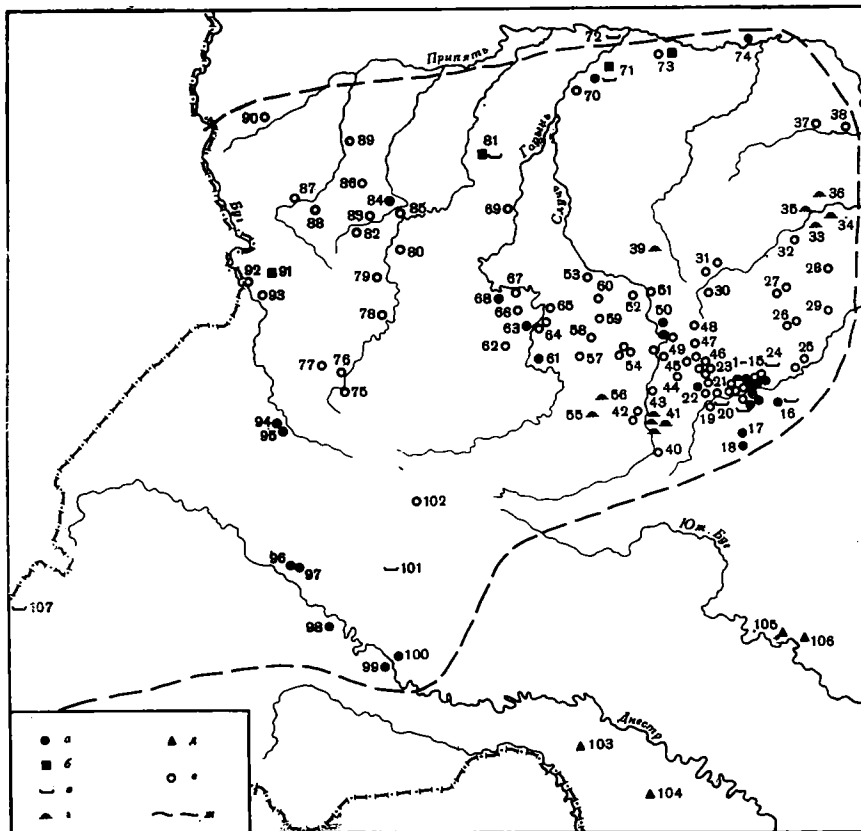

Рис. 1.

Распространение памятников типа Корчак

а — поселения; б — городища; в — бескурганые погребения; г — курганы с урновыми трупосожжениями; д — памятники других культур, на которых найдена корчаковская керамика;

е — памятники, с которых известен только подъемный материал; ж — граница распространения памятников типа Корчак; а, б, в, г, д — памятники, на которых проводились раскопки

по соседним участкам берега, образуя «гнезда» поселений. Во всех случаях при раскопках открыты жилища, углубленные в материк, и печи, сложенные из камней или глиняных вальков.

Городища возникают лишь в конце существования собственно корчацких памятников, в VII в. Они известны на севере, в районах, примыкающих к Припяти, за которой начинаются памятники другой культурной группы. Может быть, особыми условиями, имевшими место в пограничных районах, и вызвана потребность в строительстве городищ-убежищ. Все три известных здесь городища (Хотомель, Бабка и Хильчицы) расположены на останках среди болотистых низин. Небольшие круглые площадки этих городищ окружены невысоким валом и лишены каких-либо жилых сооружений. Среди этих городищ выделяется городище у с. Зимно, расположенное значительно южнее, но это своеобразный и многослойный памятник, характер которого еще не выяснен.

Бескурганые урновые трупосожжения известны по всему корчацкому ареалу. Правда, в основном это или случайные находки, или отдельные погребения, найденные при раскопках поселений среди жилых домов (поселения Корчак 9, Тетеревка), или остатки могильников, почти уничтоженных пахотой. Этот обряд погребения продолжает бытовать и позднее, вплоть до VIII—IX вв. (могильники Шумск и Тетеревка под Житомиром). Наряду с этим появляются урновые трупосожжения под курганами. Известны они пока лишь на восточной и юго-восточной окраинах корчацкого ареала.

На прилагаемой карте помещены только те памятники, материал с которых, фотографии, рисунки или достоверные описания известны и могут быть проверены. Эти памятники типологически можно отнести к раннему периоду — к VI—VII вв. и объединить в одну культурную общность с памятниками пражского типа, известными на землях западных славян.

Перечень памятников типа Корчак (VI—VII вв.)

Бассейн р. Тетерев

- 1 — 15 — в окрестностях с. Корчак известно 14 почти одновременных поселений. Три из них раскопаны полностью, на четырех поселениях проведены меньшие по площади работы. Открыты полуземлянки с печами-каменками. На одном поселении найдены урновые трупосожжения (*И. П. Русанова*. Поселение у с. Корчак на р. Тетерева. МИА, № 108, 1963, стр. 39—50; *она же*. Работы в зоне затопления Житомирской ГЭС. КСИА, вып. 104, 1965, стр. 51). Около с. Корчак С. С. Гамченко было раскопано восемь курганов с трупосожжением (*В. П. Петров*. Указ. соч., стр. 16—38).
- 16 — с. Тетерева. На левом берегу р. Гнилопяти раскапывалось поселение, относящееся ко времени не ранее VII в. Открыты полуземлянки и два трупосожжения в урнах (*И. К. Фролов*. Указ. соч., стр. 30—35).
- 17, 18 — с. Райки. На берегах р. Гнилопяти исследовалось несколько поселений, на двух из них есть ранние комплексы типа Корчак (*В. К. Гончаров*. Лука-Райковецкая. МИА, № 108, 1963, стр. 283—315).
- 19 — с. Фрисарка, поселение (разведка И. П. Русановой в 1960 г.).
- 20 — урочище Вилы в устье р. Коци, найдено бескурганное урновое трупосожжение (*В. П. Петров*. Указ. соч., стр. 33).
- 21 — с. Денеши, поселение (разведка И. П. Русановой в 1960 г.).
- 22 — с. Буки. На берегах р. Бобровки находятся три поселения, на одном из них открыта полуземлянка. Дата поселения не ранее VII в. (работы И. П. Русановой в 1960, 1962 и 1968 гг.).
- 23 — с. Ульяновка, поселение (разведка И. П. Русановой в 1960 г.).
- 24 — с. Барашевка, бескурганное трупосожжение (*В. П. Петров*. Указ. соч., стр. 30).
- 25 — г. Коростышев, два поселения (*И. С. Винокур*. Отчет в ИА АН УССР, 1955, дело 28).
- 26 — 29 — поселения у сел Корчевка, Буки, Ризня, Ворсовка расположены по притокам р. Ирши (разведка И. П. Русановой в 1961 г.).

Бассейн р. Уж

- 30 — 32 — поселения у сел Рудня, Ушица, Межирички (*И. П. Русанова*. Разведка по реке Уж. КСИА, вып. 86, 1961, стр. 71).
- 33—36 — села Гутки, Лозница, Селец, Бабиничи. Курганы с урновыми трупосожжениями (*И. Ф. Левицкий*. Археологічні досліді в районі Народичі ст. Шарно, Уманці, Белев, Селець, Болотніца року 1925. Архив Житомирского краеведческого музея, д. 58; *Ю. В. Кузаренко*. Курганы у с. Селец. МИА, № 108, 1963, стр. 316—319).

Бассейн р. Славечны

- 37—38 — села Демидовичи, Белый Берег, поселения (разведка И. П. Русановой в 1968 г.).

Бассейн р. Уборть

- 39 — с. Зубковичи, урочище Крушники, курган с урновым трупосожжением (*Я. В. Яроцкий*. Могиль-

ники по среднему течению р. Уборть. АЛЮР, 1903, № 3—4. Киев, 1904, стр. 180).

Бассейн р. Случи

- 40 — с. Паволочка, поселение (разведка И. П. Русановой в 1961 г.).
- 41 — с. Мирополь, курганы с урновыми трупосожжениями (*С. С. Гамченко*. Раскопки в бассейне р. Случи. «Труды XI АС», т. I. М., 1901, стр. 361—363; *Ю. В. Кузаренко*. Славянские древности V—IX веков на территории Припятского Полесья. КСИИМК, вып. 57, 1955, стр. 33—38; *он же*. Памятники пражского типа на территории Приднепровья, стр. 111—124).
- 42, 43 — села Глубочка, Урля, поселения (разведка И. П. Русановой в 1967 г.).
- 44—48 — села Белка, Шереметов, Павловка, Курне, Несолонь, поселения по берегам р. Тни (*И. С. Винокур*. Старожитності східної Волині першої половини I тисячоліття н. е. «Праці комплексної експедиції Чернівецького державного університету», т. VIII, вып. 1. Чернівці, 1960, стр. 68).
- 49 — с. Киково, поселение (разведка И. П. Русановой в 1961 г.).
- 50 — с. Гульск, три поселения, на двух из них проведены раскопки. Открыты полуземлянки (работы И. П. Русановой в 1968 г.).
- 51—54 — села Чижовка, Курчицы, Лучицы, Кленка, поселения (разведка И. П. Русановой в 1967—1968 гг.).
- 55 — с. Шепетовка, курганы с урновыми трупосожжениями (*С. С. Гамченко*. Дневник за 1927 г. Архив ИА АН УССР, ф. 35/8; *он же*. Археологічні досліді на Шепетовщині р. 1928. Архив ИА АН УССР, ф. 44/1).
- 56 — с. Климентовичи, курганы с трупосожжениями (*Ю. В. Кузаренко*. Памятники пражского типа на территории Приднепровья, стр. 117).
- 57—60 — села Горицы, Кутки, Бабино, Морозовка, поселения по берегам р. Корчик (разведка И. П. Русановой в 1965 г.).

Бассейн р. Горыни

- 61 — с. Курганы, поселение, открыта полуземлянка (разведка С. С. Березанской в 1958—1959 гг.; *В. Д. Баран*. Раннеславянские памятники на Западном Буге, стр. 361).
- 62 — с. Здолбица, поселение (*В. Д. Баран*. Ранньослов'янські пам'ятки Верхнього Подністрів'я і південно-західної Волині. МДАПВ, вып. 5. Київ, 1964, стр. 99).
- 63 — с. Колесники, поселение, открыта полуземлянка (*М. А. Пелешишин*. Нові матеріали до археологічної карти Волині. МДАПВ, вып. 3. Київ, 1964, стр. 100).
- 64 — 66 — село Агатовка, Гоща, Золотивка, поселения (разведка И. К. Свешникова в 1962 г. и И. П. Русановой в 1966 г.).
- 67 — с. Зозив, поселение, открыта землянка (разведка И. К. Свешникова в 1962 г.).
- 68 — с. Городок на р. Устье, поселения разновременные, открыты полуземлянки (работы И. К. Свешникова в 1960 и 1962 гг.; *В. Д. Баран*. Ранньослов'янські пам'ятки..., стр. 100).
- 69 — с. Бутейки, поселение (разведка И. П. Русановой в 1967 г.).
- 70 — с. Либлино, поселение (*Ю. В. Кузаренко*. Средневековые памятники Полесья. САП, вып. Е1—57. М., 1961, стр. 21).

- 71 — с. Хотомель, в окрестностях села расположена группа памятников: городище, исследованное полностью, поселение с раскопанными полуземлянками, могильник, с которого известны случайные находки. Весь комплекс памятников датируется VII—IX вв. (Ю. В. Кузаренко. Раскопки на городище и селище Хотомель. КСИИМК, вып. 68, 1957, стр. 90—97; *он же*. Средневековые памятники..., стр. 8—10 и 22—27; И. П. Русанова. Археологические памятники второй половины I тысячелетия н. э. на территории древлян. СА, 1958, № 4, стр. 38).
- 72 — с. Хорск, бескурганый могильник (Ю. В. Кузаренко. Средневековые памятники..., стр. 29).
- 73 — с. Хильчицы, городище, поселение (А. З. Коваленя, С. С. Шугай. Матеріали з дагісторыі Тураўшчыны. «Працы археалагічнай камісіі», т. II. Менск, 1930, стр. 363; Ю. В. Кузаренко. Средневековые памятники..., стр. 29).
- Бассейн р. Припяти**
- 74 — с. Петриков, поселение, открыты полуземлянки (Ю. В. Кузаренко. Средневековые памятники, стр. 29).
- Бассейн р. Стырь**
- 75—77 — села Бурдулаки, Липа, Колиев, поселения (разведка И. П. Русановой в 1966 г.).
- 78 — с. Боратин, поселение, видны следы землянок (М. А. Пелещишин. Указ. соч., стр. 143).
- 79—80 — села Маяки, Вульбянка, поселения (разведка И. П. Русановой в 1965 г.).
- 81 — с. Бабка, городище раскопано почти полностью, найдено трупосожжение в урне, на поселении открыты жилища конца I тысячелетия (Ю. В. Кузаренко. Средневековые памятники..., стр. 34—37).
- Бассейн р. Стоход**
- 82—83 — села Райместо, Борщовка, поселения (разведка И. П. Русановой в 1967 г.).
- 84 — с. Подриже, поселения, открыты полуземлянки. Нижний слой на поселении относится к началу новой эры (работы И. П. Русановой в 1967 и 1968 гг.).
- 85 — с. Ворсовичи, поселение (разведка И. П. Русановой в 1967 г.).
- 86 — с. Мельница, поселение (Ю. В. Кузаренко. Средневековые памятники..., стр. 33).
- Бассейн р. Турия**
- 87—89 — села Муровичи, Кустичи, Лигины, поселения (разведка И. П. Русановой в 1967 г.).
- Бассейн р. Припяти**
- 90 — с. Краски, поселение (разведка И. П. Русановой в 1968 г.).
- Бассейн р. Западного Буга**
- 91 — с. Зимно, городище раскопано почти полностью (В. В. Ауліх. Матеріали з верхнього горизонту городища біля с. Зимне, Волинської області. МДАПВ, вып. 3. Київ, 1961, стр. 139—148; *он же*. Металеві пряжки і прикраси з верхнього горизонту городища в с. Зимне, Волинської області. МДАПВ, вып. 4. Київ, 1962, стр. 95—105).
- 92 — с. Ложница, поселение (В. Д. Баран. Раннеславянские памятники..., стр. 361).
- 93 — с. Литовеж, поселение (разведка И. П. Русановой в 1966 г.).
- 94—95 — с. Рипнев, несколько разновременных поселений, на двух из них обнаружены комплексы VII в. (В. Д. Баран. Раннеславянское поселение у с. Рипнев (Рипнев II) на Западном Буге. МИА, № 108, 1963, стр. 35—365; *он же*. Ранньослов'янські пам'ятки..., стр. 95—113; *он же*. Раннеславянские памятники..., стр. 319—358).
- Бассейн р. Днестра**
- 96 — с. Бовшив, поселение, открыты жилища (Л. І. Крушельницька. Дослідження верхніх шарів поселення біля с. Бовшів, Івано-Франківської області у 1961 р. МДАПВ, вып. 5, 1964, стр. 133—134; В. Д. Баран. Ранньослов'янські пам'ятки..., стр. 96; *он же*. Раннеславянские памятники..., стр. 360).
- 97 — с. Демьянов, поселение, открыты жилища (В. Д. Баран. Раннеславянские памятники..., стр. 358).
- 98 — с. Незвиско, поселение, относящееся к концу I тысячелетия н. э., но, возможно, есть несколько более ранние комплексы (Г. І. Смирнова. Підсумки досліджень верхніх шарів Незвиського поселення. МДАПВ, вып. 2, 1959, стр. 87—101; *она же*. Раннеславянское поселение у с. Незвиско на Днестре. «Рамátku archeologicke», LI, 1960; *она же*. Раннеславянское поселение в с. Незвиско Станиславской области. «Исследования по археологии СССР». Л., 1961, стр. 210—225).
- 99 — с. Зеленый Гай, поселение (В. Д. Баран. Раннеславянские памятники..., стр. 361).
- 100 — с. Городница, поселение, открыта печь-каменка (В. Д. Баран. Ранньослов'янські пам'ятки..., стр. 96).
- 101 — с. Звынич, найдены два трупосожжения в урнах (В. Д. Баран. Раннеславянские памятники..., стр. 96).
- 102 — с. Лубьянки, случайно найден горшок, относящийся ко времени не ранее конца VII в. (В. Д. Баран. Ранньослов'янські пам'ятки..., стр. 97).
- 103 — с. Хуча, на поселении типа Пеньковки встречена керамика корчакского типа (И. А. Рафалович. Раннеславянское поселение Хуча VI—VII вв. КСИА, вып. 105, 1965, стр. 123—128).
- 104 — с. Реча, на поселении типа Пеньковки найдена керамика типа Корчак (И. А. Рафалович. Раннеславянское поселение VI—VII вв. у с. Реча в Молдавии. «Археология, этнография и искусствоведение Молдавии». Кишинёв, 1968, стр. 181—185).
- Бассейн р. Южного Буга**
- 105—106 — села Самчинцы, Семенки, на поселениях типа Пеньковки в небольшом количестве найдена корчакская керамика (П. И. Хавлюк. Раннеславянские поселения Семенки и Самчинцы в среднем течении Южного Буга. МИА, № 108, 1963, стр. 320—350).
- Бассейн р. Тиссы**
- 107 — г. Ужгород, в городе случайно найдены два сосуда, в одном из которых находились пережженные кости (V. Budinsky-Krička. Slovánske osídlenie na severovýchodnom Slovensku. «Slovenska archeologia», IX, 1—2, 1961, стр. 367).

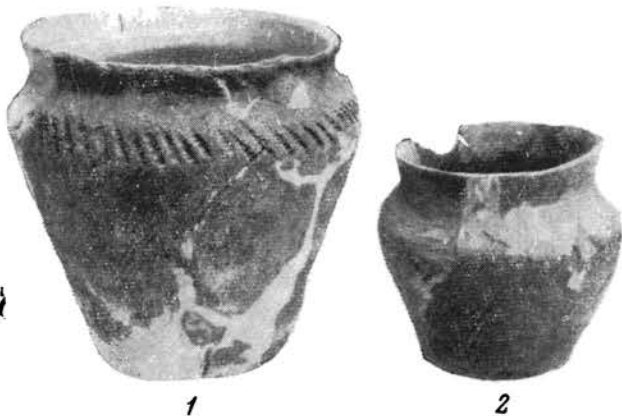
Раскопки на известном славянском могильнике у дер. Кветунь Трубчевского района Брянской обл. проводятся нами с 1948 г.¹ В 1963 г. в восточной части могильника нами были раскопаны три кургана, содержавшие весьма интересные погребения с трупосожжением (курганы № 66, 137 и курган «с четырьмя погребениями»). Ниже кратко излагаются результаты этих раскопок.

Курган 66

Диаметр насыпи кургана 16 м, высота 1,80 м. Под насыпью в центральной части кургана находилось большое кострище диаметром около 5 м. Среди золы и древесных углей, составлявших остатки кострища, довольно много обломков пережженных человеческих костей. В трех местах при этом кости находились в отдельных скоплениях. Рядом с этими скоплениями обнаружены куски обгоревшего дерева, обломки глиняного сосуда с типичным роменским орнаментом (см. рис.) и железный гвоздь.

Кострище вокруг было обнесено невысокой земляной оградкой, насыпанной сразу же после совершения захоронения. В одном месте эта оградка прерывалась, образуя как бы проход к кострищу.

Судя по наличию отдельных скоплений обломков пережженных костей, можно полагать, что в кургане было похоронено несколько покойников.

Кветунский могильник. Глиняные сосуды
1 — из кургана 66; 2 — из кургана 137

Курган «с четырьмя погребениями»

Диаметр насыпи кургана 14 м, высота 0,8 м. В насыпи кургана много обломков глиняных сосудов роменского типа и встречаются единичные обломки гончарных сосудов времени Киевской Руси.

Под насыпью, как и в предыдущем кургане, находились остатки большого кострища. В пределах этого кострища обнаружено четыре погребения с трупосожжением. Одно из них находилось на горизонте в небольших округлых ямках глубиной около 15 см и диаметром 0,30—0,60 м. В погребении на горизонте обломки пережженных костей ребенка лежали в небольшой кучке. Среди них было несколько обломков глиняных сосудов роменского типа. Обломки таких же сосудов обнаружены и в погребениях в ямках. В одном из них, кроме того, найдены обломок железного ножа и бронзовое проволочное височное колечко с заходящими концами. Два обломка какого-то железного предмета были найдены в пределах кострища вне погребений.

Курган 137

Диаметр насыпи кургана 8 м, высота 0,70 м. Под насыпью почти в центре кургана находилась округлая яма диаметром около 1 м. Глубина ямы 0,70 м. Вокруг этой ямы была окружена канавкой глубиной около 0,60 м. Ширина канавки 0,45—0,60 м. Диаметр пространства, окруженного канавкой, около 5 м. Следов изгороди в канавке не обнаружено. Остатков покойника в яме не прослеживалось. Видимо, курган обрядовый.

Около ямы, но в 0,10 м выше древней поверхности стоял глиняный лепной горшок того же типа, что и горшки из Большого Боршевского городища², Воротынцевского кургана³, из могильников Волынцева⁴, Макчи⁵ и из

¹ В. А. Падин. Материалы из раскопок Кветунских курганов X—XIII вв. СА, 1958, № 2, стр. 218—226.

² П. П. Ефименко, П. Н. Третьяков. Древнерусские поселения на Дону. МИА, № 8, 1948, табл. 33, 1.

³ Т. Н. Никольская. Культура племен бассейна верхней Оки в I тысячелетии н. э. МИА, № 72, 1959, стр. 53—54, рис. 23, 7.

⁴ Д. Т. Березовець. Дослідження на території Путівльського району Сумської області. АП, III. Київ, 1952, стр. 246, табл. 1, 6.

⁵ В. А. Падин. Роменское поселение в Трубчевском

Тулеской обл.⁶ Строго датирующих материалов в курганах, раскопанных нами, не най-

районе, КСИИМК, вып. ХLI, 1952, стр. 111, рис. 38, 7.

⁶ С. А. Изюмова. Курганный могильник VIII—X вв. около деревни Западной. СА, 1964, № 2, стр. 155, рис. 2, 10.

Г. Ф. СОЛОВЬЕВА ПАМЯТНИКИ (Москва) КОНЦА I ТЫСЯЧЕЛЕТИЯ Н. Э. В ВЕРХНЕМ ПОДНЕПРОВЬЕ

В настоящее время для решения вопроса этногенеза славян все большее и большее значение приобретают памятники середины и конца I тысячелетия н. э. Работами П. Н. Третьякова, Е. А. Шмидта, В. В. Седова и других исследован целый ряд памятников этого времени в Верхнем Поднепровье и в Подесенье. Изучались преимущественно поселения.

С 1962 г. Радимичская археологическая экспедиция Института археологии АН СССР начала изучение погребальных памятников I тысячелетия н. э. на территории Гомельской и Могилевской областей БССР.

В результате проведенных исследований был выявлен ряд курганов с трупосожжением середины и конца I тысячелетия н. э. Иногда эти ранние курганы образуют отдельные курганные группы (типа Воронино), большей же частью они встречаются в крупных курганных могильниках вместе с более поздними погребениями XI—XII вв. (Демьянки, Прудки и др.).

Курганная группа Воронино.

Группа расположена на песчаной дюне в 1 км к юго-западу от дер. Воронино, на левом берегу р. Днестра, против Нового Быхова. Всего в группе 12 курганов¹. Все курганы покрыты плотным коричневым дерном и насыпаны из светло-коричневого песка, перемешанного с остатками культурного слоя стоянки эпохи бронзы. Раскопаны все курганы.

Курган 1, высота 0,6 м, диаметр 9 м. На горизонте открыто овальное в плане, вытянутое с юга на север скопление золы с небольшим количеством костей. Размер скопления золы 2 × 1,3 м, мощность 8 см. В 4 м к северо-западу от погребения, также на горизонте, встречен лежащий на боку гладкий лепной горшок (рис. 1, 2).

Курган 2, высота 0,6 м, диаметр 8 м. На горизонте в центре кургана обнаружено овальное

скопление с несколькими пережженными костями размерами 1,5 × 0,7, мощностью 10 см. В 1,5 м к югу от него на горизонте найдены обломки лепного горшка; обломки второго лепного горшка были встречены в насыпи. В насыпи, кроме того, находились отдельно жженные кости.

Курган 3, высота 0,5, диаметр 8 м. В насыпи встречаются обломки лепного горшка, аналогичного лепным горшкам из курганов 1, 2. На горизонте находилось овальное в плане скопление золы, угля и жженных костей размерами 1,7 × 0,98, мощностью 10 см. В скоплении найдены три железные обоймы от кошелька, обломки бронзовой пластины, оплавившиеся стеклянные бусы.

Курган 4, высота 0,9 м, диаметр 12 м. На горизонте в центре кургана открыто круглое в плане скопление золы и жженных костей (диаметром 60 см и мощностью 8 см). В 1,5 м к западу от него лежал на боку лепной горшок (рис. 1, 3).

Курган 5, высота 1,1 м, диаметр 12 м. В центре кургана на горизонте лежал лепной горшок, а к югу от него обнаружено овальное в плане скопление золы, угля и пережженных костей размерами 1,3 × 1,1, толщиной 10 см. В этом же зольном слое были найдены нож с горбатой спинкой (рис. 2, 3), две оплавившиеся стеклянные бусины и железное кольцо.

Курган 6, высота 1,4 м, диаметр 12 м. На горизонте, в северо-восточной части кургана встречено круглое в плане скопление золы, угля, жженных костей и обломков лепной керамики. Диаметр скопления 0,9 м, мощность 8 см.

В курганах 7 и 10 погребения не сохранились.

Курган 8, высота 0,4 м, диаметр 7 м. На горизонте открыто круглое в плане скопление золы, жженных костей и угля диаметром 50 см и толщиной 6—8 см, в 50 см от него находился развал лепного горшка (рис. 1, 1).

¹ Один курган в 1963 г. раскопан И. И. Артеменко.

Курган 9, высота 0,5 м, диаметр 8 м. На горизонте обнаружено округлое в плане (диаметр 70 см и мощность 10 см) скопление золы, угля и жженных костей. Здесь же найдена глазчатая стеклянная бусина.

Курган 11 полуразрушен. Значительная его часть обвалилась под откос дюны. В юго-западной части на горизонте прослежены следы прямоугольного ящика, сложенного из обгоревших плах, поставленных на ребро. Высота сохранившейся части ящика 30 см, его размеры 84×58 см; ориентирован он по линии юго-восток — северо-запад. В ящике находились сложенные в кучку в юго-восточном углу пережженные кости. Анализ погребального обряда позволяет выделить три вида погребального ритуала.

Первая группа курганов (1, 2, 3, 5) — с трупосождением в стороне, содержащая под насыпью овальные, вытянутые по направлению север — юг скопления золы, угля и пережженных костей. Здесь же встречены и остатки погребального инвентаря — железные обоймицы от кошелька, оплавившиеся стеклянные бусы, железное кольцо, нож с горбатой спинкой. Размеры кострища 1,3—2×0,7—1,3 м.

Керамика — высокий тюльпановидный сосуд или горшки, покрытые штриховкой, — находится или сбоку от погребения, или в насыпи. Датируются курганы VII—VIII вв. н. э.

Вторая группа курганов (4, 6, 8, 9) также содержит трупосождения на стороне, но пережженные кости вместе с остатками погребального инвентаря помещены в неглубокую (до 10 см) ямку, имеющую форму правильного круга диаметром от 50 до 90 см. Ямки расположены или в центре кургана, или в северо-восточной его части. Из погребального инвентаря здесь найдена только глазчатая стеклянная бусина (курган 9). Как и в первой группе, в каждом погребении находился горшок, но в отличие от первой группы керамика второй группы и по форме, и по орнаменту приближается к керамике роменского типа и, по-видимому, одновременна ей².

Что же касается погребения с камерой (курган 11), то обряд погребения позволяет сблизить его с погребениями в славянских курганах Оки и верхнего Дона VIII—X вв.

Курганы у с. Прудки³. Курганная группа из

² Керамика X в. в курганах Гомельской и Могилевской областей напоминает керамику гнездовского типа; это дает возможность датировать курганы у дер. Воронино не позднее IX в.

³ Один курган (№ 7) раскопан И. И. Артеменко и один (№ 10) испорчен кладовискательской ямой.

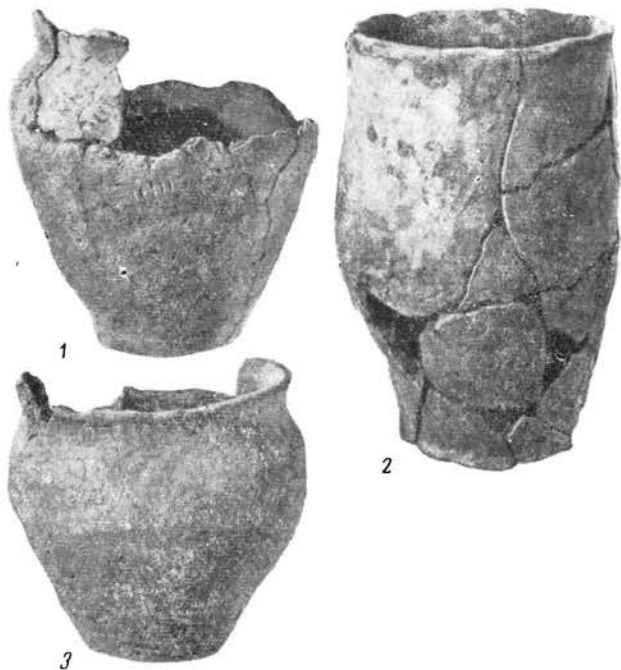

Рис. 1.

Воронино. Глиняные сосуды

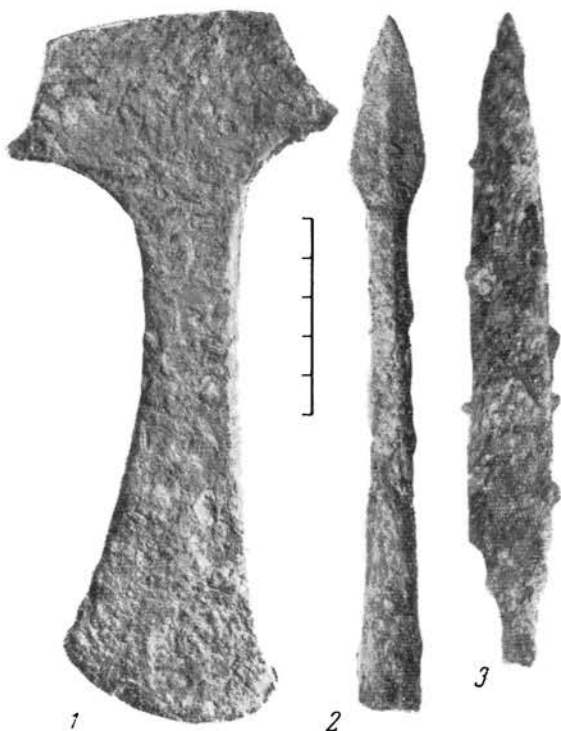
1 — из кургана 8; 2 — из кургана 1; 3 — из кургана 4

9 курганов расположена на левом берегу Днепра курган севернее Могилева (между Могилевом и Шкловом). Курганы вытянуты цепочкой от безымянного ручья, впадающего в Днепр, вверх по Днепру. Во время половодья они затапливаются. Все курганы очень расплывчатые, полусферической формы, высота от 0,70 до 1 м.

В насыпи курганов встречено огромное количество обломков горшков разного времени. Заложенный между курганами шурф дал возможность установить, что курганы сооружались на месте древнего поселения.

Курган 2. На материке обнаружено шесть валунов, составлявших оградку погребения. В западной части обнаружена овальная яма размерами 70×80 см, глубиной 30 см, заполненная черной жирной землей, угольками и пережженными человеческими костями. Отдельные косточки встречались и в насыпи. Здесь же, в насыпи обнаружен и железный проушный топор (рис. 2, 1).

Курган 3. На горизонте обнаружено кольцо из камней; один из камней в восточной части носит следы огня (камень растрескался). Погребение совершено по обряду трупоположения. Умерший лежит на горизонте, в центре коль-

Р и с. 2.

Вещи из курганов

1 — топор, с. Прудки; 2 — наконечник дротика, с. Церковище; 3 — нож, с. Воронино

ца, головой ориентирован на запад. Рядом с умершим найден железный нож.

Курган 4. Содержал два погребения: а) на горизонте в юго-восточной части кургана обнаружено зольное пятно диаметром 80 см, мощностью 10 см, в котором были найдены кальцинированные кости; это первое погребение было нарушено вторым, более поздним; б) в центре кургана находилась могильная яма размерами 1,75 × 0,80 м, глубиной 95 см. Погребение не сохранилось, лишь в северо-западном углу найдены остатки зубов и плечевой кости, что дает возможность говорить о западной ориентировке умершего. На плечевой кости находились бронзовая подковообразная фибула и бубенчик (рис. 3, 1, 2).

Курган 5. Содержал два погребения. На выжженном горизонте обнаружено кольцо из валунов, в центре которого находилось погребение мужчины. Умерший лежал на спине, вытянуто, головой на запад. У пояса найден железный нож, у левой берцовой кости — железное поясное кольцо, в ногах — разбитый горшок, сделанный на ручном гончарном круге.

Второе погребение — женское; умершая лежала также головой на запад (кости в беспорядке). Найдены два бронзовых несомкнутых браслета (рис. 3, 4, 5), широкосрединный бронзовый перстень с пуансонным орнаментом, бронзовый проволочный несомкнутый перстень, височное проволочное кольцо с напускной бусиной (рис. 3, 3), бусы (белые пастовые, бисер).

Курган 7. На выжженном горизонте обнаружено двойное кольцо из валунов, в центре которого находилось погребение. Умерший ориентирован на запад. У правой большой берцовой кости обнаружена железная арбалетовидная фибула очень плохой сохранности (детали не прослеживаются).

Курган 8. На выжженном горизонте обнаружена кольцевая оградка из валунов. Отдельные валуны встречались и в насыпи. Умершая ориентирована головой на запад. При ней были найдены бронзовое проволочное височное кольцо у черепа и бронзовый щитковый перстень, железный окислившийся предмет плохой сохранности.

Курган 9. В насыпи кургана встречено скопление золы и мелких углей. Курган содержал три погребения, совершенных по обряду труположения. Покойники лежали на спине головой к западу. Около скелетов найдены стеклянные бусы, железный нож и глиняный горшок.

Ранние погребения с трупосожжением хорошо датируются VII—VIII вв. Поздние погребения с труположением имеют характерный для кривичей набор украшений (как, например, браслетообразные височные кольца) и датируются XI—первой половиной XII в. Интересно, что и в том и в другом случае сохраняется кольцевая оградка из валунов, характерная больше для литовских погребений. Возможно, что оградка осталась от ранних погребений.

Курганная группа Церковище.

Группа расположена на правом берегу р. Днепра, напротив дер. Прудки и рассмотренной выше курганной группы. Всего в группе семь круглых курганов и один длинный курган (длина 20 м, ширина 4 м).

Раскопаны два круглых кургана. Один полностью нарушен поздними (XIX в.) погребениями; в другом найдены остатки двух погребений, совершенных по обряду трупосожжения. На горизонте, на слое кострища, в западной части кургана обнаружена овальная в плане яма размерами 2,70 × 1,60 м и глубиной до 10 см, заполненная углем, золой и пережженными костями. Здесь же обнаружен наконечник дротика.

тика с припаявшимися к нему фалангами пальцев (рис. 2, 2). В северо-восточной части находилось второе скопление золы, угля и кальцинированных костей размерами 220×175 см и мощностью 15 см.

Здесь же найдены фрагменты лепной керамики, слитки оплавленной бронзы и железный нож.

Сожжение умершего происходило на месте сооружения кургана, погребены двое мужчин (погребение 1) и женщина (погребение 2). Датируется курган VII—VIII вв. н. э.

Рядом с курганной группой, чуть к западу от нее, на правом коренном берегу р. Днепра расположено небольшое городище. Оно занимает мыс — останец, ограниченный с севера и юга глубокими оврагами и возвышающийся над берегом на 40 м. С напольной стороны хорошо прослеживается вал высотой около 5 м. Ров, отделяющий городище, превратился в овраг. Въезд в городище находился в его северо-западном углу. Площадка поселения имеет некоторый уклон к востоку. Городище по краю прорыто траншеями. По форме оно представляет почти правильную полуокружность диаметром около 50 м. На городище в северо-западном и юго-западном углах были проложены два разведочных шурфа размерами 2×2 м.

Шурф 1. Мощность культурного слоя 0,75 м. Слой имеет интенсивно черную окраску и включает в себя золу, мелкие угли, камни, керамику. В северо-восточном углу шурфа обнаружена яма, уходящая под борт раскопа, углубленная в материк на 40 см. На дне ее находилось несколько лежащих рядом больших камней. Заполнение ямы — золистая прослойка, чередующаяся с суглинком. Никаких находок нет. Керамика гончарная эпохи Киевской Руси, ниже — штрихованная и еще ниже, у самого материка, — милоградская керамика.

В шурфе 2 найдена преимущественно штрихованная керамика. Таким образом, установлены три периода жизни городища — милоградский, штрихованный и Киевской Руси.

Анализ погребального обряда в курганах VII—VIII вв. н. э. в верхнем течении Днепра позволяет сделать ряд выводов.

Мы здесь встречаем два вида сожжения: трупосожжение на месте и трупосожжение на стороне. К первому виду относятся курганы у с. Церковище. Обнаруженный в кургане инвентарь позволяет считать это погребение литовским и датировать его VII—VIII вв. В курганной группе у с. Прудки сожжение совершалось на стороне. К сожалению, ранние погребения нарушены более поздними — кривичскими

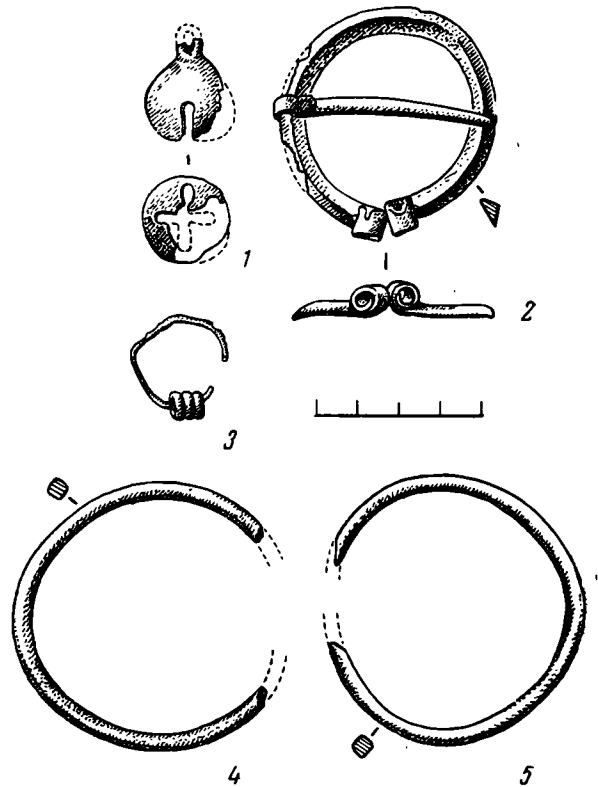

Рис. 3.

Бронзовые вещи из курганов у с. Прудки
1, 2 — из кургана 4; 3—5 — из кургана 5

XI—XII вв. По-видимому, кривичам принадлежат и ранние погребения. Наличие же кольца из валунов объясняется, скорее всего, влиянием соседних литовских племен, у которых каменные кольца встречаются довольно часто в погребальных памятниках I тысячелетия н. э.

Наибольший интерес представляет курганная группа у с. Воронино. Весь погребальный обряд, в том числе наличие деревянной камеры, а также и керамики роменского типа, сближает эти курганы с ранними вятическими курганами верхнего Дона и Оки. Эти курганы, так же как и ранние курганы у с. Демьянки⁴, сходные по погребальному обряду, могут относиться только к одному славянскому племени — радимичам. В X—начале XI в. у радимичей еще продолжается обряд сожжения, но появляется совершенно отличная керамика, с рифлением, характерная для Гнездовских курганов.

⁴ Г. Ф. Соловьева. Славянские курганы у с. Демьянки. СА, 1967, № 1, стр. 187—198.

Следует также отметить еще одну особенность. В Верхнем Поднепровье и Посожье выделяются три стадии существования городищ: милоградский период, городища со штрихован-

ной керамикой и древнерусские — эпохи Киевской Руси. В связи с этим особое значение приобретает изучение неукрепленных поселений второй половины I тысячелетия н. э.

А. В. АРЦИХОВСКИЙ БОЛЬШОЙ БЕСЕДСКИЙ (Москва) КУРГАН

П. Н. Третьяков интересно определил древнейшие курганы восточных славянских племен, восходящие к I тысячелетию н. э., в том числе ранние курганы вятичей. Обычные курганы этого племени распространились лишь в XII в., как я это в свое время доказывал¹. Племенная организация вятичей тогда была еще сильна, а пережитки их обособленности сохранялись и впоследствии². Но древнейших вятичей определил только П. Н. Третьяков. Ему удалось связать с ними курганы, исследованные Н. И. Булычовым в Шанькове³.

Н. И. Булычов раскопал в 1886 г. курганы близ деревень Шаньково и Почепок Калужской обл. Датируются они серединой I тысячелетия н. э. по керамике и фибулам мощинского типа⁴. В центре каждой насыпи было трупосоожжение. Надо особо отметить вырытую в материке кольцевую канавку, оказавшуюся в каждом из этих курганов. П. Н. Третьяков издал архивные чертежи данных сооружений⁵ и сблизил по этому признаку Шаньковские курганы с Боршевскими (тоже славянскими) курганами Воронежской обл. IX—X вв., раскопанными П. П. Ефименко в 1929 г.⁶ Там неоднократно встречена деревянная кольцевая ограда, основание которой было закреплено в канавке.

В 1946 г. я раскопал в с. Беседы на Москвереке, в ближайших окрестностях Москвы (Беседы лежат возле южной границы Большой Московской) курган того же типа, с совершенно такой же кольцевой канавкой, тоже вырытой в материке. Краткие сведения об этом кургане мной опубликованы дважды⁷, но без чертежей. Счи-

таю теперь целесообразным издать более подробные сведения, приложив при этом чертеж основного сооружения (см. рис.).

П. Н. Третьяков дважды ссылался на эти мои раскопки, тоже связывая оба раза этот Беседский курган с Шаньковскими и другими⁸. Высота этого Беседского кургана 4 м, он, таким образом, гораздо больше Шаньковских, Почепокских, Боршевских. Однако общие пропорции подкурганной канавки, ее форма, ширина и глубина вполне соответствуют тем данным, которые сообщает Н. И. Булычов⁹. Но диаметр ее больше, поскольку сам курган больше.

Курганы в с. Беседы разведочно обследовал О. Н. Бадер и включил в археологическую карту Москвы и окрестностей¹⁰. В 1945 и 1946 гг. я раскопал в с. Беседы много курганов. В большинстве своем это были обычные курганы вятичей, поздние. Там много семипопастных височных колец, решетчатых перстней, сердоликовых бипирамидальных бус и т. п. Впервые у вятичей найден гребень (костяной, трапецевидный, с одной стороны частый, с другой редкий), притом в мужском погребении (у правого бедра, курган 27). Встречено несколько гончарных клейм, одно из них изображает зверя, что совершенно ново.

Но особого рассмотрения заслуживает большой курган. Я предпринял его раскопки главным образом вследствие его исключительной для Московской обл. высоты (4 м). Слишком долго подмосковные раскопки сосредоточивались на курганах малых, требующих меньших затрат труда и средств. Высокие курганы избегаются археологами и один за другим уничтожаются при всевозможных земляных работах.

Раскопки в Беседах производились в 1945 и 1946 гг. на средства Академии наук и Москов-

¹ А. В. Арциховский. Курганы вятичей. М., 1930, стр. 144—149.

² Там же, стр. 156—157 и 160—161.

³ П. Н. Третьяков. Финно-угры, балты и славяне на Днепре и Волге. М.—Л., 1966, стр. 294—297.

⁴ Там же, стр. 294—295 и рис. 87.

⁵ Там же, стр. 295, рис. 87.

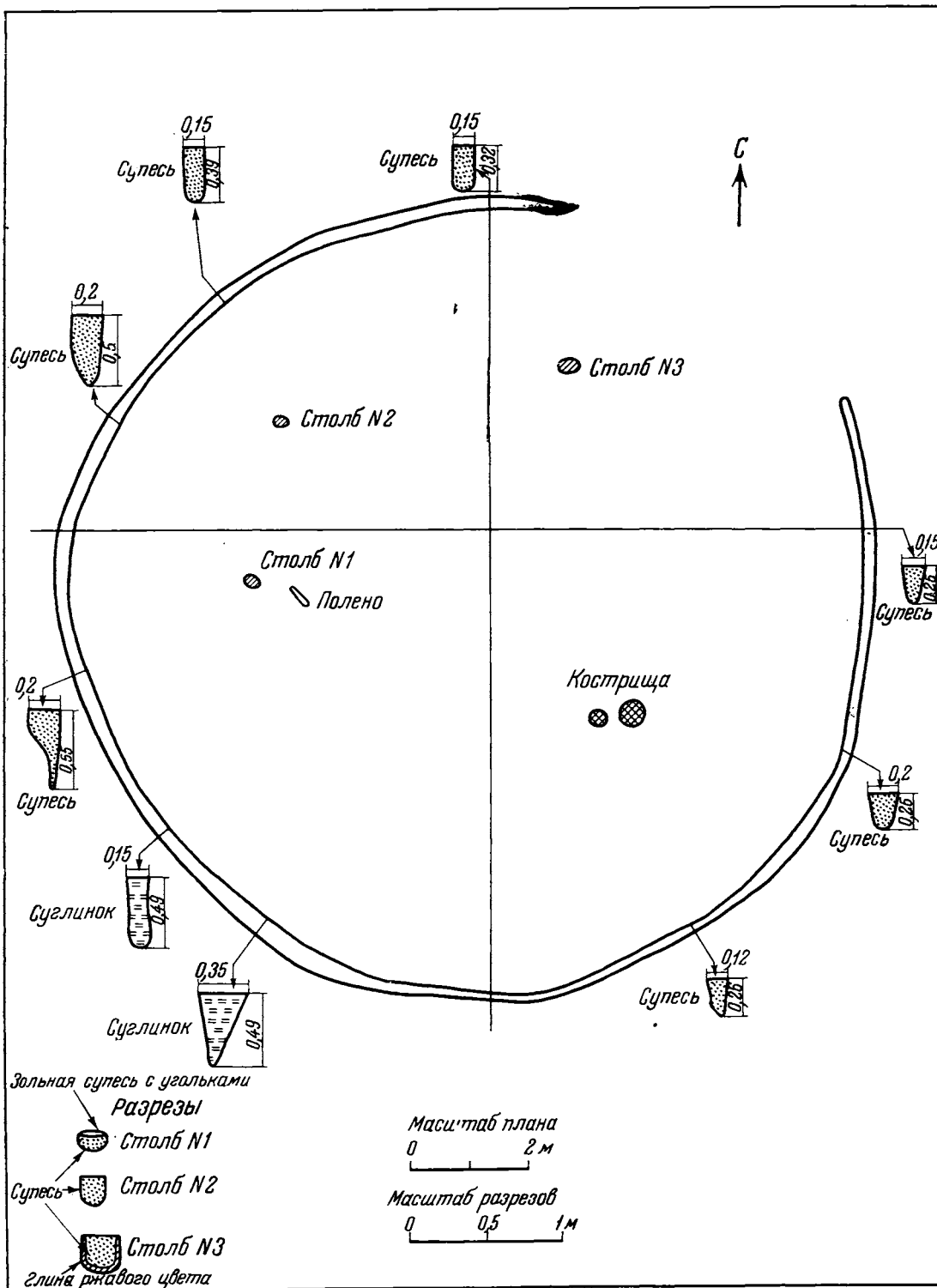
⁶ Там же, стр. 296.

⁷ А. В. Арциховский. Основные вопросы археологии Москвы. МИА, № 7, 1947; он же. Беседские курганы (тезисы доклада). КСИИМК, вып. XXI, стр. 101.

⁸ П. Н. Третьяков. Восточнославянские племена. М., 1953, стр. 240; он же. Финно-угры, балты и славяне..., стр. 297.

⁹ Н. И. Булычов. Журнал раскопок по части водораздела верхних притоков Волги и Днепра. М., 1899, стр. 5.

¹⁰ О. Н. Бадер. Материалы к археологической карте Москвы и ее окрестностей. МИА, № 7, 1947, стр. 153.

Беседы. План большого кургана на уровне материка

ского университета. В них участвовали Д. А. Авдусин, Г. А. Авдусина, Н. П. Журжалина, С. А. Изюмова, Б. А. Колчин, А. Ф. Медведев, Н. Я. Мерперт, Т. Н. Никольская. Находки из Бесед хранятся в археологическом музее Московского университета. Большой курган получил при нумерации № 12 (потому что 11 курганов раскопано в Беседах в 1945 г.). При разведочном обследовании он был назван курганом 1¹¹.

Раскопки Беседских курганов велись по половинам, разделенным на малых курганах осью север — юг, а на кургане 12 осью запад — восток, что обуславливалось ветрами, сильно мешавшими работе на этом большом кургане. Руководил раскопками кургана 12 Д. А. Авдусин.

Курган 12 расположен у южной околицы с. Беседы, недалеко от конного двора колхоза. Он стоял изолированно от других курганов, посреди распаханного поля. С поля открывается широкий вид на р. Москву и заречные села. Большая часть насыпи была покрыта только плотным дерном. Северная половина поросла кустарником. На вершине кургана имелась поздняя, но уже несколько заплывшая яма глубиной 0,63 м. В северо-восточной части была яма от блиндажа времен Великой Отечественной войны. Форма кургана круглая, очертания четкие и правильные. Высота с севера 4,23 м, с запада 4,03 м, с юга 3,78 м, с востока 3,48 м. Диаметр с запада на восток 15,5 м. Диаметр с севера на юг не мог быть измерен из-за насыпи вышеупомянутого блиндажа. Но первоначально он был, по-видимому, такой же длины. Этот сравнительно небольшой для высоты кургана диаметр объясняется крутизной, которая превышала 30°. Окружность 53 м, но до сооружения вышеупомянутого блиндажа она была несколько меньше. Ровиков и перемычек не видно. Они, если и были, запаханы. Раскопки кургана продолжались ровно месяц (с 24 июля по 24 августа 1946 г.). Курган копался половинами на снос. Сначала была раскопана северная половина до глубины 3,15 м. На этой глубине сделан чертеж профиля. Затем южная половина была снята до той же глубины. После снятия плана вскрытой поверхности северная половина была раскопана до материка и соответственно до этого уровня был дочерчен профиль кургана, а затем южная половина кургана также доведена до материка. Материк открылся на глубине ровно 4 м.

В насыпи кургана найдены три грубых глиняных черепка. Все они сделаны еще от руки,

отличаясь тем самым от обычной подмосковной курганной поздней керамики, и никаких особых признаков не имеют, кроме отпечатка ногтя на втором черепке (что для архаической среднерусской керамики обычно). Глубина их залегания 3, 15, 3,40 и 3,45 м.

Близ материка найдено обгорелое полено длиной 0,30 м, шириной 0,07 м. На глубине 4,0 м по всей площади кургана встречен материк без всяких признаков погребения или могильной ямы. Материк состоит из твердой, сильно спрессованной глины коричневого цвета.

Но главной достопримечательностью кургана, как уже говорилось, надо считать кольцевую канавку (см. рисунок). Канавка вырыта в материке и заполнена серой супесью или суглинком, в обоих случаях со вкраплениями угольков. Канавка образует незамкнутое кольцо, максимальный поперечник которого 13,85 м, минимальный — 13,25 м. Разрыв кольца находится на северо-востоке. Длина прослеженной части окружности по ее внешней стороне 33,25 м. Ширина канавки от 0,12 до 0,35 м, а в среднем 0,25 м. Глубина ее от 0,25 до 0,55 м, а в среднем 0,40 м.

Внутри кольца найдены круглые ямы трех столбов, заполненные супесью. Диаметр первого столба 0,20 м, второго — 0,20 м, третьего — 0,25 м.

На материке же обнаружены два кострища диаметром в 0,25 и 0,40 м. Толщина угольного слоя до 0,07 м. Земля под кострищем прожжена до розового цвета. Обильна зола. Кости в кострищах не обнаружены. Никакого погребения вообще не найдено.

Как уже говорилось, беседская кольцевая канавка вполне аналогична канавкам курганов Шаньковских, Почепокских, Боршевских. Только диаметр больше. Канавка на северо-востоке немного прерывается, что соответствует по размерам и ориентировке таким же прерывистым канавкам Боршевских курганов, как мне в свое время сообщил П. Н. Третьяков, участник боршевских раскопок.

Уточнить дату большого Беседского кургана пока не представляется возможным: керамические находки слишком невыразительны. Но, судя по канавке, он вполне аналогичен курганам в Шанькове, Почепке и Боршеве. Тем самым он тоже относится к I тысячелетию н. э. (что подтверждается и лепной керамикой) и тоже принадлежит ранним вятичам, с чем, как я говорил, согласен П. Н. Третьяков.

Высокие курганы под Москвой еще кое-где сохранились. Современная высота их 3 м и несколько больше. Возможно, что иные из них ничем не отличаются от обычных курганов вя-

¹¹ О. Н. Бадер. Материалы к археологической карте Москвы и ее окрестностей. МИА, № 7, 1947, стр. 153.

тичей (они в большинстве своем не превышают 1,5 м, но некоторые из них, раскопанные мной, были выше 2 м, а самый большой из поздних Беседских курганов достигал высоты 2,65 м). Уверен, что другие курганы, подобные большому Беседскому, будут у нас еще открыты. Возможно, что они (меньшего размера) уже подвергались раскопкам. Но подмосковные курганы слишком долго раскапывались колодцами, а при таких раскопках большой Беседский курган пришлось бы признать пустым: канавка осталась бы вне колодца.

Наличие под Москвой столь ранних вятичей (и вообще столь ранних славян) не было до сих пор установлено. Если говорить о больших курганах, можно отметить, что в 1883 г. А. И. Кельсиев раскопал в селении Митино под Москвой большой курган (высота его была 4,25 м, диа-

метр 25 м), но там найдено позднее погребение обычного типа (мужской костяк без вещей, с глиняным горшком обычного позднего курганного типа с клеймом на дне)¹². Потом 63 года никто не копал больших подмосковных курганов.

П. Н. Третьяков пишет: «Следует указать, что в окрестностях Москвы имеется немало единичных курганов, нередко больших размеров. Было бы очень целесообразно заняться их изучением. Среди них могут оказаться и курганы VIII—X вв., аналогичные Беседскому»¹³.

¹² А. И. Кельсиев. Подмосковное курганное кладбище при деревне Митиной. «Древности», т. 10. М., 1885.

¹³ П. Н. Третьяков. Финно-угры, балты и славяне..., стр. 297.

Б. А. ШРАМКО   РАНЕСЛАВЯНСКОЕ ПОСЕЛЕНИЕ VIII—X ВВ. (Харьков)   НА ДОНЕЦКОМ ГОРОДИЩЕ

Донецкое городище, расположенное в окрестностях г. Харькова, на высоком правом берегу притока Северского Донца р. Уды, давно привлекло внимание исследователей. После первых разведок В. В. Пассека¹ некоторые археологи производили здесь небольшие раскопки², но добытые ими материалы относились преимущественно к поздним отложениям, к тому времени, когда здесь существовал древнерусский город Донец³. Только в 1955—1962 гг. экспедиция Харьковского государственного университета под руководством автора организовала здесь планомерные исследования на довольно широкой площади, и это позволило получить большое количество материалов более раннего времени, которые, к сожалению, пока лишь частично введены в научный оборот⁴.

Исследования показывают, что древнейшее поселение возникло на этом месте еще в конце II тысячелетия до н. э. В VI в. до н. э. здесь было построено скифское городище. Однако остатки, относящиеся к концу бронзового века и к скифской эпохе, немногочисленны. Подавляющее большинство находок относится уже к тому времени, когда здесь появилось славянское население. Этот материал четко делится на два хронологических этапа: на остатки раннеславянской роменской культуры VIII — начала X в. и остатки древнерусской культуры преимущественно X—XIII вв. Четкое разделение и хорошая сохранность раннеславянских памятников на городище связаны с некоторыми стратегическими особенностями.

Раскопки показали, что роменские жилища и оборонительные стены были сожжены. В период запустения городища углубления землянок стали постепенно затягиваться слабо гумусированной наносной почвой серого цвета. Вскоре, в X в. площадка городища была выровнена и все имевшиеся здесь ямы, в том числе и углубления на местах бывших жилищ, были засыпаны глиной. Поверх этой засыпки нарастал уже древнерусский культурный слой X—XIII вв. Все это способствовало исключительно хорошему сохранению культурных остатков ниж-

¹ В. Пассек. Курганы и городища Харьковского, Валковского и Полтавского уездов. «Русский исторический сборник», т. III, кн. 3. М., 1839, стр. 211—216.

² В. А. Городцов. Результаты исследований, произведенных научными экскурсиями XII Археологического съезда. «Труды XII АС», т. I. М., 1905, стр. 110—121; Н. Е. Макаренко. Отчет об археологических исследованиях в Харьковской и Воронежской губ. в 1905 г. ИАК, вып. 19, 1906, стр. 117; О. Федоровский. Археологічні розкопки в околицях Харькова. Хроніка археології та мистецтва. ВУАК, ч. I. Київ, 1930, стр. 5—10.

³ ПСРЛ, т. II, ч. 3. СПб., 1843, стр. 134; «Книга Большому Чертежу». Под ред. К. Н. Сербинной. М.—Л., 1950, стр. 71.

⁴ Б. А. Шрамко. Древности Северского Донца. Харьков, 1962, стр. 292 и сл.; Б. А. Шрамко, О. М. Петри-

ченко, Л. О. Солнцев, Л. Д. Фомин. Дослідження староруських залізних виробів Донецького городища. НІТ, вып. 7. Київ, 1961, стр. 74—87.

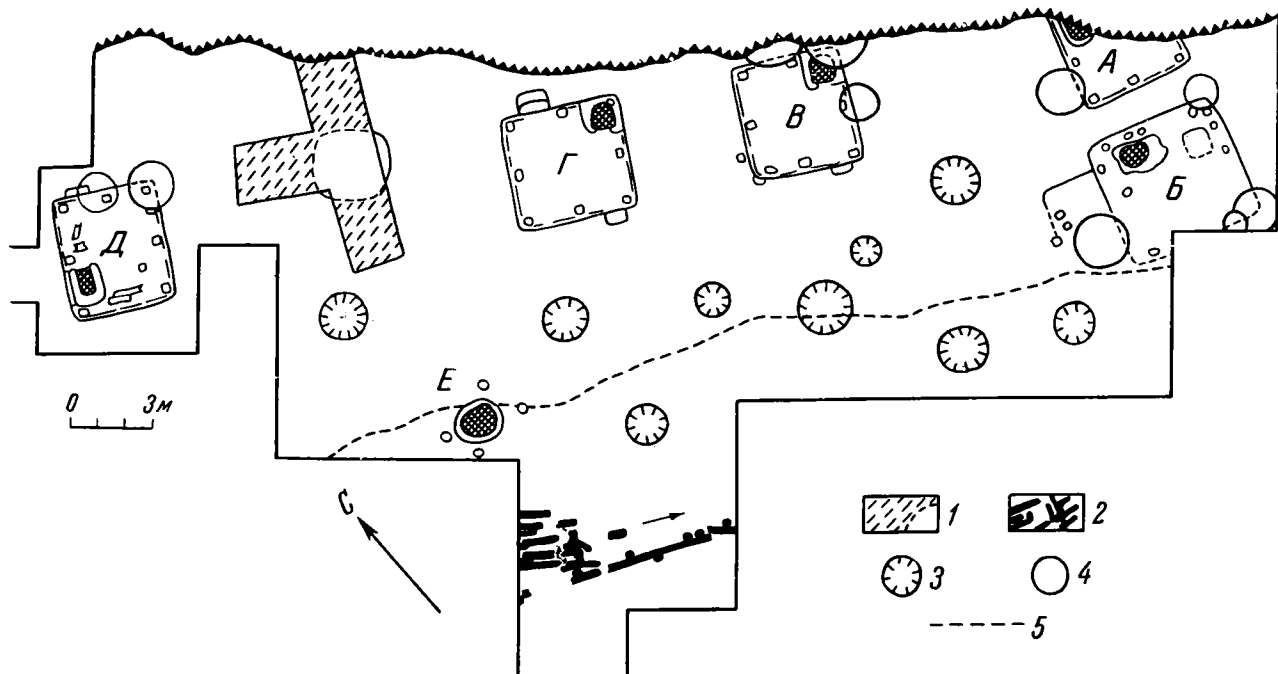

Рис. 1.

План раскопа 1955—1957 гг. на Донецком городище (роменский слой)

1 — остатки траншеи 1902 г.; 2 — остатки оборонительной

стены VIII—X вв.; 3 — ямы VIII—X вв.; 4 — ямы X—XIII вв. (выборочно); 5 — край щебневой засыпки вдоль вала городища

них слоев славянского поселения, которые к тому же хорошо датируются. Помимо прочих находок для датировки роменского слоя важна арабская монета 780 г., которая отчеканена наместником Табаристана, и найденная в слое пожара серебряная монета начала X в., которая представляет собой подражание куфическому диргему⁵. В данной статье дается характеристика основных результатов изучения роменского слоя на детинце Донецкого городища, где во время раскопок 1955—1957 гг. была вскрыта площадь в 742 кв. м.

На исследованном участке, который охватывает большую часть сохранившегося детинца, удалось хорошо проследить планировку раннеславянского поселения. Роменские жилища в виде полуземлянок расположены на одной прямой линии и образуют улицу, протянувшуюся вдоль длинной оси городища с северо-запада на юго-восток (рис. 1). Сейчас остатки жилищ находятся у самого берегового обрыва, а часть полуземлянки «А» к моменту раскопок уже была разрушена, но в древности это была средняя часть городища. Это видно при сравнении с планом раскопок 1902 г., на котором вдоль берегового обрыва отмечена полоса щебня, идущая

вдоль оборонительной стены и указывающая, что жилая часть городища сохранялась еще полностью. Наибольшая ширина городища равнялась тогда 37,5 м, а к 1955 г. она уменьшилась до 21 м и расположенные в центре жилища оказались у обрыва. Не совсем ясно, что было в промежутке между землянками «Г» и «Д». При раскопках В. А. Городцова сюда доходил тот участок траншеи № 1, в котором предполагалось наличие второй полуземлянки, полностью не вскрытой в 1902 г. Раскопки 1957 г. захватили этот участок и показали, что здесь не было полуземляночного жилища, а была какая-то, видимо, хозяйственная, яма меньшего размера.

Все роменские жилища Донецкого городища имеют в плане четырехугольную форму и сравнительно небольшие размеры. Две полностью сохранившиеся стенки полуземлянки «А» имеют длину 405 и 306 см. Полуземлянка «В» имела размеры 415 × 405 см, полуземлянка «Г» — 430 × 420 см, а полуземлянка «Д» — 450 × 390 см. Последние три жилища сохранились довольно хорошо. Лишь в некоторых местах верхние края их были немного разрушены более поздними древнерусскими хозяйственными ямами. Общий принцип устройства полуземлянок везде одинаков, хотя все они отличаются

⁵ Б. А. Шрамко. Указ. соч., стр. 311, рис. 125.

некоторыми конструктивными деталями. Везде в углах обнаружены квадратные столбовые ямки глубиной до 50 см. Аналогичные ямки имеются и у средней части стен жилищ, кроме южной стены полуземлянки «Д». Возможно, у последней крыша была односкатной, в то время как у остальных она была двускатной. Столбовые ямы всегда расположены не вплотную к стенам, а отступая от них на 3—4 см. Вдоль стен были замечены обуглившиеся куски дерева от облицовки стен, а местами темно-бурые полосы древесного глена. В ряде случаев на полу жилищ обнаружены остатки полусгоревших деревянных плах, везде встречался древесный уголь. Однако трудно с уверенностью сказать, являются ли эти остатки следами пола или это части упавшего сверху перекрытия. Облицованный деревом ступенчатый вход имела только полуземлянка «Г». У остальных были, видимо, внутренние приставные деревянные лестницы. Впервые у роменских жилищ Донецкого городища удалось проследить остатки нижней части оконного проема⁶. Печи глинобитные. Нижние части печей и часть свода вырезаны в материковой глине, а для завершения свода использовались глиняные конусы. В расположении печей единства не наблюдалось. В жилище «А» печь расположена в северном углу, в жилищах «В» и «Г» она занимала восточный угол, а в жилище «Д» — западный угол. На участке, вскрытом в 1955—1957 гг., обнаружено 58 хозяйственных ям разного размера, но лишь 9 из них можно уверенно относить к роменскому времени (рис. 1, 3).

⁶ Б. А. Шрамко. Новые детали устройства раннеславянских жилищ. СА, 1960, № 3, стр. 319—321.

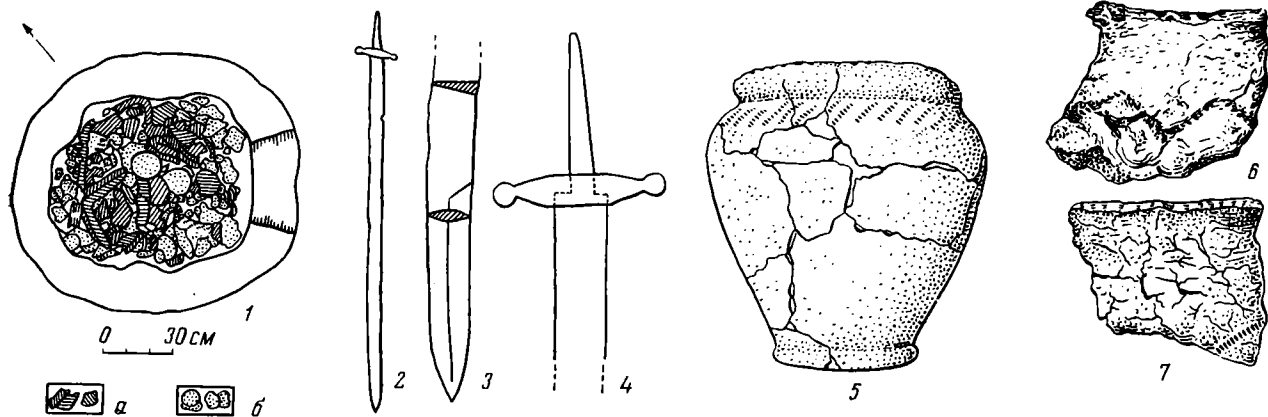

Рис. 2.

Донецкое городище

1 — план роменской гончарной печи начала X в.
 а — обломки глиняного свода; б — обломки сосудов; 2—4 —

В восточной части раскопа прослежены остатки еще одного наземного жилища, «Б», с полом, который углублен в материк до 10—15 см, и с остатками глинобитной печи. Размеры основания этого жилища 490 × 470 см. Оно имело, по-видимому, легкие каркасные стены, обмазанные глиной, так как вдоль контура стен и у столбовых ямок встречены куски глиняной обмазки с отпечатками прутьев. В развале печи найдено большое количество обугленных семян гороха, а рядом два кремневых кресала. На полу жилища лежали обломки разбитых роменских горшков, обломок железного рыболовного крючка и точильный брусок.

При исследовании края городища с юго-западной стороны впервые были получены данные об устройстве оборонительных сооружений роменского времени. В разрезе были ясно видны два слоя с остатками двух сгоревших стен. Стена нижнего (роменского) слоя, связанная с пожаром начала X в., представляла собой изгородь из горизонтальных бревен, закрепленных между вертикальными столбами (рис. 1, 2). Над этим слоем имеется характерная глиняная засыпка — следы выравнивания площадки городища, которые отмечены и над землянками. Выше этой стерильной прослойки из глины начинается культурный слой эпохи Киевской Руси, который также кончается остатками большого пожарища XIII в.

Очень интересна находка в чистом роменском слое около остатков сгоревшей оборонительной стены слабоизогнутой сабли (рис. 2, 2—4). Длина клинка ее 85 см, длина черенка рукоятки 11 см. У самого конца клинка на протяжении 15 см клинок двухлезвийный. Прямое напускное перекрестие к концам сужается и

общий вид и детали сабли начала X в.; 5 — реставрированный роменский горшок; 6, 7 — керамический брак

оканчивается шариками. А. Н. Кирпичников⁷ относит ее к I типу раннесредневековых восточноевропейских сабель и отмечает, что это древнейшая из известных нам древнерусских сабель, которая хорошо датируется началом X в.

Наконец, для характеристики раннеславянской культуры очень важна находка на городище роменской печи для обжига керамики (рис. 2, 1). Она была расположена в стороне от жилищ (рис. 1, E) под навесом, от которого сохранились четыре столбовые ямы. Печь была однокамерной и в плане имела форму овала с диаметрами 1,20 × 1,10 м. Нижняя часть ее высотой 15—20 см была вырезана в материковой глине, а верхняя имела вид довольно толстого глинобитного купола. Эта верхняя часть была разрушена и засыпана глиной при выравнивании поверхности городища после гибели

⁷ А. Н. Кирпичников. Древнерусское оружие, ч. I. САИ, Е1-36. М.—Л., 1966, стр. 68.

А. Н. МОСКАЛЕНКО К ВОПРОСУ О ПОГРЕБАЛЬНОМ ОБРЯДЕ (Воронеж) ДРЕВНЕРУССКОГО НАСЕЛЕНИЯ СРЕДНЕГО И ВЕРХНЕГО ДОНА

Археологическое изучение погребальных памятников древнерусского населения на верхнем и среднем Дону началось еще в дореволюционный период. Уже тогда были выявлены курганные могильники, расположенные по рекам Дон (Боршевский) и Воронеж (Шиловский, Кузнецовский, Лысогорский, Белогорский, Чертовичский). На Боршевском, Лысогорском, Чертовичском и Шиловском могильниках проводились раскопки. Однако не обо всех из раскопанных курганов имеются сведения, а если они и есть, то это лишь более или менее подробное их описание, не подкрепленное должной графической документацией¹.

¹ «Отчет Императорской археологической комиссии об исследованиях, произведенных в общественном лесу г. Воронежа секретарем статистического комитета Леонидом Вейнбергом». Архив ЛОИА, ф. 1, 1889 г., д. 49; А. А. Спицын. Поездки в Воронежскую губернию в 1905 и 1906 гг. Архив ЛОИА, ф. 5, д. 90; он же. Новые сведения о городищах дьякова типа. «Записки отделения русской и славянской археологии», т. VII, вып. 1. СПб., 1905, стр. 93; «Воронежская губерния. Исследования А. А. Спицына». Отчет ИАК за 1905 год. СПб., 1908; «О раскопках Воронежской ученой архивной комиссии». Архив ЛОИА, ф. 1, 1906 г., д. 71; А. И. Мартинович. Раскопки курганов вблизи Хазарского городища в

роменского поселения. Однако нижняя часть печи с остатками свода, заполненная обломками обжигавшихся в печи роменских горшков и древесным углем, сохранилась довольно хорошо. Остатки горшков, лежавшие *in situ*, показывают, что печь была загружена посудой по крайней мере в два ряда. Нижний ряд горшков был поставлен вверх дном. Остатки сосудов и размеры печи свидетельствуют, что в ней одновременно обжигали 25—30 горшков обычного роменского типа (рис. 2, 5). В печи и особенно вокруг нее найдено много керамического брака в виде покоробленных, оплакованных или потрескавшихся при обжиге роменских горшков (рис. 2, 6—7).

Таким образом, раскопки 1955—1957 гг. на детинце Донецкого городища впервые дали возможность более обстоятельно познакомиться с жизнью раннеславянского населения VIII—X вв. в бассейне Северского Донца, о котором до этого имелись лишь краткие разведочные данные.

В советское время исследования курганов были продолжены экспедицией ГАИМК, возглавляемой П. П. Ефименко. Экспедиция ГАИМК раскопала четыре кургана на Боршевском, один на Лысогорском и две насыпи на Кузнецовском могильниках. Примерно в те же годы три насыпи на Лысой горе были исследованы сотрудником Воронежского областного музея краеведения Д. Д. Леоновым совместно с М. Е. Фосс, но никакой документации об этих раскопках не сохранилось.

В 1948 г. вышла в свет монография П. П. Ефименко и П. Н. Третьякова о древнерусских поселениях на Дону². В числе других вопросов в ней рассматривался и вопрос о погребальном ритуале. Авторы напоминают читателю о результатах раскопок своих предшественников и публикуют результаты собственных работ. Во введении, где подводятся общие итоги исследований, авторы приходят к заклю-

1906 г. «Труды Воронежской ученой архивной комиссии», вып. IV, 1908.

² П. П. Ефименко и П. Н. Третьяков. Древнерусские поселения на Дону. МИА, № 8, 1948.

чению, что для Воронежских курганов (они имеют в виду все курганные группы, где велась раскопки) были характерны: трупосожжение, погребение прахов умерших в деревянных срубках, одиночные и двойные круговые ограды из столбов, расположенных в основании насыпи, почти полное отсутствие каких-либо вещей за исключением глиняных горшков³. Отсутствие во многих из раскопанных, в том числе и экспедицией ГАИМК, курганов погребальных камер и оградок авторы объясняют неблагоприятными почвенными условиями⁴.

Такая характеристика погребального ритуала древнерусского населения на Дону очень широко вошла в литературу⁵.

В послевоенные годы изучение древнерусских поселений в бассейне верхнего и среднего Дона было продолжено. За эти годы обследованы ранее известные и выявлены новые памятники боршевской культуры. Они распространены не только по среднему течению Дона и по р. Воронеж, но и в верхнем течении Дона, включая сюда и его правые притоки⁶. Курганные могильники типа Боршевского, Лысогорского и других во вновь обследованных районах не обнаружены. За последние годы раскопаны двадцать три насыпи на Боршевском и по четыре насыпи на Лысогорском и Белогорском могильниках.

Данные послевоенных раскопок и особенно исследования Боршевского могильника позволяют в новом свете оценить и результаты прежних раскопок. Во вновь раскопанных курганах Боршевского могильника также оказались остатки трупосожжений, за исключением тех насыпей, где прахов умерших вообще не было. Погребения, как и в ранее исследованных курганах, в большинстве своем находились в северо-восточном секторе, вещей также почти не встречено, за исключением горшков. Однако

погребальные камеры и ограды, которые считаются главной отличительной чертой Воронежских курганов, имелись далеко не под всеми насыпями. Курганы с камерами и оградками составляют на Боршевском могильнике 63%⁷. Кроме них здесь имелись курганы только с камерами (14,8%), только с оградками (11,1%) и такие, у которых не было ни камеры, ни оградки (11,1%). Мысль о том, что в одних почвенных условиях погребальные сооружения сохранились до наших дней, а в других не сохранились, не подтверждается. Курганы, раскопанные экспедицией Воронежского университета, располагались поблизости друг от друга, и поэтому почвенные условия везде были сходными. Мы имеем все основания говорить о различных вариантах погребального обряда в пределах Боршевского могильника.

Могильники по р. Воронеж изучены в значительно меньшей степени, чем Боршевский, так что наши заключения могут носить только предварительный характер. Однако материалы, которыми мы располагаем, позволяют говорить, что при большом сходстве погребального ритуала (трупосожжение, погребение под восточной полкой кургана, также почти полное отсутствие вещей) у этих могильников с Боршевским имеются и различия. Здесь нет курганов, под насыпью которых находились бы и погребальная камера, и ограда. Среди этих курганов встречены курганы только с погребальной камерой или только с оградкой, а также насыпи, под которыми не оказалось ни погребальной камеры, ни оградки. Кроме того, в насыпи многих из этих курганов имеются зольные прослойки и отдельные скопления золы и углей. В этих могильниках значительно чаще, чем на Боршевском, встречаются сосуды салтово-маяцкого типа.

Мы акцентировали внимание лишь на тех чертах погребального обряда у древнерусского населения на Дону, которые постоянно привлекают внимание исследователей. Раскопки последних лет позволили сделать еще ряд интересных наблюдений. В целом создается такое впечатление, что погребальные традиции населения верхнего и среднего Дона в конце I тысячелетия н. э. при всем их сходстве не были такими едиными на всей территории, занятой племенами боршевской культуры, как это пред-

³ Там же, стр. 14.

⁴ Там же, стр. 112.

⁵ П. Н. Третьяков. Восточнославянские племена. М., 1953, стр. 240; В. В. Мауродин. Очерки истории СССР. М., 1956, стр. 26; Е. И. Горюнова. Этническая история Волго-Окского междуречья. МИА, № 94, 1961, стр. 78; Г. Ф. Соловьева. Славянские союзы племен по археологическим материалам VIII—XIV вв. н. э. СА, XXV, 1956, стр. 148; А. Н. Рогачев и др. Достижения археологической науки в РСФСР. СА, 1967, № 3, стр. 42; С. А. Плетнева. От кочевий к городам. М., 1967, стр. 101; Д. А. Авдусин. Археология СССР. М., 1967, стр. 221.

⁶ А. Н. Москаленко и А. З. Винников. Древнерусские археологические памятники на верхнем и среднем Дону. Из истории Воронежского края. «Труды Воронежского государственного университета», т. 64, 1966, стр. 53 и сл.

⁷ При вычислении процента мы учитывали не все раскопанные курганы, а лишь 27 насыпей, по которым имеется документация. На Боршевском могильнике к моменту наших раскопок насчитывалось 77 насыпей.

ставлялось ранее. Предварительно можно говорить о двух районах, где преобладают свои специфические черты: средний Дон (Боршевский могильник) и р. Воронеж (Лысогорский,

Белогорский и другие могильники). Возможно, впоследствии определится и третий район — верхний Дон, где до сих пор не выявлен ни один древнерусский курганный могильник.

Д. А. АВДУСИН ГНЕЗДОВСКАЯ КОРЧАГА

(Москва)

За 20 лет, прошедших со времен открытия в одном из Гнездовских курганов под Смоленском глиняного сосуда с надписью (см. рис.), появилось несколько чтений и толкований того короткого слова, из которого она состоит. Такое внимание к глиняному сосуду и к короткой надписи на нем объясняется тем, что эта надпись — древнейший памятник русской письменности.

Обстоятельства этой находки неоднократно опубликованы¹, поэтому, не останавливаясь на них, перейдем к существу вопроса.

Все исследователи согласны с тем, что надпись отражает или содержимое сосуда, или имя его владельца.

Первое чтение надписи в нашей совместной статье дал М. Н. Тихомиров, прочитавший это слово как «гороухца». «Можно предположить, — писал он, — что под словом „горчица“ или „гороухца“ нашего памятника следует понимать собственно не горчичное семя, а перец — одну из самых дорогих пряностей средневековья. Это предположение, конечно, требует проверки, но оно согласуется с нашими представлениями о причинах, по которым понадобилось делать надпись на глиняном сосуде». «Кто знает, — продолжал М. Н. Тихомиров, — может быть, гнездовский сосуд хранил те овощи, по-нашему пряности, которые входили в состав даров, полученных Олегом от греков после похода на Царьград?»²

М. Н. Тихомиров, читая надпись как «гороухца», считал, что писец нетвердо знал, как писать это слово: «гороуха» или «гороуца» и написал сначала «х», а затем, заколебавшись, решил, что надо написать «щ». Стереть уже написанное «х» было нельзя, так как надпись выцарапывалась на обожженном сосуде, поэтому в слове остались и «х» и «щ».

П. Я. Черных дал другое чтение надписи. Он указывает, что буквы «щ» на длинном хвостике, и при этом стоящей целиком на строке, нет даже в древнейших кирилловских памятниках. По мнению П. Я. Черных, неверно прочитано и «х», так как у этой буквы линии не могли пересекаться в самом верху; в древнейших памятниках кирилловской письменности они пересекаются посередине. Если же считать возможным пересечение линий на самых концах, то в гнездовской надписи, поясняет П. Я. Черных, можно было бы прочитать «х» в двух случаях, потому что правая линия буквы «х», прочитанной М. Н. Тихомировым, в нижней ее части пересекается с нижним концом предполагаемого длинного хвостика буквы «щ». Отсюда в надписи надо читать не «хщ», а «шн», точнее, как большое «Н» с косой соединительной чертой, как в латинском «N», и с посаженным на правую мачту «ш». Значит заключает П. Я. Черных, гнездовское слово надо читать, как «гороушна». Существование этого слова в древнерусском языке несомненно. Оно означает «горчичные», подразумеваются зерна, семена³.

Таким образом, П. Я. Черных, тщательно рассмотрев аргументацию предшественника, нашел в ней слабые стороны и предложил свое чтение гнездовской надписи. Чтение, предложенное П. Я. Черных, положено, например, в основу статьи Ю. М. Золотова, предложившего гипотезу о практическом применении зерен горчицы в Древней Руси. К сожалению, эта гипотеза не выходит из рамок предположения⁴.

Г. Ф. Корзухина безоговорочно принимает чтение, предложенное М. Н. Тихомировым⁵.

¹ Д. А. Авдусин и М. Н. Тихомиров. Древнейшая русская надпись. «Вестник Академии наук СССР», 1950. № 4; Д. А. Авдусин. Отчет о раскопках Гнездовских курганов в 1949 г. МИСО, вып. 1. Смоленск, 1952; он же. Раскопки в Гнездове. КСИИМК, вып. 38, 1951.

² Д. А. Авдусин и М. Н. Тихомиров. Указ. соч., стр. 76—77.

³ П. Я. Черных. Две заметки по истории русского языка. «Известия Академии наук СССР. Отделение литературы и языка», 1950, т. IX, вып. 5, стр. 400, 401. Кроме N, имеющегося в надписи, недалеко от нее на корчаге процарапано еще одно N. Его назначение неизвестно. Может быть, это инициал владельца корчаги?

⁴ Ю. М. Золотов. О назначении в погребальном обряде корчаги с надписью «гороушна». СА, 1964, № 1.

⁵ Г. Ф. Корзухина. О гнездовской амфоре и ее надписи. «Исследования по археологии СССР. Сб. статей в честь проф. М. И. Артамонова». Л., 1961.

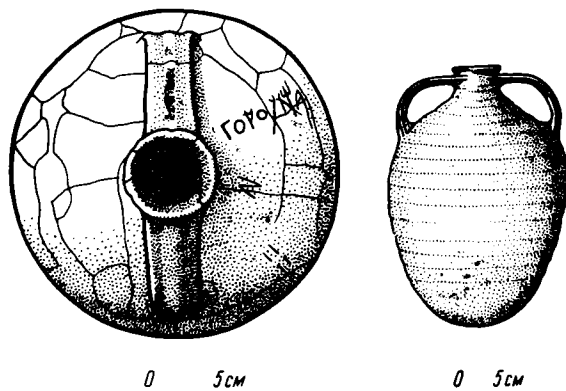
О гипотезе П. Я. Черных она лишь упоминает, не подвергая ее никакой критике. Г. Ф. Корзухина пишет, что «М. Н. Тихомиров был безусловно прав, отметив, что, нанося это слово на амфору, писец колебался, какую из двух пишущих [? — Д. А.] следует ему изобразить — „х“ или „щ“». Это мнение о «безусловной правоте» М. Н. Тихомирова в интересующем нас вопросе Г. Ф. Корзухина не подкрепляет никакими новыми аргументами, что она должна была бы сделать, имея в виду поправки П. Я. Черных.

Отмечая несовпадение слова «гороухща» с начертанием в памятниках славянской и русской письменности слова «горчица», Г. Ф. Корзухина не обращает внимания, что чтение П. Я. Черных устраняет это несоответствие. Исходя из гипотезы М. Н. Тихомирова, Г. Ф. Корзухина принимает за основной вариант «гороухща», сближает его со словами «гороухще» — «гораще» и предполагает, что гнездовская надпись могла означать «жидкость, способную гореть». Далее Г. Ф. Корзухина поясняет, что этой жидкостью, по ее мнению, могла быть нефть. К сожалению, эта бездоказательная трактовка гнездовской надписи очень понравилась К. В. Кострину, использовавшему ее в своей книге⁶. К нашему удивлению, выводы Г. Ф. Корзухиной использовал в своей статье М. Г. Рабинович, который как археолог должен был обратить внимание на аргументирующую часть статей по этому вопросу⁷. Ниже мы еще раз вернемся к вопросу о предполагаемом содержании корчаги.

Т. Арне уделил внимание гнездовской надписи, но ничего нового о ней не написал⁸.

Чехословацкий лингвист Ф. Мареш прочитал гнездовскую надпись как «Гороух пса», то есть «Горух [имя] писал»⁹. Примеры надписей типа «такой-то писал» известны, но они обычно дописаны, а в этом варианте гнездовская надпись представляется неоконченной. Во-вторых, к толкованию Ф. Мареша относятся все возражения, сделанные П. Я. Черных М. Н. Тихомирову. Здесь нет буквы «х», и это разрушает гипотезу Ф. Мареша.

Р. Якобсон читает гнездовское слово как «го-

Глиняный сосуд с надписью

руонья», то есть «горунова» (корчага)¹⁰. Но нам кажется мало аргументированным чтение буквы «и» вместо хорошо обоснованной П. Я. Черныхом буквы «ш».

Хотя гипотеза Г. Ф. Корзухиной о том, что в гнездовской корчаге была нефть, не соответствует палеографическому анализу надписи, тем не менее для полноты аргументации рассмотрим и этот аспект ее статьи. Г. Ф. Корзухина пишет: «Амфора — это тара для перевозки не сыпучих тел, а жидкостей — вина и масла. Так и только так использовалась амфора в античном мире. Таково же было ее назначение и в средние века»¹¹.

Это категоричное суждение не подтверждается. А. В. Арциховский пишет: «Амфора являлась самым распространенным сосудом и предназначалась главным образом для перевозки зерна, вина, масла, воды и т. д.»¹². Таким образом, назначение амфоры как тары для зерна указано здесь в первую очередь. Об этом же очень распространенном назначении амфоры говорил и М. Н. Ростовцев¹³. В. Д. Блаватский пишет, что в амфорах перевозили маслины и виноград¹⁴. Можно вспомнить корчагу из раскопок М. К. Каргера, наполненную бусами¹⁵. Таким образом, Г. Ф. Корзухина совершенно

⁶ К. В. Кострин. Почему нефть называют нефтью. М., 1967, стр. 17.

⁷ М. Г. Рабинович. Судьба вещей. «Наука и жизнь», 1967, № 1.

⁸ T. Y. Arne. Det vikingatidå. Gnezdovo Smolensk föregångare. «Arkeologiska forskningar och fynd». Stockholm, 1952.

⁹ F. V. Mareš. Dva objevy starých slovanských napisů (v. SSSR u Smolenska a v Rumunsku). «Slavia», 1951—1952, XX, стр. 497 и сл.

¹⁰ R. Jakobson. Vestiges of the Earliest Russian Vernacular, VIII. Word, 1952.

¹¹ Г. Ф. Корзухина. Указ. соч., стр. 227.

¹² А. В. Арциховский. Введение в археологию. М., 1947, стр. 85. Избираю эту книгу А. В. Арциховского, так как здесь речь идет о классических греческих амфорах (глава «Греция»). Но это же повторено А. В. Арциховским в книге «Основы археологии» (М., 1954, стр. 140).

¹³ M. Rostowzew. Frumentum. Poulyissowa Real-Encyclopadie der klassischen Altertums Wissenschaft, T. VII. Stuttgart, 1912, стр. 133.

¹⁴ В. Д. Блаватский. История античной расписной керамики. М., 1953, стр. 36.

¹⁵ М. К. Каргер. Древний Киев, т. I. М.—Л., 1958, стр. 422.

напрасно ограничивает круг предметов, перевозимых в корчагах, только жидкими телами. И хотя Г. Ф. Корзухина указывает, что перевозить зерно в амфорах не могли, потому что амфоры занимали много места и были тяжелы, эта тара все-таки широко использовалась для перевозки семян, так как она предохраняла их от сырости.

Но вернемся к нефти. Я нимало не сомневаюсь в том, что нефть в Причерноморье в средние века как-то использовали. Неоднократные находки амфор с нефтью или ее остатками (в Тиритаке, в Танаисе, на Таманском полуострове) с несомненностью свидетельствуют, что этот вид сосудов предпочитали при перевозке или хранении нефти. Это и понятно: узкое горло амфор и, может быть, кувшинов легко заткнуть чем-нибудь или замазать. На черепках гнездовской корчаги следов нефти нет, но Г. Ф. Корзухина справедливо не считает это аргументом против ее утверждений. Действительно, как сообщили мне геологи, в огне погребального костра неизбежно выгорят все следы нефти.

Для чего же могла бы использоваться нефть, если бы ее вдруг привезли под Смоленск? По мнению Г. Ф. Корзухиной, она «освещала жилище знатного воина, похороненного позже в одном из курганов». Думаю, что подобное освещение жилища мало вероятно. Уж слишком дорого обошлась бы нефть, провезенная многоверстным путем через море, через пороги, под вражескими стрелами — путем, сопряженным и с другими опасностями. Нефтяной светильник вряд ли имел большие преимущества перед масляными и к тому же издавала неприятный запах. Видимо, Г. Ф. Корзухина написала об освещении нефтью потому, что гнездовская корчага мала. Ее объем лишь 5200 см³. А кроме этой корчаги, ни одного черепка подобного сосуда в Гнездовских курганах нет. Стало быть, нельзя доказать, что нефти было много, если бы даже в корчаге была нефть. Вряд ли даже гнездовские аристократы X в. освещали свои жилища нефтью.

М. Г. Рабинович пишет, что нефть могла применяться для изготовления греческого огня. Может быть, греки и использовали нефть для приготовления своего страшного оружия.

По поводу нефти, привезенной в Гнездово, М. Г. Рабинович предполагает, что во время проливных осенних дождей трудно было развести погребальный костер и для похорон «не пожалели, видимо, и какого-то количества дорогой, привезенной из Византии нефти»¹⁶. Современ-

¹⁶ М. Г. Рабинович. Указ. соч. Думаю, что в этих случаях могли использовать смолу, а не нефть.

ные охотники и туристы разжигают костер в любую погоду от одной-двух спичек, а в Древней Руси отлично пользовались кресалом. А как разжигали погребальный костер до того, как привезли нефть, или после того, как она кончилась? Сторонниками этой «погребальной» гипотезы высказывалось предположение, что корчага была найдена разбитой именно потому, что она была с нефтью. Но я уже много раз упоминал в печати, что в Гнездове существовал обычай бить на похоронах лучшие сосуды. Так, в большом кургане, раскопанном В. И. Сизовым, была найдена разбитая дорогая поливная тарелка. В другом кургане Н. Бируковым найдена поливная кружка, разбитая на много частей. Корчага — безусловно лучший из сосудов в кургане 13 и единственный в своем роде в Гнездове. Каков смысл этого обряда — битья лучшей посуды, сказать трудно, но во всяком случае к нефти он не имеет никакого отношения.

Все эти предположения приводятся для того, чтобы показать, что массовый завоз нефти под Смоленск и использование ее для освещения, для разжигания костра, для греческого огня были невозможны. Полагаю, что единственным полностью аргументированным вариантом чтения гнездовской надписи следует считать гипотезу П. Я. Черных, что слово надо читать как «гороушна», что означает «горчичные» (зерна, семена).

В заключение несколько соображений о датировке кургана, в котором найден сосуд, а следовательно, и о датировке самой надписи. Определение времени возведения кургана первоначально основывалось на датах арабских дирхемов, найденных в кострище. Один из них неопределим, о втором можно лишь сказать, что он, как и все остальные, чеканен при Аббасидах; дата третьего дирхема — вторая половина VIII — начало IX в.; четвертый дирхем чеканен в 234 г. х. (848—849 гг. н. э.); пятый, происходящий из Мединет-ас Селяма (то есть из Багдада), чеканен в 295 г. х., то есть в 907—908 гг. н. э. При этом учитывалось, что если для третьего дирхема принять даже наиболее позднюю дату — начало IX в., то, значит, он бытовал уже не менее 100 лет — срок для монеты очень большой. Поэтому считаю, что между временем чеканки и временем захоронения самого позднего дирхема был очень небольшой перерыв. Вот почему курган и надпись были датированы первой четвертью X в. Этому соответствовал и вывод Р. Р. Фасмера, что монетные клады IX в. состоят обычно из аббасидских монет (все монеты этого кургана аббасид-

ские), а клады X в.— из саманидских¹⁷. Меч, найденный в погребении, относится к типу «Е», по Петерсену. Этот тип мечей датируется IX в. Казалось, курган датирован.

Но впоследствии удалось усмотреть еще ряд датирующих признаков. А. Л. Якобсон, рассматривая средневековые амфоры Северного Причерноморья, выделяет группу сосудов, к которой присоединяет и гнездовскую корчагу. Сюда же относятся амфоры из Тиритаки, Коктебеля, Тамани, из городищ в районе станицы Цимлянской. Все они носят местный характер, за пределами Северного Причерноморья не встречаются, не характерны и для Византии. А. Л. Якобсон датирует их VIII—IX вв., причем замечает, что такого рода амфоры, происходящие из Саркелского городища, относятся ко времени не ранее второй половины IX в. и не позднее первой половины X в.¹⁸

В интересующем нас Гнездовском кургане 13 есть сосуды, лепленные без помощи гончарного круга, есть горшки переходных форм и нет местных сосудов, изготовленных на гончарном круге. Переход к гончарному кругу в Гнездове совершился, судя по материалам раскопанных курганов, вероятно, в середине X в. Горшки переходных форм, подобно урне из кургана 13, говорят о времени насыпки кургана, более близком к середине X в., чем к его началу¹⁹. Гончарные сосуды из этого кургана привозные, это наша корчага и маленький туалетный кувшинчик²⁰.

¹⁷ В. Л. Янин. Денежно-весовые системы русского средневековья. М., 1956, стр. 59.

¹⁸ А. Л. Якобсон. Средневековые амфоры Северного Причерноморья. СА, XV, 1951, стр. 334. Таким образом, при датировке амфор Северного Причерноморья А. Л. Якобсон использовал не датировку гнездовской корчаги, а саркелский материал. Стало быть, первичная датировка надписи, предложенная мной, не могла ввести в заблуждение А. Л. Якобсона, как это представляет Г. Ф. Корзухина в своей статье о гнездовской находке (см. стр. 229, примечание 18). Если бы дело обстояло по описанию Г. Ф. Корзухиной, то даты амфор оказались бы ограниченными более ранней верхней границей.

¹⁹ Это соображение об изменении датировки кургана 13 высказано мной в 1957 г. (см.: Д. А. Авдусин. Отчет о раскопках Гнездовских курганов. МИСО, вып. 2. Смоленск, 1957, стр. 183). В книге «Смоленск. Справочник-путеводитель» (Смоленск, 1957, стр. 48) надпись на корчаге датирована мной серединой X в.

²⁰ Между прочим, наличие в кургане второго привозного сосуда, тоже, вероятно, происходящего из Се-

Меч, найденный в кургане 13, как выяснил А. Н. Кирпичников, хотя и относится к типу «Е», но имеет своеобразие, состоящее в ином характере орнамента рукояти. Обычные мечи этого типа, характерные для Западной Европы, имеют мелкий ячеистый орнамент, а меч из Гнездова, равно как и некоторые другие мечи этого типа (все с территории Руси), имеют крупные ячейки с особыми проволочными выкладками. А. Н. Кирпичников склонен датировать русскую группу мечей типа «Е» «зрелым X веком»²¹.

В инвентаре кургана 13 имелась черепаховидная фибула. К сожалению, она испорчена огнем и по ее остаткам нельзя определить ее тип. По наблюдению В. С. Дедюхиной, все подобные фибулы из Гнездова относятся к X в., причем обычно к его второй половине²².

Приведенные наблюдения и факты говорят в пользу более поздней даты, чем начало X в. Однако скорее этот курган следует датировать серединой X в., чем его второй половиной. К такой осторожности вынуждают наличие в кургане только аббасидских монет, датировка саркелских амфор временем не позже середины X в. и маловероятность большого разрыва в датировке мечей с мелкими и крупными ячейками на рукоятках.

И последнее. Г. Ф. Корзухина высказала интересное предположение об этимологии слова «корчага». По ее гипотезе, этот термин происходит от древнерусского названия Керчи — Корчев и означает «сосуд из Корчева». Сейчас на подобных сосудах известно уже много русских надписей. Естественно, что предпочитали помечать именно корчаги. Горчица, вино — южные продукты и несомненно, что надписи такого типа делали на юге во время упаковки продуктов в корчаги. Может быть, эти надписи крымского происхождения? В связи с этим, может быть, полезно вспомнить «корсунские книги», о которых упоминается в «Житии» Константина Философа.

верного Причерноморья, может говорить о том, что оба сосуда привезены в Гнездово одновременно. В этом случае вероятно, что они привезены тем человеком, который погребен в этом кургане, или куплены им оба вместе у пришельца с берегов Черного моря.

²¹ А. Н. Кирпичников. Древнерусское оружие, т. I. М.—Л., 1966, стр. 30—31.

²² В. С. Дедюхина. Фибулы скандинавского типа. «Очерки по истории русской деревни X—XIII вв.» «Труды ГИМ», вып. 43. М., 1967, стр. 196—197.

Курганная группа, расположенная в 8 км к западу от Смоленска у пос. Новоселки, известна в литературе по раскопкам А. Н. Лявданского и Е. А. Шмидта. В 10 раскопанных здесь четырехугольных и круглых в плане курганах исследователи встретили несколько богатых дружинных захоронений, одно из которых заключало парное погребение воина с убитой рабыней. В курганах были найдены три меча, наконечники стрел, орнаментированные кольцеобразные фибулы с длинной иглой и другие многочисленные предметы быта и украшения¹.

В последние годы расширяющий свою территорию спутник Новоселок — пос. Подснежник вплотную приблизился к курганам. В результате из 36 насыпей могильника, отмеченных А. Н. Лявданским в 1923 г.², к настоящему времени на северо-восточной оконечности группы остались неповрежденными лишь три кургана. Эти насыпи с охранными целями были раскопаны автором в 1968 г.

Исследованные курганы 1 и 3 имели форму шаровых сегментов высотой 72 и 40 см при диаметре 5,8 и 3,2 м. Курган 2 в плане представлял собой четырехугольник, ориентированный по странам света, и достигал высоты 66 см при диаметре 6,45 м. Все курганы содержали по одному погребению, совершенному по обряду трупосожжения, произведенного в стороне от места захоронения. Под песчаной насыпью каждого кургана, в его центральной части, на уровне древнего горизонта располагалось округлое в плане скопление золы и жженных костей диаметром от 56 до 84 см. В центре таких скоплений во всех курганах стояла урна с собранными в нее с погребального костра пережженными костями. В курганах 1 и 3 рядом с урной стояло еще по одному горшку, но уже пустому. В кургане 2 в соседстве с урной подобный пустой горшок лежал на боку. Перенесенные с погребального костра на место погребения зола и не попавшие в урну мелкие жженные кости сгребались к поставленным

горшкам. Поэтому поверхность скоплений погребальных остатков была неровной. В центральной своей части они достигали толщины до 14 см и частично прикрывали стоявшие горшки, к краям же они сходили на нет.

Среди жженных костей и золы погребений, а иногда и в заполнении погребальных урн в курганах, раскопанных в 1968 г., встречены и сохранившиеся в обломках отдельные предметы погребального инвентаря. Так, в кургане 1, в урне и рядом с ней в золе найдена деформированная в огне и развалившаяся на ряд частей бронзовая орнаментированная фибула с длинной иглой (рис. 1, 1). В кургане 2 между жженными костями в развале золы и в урне обнаружены бронзовое проволочное сомкнутое колечко, бронзовая заклепка и железная игла от скорлуповидной фибулы (рис. 1, 2). Рядом с урной на слое золы в кургане 3 в бронзовой ажурной скорлуповидной фибуле (рис. 1, 4) лежали четырнадцатигранные две сердоликовые и одна хрустальная бусины (рис. 1, 5), прикрытые обломками другой ажурной скорлуповидной фибулы (рис. 1, 3), но не парной первой.

Е. А. Шмидт по материалам раскопанных им погребений датировал Новоселковские курганы концом IX — началом X в.³ Находки 1968 г. позволяют уточнить предложенную датировку и расширить ее. Фибулы, найденные в курганах 1 и 3, находят себе широкие аналогии в материалах X в., и поэтому время их бытования может быть определено достаточно узкими хронологическими рамками.

Кольцеобразные орнаментированные фибулы с длинной иглой (к сожалению, не расчлененные исследователями на разновидности) датируются обычно или X в. в целом⁴, или более конкретно только второй половиной этого столетия⁵. Материалы же погребений могильника Бирки в Швеции безусловно свидетельствуют о бытовании подобных застежек в основном ранее середины X в.⁶ Необходимо учитывать также, что находки таких булавок со сравнительно поздними вещами (например, сферическими

¹ А. Н. Лявданскі. Археолёгічныя досьледы ў вадазборах рр. Сажы, Дняпра і Касплі у Смаленскай губэрні. «Беларуская Акадэмія навук. Працы археолёгічнай камісіі», кн. II. Менск, 1930, стр. 303—304; Е. А. Шмидт. Археологічныя помнікі другой паловіны I тысячагоддзя н.э. на тэрыторыі Смаленскай вобласці. «Матэрыялы па изучэнню Смаленскай вобласці», вып. V. Смаленск, 1963, стр. 114—127.

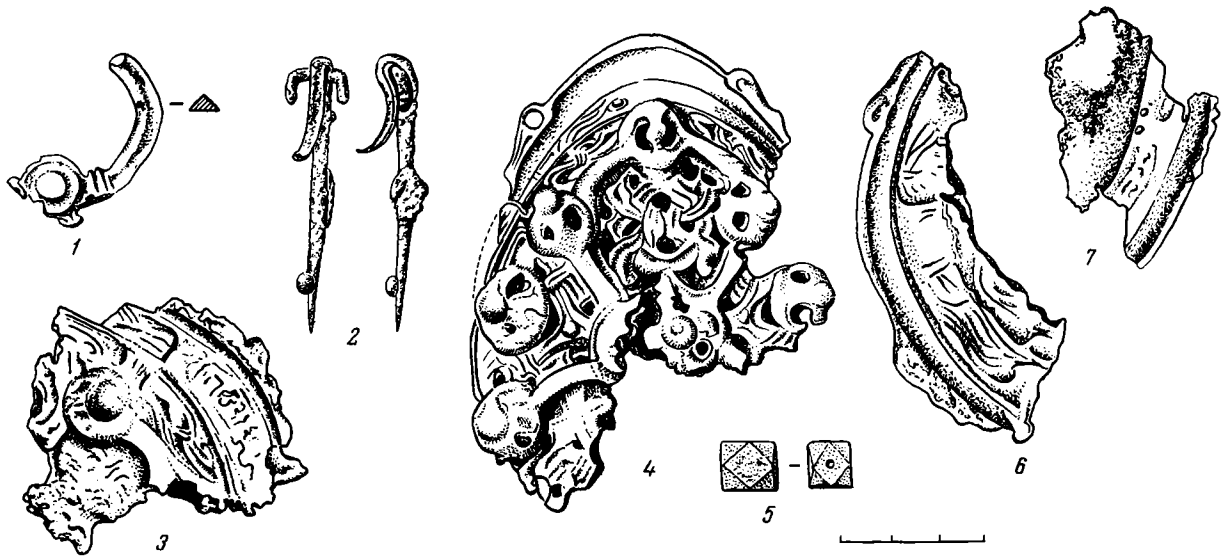
² А. Н. Лявданскі. Указ. соч.

³ Е. А. Шмидт. Указ. соч., стр. 127.

⁴ J. Petersen. Vikingetidens smykker. Kristiania, 1928, тип. 227.

⁵ М. В. Фезнер. Внешнеэкономические связи по материалам ярославских могильников. «Ярославское Поволжье X—XI вв.» М., 1963, стр. 81, 83.

⁶ Н. Arntzen. Birka. Die Gräber. Tafeln. Uppsala, 1940, Abb. 42—43; Он же. Birka. Die Gräber. Text. Uppsala, 1943, см. погребения № 504, 524, 542, 561, 643 и др.

Р и с. 1.
Новоселки. Вещи из курганов, раскопанных в 1968 г.
(1—7)

гирьками) отражают лишь конец моды на эти изделия и подтверждают их употребление до 40—50-х годов X в. С другой стороны, важно отметить, что и в достоверных погребениях конца IX — начала X в. подобных фибул нет. Таким образом, простейшие орнаментированные кольцеобразные булавки с длинной иглой большей частью могут быть датированы в пределах второй четверти X в. К этому же времени, вероятно, относятся и скорлупообразные фибулы, найденные в 1968 г. в кургане 3 (рис. 1, 3, 4, 6, 7).

Обычно фибулы такого типа, состоящие из скорлуповидной сплошной основы с так называемыми крылышками по краям и одетого на нее ажурного чехла, датируют второй половиной X в.⁷ Имеющиеся же к настоящему времени значительные по объему и массовые материалы погребальных комплексов шведского города Бирки показывают, что скорлуповидные фибулы с «крылышками», как и ажурные фибулы без этой детали, начали распространяться практически в одно время — во второй четверти X в.⁸ Орнаментированные кольцеобразные фибулы с длинной иглой, встреченные как в кургане № 1 в 1968 г., так и ранее, в раскопках Е. А. Шмидта⁹, скорлуповидные ажурные фибулы из кургана 3 независимо друг от

друга отражают единое время — последний период функционирования Новоселковского могильника, наступивший в 30—40-х годах X в.

Обнаруженная в курганах керамика косвенно подтверждает эту дату. Вся посуда в количестве шести горшков, найденных в захоронениях в 1968 г., как и вся керамика из Новоселковских курганов, раскопанных А. Н. Лявданским и Е. А. Шмидтом, слеплена от руки¹⁰. Горшки плохо обожжены. Их розовато-коричневого цвета тесто рыхло и включает крупнозернистые примеси. Венчик этих горшков невысок и слегка отогнут, плечики достаточно четко выражены. Горшок II из кургана 1 по плечу украшен зубчатым штампом (рис. 2, 2). В кургане 2 горшок I покрыт «веревочным» узором как по краю венчика, так и по плечу (рис. 2, 3). У горшка I из погребения в кургане 3 край венчика обработан насечкой (рис. 2, 4). Вся эта посуда аналогична некоторым типам горшков роменских поселений, славянской керамике лесостепи, известна она и в длинных курганах Смоленщины¹¹. Особый интерес вызывает лепной горшок из курга-

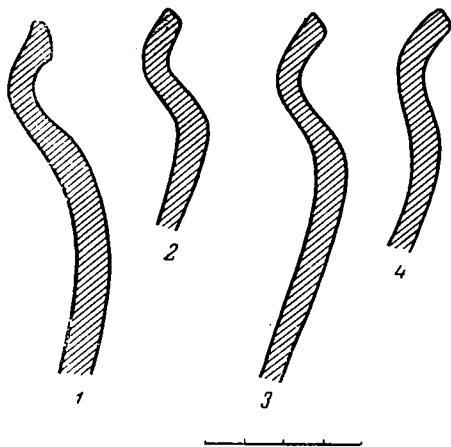
¹⁰ А. Н. Лявданскі. Указ. соч., табл. IX, 9, 10; Е. А. Шмидт. Указ. соч., стр. 126, рис. 14.

¹¹ И. И. Ляпушкин. Городище Новотроицкое. МИА, № 74, 1958, стр. 32—34, рис. 18, 19; Он же. Днепровское лесостепное левобережье в эпоху железа. МИА, № 104, 1961; И. П. Русанова. Археологические памятники второй половины I тысячелетия н.э. на территории древлян. СА, 1958, № 4, рис. 3, V; Д. Т. Березовец. Поселения уличей на р. Тясмине. МИА, № 108, 1963, рис. 17, 3 и др.; Е. А. Шмидт. Указ. соч., стр. 123.

⁷ См. подробнее об этом: М. В. Фелхнер. Указ. соч., стр. 77—79, 82.

⁸ Н. Arbmán. Birka. Die Gräber. Text, см. погребения № 501, 543, 644, 731.

⁹ Е. А. Шмидт. Указ. соч., рис. 16, 1.

Р и с. 2.

Новоселки. Профили горшков, найденных в курганах в 1968 г. (1—4)

на 1 с подправленным на медленно вращающемся круге венчиком (рис. 2, 1). Не отличаясь по составу теста от других новоселковских горшков, он совершенно идентичен посуде одновременных ему памятников типа городища Хотомель¹² и непосредственно смыкается по форме с раннегончарными сосудами гнездовского времени.

В курганах у пос. Новоселки гончарной керамики еще нет совсем. В расположенном в 4 км от Новоселок известном Гнездовском могильнике гончарная посуда в курганах количественно преобладает. Начало сооружения основной массы Гнездовских курганов относится к 40-м годам X в.¹³ Новоселковское языческое кладбище к этому времени уже прекращает свое существование.

Объяснение этому явлению заключается, вероятно, в особом характере курганов у пос. Новоселки, а точнее говоря, в характере того поселения, которое оставило этот могильник. Найденные в курганах мечи, погребение господина — воина с убитой рабыней, наконечники стрел, богатые кольцеобразные застежки плащей мужчин — рыцарей, различные привозные изделия и среди них случайно подобранные друг к другу украшения — все это вместе указывает, что погребенные в Новоселковских кур-

ганах люди или являлись непосредственно воинами-дружинниками, или принадлежали к окружению дружинной среды. Е. А. Шмидт уже отмечал для Смоленщины близость и преемственность четырехугольных и сферических курганов IX — начала X в. длинным и удлиненным курганам VII—X вв.¹⁴ В свою очередь такие погребения, как у пос. Новоселки, по своему содержанию служили первоосновой для появления в позднейшее время дружинных захоронений кривичей в Гнездове и в других одновременных ему могильниках Смоленщины.

Русские летописи упоминают в составе войск Киевской Руси представителей племен, входивших в Древнерусское государство. Небезынтересны и трагические события — столкновения князя Игоря с древлянами. Как известно, его вдове Ольге лишь в утомительной борьбе удалось привести древлян к повиновению. Естественно предполагать, что войску Игоря, Ольги и их вассалов у древлян противостояла своя организованная сила — племенная дружина во главе с местным князем Малом. Предположение о существовании у древлян своих дружин подтверждено в настоящее время материалами раскопок городища Хотомель. На этом городище в IX — начале X в. находился военный лагерь одного из отрядов дружины древлян¹⁵.

Следами такого же дружинного поселка кривичей и являются курганы у пос. Новоселки. Время их сооружения — конец IX — первая половина X в. Курганы эти хотя и почти одновременны военному лагерю древлян у дер. Хотомель, но уже представляют новый качественный этап в развитии дружины. Воины-кривичи из Новоселок поселены, наверное, в погосте вблизи такого общеплеменного центра, как Смоленск, на активно функционирующем пути с русского Юга в далекие северные земли. Вероятно, что воины Новоселок участвовали и в походе Олега на Константинополь, и в набеге Игоря на Бердаа. Те из них, кто не сложил головы на чужбине и был удачлив в добыче, превращаются в «добытчиков», становятся дружинниками-профессионалами.

Могилы этих новых господ — это не прежние обезличенные родовые коллективные усыпальницы. Воины уже оторвались от своего рода. В конце жизненного пути многих из них ждет индивидуальный погребальный костер и «в случае удачи» рядом на костре убитая рабыня.

От таких курганов до Гнездова только один шаг.

¹⁴ Е. А. Шмидт. Указ. соч., стр. 127—128.

¹⁵ Ю. В. Кузаренко. Указ. соч., стр. 8—9, 22—27, табл. VIII; Б. А. Рыбаков. Первые века русской истории. М., 1964, стр. 22.

¹² И. П. Русанова. Указ. соч., рис. 3, X; Ю. В. Кузаренко. Средневековые памятники Полесья. САИ, Е1-57. М., 1961, стр. 9—10, 23, табл. 6, 20.

¹³ См. выводы из доклада, прочитанного автором на заседании сектора славяно-русской археологии ИА АН СССР в 1961 г. (ЖСИИМК, вып. 96, 1963, стр. 121); Д. А. Авдусин. О датировке Гнездовского кургана с мечом из раскопок М. Ф. Кусцинского. «Культура и искусство Древней Руси». Л., 1967, стр. 25.

Ф. Д. ГУРЕВИЧ **ОБ УГЛУБЛЕННЫХ ЖИЛИЩАХ**
(Ленинград) **НА ТЕРРИТОРИИ ЧЕРНОЙ РУСИ**

Основной формой жилищ на территории Черной Руси, как и на других древнерусских землях лесной зоны, являются наземные срубные постройки с глинобитными печами и печами-каменками и дощатыми полами. Такое домостроительство характерно для Гродно¹, Волковыска², Новогрудка³ и Слонима⁴, то есть для всех городов этой земли, на месте которых производились археологические работы.

Наряду с этим на приеманских землях встречаются жилища, углубленные в материк, — полуземлянки. Несколько полуземлянок, например, открыто в Волковыске. Правда, один из авторов раскопок этого города, Я. Г. Зверуго, говоря о существовании там двух типов жилищ — наземных срубных и полуземлянок, предполагал, что последние могли быть разновидностью наземных жилищ с опущенным в землю полом⁵. Однако последующие материалы, опубликованные данным автором, так же как и его предшественником В. Р. Тарасенко, позволяють усматривать в Волковыске подлинные полуземлянки.

В 1954 г. на волковыском детинце — «Шведской горе» на площади в 168 кв. м открыты остатки четырех углубленных в материк построек с печами-каменками полусферической формы. Размеры построек точно не установлены. По сообщению В. Р. Тарасенко, одна полуземлянка имела 5,7 м длины. Ширина построек была 3—4 м. В одной из полуземлянок сохранились угольно-зольные прослойки — остатки сгоревших деревянных частей и прослежены ямы от столбов диаметром 20—25 см⁶.

В околном городе древнего Волковыска — Замчище в 1967 г. обнаружено семь жилищ полуземляночного типа с печами-каменками. В заполнении жилищ сохранились обугленные бревна. Постройки площадью до 16 кв. м углублены в материк от 60 см до 1 м. В жилищах найдены гончарная керамика, глиняные

пряслица, точильные бруски, двушипные наконечники стрел и другие вещи⁷.

В 400 м к востоку от древнего Волковыска находится городище «Муравельник», которое рассматривается как городище-убежище, заброшенное после того, как возник волковысский детинец⁸. Здесь также были открыты остатки полуземлянок с развалами печей-каменок. В заполнении построек найдены кружальная посуда, глиняные пряслица, серп, шпора с коротким шипом, наконечники стрел, костяные кочедыки и другие изделия⁹.

На посаде древнего Новогрудка, территория которого раскапывалась в течение многих лет, открыто множество ям разнообразной формы и размеров. Одна из них представляет особый интерес. Это были остатки постройки размером 6×3 м, углубленной в материк на 70 см. Стенки ее были укреплены камнями, а в материке сохранилась столбовая яма диаметром 14 см. Пол постройки представлял собой утопанный материковый песок. Обнаружены остатки округлого в плане очага. В северо-западном углу открыта овальная в плане яма. В заполнении постройки найдены кружальная керамика, глиняное пряслице, нож, кочедык и бронзовые украшения, в числе которых были спиральки. Постройка относилась к начальному периоду истории посада и датировалась серединой или второй половиной X в.¹⁰

На селище Городиловка вблизи Новогрудка при зачистке обнажения берега открыто углубление, заполненное кусками обожженной глиняной обмазки. Здесь найдены кружальная керамика, нож, ложкорез, поделка из бронзы и кости животных¹¹.

При всей незначительности материалов об углубленных жилищах на территории Черной Руси, из которых к тому же данные из поселений Волковыска известны лишь по предварительным публикациям, их существование оста-

¹ Н. Н. Воронин. Древнее Гродно. МИА, № 41, 1954, стр. 34—35, 47—52.

² В. Р. Тарасенко. Раскопки на городище «Шведская гора» в Волковыске в 1954 г. «Материалы по археологии БССР», т. I. Минск, 1957, стр. 269.

³ И. Д. Зильманович. Раскопки в детинце Новогрудка в 1962 г. КСИА, вып. 104, 1965, стр. 93—97.

⁴ Г. И. Пез. Раскопки древнего Слонима. «Древности Белоруссии». Минск, 1966, стр. 277.

⁵ Я. Г. Зверуго. Раскопки в Волковыске в 1965 г. «Вопросы истории и археологии». Минск, 1966, стр. 320.

⁶ В. Р. Тарасенко. Указ. соч., стр. 267—268.

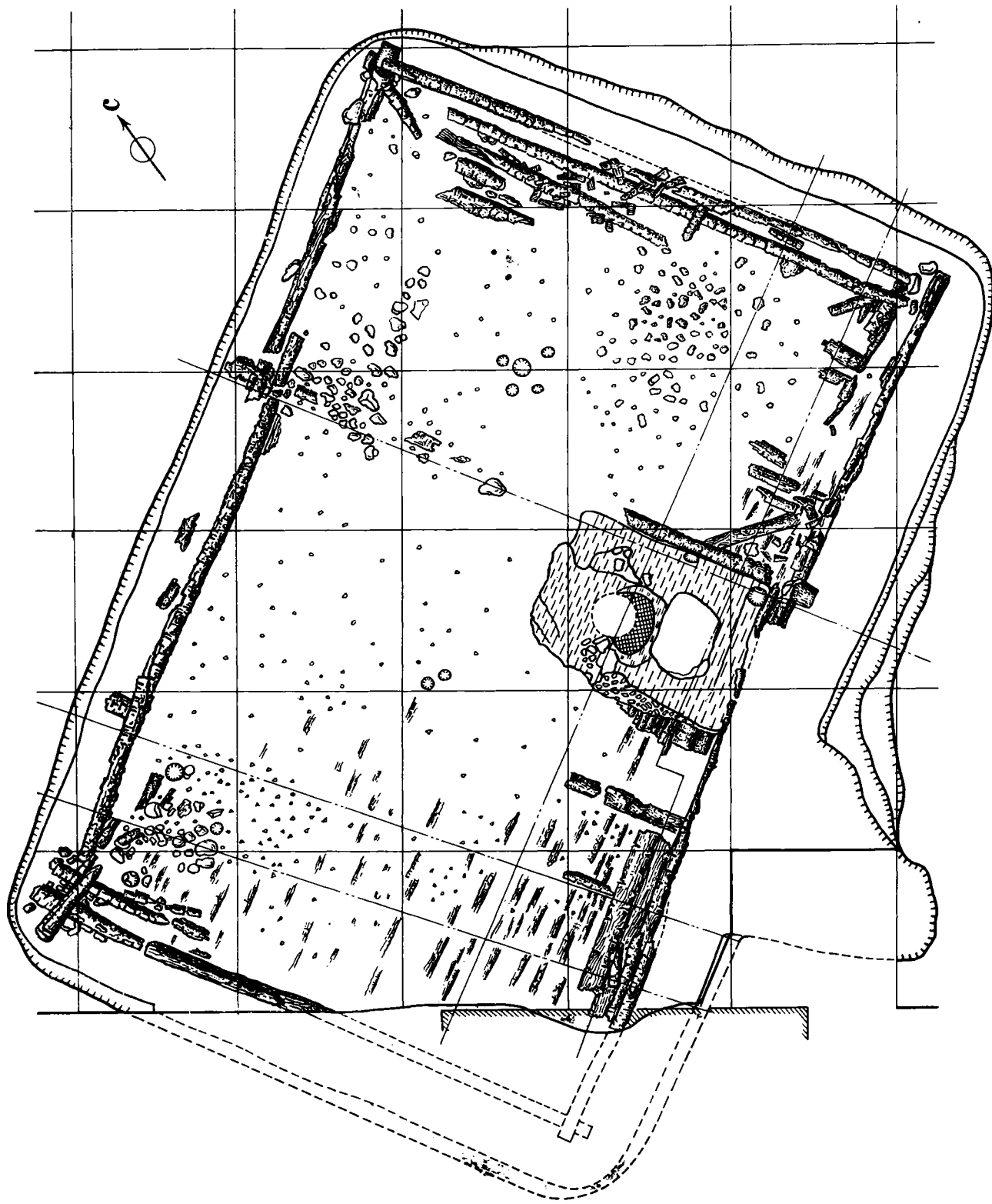
⁷ Я. Г. Зверуго. Раскопки в Волковыске. «Археологические открытия 1967 года». М., 1968, стр. 251.

⁸ П. А. Раппопорт. Военное водчество западнорусских земель в X—XIV вв. МИА, № 140, 1967, стр. 186.

⁹ Я. Г. Зверуго. Раскопки в Волковыске в 1965 году, стр. 252; Он же. Раскопки в Волковыске в 1966 году. «Доклады на XI конференции молодых ученых Белорусской ССР». Минск, 1967, стр. 396.

¹⁰ Ф. Д. Гуревич. Об околном городе летописного Новогрудка X—XIII вв. СА, 1962, № 1, стр. 249—250.

¹¹ Ф. Д. Гуревич. Древности Белорусского Понеманья. М.—Л., 1962, стр. 185.

План большой постройки из Новогрудна

вило определенный след в домостроительстве Понеманья.

Распространение жилищ-полуземлянок на славянских, а затем и древнерусских поселениях лесной зоны — явление не новое, по данным археологии. Углубленные в материк жилища с глинобитными печами открыты в Южной Белоруссии на селище Хотомель в Брестской обл.¹² и на селище в с. Чаплин Гомельской обл.¹³ В XII—XIII вв. полуземлянки прослеживаются на северо-востоке Руси вплоть до Суздаля¹⁴ и Городца на Волге¹⁵. На северо-западе углубленные жилища отмечены в Новгородской земле¹⁶.

Полуземлянки древнерусских поселений лесной зоны имеют типично южный облик. В этом плане особенно любопытны материалы Городца, наиболее удаленного пункта на северо-востоке Древней Руси. На детинце и посаде этого поселения открыты жилища, углубленные в материк до 1,5 м, со столбовыми ямами по углам. Печи их были глинобитными и располагались на уровне 80—90 см от пола. Вход имел небольшой тамбур с тремя ступенями. Полуземлянки датировались XI—XIII вв.¹⁷

Появление жилищ-полуземлянок в зоне лесов отражает продвижение каких-то слоев южно-русского населения на север. Этот процесс происходил и в Понеманье.

Оседание южнорусского населения на территории Черной Руси не только запечатлелось в форме домостроительства, но и проявилось в некоторых формах керамики. В керамическом комплексе новгородской посуды второй половины X в. встречаются кружальные сковороды, характерные для поселений Волыни (Любомль,

Смидин, Турыйск, Старгород)¹⁸. Интересно, что среди керамики новгородской углубленной постройки тоже был найден фрагмент подобной сковороды.

Углубленные жилища на территории Черной Руси характерны лишь для начальной поры в истории поселений. Полуземляночные жилища позднее XI в. здесь неизвестны. Таким образом, можно себе представить, что появившиеся в Понеманье южные переселенцы довольно скоро утратили привычные им формы домостроительства.

Последней данью южной традиции домостроительства является большая постройка, раскопанная в Новогрудке в 1959 г. На территории посада — окольного города в котловане глубиной около 1 м лежал нижний венец сгоревшей срубной постройки, представлявшей собой двухкамерное жилище площадью 77 кв. м, разделенное на две неравные части. В большем, квадратном в плане помещении (7×7 м) сохранились остатки глинобитной печи, стоявшей в юго-восточном углу. Печь имела глинобитный под. Пол постройки был настлан из досок. В восточной части постройки лежали дощечки, возможно, остатки двери (см. рис.). К находкам этой постройки относятся хорошо выработанная кружальная посуда в форме горшков с отогнутым венчиком, иногда с желобком с внутренней стороны, обломки амфор, серия железных гарпунов, нож и некоторые другие изделия из железа, а также фрагменты двух стеклянных воронкообразных кубков¹⁹. Постройка датируется первой половиной XII в., скорее всего даже началом этого века.

Углубленные жилища на территории Черной Руси исчезают к середине XII в., в то время как на более северных землях этот тип построек и появляется позднее, и существует дольше. Выше мы отмечали, что полуземлянки Городца датировались XII—XIII вв. К еще более позднему времени относятся углубленные жилища на Перыни в Новгороде. Они существовали начиная со второй половины XIII до начала XV в.²⁰

¹⁸ Сведения о кружальных сковородах Волыни любезно сообщены П. А. Раппопортом.

¹⁹ Ф. Д. Гуревич. О жилищах окольного города древнего Новогрудка. КСИИМК, вып. 87, 1962, стр. 70, 73.

²⁰ В. В. Седов. Указ. соч., стр. 117.

¹² Ю. В. Кузаренко. Средневековые памятники Полесья. САИ. М., 1961, стр. 24—25.

¹³ Э. А. Симонович. Поселения эпохи Киевской Руси в с. Чаплин в Южной Белоруссии. СА, 1961, № 2, стр. 202—205.

¹⁴ А. Ф. Дубынин. Археологические исследования г. Суздаля (1936—1940). КСИИМК, вып. XI, 1945, стр. 45—46.

¹⁵ А. Ф. Медведев. Основание и оборонительные сооружения Городца на Волге. «Культура Древней Руси». М., 1966, стр. 160—161.

¹⁶ В. В. Седов. Поселение XII — начала XV в. на Перыни. КСИИМК, вып. 62, 1956, стр. 117—119.

¹⁷ А. Ф. Медведев. Указ. соч., стр. 160—161.

В междуречье правых притоков Западного Буга — Пульвы и Лесной, к северо-западу от города Бреста известно около двадцати могильников с так называемыми каменными курганами. В 1959—1962 гг. на некоторых из них мною произведены раскопки (могильники у деревень Ратайчицы, Свищево, Войская, Зеленые Гурки, Хотиново, Кустичи, Лисовщицы, Любашки, Тростяница, Кошеники). Всего было вскрыто 132 кургана. Ниже кратко излагаются результаты раскопок на могильниках у дер. Ратайчицы Каменецкого района Брестской обл.

У дер. Ратайчицы имеются два курганных могильника. Первый из них — могильник Ратайчицы I — находится на северо-восточной окраине деревни, второй — могильник Ратайчицы II — примерно в двух километрах к востоку от первого.

Могильник Ратайчицы I расположен на пологом склоне левого берега небольшого ручья Пиявки, впадающего в р. Лесную. На противоположном склоне этого ручья, напротив могильника находится поселение. На вспаханной поверхности поселения были собраны обломки глиняных гончарных сосудов того же типа, что и сосуды, найденные в погребениях во время раскопок на могильнике. Могильник небольшой. К моменту начала наших раскопок он состоял из 31 курганной насыпи. Пять из этих насыпей почти полностью разрушены глиняным карьером и кладоскателями (курганы № 10, 15, 21, 22, 23). Курганы располагались довольно компактной группой. Расстояние между ближайшими курганами не превышало 4 м. Насыпи курганов сферические и невелики по размерам. Диаметр их колеблется в пределах от 4 до 8 м, высота — от 0,20 до 0,90 м от уровня современной поверхности. В большинстве случаев у основания насыпи обложены крупными камнями — валунами (13 курганов). Насыпи девяти курганов полностью, как панцирем, перекрыты сверху такими же камнями, но меньших размеров. Камни эти залегают сразу же под дерновым слоем. В насыпях же остальных курганов камней не было. Не исключена, однако, возможность, что когда-то они были, но убраны местными жителями для хозяйственных надобностей. До войны, например, в этих местах камни с курганов обычно вывозили для строительства дорог. Захоронения в курганах под различными видами насыпей одинаковы.

В 1959 и 1960 гг. на этом могильнике мною раскопаны 24 ненарушенных кургана и доисследованы все частично разрушенные. Два кур-

гана оставлены для последующих контрольных раскопок. Все исследованные курганы содержали погребения с труположением. Захоронения произведены на горизонте и только в одном случае — в небольшой прямоугольной яме глубиной 1,20 м ниже уровня горизонта (курган 6, насыпь с каменным покрытием). В двух курганах обнаружено по два покойника — женщина и ребенок (курганы 8 и 21), в одном — три — двое взрослых и ребенок (курган 14), остальные погребения одиночные. Покойники лежали на спине в вытянутом положении головой к западу. И только в двух случаях отмечена противоположная ориентировка скелетов, то есть головой к востоку (курганы 2 и 3, мужское и женское погребения). Руки покойников обычно вытянуты вдоль тулова, но иногда они скрещены на животе (курган 2) или же левая рука вытянута, а правая лежит на животе (курганы 19 и 24). В кургане 4 покойник лежал на зольно-угольной подсыпке, а в кургане 20 скелет покойника был прикрыт золой и углями также и сверху. Причем золы и углей в этом погребении очень много, а кости покойника слегка обуглены. Наибольшие скопления золы и углей обнаружены около покойников и в курганах 2, 3, 7, 13 и 15. Находились они на уровне залегания скелетов. В пяти курганах прослеживались остатки деревянных гробов, скрепленных коваными железными гвоздями (курганы 8, 9, 10, 24 и 26).

В большинстве курганов около покойников находились глиняные сосуды, бронзовые и серебряные украшения, стеклянные бусы, шпферные пряслица, железные ножи и кресала и некоторые другие вещи. Глиняные сосуды найдены в девяти курганах. Как правило, они находились у ступней ног покойника. Керамика представлена гончарными горшками двух типов: горшками с отогнутым венчиком и рифленной поверхностью (рис. 1, 8) и горшками с высокой цилиндрической шейкой, украшенными по плечикам рядами косых насечек (рис. 1, 12). Преобладают горшки с отогнутым венчиком. Среди предметов украшений встречаются серебряные витые перстни (рис. 1, 1), серебряные и бронзовые перстневидные височные кольца с S-видными и находящими концами (рис. 1, 2—3), бронзовые зерновые и стеклянные, покрытые позолотой или посеребренные бусы (рис. 1, 5—6) и, как исключение, бусы из глины и раковин. Орудия труда представлены шпферными биконическими пряслицами (рис. 1, 7), железными ножами, овальным

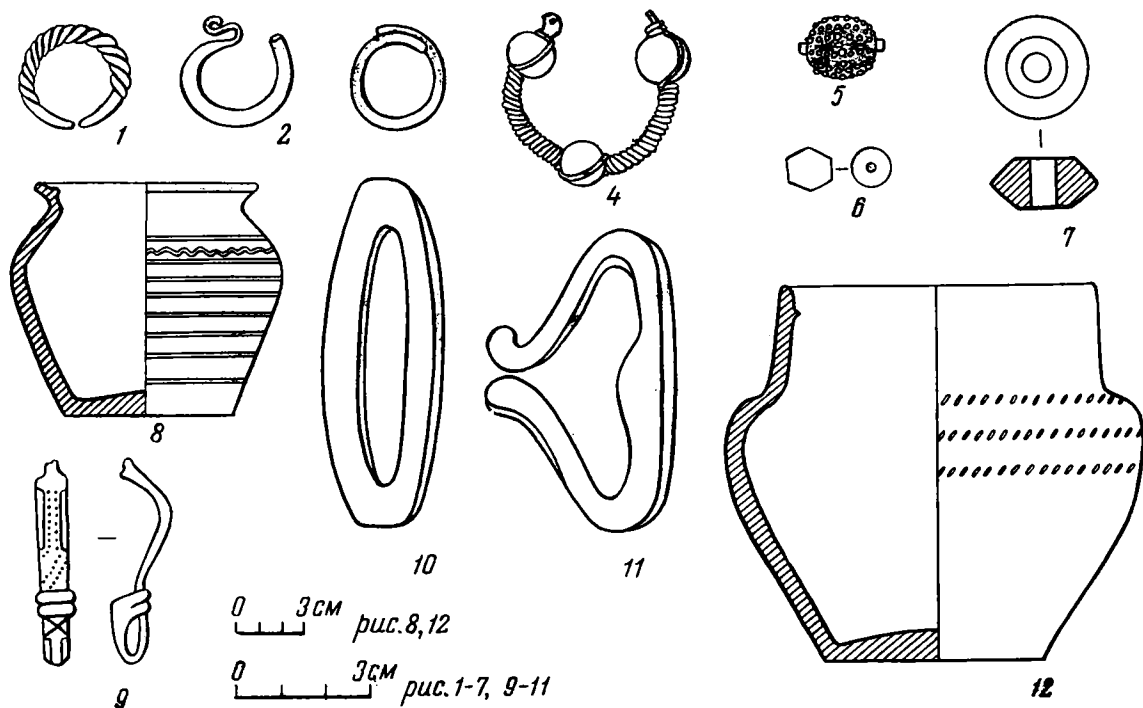

Рис. 1.

Ратайчицы. Вещи из курганов

1-3, 6-7 — Ратайчицы I, курган № 7; 4 — Ратайчицы II, погребение № 2; 5 — Ратайчицы I, курган № 8; 8 — Ратайчицы I, курган № 24; 9 — Ратайчицы I, насыпь кургана

№ 6; 10-11 — Ратайчицы I, курган № 13; 12 — Ратайчицы I, курган № 16;

1-3 — серебро; 4-5, 9 — бронза; 6 — стекло; 7 — шифер; 8, 12 — глина; 10-11 — железо

прорезным и калачевидным железными кресалами (рис. 1, 10, 11). Около ступней ног покойника кургана 9 стояло деревянное ведро, от которого сохранились три железных обруча и витая железная дужка. И предметы украшений, и орудия труда в курганах встречаются редко. Украшения, например, обнаружены только в десяти курганах, орудия труда — в шести.

В насыпях некоторых из исследованных курганов попадались отдельные обломки глиняных сосудов. В большинстве случаев они представлены теми же типами, что и сосуды из погребений. И лишь в насыпи кургана 2 найдено несколько обломков от лепных лощеных сосудов черного и коричневого цветов. В насыпи этого же кургана обнаружен обломок каменной зернотерки. Но, пожалуй, самая интересная находка происходит из насыпи кургана 6. Это фрагмент бронзовой фибулы с подвижным приемником — вещь уникальная для этого района (рис. 1, 9). Наружная поверхность спинки фибулы украшена рядами пунктирных углублений, а пятка — перекрещивающимися бороздками.

Могильник Ратайчица II расположен на вы-

соком коренном берегу р. Лесной, справа от дороги в дер. Млыны. Насыпи курганов на этом могильнике распаханы полностью и о них помнят лишь немногие местные старожилы. На этом же месте незадолго до начала второй мировой войны был случайно открыт могильник поморской культуры. Во время поисковых раскопок, проведенных на могильнике Ю. В. Кухаренко в 1962 г., были обнаружены остатки двух курганных захоронений. Располагались они в четырех метрах друг от друга. Захоронения произведены в прямоугольных ямах глубиной около 0,70 м от уровня современной поверхности. Ямы вытянуты с запада на восток. На дне первой ямы обнаружен скелет взрослого человека. Покойник лежал на спине, в вытянутом положении головой на запад. Руки скрещены на животе. Никаких вещей в этом погребении не было. Второе погребение — детское. Захоронение произведено в деревянном гробу, пережившие части которого довольно хорошо сохранились. Покойник находился в том же положении, что и в первом погребении, но головой ориентирован к востоку, то есть в противоположном направлении. У левой височной кости

покойника обнаружено бронзовое височное кольцо, на стержень которого надеты три полых серебряных шарика (рис. 1, 4). Стержень кольца, кроме того, обмотан тоненькой бронзовой проволочкой.

Таковы курганы, исследованные у дер. Ратичицы. Судя по вещам, обнаруженным в них, время сооружения курганов определяется X—

XII вв. Этническая принадлежность населения, оставившего курганы, пока что неясна. Вещи, найденные в курганах, имеют несомненно славянский характер, конструкция же насыпей курганов ничем не отличается от насыпей ятвяжских курганов, известных в соседних районах.

А. Г. ВЕКСЛЕР СЕМИВЕРХИЕ КУРГАНЫ ВЯТИЧЕЙ (Москва) В ОДИНЦОВЕ ПОД МОСКВОЙ

Феодальный город Москва возник в сплошном окружении сельских поселений, оставших многие курганные кладбища. Ряд древних курганов донныне сохранился в черте современного города, десятки групп их находятся в пригородной зеленой зоне столицы.

Московские курганные группы оставлены малодворными деревнями и потому обычно невелики: 5—30 насыпей.

Наибольший из курганных могильников Подмосковья — Одинцовский — значительно превосходит по количеству насыпей все другие памятники: до раскопок он насчитывал 234 кургана. Могильник был зарегистрирован Музеем истории и реконструкции г. Москвы в 1958 г., а до этого не значился ни в одной из сводок подмосковных памятников. Курганы расположены в старом густом лесу на берегах р. Самынки, притока р. Москвы, между станцией Одинцово и платформой Барвиха Смоленского направления Московской железной дороги.

Могильник состоит из восьми групп курганов, отстоящих друг от друга на расстоянии 200—400 м. Каждая из групп, по-видимому, была кладбищем одной деревни, а в целом могильник являлся, таким образом, общим некрополем нескольких деревень.

В Одинцове за последние годы Музеем истории и реконструкции г. Москвы раскопано свыше 50 курганов. Среди массы вятических погребений впервые в столь непосредственной близости от Москвы — около 20 км от границ древнего города — отмечены кривические захоронения, что подтверждает существование у будущей столицы стыка границ расселения этих племен.

В курганах найдены разнообразные изделия работы как деревенских, так и городских мастеров, полученные в результате товарного обмена первоначальной феодальной Москвы и ее сельской округи. Среди них орнаментированные височные кольца, трубчатые замки, фигур-

ные личины и другие вещи. Все вскрытые погребения относятся ко времени до монгольского нашествия.

Некоторые из вещей, по классификации А. В. Арциховского, могли бы хронологически выходить за пределы середины XIII в. В ряде случаев, однако, подтверждаются их более ранние датировки, предложенные Т. В. Равдиной и Н. Г. Недошивиной. Тем более что и четверные браслеты, и фиолетовые рыбовидные бусы, и сростнозубцовые височные кольца встречаются в Одинцове с шиферными пряслицами и другими вещами, безусловно относящимися ко времени до монгольского нашествия.

Самые древние курганы в Одинцове могут быть датированы временем ранее XII в. В погребениях отмечены архаические формы семилопастных височных колец — без колечек на дужках — вместе с глазчатыми гладкими бусами, широкосрединными перстнями с завязанными концами и другими вещами XI в. Все это находится в сочетании с грубой керамикой и мощными прослойками угля в основаниях насыпей — явными пережитками трупосожжения. Поэтому, как нам кажется, допустима датировка возникновения кладбища XI в., скорее всего, второй его половиной.

В Одинцове вскрыта пятая часть курганов и прослеживаются как последовательность их насыпки в пределах полустолетия, так и изменения формы насыпей. Курганы вятичей принято представлять полушарными, причем, вначале крупными, а затем все более мелкими. В Одинцове, однако, наблюдается обратная картина. Ранние курганы — до середины XII в. — небольшие, высотой до 1,5 м. Более поздние — значительно крупнее и разнообразней по форме насыпей.

Редкой формой курганов является усеченноконическая. Подобные насыпи, исследованные М. В. Фехнер в Калининской обл., оказались, по ее мнению, площадками культово-

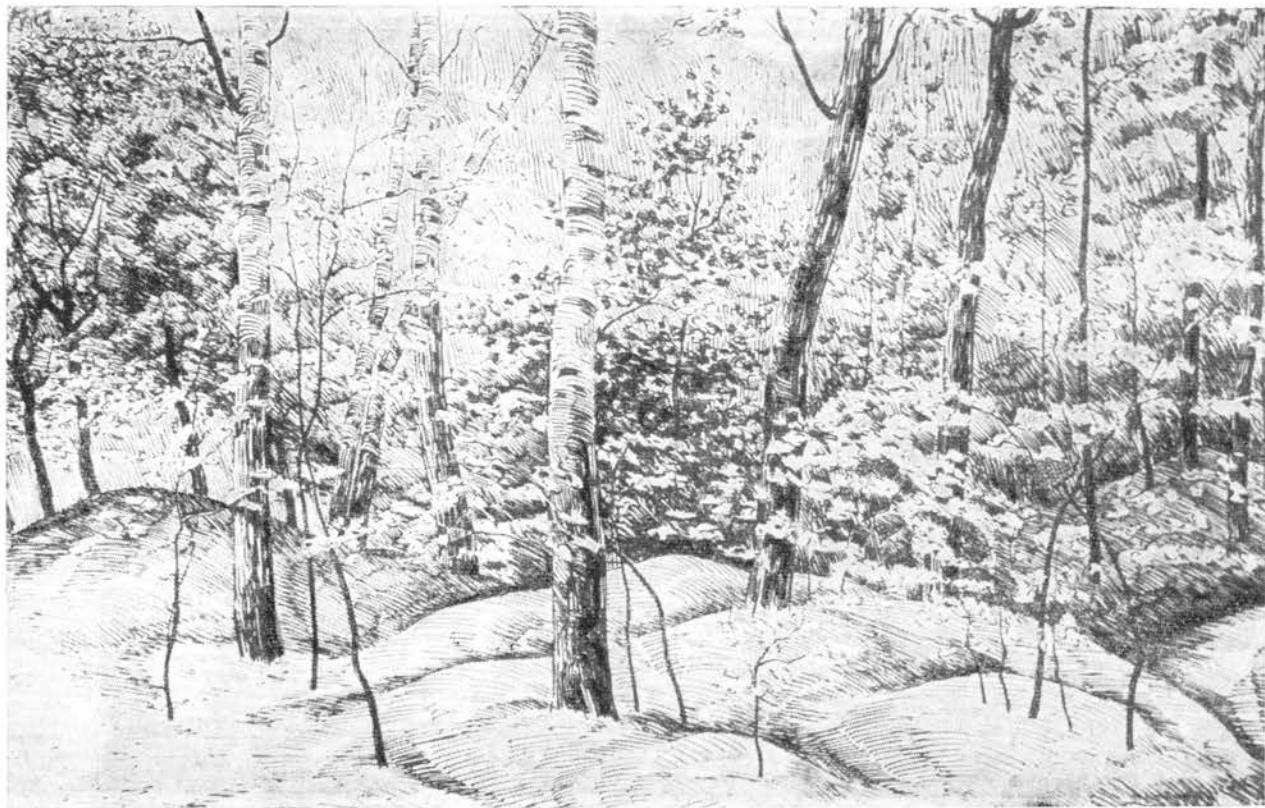

Рис. 1.

Одинцово 7. Общий вид курганов. На переднем плане курган 35

го назначения¹. На этих крупных с плоской вершиной курганах стояли, возможно на сваях, небольшие домики, где помещались останки после трупосожжения. Нами были раскопаны два точно таких кургана высотой около 3 м, с диаметрами насыпей 12—14 м, а площадок — 4 и 7 м. Оба кургана содержали труположения на уровне горизонта. В одном из них оказался костяк мужчины с серьгой у черепа, а в другом было богатое женское погребение, в котором лишь сердоликовых бус оказалось около 40. Многоцветные шелковые ткани из этого погребения, по определению лодзинского историка текстиля Адама Нахлика², безусловно, византийского происхождения. Дата обоих усеченно-конических курганов — вторая половина XII в.

¹ М. В. Фехнер. Шихинские курганы. СА, 1959, № 4, стр. 242.

² Пользуюсь случаем выразить признательность А. Нахлику за консультацию.

Еще больший интерес представляют конструкции курганов, слитых из семи насыпей (рис. 1). Их раскопано также два — 35 и 41 в группе 7. На поверхности уплощенных округлых в плане курганов диаметром 14 и 16 м четко выделялось семь самостоятельных вершин — возвышавшихся сегментом сфер и эллипсоидов диаметром 4—6 м и высотой над перемычкой 30—90 см.

При раскопках этих курганов для снятия профилей были оставлены не только сплошные перекрестные бровки по осям север — юг, запад — восток, но также ряд специальных дополнительных бровок для насыпей, не вошедших в эти профили. При вскрытии обоих курганов обнаружилось, что погребения содержались лишь под центральными вершинами. Верх насыпей состоял из вязкой желтой глины, а с метровой глубины залегал светлый мелкозернистый песок с прослойками золы и угля, который обозначил небольшие внутренние курганы над погребениями, состоявшие из песка. В центре кургана 35 от костяка уцелел лишь

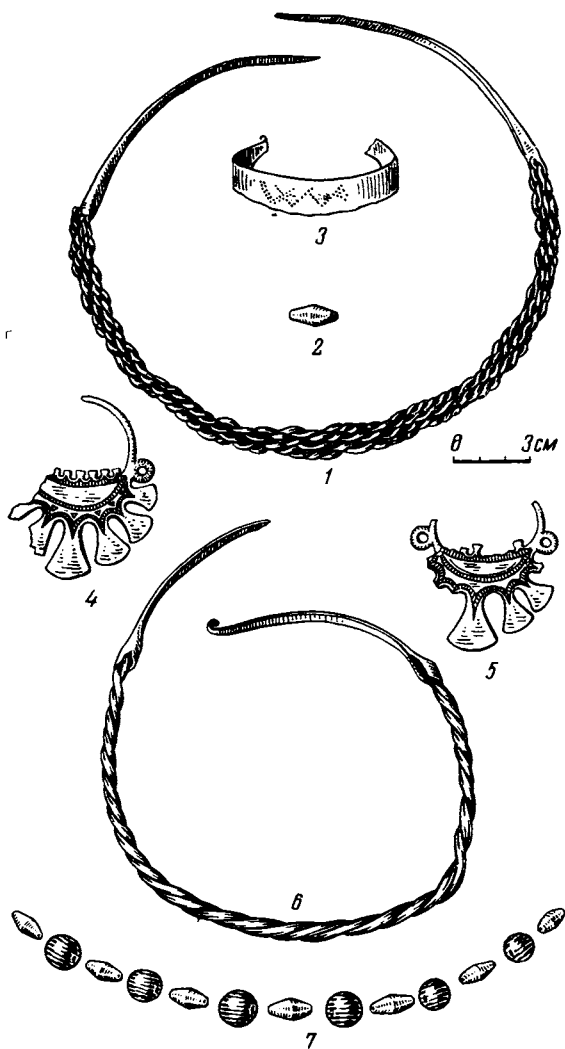

Рис. 2.

Одинцово 7. Вещи из курганов 35 (1—3) и 41 (4—7)
1 — серебро; 2, 7 — сердолик и хрусталь; 3—6 — медь

череп. По антропологическому определению, он принадлежал мужчине в возрасте около 60 лет. В погребении оказалась серебряная шейная гривна из жгута и сердоликовая бипирамидальная бусина, видимо использовавшаяся как пуговица (рис. 2, 1—3). находка шейной гривны при мужском (а не женском) погребении является единственным случаем на территории Древней Руси³. Захоронение было совершено на погребенной почве в подготовленном полу-

круге диаметром 4,5 м. Совершенно такую же структуру имели и остальные шесть насыпей. Каждая из них сверху была составлена вязкой глиной, а центр — сегмент полусферы — состоял из песка с углем.

Таким образом, внешние насыпи имели лишь символический характер. Они содержали разбитые горшки, коровьи кости от тризны, а в одну из них был брошен пластинчатый браслет.

Курганы насыпались в два приема: после насыпки принесенного песка происходила тризна, а затем насыпалась глина. Удалось установить последовательность насыпки кургана. В осевых профилях было заметно, как суглинок боковых насыпей перекрывает прослойки центральной насыпи, безусловно сооруженной первой.

Центральное погребение во втором семиверхом кургане (№ 41) оказалось вскрытым раньше — раскопано, видимо, в XIX в., раскоп представляет собой узкий колодез. Яма была заложена в самом центре кургана и при наших раскопках попала в перекрестие бровок, где и была прослежена при полной зачистке профиля с запада на восток (после старых раскопок колодез яма была аккуратно засыпана и не оставила следов на поверхности). В погребении сохранились лишь кости ног. Погребение было окопано ровиком в материке, имевшим ширину 50—60 см и глубину 30—40 см.

Во всех насыпях кургана на уровне древнего горизонта были зафиксированы обломки семи разбитых и разбросанных гончарных горшков. Количество горшков в этом случае соответствовало числу насыпей. В центральной насыпи кургана 41 было открыто и дополнительное погребение — женское, в котором найдены медная полужгутровая гривна, сердоликовые и стеклянные бусы (рис. 2, 4—7).

Таким образом, в Одинцове форма могильника, слитого из семи (в обоих случаях) насыпей, объясняется не поздней деформацией поверхности или тем, что курганы постепенно слились, а является своеобразным типом одновременно сложенного кургана. Это, очевидно, связано с древним ритуалом и стремлением выделить лиц особого общественного положения (деревенских старейшин?).

Семь — это число имело, по-видимому, у людей, насыпавших курганы, особое значение. Семь лопастей традиционны на височных кольцах вятичей. В погребениях чаще всего встречается по семь таких колец. Семь планет видели летописные славяне на небе («лик звезд седмочислен» — Минеи, 1096 г.).

Число «семь», как и «три», как и «девять»,

³ М. В. Фегнер. Шейные гривны. «Труды ГИМ», вып. 43. М., 1967, стр. 74.

носило, видимо, сакральный характер — так представляется это в описанном обряде.

Дата обоих курганов — вторая половина XII в. Как отмечено академиком Б. А. Рыбаковым, именно в это время в связи с окончательным превращением церкви в феодальную организацию, поддерживавшую местных князей, на Руси усиливается оппозиция христианству, растет

недовольство духовенством и монашеством⁴. Естественно допустить, что в деревне протест выражался в усложнении древних языческих культов.

⁴ Б. А. Рыбаков. Язычество и христианство в Древней Руси. «Тезисы докладов на заседаниях, посвященных итогам полевых исследований 1965 г.» М., 1966, стр. 4.

А. Г. КУЗЬМИН К ВОПРОСУ О «ПОЛОЧАНАХ» (Москва) НАЧАЛЬНОЙ ЛЕТОПИСИ

В этнографическом введении Начальной летописи (Повести временных лет) в числе других восточнославянских племен названы «полочане». Но существование такого племени давно вызывает обоснованные сомнения. Как заметил П. Н. Третьяков, в употреблении летописью этнонима «полочане» наблюдаются противоречия. «Если попытаться выделить из Повести временных лет части северного происхождения, — заметил он, — то окажется, что полочане в этих отрывках не представлены»¹.

Действительно, «полочане» не названы в Сказании о призвании варягов, нет их в рассказе о походе Олега на Киев в 882 г., хотя в обоих случаях перечисляются все северные славянские племена. Варяжская легенда прямо утверждает, что «первый насельници в Новгороде Словене, в Полотьсте Кривичи»².

На противоречия летописи по вопросу о «полочанах» обратил внимание и Л. В. Алексеев³. Можно согласиться с П. Н. Третьяковым, что «полочане — на первый взгляд одно из древнерусских племен, фактически же одно из новых территориальных объединений», что их упоминание относится к «новому, территориальному делению русского населения, которое повсеместно стало вытеснять старое, племенное деление»⁴. Но если употребление летописью этого этнонима не вполне оправдано, то можно поставить вопрос, к какому времени оно относится и с каким источником связано.

Как известно, А. А. Шахматов в своих реконструкциях древнейшего русского летописания (XI в.) не упоминал «полочан», полагая, что их вставил уже один из редакторов Начальной летописи в начале XII в. Но специ-

ально этого вопроса А. А. Шахматов не рассматривал. Как и во многих других случаях, он свое общее представление об истории сложения Повести временных лет распространял на частные летописные тексты, то есть пытался объяснить весь летописный материал чисто дедуктивным методом. Между тем, уже то обстоятельство, что «полочане» фигурируют в одних текстах и отсутствуют в других, побуждает подойти к решению вопроса индуктивным путем.

Этнографическое введение Начальной летописи обычно датируют началом XII в. на том основании, что оно отсутствует в Новгородской I летописи младшего извода, которая, по А. А. Шахматову, отразила летописный свод конца XI в. Однако этот вывод очень спорен в целом⁵. В частности, он совершенно не подкрепляется анализом содержания самого этнографического введения.

Недостаточность дедуктивного метода при решении частных текстологических вопросов в полной мере иллюстрирует и приведенное наблюдение П. Н. Третьякова. Если «полочане» отсутствуют в текстах, связанных с варяжской легендой, то, очевидно, составитель Начальной летописи в XII в. упоминал их на основании какого-то другого источника, существовавшего независимо от варяжской легенды. А это значит, что появление в летописи «полочан» связано не с творчеством летописца начала XII в., а с одним из его предшественников. Этот предшествующий источник и можно попытаться выявить.

Первое упоминание «полочан» относится к рассказу о расселении славянских племен. Рассказ о разделении земель между «сыновьями Ноя» и о расселении западнославянских племен, летописец переходит к восточным славя-

¹ П. Н. Третьяков. Восточнославянские племена. М., 1953, стр. 222.

² «Лаврентьевская летопись» (далее — ЛЛ). СПб., 1897, стр. 19.

³ Л. В. Алексеев. Полоцкая земля. М., 1966, стр. 54.

⁴ П. Н. Третьяков. Указ. соч., стр. 222.

⁵ Ср.: Г. Кузьмин. К вопросу о происхождении варяжской легенды. «Новое о прошлом нашей страны». М., 1967.

нам. «Такоже и ти Словене,— говорит он,— пришедше и седоша по Днепру и нарекошася Поляне, а друзии Древляне, зане седоша в лесах; а друзии седоша межю Припетью и Двиною и нарекошася Дреговичи; инии седоша на Двине и нарекошася Полочане, речьки ради, яже втечет в Двину, имянем Полота, от сея прозвашася Полочане. Словани же седоша около езера Илмеря, и прозвашася своим именем, и сделаша град и нарекоша и Новъгород; а друзии седоша по Десне, и по Семи, и по Суле, и нарекошася Север. И тако разидеся Словенский язык, темже и грамота прозвася Словенская»⁶.

Последняя фраза, очевидно, указывает на источник рассказа летописца о расселении славянских племен. Часть этого источника — Сказание о предложении книг — оказалась в летописи под 6406 (898?) годом. В этом источнике давалась концепция происхождения Руси, решительно отличавшаяся от варяжской. В нем отождествлялись «Поляне» и «Русь» («Поляне, яже ныне зовомая Русь») ⁷ и подчеркивалась мысль о славянском единстве и славянской прародине в Илирии. Эта мысль отразилась уже в рассказе о разделении земель, где вслед за «Илюриком», в отличие от греческих хроник, вставлены «Словене», а в заключение обзора народов, также в отличие от греческих хроник, утверждается, будто славяне — это норрики, то есть жители провинции, составлявшей часть «Илюрика» («Нарци, еже суть Словене») ⁸.

Итак, «полочане» находятся в таком тексте, который проводил славянофильскую концепцию, противостоящую варяжской легенде. Как показал Н. К. Никольский, связанные с этой концепцией тексты подверглись пристрастной редакции со стороны летописца-норманиста ⁹. Следовательно, славянофильский источник был известен раньше, чем летопись попала в руки редактора-норманиста.

Примечательно, что «полочане» в летописи упоминаются в довольно устойчивом племенном окружении. В этнографическом обзоре, как известно, всего упомянуто 13 восточнославянских племен. Но в цитированном тексте названы лишь шесть из них: поляне, древляне, дреговичи, полочане, словене и северяне. Почти тот же перечень дается в пересчете славянских княжений. Летопись выделяет княжения по-

лян, древлян, дреговичей, словен в Новгороде, «а другое на Полоте, иже Полочане, от них же Кривичи, иже седять на верх Волги, и на верх Двины, и на верх Днепра, их же град есть Смоленск, туде бо седять Кривичи. Также Север от них» ¹⁰. Здесь добавлены лишь «кривичи», частью которых являются и сами «полочане». Тот же перечень дается и еще раз в связи с подведением итогов распространения славянского языка: «Се бо токмо Словенск язык в Руси: Поляне, Деревляне, Ноугородьци, Полочане, Дреговичи, Север, Бужане, зане седоша по Бугу, послеже Вельняне» ¹¹. «Кривичи» здесь снова опущены, но добавлены «бужане». Однако это добавление, видимо, литературного порядка, так как во времена летописца «бужане» назывались уже «вольнянами».

На основе пересчета княжений можно думать, что «полочане» были вставлены в первоначальный текст: «от них же Кривич» — очевидно от «словен», а не от «полочан», так как «от них» оказываются и «северяне». Но если «полочане» и вставлены, то вставка соответствует источнику, которому не были известны вятичи и радимичи, а также племена юго-запада — уличи, тиверцы, хорваты. Число племен со славянским языком в этом источнике ограничивалось, очевидно, их отношением к Руси, то есть к полянам и Киеву. Юго-западные племена уличей и тиверцев находились в активных отношениях с Киевом X в., но в XI—XII вв. связи с ними почти порываются. Что касается вятичей, то хотя они впервые были подчинены Киеву еще Святославом в X в., окончательно в состав Древнерусского государства они вошли только в конце XI в. К концу 60-х годов относится первый «путь» Мономаха через их земли, а в начале 80-х годов он совершил упомянутые в его Поучении походы на вятических князей ¹². Видимо, после политического подчинения вятичей туда двинулись христианские миссионеры, о гибели одного из которых около 1110 г. сообщает Киево-печерский патерик ¹³.

Выпадение из основного летописного рассказа вятичей с наибольшей вероятностью можно отнести ко времени Ярослава и его сыновей, когда вятичи сохраняли свою независимость. Больше недоумений вызывает пропуск «кри-

⁶ ЛЛ, стр. 5—6.

⁷ Там же, стр. 25.

⁸ Там же, стр. 2—3 и 5.

⁹ Н. К. Никольский. Повесть временных лет как источник для истории начального периода русской письменности и культуры, вып. 1. Л., 1930.

¹⁰ ЛЛ, стр. 9—10.

¹¹ Там же, стр. 10.

¹² ЛЛ, стр. 238—239; ср.: А. С. Орлов. Владимир Мономах. М.—Л., 1946, стр. 141, 143.

¹³ «Киевопечерский патерик». СПб., 1911, стр. 81 и 127.

вичей». Они вставлены в одном из трех случаев, нарушая структуру основного текста. Но вставка эта содержит датирующие признаки. В то время как основной рассказ дается в прошедшем времени, «кривичи» упоминаются в настоящем. В настоящем времени сообщается далее и о том, что «на Белеозере сеять Весь, а на Ростовском озере Меря, а на Клецине озере Меря же. А по Оце реце, где втечь в Волгу, Мурома язык свой и Черемиси свой язык, Морьдва свой язык»¹⁴.

Приведенная вставка могла быть сделана тогда, когда в Ростовской обл. преобладало угро-финское население, то есть до конца XI в.¹⁵ Сказание о призвании варягов, о первоначальном населении Ростова и Белого озера говорит в прошедшем времени, как о «первых насельниках»¹⁶. Локализация кривичей в верховьях трех рек и исключения их из числа подчиненных Киеву племен также может относиться ко времени Ярослава и его сыновей, когда здесь, видимо, было самостоятельное княжение¹⁷.

Датирующие признаки имеются и в самом упоминании «полочан». Полоцк был подчинен Киеву при Владимире (978—1015). Но при нем же княжество обособляется снова. Здесь был посажен Изяслав—сын Владимира от Рогнеды, а позднее были его потомки.

Весьма любопытны противоречия летописи в отношении родословной Ярослава. В статье под 980 г. он назван третьим сыном Рогнеды после Изяслава и Мстислава. Но другой автор в начале XII в. выводил Ярослава и Изяслава от разных матерей и этим объяснял распри их потомков¹⁸. Легенду XII в. принято считать более достоверной, но и под 1000 г. летописный свод²³.

сец называет Рогнеду матерью Ярослава¹⁹. По вероятному заключению Н. Н. Ильина, это версия заимствована из Сказания о Борисе и Глебе²⁰. Сказание Н. Н. Ильин датирует временем около 1072 г. и связывает с тем Иаковом «со Лытеца», которого Феодосий Печерский прочил себе в преемники в 1074 г. Естественно, что некиевлянин мог не знать истинной родословной Ярослава. Но ошибка могла быть и не случайной. В 1068 г. киевляне, изгнав Изяслава Ярославича, посадили у себя на столе полоцкого князя Всеслава. Версия Сказания, а также самой летописи в известной степени объясняла права Всеслава на киевский стол. 60-е годы XI столетия — период самых тесных связей Киева и Полоцка. Ярославичи то действуют в союзе с полоцким князем, то выступают против него, и летописец считает нужным осудить сыновей Ярослава за вероломный захват ими полоцкого князя²¹. Возможно, тогда была сделана и запись о вокняжении Всеслава в 1044 г. с указанием на рождение его «от волхования»²². Запись эта сделана еще при жизни Всеслава (до 1101 г.). Можно обратить внимание и на то, что после 1071 г. киевский летописец теряет интерес к полоцкому князю.

Таким образом, весьма вероятно, что интерес к Полоцку проявлялся тогда, когда полоцкий князь Всеслав претендовал на киевский стол. Тогда-то и могли быть вставлены в летописный текст «полочане» и другие связанные с Полоцком известия (например, вставлен «Полоцк» в статью под 907 г.). Самый рассказ о славянской грамоте сложился, возможно, намного раньше. Но в летописной обработке его замечаются следы, ведущие в эпоху Ярославичей, когда в Киеве составлялся большой летописный свод²³.

¹⁴ ЛЛ, стр. 10.

¹⁵ Ср.: Е. И. Горюнова. Этническая история Волго-Окского междуречья. МИА, № 94, 1961, стр. 201, 205 и далее.

¹⁶ ЛЛ, стр. 19.

¹⁷ Здесь, видимо, еще при Ярославе княжил сын Владимира Станислав, а в 1054—1060 гг.—сыновья Ярослава Вячеслав и Игорь.

¹⁸ ЛЛ, стр. 78 и 284—285 (под 1128 г.).

¹⁹ Там же, стр. 126.

²⁰ Н. Н. Ильин. Летописная статья 6523 года и ее источник. М., 1957, стр. 194—195.

²¹ ЛЛ, стр. 163.

²² Там же, стр. 151.

²³ На летописную работу в 60—70-х годах XI в. указывали многие авторы начиная с А. А. Шахматова. Но состав этого свода пока не определен. По-видимому, ему принадлежит большая роль в нашем летописании, чем принято думать.

С. А. ПЛЕТНЕВА ЗМЕЙ В РУССКОЙ СКАЗКЕ

(Москва)

Сказки — это, в частности, поэтически рассказанные древнейшие верования человека. В основном каждая из них с той или иной степенью подробности и красочности описывает

сложнейшие обряды, связанные с обычаем инициации¹.

¹ В. Я. Пропп. Исторические корни волшебной сказки. Л., 1946.

Родившись из таинственных и непосредственных рассказов прошедших инициации юношей и девушек, сказка постепенно, из столетия в столетие обростала разнообразными частными подробностями, которые позволяют нам сейчас судить о том, в какой из исторических периодов та или иная сказка (вернее тот или иной сюжет ее или образ) была особенно популярна. «Многослойность русской сказки (так же как и сказки любого другого народа) признается современными исследователями-фольклористами² и, мне кажется, дополнительных доказательств этот общий тезис не требует».

Поэтому рассмотрим в настоящей небольшой статье только один из многочисленных образов русской сказки — образ Змея, подвергшийся, как мне представляется, значительной переработке в одну из наиболее ярких и блестящих эпох русской истории — эпоху Киевской Руси и начала феодальной раздробленности.

Роль Змея в сказках, в частности в русских сказках, подробно и обстоятельно разобрана В. Я. Проппом, который приписывает Змею функцию «поглотителя», то есть главную обрядовую функцию обычая инициации³. Убедительная аргументация В. Я. Проппа неоспорима. Не подлежит никакому сомнению, что Змей или его мать Змеиха в русских сказках, дракон в английских или норвежских сказках, рыба в шотландских сказках и даже джины и пери восточных сказок — все это образы «поглотителей», пройдя через желудок которых юноша-герой становится мужчиной-воином.

Тем не менее, если обратиться к образу Змея, который рисует нам русская сказка, можно заметить, что В. Я. Пропп отметил в своей работе не все свойства Змея, не все особенности его поведения. Дело в том, что В. Я. Пропп стремился подчеркнуть общие для сказок всего мира с участием Змея черты «поглотителя». Попытаемся же проследить те индивидуальные особенности, которые характерны только для русского Змея.

«...Змей в сказке, в подлинной народной русской сказке, никогда не описывается...»⁴ — утверждает В. Я. Пропп. Единственная черта, по мнению В. Я. Проппа, которую всегда отмечает русская сказка, — это многоголовость Змея. Многоголовые Змеи упомянуты в 20 сказках, собранных А. Н. Афанасьевым (табл. I)⁵.

² Э. В. Померанцева. Судьбы русской сказки. М., 1965.

³ В. Я. Пропп. Указ. соч., гл. VII. У огненной реки, стр. 197—259.

⁴ Там же, стр. 197.

⁵ «Народные русские сказки А. Н. Афанасьева», т. I, II, III. М., 1957. В приведенной нами ниже таблице и далее в тексте указываются номера сказок только этого сборника.

Таблица I

Упоминание о многоголовых змеях в русских сказках

Количество голов у Змея	Номера сказок										
	124	125	128	131	138	139	140	155	162	171	176
3	×	×	×		×		×		×		
5				×							
6	×	×			×	×	×		×		
7				×						×	
8											×
9		×				×					
10											
12					×	×	×	×	×		

Таблица I (окончание)

Количество голов у Змея	Номера сказок									
	206	208	226	337	310	334	359	559	562	575
3		×	×						×	
5										
6		×		×					×	×
7										
8										
9							×			
10										
12					×	×			×	×

Из приведенной таблицы следует, что чаще всего в сказках фигурируют трех-, шести- и двенадцатиголовые Змеи, причем в четырех из двадцати сказок они встречаются именно в этом сочетании — 3—6—12 (все остальные сочетания единичные).

Кроме Змея в одной из сказок (137) упомянуты Чуда-Юда (6—9—12-головые), а в сказке 562 — 3—6—9-головые Чудища. Поскольку не только многоголовая внешность, но и действия этих персонажей не отличаются от «эменных», мы, по-видимому, вполне можем считать их теми же Змеями, названными сказочником для большого эффекта «Чудищами», «Чудами».

Вторая черта, отмеченная В. Я. Проппом, — огненные крылья. Они упомянуты всего в одной сказке (72)⁶. В сказке 312 описываются гораздо более прозаические — бумажные крылья, на которых летает «поганый богатырь» Тугарин Змеевич — враг Алеши Поповича. Гро-

⁶ В. Я. Пропп. Указ. соч., стр. 198.

за помогает Алеше — мочит крылья «поганого», и Тугарин Змеевич «пал на землю и поехал по чисту полю». На чем поехал? Очевидно, на коне. В сказке 560 Змей-лютый, похищающий Василису золотую косу, выглядит так: «Конь его вихорь стрелой летит, пламенем пышет; с виду Змей — богатырь, а голова — змеиная».

Итак, в некоторых сказках Змей получает не только космические или собирательно-зверинные черты, нужные наделенному сверхъестественной силой существу, превращающему героя сказки в богатыря-воина. В. Я. Пропп полагает, что такое «опрошение» Змея произошло из-за непонимания сказочником роли Змея в рассказе. Это вполне естественно. Роль «поглотителя» забылась. Зато вспоминался конкретный враг — всадник могучий и страшный, но все-таки вполне реальный. Что делает этот сидящий на коне Змей? Он в сказке занят грабжом соседних стран и охраной границ своего государства. Вот что говорят по этому поводу Иван Быкович и Баба-Яга — герои одной из сказок (137): «Едем мы, бабушка, на реку Смородину, на калиновый мост; слышал я, что там не одно Чудо-Юдо живет». «Ай да Ванюша! За дело хватился; ведь они, злодеи, всех переполопали, всех разорили, ближние царства шаром покати!»⁷. А далее следует описание того, как из реки «вылезает» на мост Чудо-Юдо: «...под ним конь споткнулся, черный ворон на плече встрепенулся, позади хорт ошетинился» — все почуяли, что хозяину их грозит гибель. Ясно, что Чудо-Юдо — обычный всадник, только голов у него 6 (но в сказке не сказано, что они змеиные!).

Не менее жизненными представляются мне и дела Змея в сказках 124—125, в которых он сватается за царевну, а отнюдь не похищает ее «вихрем». В сказке 237 шестиглавый змей усыновляет героя, помогает ему — дарит кремень и огниво. «Выруби огонек, прожги ковыль-траву, явится сизокрылый орел», — учит он, а в сказке 233 Змей сидит в темнице, а Василий-царевич спасает его.

Разумеется, наряду с этими жизненными ситуациями в сказках присутствует и Змей — таинственный «поглотитель», о котором писал В. Я. Пропп⁸, «поглотитель», нагоняющий на героя сон, борющийся с ним и пытающийся проглотить его. Но постоянно образ волшебного существа снижается в сказках до образа воина-всадника — врага русского героя.

Прежде чем приступить к историческим аналогиям, напомним также, что в ряде сказок вместо Змея, подменяя его, действует Кощей — единый образ, скрывающийся под разными названиями. Кстати, Змей именуется иногда и Змеем Змеевичем (163), и Царем Змиуланом (164), и Зилантом Змеулановичем (578), и Змеем Горынычем (209), и, как говорилось, Тугарином Змеевичем. Наконец, одна сказка (148) начинается уже как историческая повесть или легенда: «Около Киева появился змей, брал он с народа поборы немалые»⁹. Победил его «народный ополченец» Никита Кожемяка, пропал на нем борозду «от Киева до моря Кавстрийского» и затем утопил его в море. «Эта борозда и теперь видна; вышиною та борозда двух сажен..., а кто не знает, от чего эта борозда, — называют ее валом»¹⁰.

Итак, подведем итоги наших сведений о Змее.

1. Змей — Чудо-Юдо, многоголовый и мощный противник, иногда даже со змеиной головой.

2. Змей — всадник на прекрасном коне. Коня берет в полон победитель Змея — герой сказки. На плече у змея — ворон, позади — собака.

3. Змей — грабитель близлежащих стран. Граница его государства — речка «Смородина».

4. Змей попадает в заключение (темницу) и в услужение герою (Змей Горыныч служит поваром). Бывает он и союзником-побратимом.

5. Змей выступает в сказках под весьма выразительными именами: Тугарин Змеевич («поганый богатырь») и Кощей Бессмертный.

6. Змей и русский народный богатырь делят землю валом, который известен и по сей день.

Я намеренно исключила из этого списка «змеиных признаков» те, на которые обратил особое внимание В. Я. Пропп, а именно признаки, рисующие Змея волшебным высшим существом — «поглотителем».

С кем же можно отождествить Змея-всадника? В какую эпоху был создан этот весьма выразительный образ?

Многочисленные («многоголовые») орды всадников на великолепных конях особенно активно тревожили южные границы X—XV вв. Тот факт, что со Змеем в сказке связан ковыль, является косвенным подтверждением степного происхождения этого персонажа.

Почему же всадники-враги выступают в роли Змея, а не другого животного? Мы не знаем, какой зверь был «поглотителем» в инициациях

⁷ «Народные русские сказки А. Н. Афанасьева», т. I, стр. 280.

⁸ В. Я. Пропп. Указ. соч., стр. 200—201.

⁹ «Народные русские сказки А. Н. Афанасьева», т. I, стр. 327.

¹⁰ Там же, стр. 328.

славянских юношей. Скорее всего, это был какой-то собирательный образ и от него в сказках остались, вероятно, расплывчатые и жутковатые наименования: Чудо-Юдо, Чудище. Но даже если предположить, что «поглотителем» был Змей, можно думать, что вражеский всадник в русской сказке и «Змей-поглотитель» были отождествлены в то время, когда в южнорусской степи появился кочевой народ, как-то связываемый с образом Змея, бывшим, возможно, его тотемом.

У нас есть некоторые данные говорить о том, что народом этим были половцы-кипчаки. Л. Н. Гумилев пишет, что в VII в. «кипчаки жили на Алтае в долине, называемой китайцами Чжелян, что является несомненной транскрипцией слова „джилян“ — змея (отсюда Змеиня гора и город Змеиногорск)»...¹¹

Интересно, что и на Северском Донце, где, как известно по русской летописи, находились половецкие городки-зимовища¹², до сих пор стоит город Змиев, древний культурный слой которого, к сожалению, разрушен при строительстве укреплений XVII в.¹³

Б. А. Рыбаков в одной из своих ранних работ¹⁴ уже отметил чрезвычайно важную для нашей темы деталь на одной из миниатюр Радзивилловской летописи, изображающей поражение половецкого войска в походе 1111 г. Там под ногами коней русских воинов извивается поверженный Змей, которого один из всадников поражает копьем, нацеленным в раскрытую пасть (см. рис.). Кстати, Б. А. Рыбаков подчеркивает, что победа над половцами была одержана у Сальницы поблизости от Змиева¹⁵, находящегося в 85 км от этой небольшой, высохшей сейчас речушки¹⁶. Во всяком случае, русские войска неизбежно должны были пройти в районе Змиева при продвижении в степи среднего Донца (на Сальницу).

¹¹ Л. Н. Гумилев. Древние тюрки. М., 1967, стр. 268.

¹² С. А. Плетнева. Печенеги, торки и половцы в южнорусских степях. МИА, № 62, 1958, стр. 190; Г. А. Федоров-Давыдов. Кочевники Восточной Европы под властью золотоордынских ханов. М., 1966, стр. 202.

¹³ В 5—6 км ниже г. Змиева (у с. Гайдары) Б. А. Шрамко обнаружил и любезно указал мне мыс с культурным слоем древнерусского времени (подъемный материал — обломки керамики), XII — начала XIII в. Размеры древнего поселения (примерно) 200 × 100 м. Культурный слой тонкий, в настоящее время он уничтожен глубокой распашкой. Вполне вероятно, что это поселение было одним из постоянных половецких зимовищ, расположенных на Донце, рядом с крупным родовым центром — Змиевым.

¹⁴ Б. А. Рыбаков. Окно в исчезнувший мир. «Доклады и сообщения института МГУ», вып. 4. М., 1946.

¹⁵ Там же, стр. 48, рис. 12.

¹⁶ К. В. Кудряшов. Половецкая степь. М., 1948, стр. 64.

Небезынтересно также вспомнить следующие строки Слова о полку Игореве:

«На следу Игореве ездит Гзак с Кончаком,
Тогда враги не граахуть,
Галицы помл"коша,
Сороки не трескоташа,
Полозие ползаша только...»¹⁷

Не сравниваются ли здесь половецкие князья с полозами-змеями?

Таким образом, связь Змея с половцами представляется очевидной¹⁸. Все остальные выделенные выше сведения о Змее не противоречат этому предположению. Все, что делает Змей в русских сказках, чрезвычайно характерно для половца XI—XII вв.: он и грабитель, и пленник, он и слуга, он и побратим¹⁹.

Имя Тугарин Змеевич говорит само за себя: одноименный ему отрицательный герой русских былин олицетворяет кочевника — врага русского богатыря²⁰. Правда, в сказках имя это встречается всего один раз — в сказке об Алеше Поповиче, сюжет которой повторяет былинный сюжет. Однако это все-таки сказка, хотя и относящаяся к так называемому богатырскому циклу. События некоторых сказок о Змее находят аналогии в былинах. Например, в былине «Добрыня и Марина» героиня — любовница Тугарина явно предпочитает его Добрыне²¹. Точно так же и в сказках о Змее-оборотне русские девушки предают своих женихов и братьев и уходят с обольстителем Змеем в его царство (200, 201, 204, 209 и др.).

¹⁷ «Слово о полку Игореве». М.—Л., 1950, стр. 29.

¹⁸ Интересны также и мелкие детали, сопровождающие основной образ Змея. Так, вбрана, сидящего у него на плече, вполне закономерно опять-таки связывать с половцем. Недаром в «Слове» поганый половец назван «черным вороном» (стр. 14). Собака, бегущая позади Змеинового коня, также животное «половецкого пантеона». Собака была тотемом многих половецких родов (даже имена знаменитых половецких князей — Кобяк, Кончак — производные от слов пес, сука). Огниво и кремень, которые дарит Змей герою, самые характерные предметы в кочевнических погребениях. Иногда их клали на то место, где должен был лежать конь (вместо коня). Кроме того, огниво изображалось на поясе почти у каждой половецкой каменной статуи воина.

¹⁹ С. А. Плетнева. Указ. соч., стр. 219—224.

²⁰ Б. А. Рыбаков. Древняя Русь. Сказания, былины, летописи. М., 1963. Б. А. Рыбаков отождествляет его с летописным князем Тугорканом, воевавшим с Русью в конце XI в. (стр. 111). Даже В. Я. Пропп, который в целом категорически отрицает возможность таких отождествлений, признает, что имя Тугарин могло проникнуть в былины в ту эпоху, когда одним из основных врагов Руси был могущественный половецкий хан Тугоркан (В. Я. Пропп. Русский героический эпос. Л., 1955, стр. 204).

²¹ «Былины», т. I. М., 1916, стр. 38—42.

Поход русских на половцев 1111 г. (Радзивилловская летопись)

Еще более выразителен и образ Кощея Бесмертного, во многих сказках подменяющий Змея. Мы знаем, что Кощей — это несколько презрительное наименование половца. Имя это постоянно мелькает в былинах, иногда с отчеством Трапетович²². Прямо называет половца Кошеем и «Слово» в знаменитых строках: «То была чага по ногате, а Кощей по резане» или же: «Стреляй, господине, Кончака, поганого Кощея...»²³ Никакого сомнения при отождествлении половчина — Кощея, а следовательно, и половчина — Кощея-Змея быть не может.

Последнее «дело» Змея проведено по принуждению, но все же совместно с Никитой Кожемякой (летописным героем 992 г.)²⁴. Вместе с Никитой Змей «пропахал» борозду, создал грандиозный вал, идущий (с перерывами) вдоль границы степи с лесостепью. Вал этот, вернее валы, и до настоящего времени называются

Змеевыми²⁵. Конец же X в. (княжение Владимира I) был заполнен стройкой, возведением крепостей и подновлением древних валов, укреплявших границу Руси против печенегов²⁶. В сказке в отличие от летописи, не нуждающейся в точных датах, печенеги и половцы были перепутаны и события конца X в. перенесены в XI или XII в. Впрочем, и в те столетия шло активное укрепление русской юго-восточной границы, границы, шедшей параллельно р. «Смородине». Это река, неоднократно упоминаемая в былинах, как убедительно показал Б. А. Рыбаков, может быть только летописной р. Снепородом²⁷ — современной р. Самарой (левым притоком Днепра)²⁸. На ней и стояли, как говорят сказки, дозором Многоголовые Змеи, оберегающие свои вежи от русских дружин. Кстати, всадник-дозорный, вызванный на бой русским удальдом, всегда переходил реку вброд, так что образ Змея на коне, выхо-

²² «Былины», т. II. М., 1919, стр. 203, 204, 207, 210, 518.

²³ «Слово о полку Игореве», стр. 22. Называет половцев кощеями и русский летописец (см., например, Ипатьевскую летопись за 1170 г.).

²⁴ «Повесть временных лет». М.—Л., 1950, стр. 84.

²⁵ См. работы В. Г. Ляскоронского в «Трудах археологических съездов» — XI (т. I), XIII (т. I) и XIV (т. III).

²⁶ С. А. Плетнева. Указ. соч., стр. 216.

²⁷ Б. А. Рыбаков. Древняя Русь, стр. 144.

²⁸ К. В. Кудряшов. Указ. соч., стр. 96, 99.

дящего из воды, не может считаться даже художественным вымыслом — это точное описание действия. Конь у Змея спотыкается при выходе на берег перед боем с героем сказки. У казаков считалось дурной приметой, предвещающей гибель всаднику, когда конь, выходя на бой, споткнется. Таким образом, даже эти мелкие подробности, даже недовольную воркотню Змея на своих коня²⁹, вбрана и собаку можно объяснить вполне реалистически, если предположить, что образ Змея в сказке является олицетворением образа половца-всадника — беспокойного врага русских в течение 200 лет (середина XI — середина XIII в.).

Итак, рождение или во всяком случае развитие образа Змея произошло в эпоху наивысшего расцвета древнерусской культуры. Все в ту великую эпоху было ярко и выпукло. И сказители сказок не могли отклониться от дей-

²⁹ «Что, воронье мясо, спотыкаешься — слышишь друга или недруга?» (ск. 136) или: «Что ты, собачье мясо, спотыкаешься, ты, воронье перо, трепещешься, а ты, песья шерсть, ошетижилась» (ск. 137) и пр.

А. В. КУЗА РЫБОЛОВСТВО У ВОСТОЧНЫХ СЛАВЯН (Москва) ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ I ТЫСЯЧЕЛЕТИЯ Н. Э.

Всестороннее изучение экономики раннеславянских племен остается важной задачей археологии. Трудными советских ученых давно опровергнуты взгляды об охотничье-рыболовческом по преимуществу характере хозяйственной деятельности восточных славян. Определяющая роль земледелия и скотоводства в процессе становления у них новых, более прогрессивных форм хозяйства теперь не вызывает сомнений. Однако трудно реконструировать в полном объеме экономическую структуру жизни населения, занимавшего огромную территорию от Карпат до Волги накануне образования там Древнерусского государства. Не только пробелы в археологическом исследовании целых районов, но и слабая изученность отдельных отраслей хозяйства в ходе их исторического развития ограничивают возможности широких социально-экономических построений. В частности, далеко не полностью выяснено значение промыслов.

В публикуемой статье предпринята попытка установить место рыболовства в хозяйстве вос-

тительности, не могли наполнять свои рассказы непонятными символами. Для того чтобы сказка нашла слушателей, ее нужно было переработать, оживить новыми, легко объяснимыми образами. Таковым в первую очередь и явился злой и коварный Змей — половец, который прочно вошел в устное народное творчество. О Змее не только рассказывали сказочники, им не только пугали малолетних детей, но о нем пели песни-былины. Некоторые из них были посвящены специально борьбе русского богатыря со Змеем. Сказка (богатырская и волшебная), естественно скованная старой формой — обязательным (последовательным) изложением хотя бы основных обрядов инициации, слила образ главного народного «злодея» — половеца с основным сказочным образом Змея — «поглотителя», который, как правило, бывал побежден смельчаком — героем сказки. Таким образом, ни одно животное в русской волшебной сказке не претерпело такой сильной трансформации и исторической конкретизации, какие испытал Чудо-Юдо — «поглотитель юношей» в период борьбы русского народа с половецким натиском XI—XII вв.

точных славян в VI—X вв. н. э. В свое время П. Н. Третьяков писал о важном значении рыбного промысла, являвшегося, по его мнению, существенным подспорьем к земледелию и скотоводству¹. В настоящее время добытый раскопками материал позволяет вновь обратиться к этому вопросу.

По данным лингвистики, названия многих рыб (сом, окунь, язь, карп, карась, лосось и др.) и орудий лова (невод, мережа, острога, уда, верша и др.) являются общими для всех славянских языков². Следовательно, уже в эпоху славянского языкового единства предки современных славян были хорошо знакомы с рыболовством. Постепенно расселяясь в новые

¹ П. Н. Третьяков. Сельское хозяйство и промыслы. «История культуры Древней Руси», т. I. М.—Л., 1948.

² Ф. П. Филин. Образование языка восточных славян. М.—Л., 1962, стр. 116, 117; O. Ferianz. Slovenské názvoslovie rýb CSR a susediacích krajov. «Prírodovedný zborník», N 2. Praha, 1947.

области, они принесли туда не только свои наименования рыб, но и готовые навыки их добычи. Конечно, лов рыбы лишь там получил дальнейшее развитие, где имелись соответствующие географические условия. Территория Восточной Европы вполне отвечала этим требованиям. Ее в изобилии покрывали водоемы, богатые всевозможной рыбой. Уже это обстоятельство предполагало повсеместное распространение там рыболовства. И действительно, археологи обнаружили на многих восточнославянских памятниках второй половины I тысячелетия н. э. следы наличия рыбного промысла.

К сожалению, поселения указанного времени крайне бедны находками и интересующие нас предметы исчисляются единицами. Среди них известны массивные железные рыболовные крючки, части составных железных острог, тяжелые наконечники пешней, глиняные и каменные грузила от сетей. Поэтому основными данными, позволяющими судить о роли рыболовства, являются костные остатки и чешуя рыб. Но и они не всегда попадают в руки специалистов, это затрудняет использование этих находок в качестве исторического источника. Тем не менее, определенные наблюдения можно сделать уже сейчас.

География раннеславянских древностей VI—IX вв. в последнее время значительно расширилась. Открыты памятники на Надпорожье Днестра, в Потясминье, на Волыни, Южном Буге и других местах. Для большинства поселений характерна связь с водой, часто они располагались в пойме реки на небольших останцах, вероятно становившихся в половодье островами. При общем земледельческом укладе хозяйства этих селищ рыболовство в жизни их обитателей занимало немалое место. В жилых и хозяйственных постройках поселений в устье р. Тясмин найдены скопления рыбьих костей и чешуи, иногда залегающих целым слоем³. Близкая картина наблюдалась при раскопках у балки Яцевой в Надпорожье и на Южном Буге⁴. И хотя названные памятники не дали почти никаких орудий рыбного промысла, можно смело утверждать, что рыба входила в число основных продуктов питания людей, их оставивших. Чешуя и кости рыб часто встречались в предпечных ямах или в непосредственной бли-

зости от печей, то есть в местах, где рыбу разделявали и готовили в пищу. Все данные указывают на устойчивый, а не случайный характер рыболовства, являющегося наряду с земледелием и скотоводством важным источником пополнения запасов продовольствия. Главными орудиями добычи рыбы были, по-видимому, запорные системы типа езов и заколов с вставленными в них ловушками вроде морд и верш. Эти древние сооружения, редко попадающие в руки археологов, требуют определенного ухода и наблюдения за их сохранностью. Возможно, здесь кроется одна из причин близкого соседства с водоемами раннеславянских поселений.

Интересные результаты получены при раскопках Г. Г. Мезенцевой в районе Канева⁵. На огромном поселении VIII—IX вв., раскинувшись вдоль берега Днестра, было вскрыто 22 углубленных в землю жилища и несколько хозяйственных сооружений. Исследователи обнаружили много рыбьих костей и чешуи. В жилых помещениях они спрессовывались на полу или кучами лежали около печей. В одном случае (жилище 9) чешуя зафиксирована в изобилии на специальной материковой приступке — своеобразном кухонном столе⁶. Анализ костных остатков рыб позволил определить, что жители поселения ловили главным образом щук, затем лещей, язей и плотву⁷. В жилищах и культурном слое найдены также железные кованые крючки больших размеров (рис. 1, б) и обломки двух каменных грузил грушевидной формы⁸.

Археологические и палеоихтиологические данные дополняют друг друга. Крупных речных хищников (щук), как правило, ловили крючками или колющими орудиями. Поскольку щука превалировала в уловах жителей Каневского поселения, надо думать, что крючные орудия преобладали среди прочих рыболовных снарядов. Карповые рыбы (лещи, язи, плотва) добывались, скорее всего, сетями. Не исключена возможность применения в промысле и различных запорных систем. Факты говорят о том, что рыболовство в конце I тысячелетия н. э. в районе Канева было не второстепенной, а весьма существенной отраслью хозяйства.

Иная картина вырисовывается в результате исследования близкого по времени селища в

³ Д. Т. Березовец. Поселение уличей на р. Тясминь. МИА, № 108, 1963, стр. 157, 161, 168, 169.

⁴ А. Т. Брайчевская. Поселение у балки Яцевой в Надпорожье. Там же, стр. 253, 259, 263, 266, 270, 272, 274, 276; П. И. Хавлюк. Раннеславянские поселения Семенки и Самчицы в среднем течении Южного Буга. Там же, стр. 339.

⁵ Г. Г. Мезенцева. Канівське поселення полян. Київ, 1965.

⁶ Там же, стр. 34—36.

⁷ О. П. Корнеев. Фауна з розкопок підніжжя Великого скіфського городища Канівського району. «Матеріали до вивчення історії та природи Канівського заповідника». Київ, 1962, стр. 151.

⁸ Г. Г. Мезенцева. Указ. соч., стр. 70, 71.

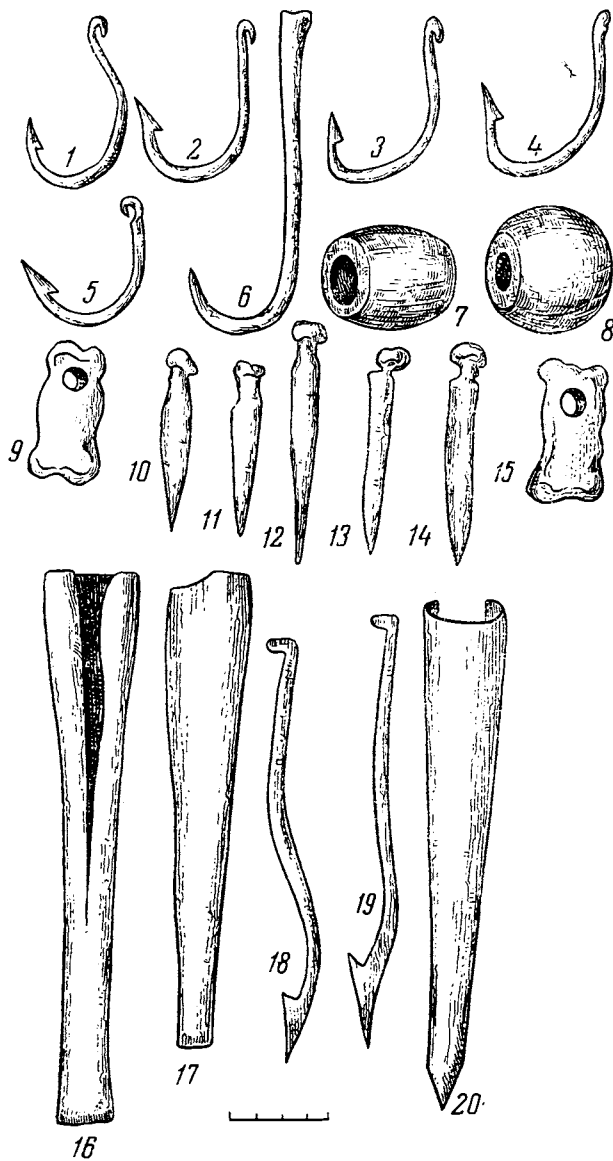

Рис. 1.

Орудия рыболовства, обнаруженные на раннеславянских памятниках VI—X вв.

1—6, 16—20 — железо; 7, 8 — глина; 9—15 — кость

Луке-Райковецкой. Находки, связанные с рыбным промыслом, представлены очень бедно. Обнаружены один железный рыболовный крючок⁹, незначительное количество рыбьих костей. Небольшая р. Гнилопять, протекавшая вблизи селища, конечно, не могла стать базой для развитого промысла рыбы.

⁹ В. К. Гончаров. Лука-Райковецкая. МИА, № 108, 1963, стр. 295.

Историю рыболовства на левобережье Днепра освещают многолетние раскопки роменско-боршевских городищ и селищ. Так, на городищах Новотроицком, Донецком, Кузнецовском, Титчихе в слоях VIII—начала X в. обнаружены крупные рыболовные крючки, изготовленные из четырехгранного железного стержня¹⁰. Крючки имеют на одном конце петлю для крепления лесы, а на другом — жало с оттянутой бородкой, удерживавшей приманку и пойманную рыбу (рис. 1, 1—5). Ближайшие аналоги этим крючкам известны на соседних памятниках салтово-маяцкой культуры¹¹, откуда они, по-видимому, и были заимствованы. Подобные крючки предназначались для лова крупной хищной рыбы (щук, сомов) на живца или другую насадку. Интересный набор рыболовных орудий происходит с Титчихинского городища. Помимо крючка вышеописанного типа там были найдены еще пять экземпляров рыболовных крючков, железный зуб от составной остроги, наконечник пещни для пробивания льда и глиняные грузила от сетей¹². Среди перечисленных предметов некоторые встречаются на древнерусских памятниках не ранее середины — конца X в. Особенно характерны в этом отношении железный крючок с длинным цевьем и боковой зуб составной остроги. Поэтому предложенная А. Н. Москаленко верхняя дата городища Титчиха — конец X в. — представляется вполне обоснованной¹³.

Кроме крючных снастей в роменско-боршевское время употреблялись сети, о чем говорят находки грузил (рис. 1, 7, 8). Грузила, как правило, изготовлены из обожженной глины. Они имеют вытянутую или округлую форму и сквозное отверстие. Такими грузилами могли снаряжаться небольшие сети типа современных бредней. Любопытная деталь выяснилась при раскопках Донецкого городища. Жители этого поселения в VIII—X вв. использовали в качестве сетяных грузил кости коровы (рис. 1, 9, 15)¹⁴. Найдены также и костяные острия, с помощью которых плелись сети (рис. 1,

¹⁰ И. И. Ляпушкин. Городище Новотроицкое. МИА, № 74, 1958, стр. 25, рис. 11; Б. А. Шрамко, Е. А. Цепкин. Рыболовство у жителей Донецкого городища в VIII—XIII вв. СА, 1963, № 2, стр. 74—76, рис. 1, 2; П. П. Ефименко, П. Н. Третьяков. Древнерусские поселения на Дону. МИА, № 8, 1948, стр. 99, табл. XVII, 3; А. Н. Москаленко. Городище Титчиха. Воронеж, 1965, стр. 73—77, рис. 17а.

¹¹ С. А. Плетнева. От кочевий к городам. М., 1967, стр. 148—151, рис. 39.

¹² А. Н. Москаленко. Указ. соч., стр. 75, рис. 17, б — ж.

¹³ А. Н. Москаленко. Указ. соч., стр. 142—152.

¹⁴ Б. А. Шрамко, Е. А. Цепкин. Указ. соч., стр. 76, рис. 1.

10—14). Причем в жилищах Большого Боршевского городища подобные орудия встречены несколько раз в комплектах по 3—5 штук, как и требовалось при вязании сетей¹⁵.

Помимо крючных, колющих и объецающих орудий рыбу, вероятно, ловили и с помощью заборных снарядов (езы, котцы, верши и т. д.), перегораживая ручьи и речки. Однако археологических доказательств этому нет.

На поселениях роменско-боршевских племен в жилищах и хозяйственных ямах исследователи не раз отмечали присутствие костей и чешуи рыб. По-видимому, в их пищевом рационе рыба была постоянным компонентом. Ее потребляли не только свежей, но и заготавливали впрок. На Большом Боршевском городище было вскрыто сооружение, получившее шифр погреб «Б». Из него извлекли костные остатки по крайней мере 16 судаков, 23 лещей, 11 жерехов, 4 вырезубов и 1 красноперки¹⁶. Можно полагать, что в древности здесь хранили вяленую рыбу.

Получить более полное представление о рыболовстве в интересующую нас эпоху позволяет следующая таблица.

Из таблицы видно, что основным объектом промысла были речные хищники: щука — повсеместно, судак, сом, окунь — в отдельных случаях. Остальные рыбы являлись или второстепенной, или случайной добычей. Нельзя не заметить сходства полученных данных с видовым составом рыб в уловах Каневского поселения. Значительное преобладание хищных рыб, особенно щук, над прочими указывает на широкое распространение крюковых и колющих орудий лова. Сетяные снасти имели меньшее значение. Такое сочетание указывает на неразвитый, индивидуальный характер рыболовства¹⁸. О малой интенсивности промысла свидетельствуют и вычисленные специалистами возраст и средние размеры некоторых видов рыб: щуки, леща, судака, сома и др. В уловах господствовали рыбы старших возрастных групп, средние размеры которых превосходили средние размеры современных рыб¹⁹. Следова-

¹⁵ П. П. Ефименко, П. Н. Третьяков. Указ. соч., стр. 49, табл. VIII.

¹⁶ А. Н. Световидов. К истории ихтиофауны р. Дона. МИА, № 8, 1948, стр. 124.

¹⁷ Таблица составлена по данным, опубликованным в работах: А. Н. Световидов. Указ. соч.; Б. А. Шрамко, Е. А. Цепкин. Указ. соч.; И. И. Ляпушкин. Указ. соч.; Е. К. Сычевская. Рыбы городища Титчиха. В кн.: А. Н. Москаленко. Указ. соч.; В. Д. Лебедев. Четвертичная ихтиофауна Европейской части СССР. МГУ, 1960.

¹⁸ А. Н. Световидов. Указ. соч., стр. 124.

¹⁹ П. П. Ефименко, П. Н. Третьяков. Указ. соч., стр. 49, табл. VIII.

Таблица I¹⁷

Поселение	Рыба								
	Осетр	Саврюга	Стерлядь	Щука	Судак	Окунь	Лещ	Язь	Сазан
Новотроицкое				×		×	+	—	—
Быстринское				×	×	+	—	—	—
Полтава	—			×		+	—	+	—
Донецкое				×		×	—	—	—
Большое Боршевское		—	—	×	+	—	+	—	—
Титчиха		—	—	×	×	—	+	—	—

Таблица I¹⁷ (окончание)

Поселение	Рыба							
	Жерех	Вырезуб	Покуст	Плотва	Красноперка	Линь	Карась	Сом
Новотроицкое								
Быстринское		—					—	
Полтава			—	—		—	—	+
Донецкое								
Большое Боршевское	—				—			—
Титчиха		+		—	+		—	×

Примечание: × — основной объект промысла; + — второстепенный; — — случайный.

тельно, рыбе стадо в то время было мало затронуто промыслом, базировавшимся на старших, наиболее крупных особях. При более интенсивном рыболовстве добываются и рыбы младшего возраста, зато темп роста оставшихся рыб возрастает, так как увеличивается их кормовая база.

Лучше уяснить характер славянского рыболовства VIII—X вв. в лесостепной зоне днепровского левобережья можно, сравнив его с приемами добычи рыбы в более раннее время. Для сопоставления целесообразно использовать материалы юхновских памятников. Во-первых, они располагались приблизительно в тех же местах, где впоследствии появились поселения роменско-боршевского типа. Во-вторых, юхновские коллекции дают хорошее представление о рыболовстве своей эпохи. При раскопках юхновских городищ сплошь и рядом встречались скопления глиняных и каменных грузил от сетей, найдены обломки гарпунов, рыболовные

крючки, а также целые пласты костных остатков и чешуи рыб²⁰.

Анализ палеоихтиологического материала показал, что в уловах помимо хищных господствовали карповые рыбы (лещ)²¹. Последнее обстоятельство вместе с археологическими фактами (массовые находки грузил) подтверждает широкое использование юхновцами сетей, которыми и добывали чаще всего карповых рыб. Поскольку среди грузил присутствует много тяжелых и крупных экземпляров, следует думать, что ведущими орудиями среди сетей были невода. Но лов сетями, особенно неводами, требует участия в нем целого коллектива людей (иногда свыше 10 человек). По-видимому, в течение столетий, разделявших юхновскую и роменско-боршевскую культуры, в методах добычи рыбы произошел определенный сдвиг: коллективный труд сменился индивидуальным промыслом. В каждом жилище самостоятельно изготавливали и хранили снасти; рядом в хозяйственных ямах находились личные запасы заготовленной впрок рыбы. Перед нами важное свидетельство распада большой семьи и выделения из нее самостоятельной хозяйственной ячейки — малой, парной семьи.

Наблюдения над изменениями в ассортименте рыболовных орудий подтверждают высказанную мысль. Их число увеличивается среди находок на более поздних памятниках, не говоря уже о слоях X в. собственно древнерусских поселений. Так, на городище Титчиха найдены 6 крючков разных типов, острога и пешня²², на селище Лебедка — крючки, части острог и 2 пешни²³; на селище у городища Хотомель — несколько острог²⁴ (рис. 1, 16—20). Конечно, для твердых выводов материала мало, но и он показателен. С одной стороны, количественный рост орудий рыболовства свидетельствует о его экономической значимости. С другой — процесс этот затрагивает в первую очередь снаряды индивидуального лова (крючные и колющие), что согласуется с предыдущими замечаниями.

Однако изложенные соображения ни в коей мере не умаляют значения рыболовства в хозяйстве раннеславянских племен и не подкрепляют мнения И. И. Ляпушкина о якобы су-

ществовавших тогда «рыболовах-любителях», изредка промышленявших рыбу²⁵. По неполным данным, как это следует из приведенной выше таблицы, промыслом было охвачено 17 видов рыб, распределявшихся по 5 семействам: осетровые, щуковые, окуневые, карповые и сомовые. На некоторых поселениях (Титчиха, Полтава) в уловах присутствовало до 12 видов рыб. Причем вылавливались и такие ценные рыбы, как осетр, севрюга, стерлядь, судак, сазан и др. Техничный арсенал древних рыбаков был достаточно разнообразен: крючные и колющие орудия, сети, ловушки. Последние играли более заметную роль, чем это кажется на первый взгляд. Остатки костей и чешуи рыб, обнаруженные на многих памятниках, при полном отсутствии каких-либо следов рыболовных орудий указывают, по-видимому, на широкое применение ловушек и заколов, изготовленных из сучьев и прутьев. Деревянные изделия редко сохраняются в земле и мало известны археологам.

Среди крючных снастей наблюдается узкая специализация: найдены крючки разных размеров, с бородкой и без нее. Следовательно, они предназначались каждый для ловли определенного сорта рыбы. Рыболовством были затронуты всякие водоемы: проточные и непроточные. Карась и линь — типичные жители стоячих вод — часто встречаются в ихтиологических находках. Видимо, славяне не проходили мимо небольших озер и стариц. Именно вблизи таких водоемов в пойме Десны М. В. Воеводский отмечал кратковременные стойбища роменско-боршевского времени²⁶. Рыбу ловили круглый год, не только летом, но и зимой сквозь лунки во льду. Лед пробивали железными пешнями. Массивные наконечники пешней найдены в Титчихе и на селище Лебедка. Находки рыбьих костей и чешуи, иногда в анатомическом порядке, в хозяйственных ямах говорят об умении сохранять рыбу длительный срок. Ее, наверное, вялили, сушили, солили и сберегали мороженой.

Подводя итог краткому исследованию рыболовства у ранних славян, необходимо подчеркнуть несколько моментов. Вопреки бытующему мнению лов рыбы с развитием земледелия и скотоводства не потерял своего значения и не выродился в третьестепенную отрасль хозяйства. Техника рыбного промысла постоянно совершенствовалась и в эпоху Киевской Руси до-

²⁰ В. П. Левенко. Юхновская культура. СА, 1963, № 3, стр. 81—82.

²¹ В. Д. Лебедев. Указ. соч., стр. 288, 289.

²² А. Н. Москаленко. Указ. соч., стр. 75.

²³ Т. Н. Никольская. Древнерусское селище Лебедка. СА, 1957, № 3, стр. 186—187, рис. 8, 10.

²⁴ Ю. В. Кузаренко. Раскопки на городище и селище Хотомель. КСИИМК, вып. 68, 1957, стр. 93, 94, рис. 35.

²⁵ И. И. Ляпушкин. Указ. соч., стр. 216.

²⁶ М. В. Воеводский. Городища Десны. «Археологічні пам'ятки УРСР», т. I. Київ, 1949, стр. 108, 109.

стигла высокого уровня. Рыба широко употреблялась в пищу и являлась важным компонентом питания. Не следует думать, что рыболовство было чем-то вроде забавы, отдыхом от повседневного земледельческого труда. Эффективная добыча рыбы требовала большой затраты сил, энергии и времени. Это была тяжелая, круглогодичная, часто ночная работа. Ее необходимость диктовалась тем, что хлебопашество и скотоводство не всегда гарантировали прожиточный минимум. После частых стихийных бедствий и вооруженных конфликтов, уничтожавших урожай и поголовье скота, другие источники пищи (рыболовство, охота и пр.) становились единственным средством существования.

Рыбу ловили повсеместно, где имелись водоемы. Каждая семья самостоятельно заботилась о пополнении своих запасов различными продуктами, в том числе и рыбой. Поэтому вряд ли разумно подразделять хозяйственную деятельность древних славян на многочисленные виды по степени их важности. Экономика базировалась на земледелии, но имела довольно замкнутый характер. Все циклы работ, все отрасли хозяйства были тесно связаны между собой. Урон, понесенный одной из них, немедленно сказывался на других и на общем благосостоянии. С полным правом можно утверждать, что рыболовство у восточных славян в VI—X вв. имело большое хозяйственное значение.

Ю. А. КРАСНОВ К ПРОБЛЕМЕ ЭВОЛЮЦИИ РАЛА

(Москва)

(об одном широко распространенном заблуждении)

Как известно, древнейшие упряжные пахотные орудия вообще и в Европе в частности принадлежали к типу рала. Ралом принято называть безотвальное пахотное орудие с низким прикреплением тяговой силы и, следовательно, низко расположенным центром тяжести, подрезающее почву своим рабочим концом — симметричным ральником — и раздвигающее ее по обе стороны¹. По устройству рабочей части и способу работы рала принято разделять на два типа: бесполозные рала, у которых ральник в рабочем положении находится под углом к почве, и рала с полозом (или подошвенные рала), у которых ральник при работе находится в горизонтальном положении, а в образовании борозды принимает участие не только конец ральника, но и весь корпус полоза или ползуна.

Различия в положении ральника — главной части орудия — определяют и различия в агротехнических свойствах рал. Бесполозное рало неустойчиво в работе. Оно может проделывать только узкую и относительно неглубокую борозду, в разрезе напоминающую форму клина. Поэтому как бы близко друг к другу ни проводил борозды пахарь, между ними всегда оставались нетронутые орудием полосы земли. Ликвидировать этот недостаток можно было лишь неоднократной перекрестной вспашкой. Бесполозное рало не подрезало пласт почвы, а лишь разрыхляло его сверху,

в результате чего не уничтожались корни сорняков. Рало с полозом было лишено многих из этих недостатков. Проведенные им борозды были шире и глубже, оно могло подрезать снизу довольно широкий пласт земли, лучше уничтожал корни сорняков. Хотя оно и не имело отвала, наклоняя орудие в ту или иную сторону, можно было добиться частичного оборота пласта вспахиваемой земли. Рало с полозом уже не оставляло между бороздами значительных полос нетронутой почвы, что могло исключать повторную перекрестную вспашку. По своему действию рало с полозом приближалось к орудиям плужного типа. И если бесполозное рало с наибольшим эффектом могло использоваться на мягких или старопашотных почвах, то при помощи рала с полозом, даже лишено железного наконечника, можно было обрабатывать и более твердые почвы, в том числе покрытые густой травянистой растительностью.

Однако бесполозные рала обладают рядом достоинств, отсутствующих у подошвенных рал. Они более поворотливы, легко меняют глубину вспашки. Поэтому ими с большим успехом можно было работать на почвах, засоренных камнями или корнями деревьев, а также на маломощных почвах, где излишняя глубина вспашки вредна. Благодаря тому что при работе бесполозное рало опирается только на конец ральника, оно с успехом могло применяться на вязких и липких почвах, так как малая площадь соприкосновения с почвой уменьшала залипание и, следовательно, необходимую силу тяги. Бесполозные рала были незаменимы и в

¹ Д. В. Найдич-Москаленко. О принципах классификации русских пахотных орудий. СЭ, 1951, № 4, стр. 48.

качестве культиваторов. Этими характерными чертами и объясняется сохранение бесполозных рал вплоть до недавнего времени. Поэтому вряд ли можно безотносительно говорить о большем или меньшем совершенстве этих двух типов рал: каждое из них имело свои достоинства и недостатки, каждое имело свою сферу применения в зависимости от типов почв, применяемой системы земледелия, характера работы и т. п.

Тем не менее, учитывая различное агротехническое воздействие на почву бесполозных рал и рал с полозом, их возможности для обработки различных типов почв, следует считать вопрос о времени появления рал с полозом далеко не формальным и связанным не только с проблемой эволюции пахотных орудий. Этот вопрос важен и в плане определения возможностей ведения земледельческого хозяйства в целом, его продуктивности и производительности, возможности освоения новых земель.

В советской археологической литературе установилось мнение, что рало с полозом как более совершенный тип пахотного орудия является и исторически более поздним типом. Его появление расценивается как важный прогрессивный шаг в истории земледелия, имевший большое историческое значение. При этом предполагается, что на восточнославянской территории в первой половине I тысячелетия н. э. бесполозное рало было «основным и единственным пашенным орудием», а рало с полозом появляется лишь во второй половине этого тысячелетия, сосуществуя с бесполозным ралом². Некоторые исследователи, опираясь на находки наконечников пахотных орудий в Загайканах, Криничном, Волошском, Дарьевке и других поселениях, несколько отодвигают дату появления полозных рал, считая, что они уже существовали в черняховское время³. Однако те основания, на которых делался вывод о столь позднем появлении рал с полозом в Восточной Европе, никогда и никем не подвергались сомнению и критической оценке.

Основанием же для такого заключения послужило не исследование самих древних рал, а изу-

чение железных наральных, известных из археологических находок. По особенностям конструкции наральных делался вывод о конструкции самих пахотных орудий, что весьма сложно.

Еще в 30-х годах В. И. Масловым наральники из археологических находок были разделены по признаку ширины лопасти на узколопастные, у которых рабочий конец уже втулки (трубицы) или равен ей по ширине, и широколопастные, имеющие рабочий конец более широкий, чем втулка, и отделенный от последней более или менее ярко выраженными плечиками. Последние он называл лемехами⁴.

Позднее все узколопастные наральники стали рассматриваться как принадлежащие бесполозному ралу, а все широколопастные — ралу с полозом. Этот тезис наиболее подробно рассмотрен и аргументирован в работах В. И. Довженка и впервые выдвинут им, если не ошибаясь, в статье, опубликованной еще в 1952 г.⁵ В фундаментальной работе о земледелии Древней Руси, вышедшей в 1961 г., он писал по этому поводу: «Важнейшей чертой узколопастных наральных, которая определяла функциональные особенности орудия в целом, было то, что их лопасть была уже втулки. Такая форма исключает возможность работы орудия в горизонтальном положении, параллельно поверхности почвы. Лопасть нарального, будучи уже втулки, не могла проделать борозду такой ширины, которая была бы достаточна для свободного прохода по ней втулки. При горизонтальном движении нарального втулка должна лежать на одном уровне с лопастью, а поскольку она шире, чем лопасть и та борозда, которую проделывает лопасть, то она обязательно должна застревать в борозде и мешать движению орудия. Следовательно, втулка узколопастного нарального во время работы должна находиться выше лопасти, иначе говоря, весь наральный должен находиться в наклонном положении, под определенным углом к поверхности почвы»⁶, то есть принадлежать ралу без полоза. Наоборот, «важнейшей отличительной чертой широколопастных наральных является то, что у них лопасть значительно шире втулки. Благодаря этому такие орудия проделывают достаточно широкую борозду для про-

² В. И. Довженко. Землеробство древньої Русі. Київ, 1961, стр. 60—61.

³ См., например: И. И. Ляпушкин. Памятники культуры полей погребений первой половины I тысячелетия н. э. днепровского лесостепного левобережья. СА, XIII, 1950; Э. А. Рикман. Находки сельскохозяйственных орудий и зерен злаков на селищах черняховского типа. КСИИМК, вып. 77, 1959; Б. А. Рыбаков, А. В. Кирьянов. Рец. на кн.: В. И. Довженко. Землеробство древньої Русі. СА, 1962, № 3.

⁴ В. И. Маслов. Рільниче знаряддя і техніка за пам'ятками Райковекого городища феодальної доби. «Наукові записки ІА АН УРСР», кн. I, 1937.

⁵ В. И. Довженко. Земледелие у восточных славян в I тысячелетии н. э. и в эпоху Киевской Руси. «Материалы по истории земледелия СССР», сб. 1. М.—Л., 1952, стр. 119.

⁶ В. И. Довженко. Землеробство древньої Русі, стр. 61.

хода в ней втулки, которая находится во время работы на одном уровне с лопастью. Это позволяло при пахоте держать орудие в горизонтальном положении. Для работы в наклонном положении, под углом к почве, широколопастные наральники были совсем не пригодны. Широкая лопасть не давала возможности преодолевать сопротивление грунта..., а узкая втулка была совсем не пригодна для укрепления наральника в наклонном положении»⁷.

Признаку ширины лопасти В. И. Довженок придает столь большое значение, что термины «рало с полозом» и «широколопастное рало» употребляет в качестве синонимов, как и термины «бесполозное рало» и «узколопастное рало».

Эти мысли нашли широкое распространение в литературе по истории земледелия. С такой периодизацией истории восточнославянских пахотных орудий и ее основаниями согласился А. В. Кирьянов в рецензии на цитированную книгу В. И. Довженка⁸. На том же основании, считая его совершенно правильным, А. В. Кирьянов определяет время появления полозного рала у восточных славян в недавно вышедшей коллективной работе «Возникновение и развитие земледелия»⁹. В. П. Левашева в работе о сельском хозяйстве древнерусской деревни также склонна считать необходимой принадлежностью рала с полозом лишь широколопастные наральники (по ее терминологии — перовые). Она пишет: «Рала с горизонтальной подошвой имеют перовые сошники [точнее — наральники.— Ю. К.] с острыми краями и рабочая часть их шире трубицы; это необходимо для того, чтобы при горизонтальном движении разрыхлить борозду более широкую, чем конец станины с трубицей, тогда деревянная подошва пойдет по этой борозде без затора»¹⁰. Признаком же наральников для бесполозных рал она считает их «языковидную форму» с расширением ко втулке¹¹, то есть наличие узкой лопасти. Мысль, как видим, та же, что у В. И. Довженка и А. В. Кирьянова. Это положение без возражений было принято и Г. Е. Кочиним в его книге¹², вообще отличающейся критическим отно-

шением к источникам, особенно археологическим.

Итак, предполагается, что при отсутствии находок самих пахотных орудий показателем существования бесполозных рал должно служить наличие в археологическом материале только узколопастных наральников, а время появления рала с полозом фиксируется появлением широколопастных наральников. А так как узколопастные наральники предшествуют по времени появлению широколопастных наральников не только на восточнославянской территории, но и во всей Европе, вполне логично распространить изложенные взгляды и на другие территории, придав им всеобщее значение. Тогда на основании древнейших находок широколопастных наральников время появления рала с полозом в Средней и Западной Европе следует отнести примерно к I в. до н. э.

Но такой вывод находится в явном противоречии с имеющимся материалом по истории пахотных орудий, и странно, что на это противоречие до сих пор не было обращено внимание исследователей. Судя по находкам подлинных пахотных орудий и их изображениям, рало с полозом имеет в Европе отнюдь не меньшую древность, чем бесполозные рала. Самым ранним свидетельством употребления рал этого типа является скульптурная группа из Вуноса (Кипр), изображающая две упряжки в процессе пахоты. Статуэтка из Вуноса датируется самым концом III тысячелетия до н. э.¹³ Изображения таких же рал имеются на пиктографических табличках из Кносса рубежа III—II и начала II тысячелетия до н. э.¹⁴. К типу кривоградильных рал с полозом относится пахотное орудие, найденное в культурном слое торфяникового поселения Лаго ди Ледро в Северной Италии, относящегося к эпохе бронзы¹⁵. Среди рал, известных из торфяников Северной Европы и относящихся к эпохе бронзы, имеются и рала с горизонтальным полозом. Таковы орудия из Валле (ФРГ)¹⁶, Хворслева (Дания)¹⁷. Такие же рала наряду с бесполозными изображены на скальных рисунках Вал Камоники в

⁷ Там же, стр. 66.

⁸ Б. А. Рыбаков, А. В. Кирьянов. Указ. соч., стр. 327—328.

⁹ В. М. Массон, И. Т. Кругликова, А. В. Кирьянов. Возникновение и развитие земледелия. М., 1967, стр. 166—167, 176.

¹⁰ В. П. Левашева. Сельское хозяйство. «Очерки по истории русской деревни X—XIII вв.» «Труды ГИМ», вып. 32. М., 1956, стр. 29.

¹¹ Там же, стр. 27—28.

¹² Г. Е. Кочин. Сельское хозяйство на Руси конца XIII — начала XVI в. М.—Л., 1965, стр. 49.

¹³ P. Diraios. Ploughing in Cyprus in the Early bronze age. «Man», 1933, № 134.

¹⁴ A. I. Evans. Scripta Minoa, T. I. Oxford, N 86^a, 93^a, 105^b, 116^b и др.

¹⁵ R. Battaglia. La palafitta del Lago di Ledro nel Tridentino. «Memoire del Museo di Storia Naturale della Venezia Tridentina», вып. VII, 1943, табл. VIIa.

¹⁶ P. V. Glob. Ard og Plovi Nordens Oldtid. Aarhus, 1951, рис. 15, стр. 22—23.

¹⁷ P. V. Glob. Указ. соч., рис. 7, стр. 14—16.

Приморских Альпах¹⁸ и Богуслене (Швеция)¹⁹, датирующихся также эпохой бронзы.

Рала с полозом были широко распространены в Европе и в эпоху раннего железа, причем с начала этого периода, задолго до появления широколопастных наральников. Все известные нам изображения древнегреческих рал дают представления о ралах с полозом²⁰. Широко известны скульптурные изображения рал с полозом из Италии, начиная с этрусского периода и кончая поздней империей, а также изображения таких рал на монетах²¹. Ряд находок рал с полозом эпохи раннего железа известен в Средней и Северной Европе (Веббеструп, Събек, Низум, Дабергготц, Папово, Виеворки и др.)²².

В этом отношении не составляет исключения и Восточная Европа. Одно из древнейших в Европе и древнейшее в Восточной Европе изображение пахотных орудий на стеле из кургана Бахчи-Эли близ Симферополя дает представление о прямогрядильном рале с коротким горизонтальным ползуном²³. К типу кривогрядильных рал с полозом относятся пахотные орудия, найденные в торфяниках у с. Токари Сумской обл. УССР²⁴, с. Сергеевск Стародубского района Брянской обл., с Жабчици (Полесье) Черниговской обл.²⁵, а также у дер. Каплановичи Минской обл.²⁶ Первые два могут датироваться скифским временем, третье, — возможно, переходным периодом от эпохи бронзы к эпохе раннего железа. Датировка рала из Каплановичей недостаточно ясна, но, возможно, оно также относится к эпохе раннего железа. Все эти орудия употреблялись без железных наконечников.

¹⁸ P. V. Glob. Plovbilder i Val Camonica. «Kuml», 1954, рис. 6.

¹⁹ P. V. Glob. Ard og Plovi..., рис. 23, 26, стр. 25—28.

²⁰ В. М. Массон, И. Т. Кругликова, А. В. Курьянов. Указ. соч., стр. 104; P. Leser. Entstehung und Verbreitung des Pflüges. Münster, 1931, рис. 92—95, табл. 9; A. S. F. Gow. The Ancient Plough. «Journal of Hellenic Studies», т. XXIV, вып. 2. London, 1914, табл. XVII.

²¹ P. Leser. Указ. соч., рис. 97—100, табл. 10 и др.; A. S. F. Gow. Указ. соч., стр. 252, рис. 2 и др.

²² P. V. Glob. Ard og Plovi..., рис. 9—10, стр. 16—19; рис. 12, стр. 19—20; рис. 13—14, стр. 20—22; рис. 16, стр. 23—24; рис. 18, стр. 20—21, 24—25.

²³ Б. А. Шрамко. Древний деревянный плуг из Сергеевского торфяника. СА, 1964, № 4, стр. 96—99, рис. 5—6.

²⁴ Б. А. Шрамко. К вопросу о технике земледелия у племен скифского времени в Восточной Европе. СА, 1961, № 1, рис. 1.

²⁵ Б. А. Шрамко. Древний деревянный плуг из Сергеевского торфяника, рис. 1.

²⁶ Э. М. Загорюльский. Археология Белоруссии. Минск, 1965, стр. 60.

Таким образом, совершенно неоспорима глубокая древность рал с полозом на всей территории Европы, в том числе и на восточнославянских землях. Такое орудие появляется в Европе по крайней мере за два — два с половиной тысячелетия до появления широколопастных наральников.

Нет никаких оснований предполагать и то, что железные наконечники для рабочих частей рал впервые стали применять лишь для таких орудий, не имеющих полоза, чем можно было бы объяснить отсутствие широколопастных наральников до I в. до н. э. в Средней и Западной Европе и до III—IV вв. н. э. в Восточной.

Остается предположить, что неправильным является само исходное положение о том, что узколопастные наральники не могли применяться для рал с полозом. Действительно, утверждение о том, что лопасть такого наральника, работающего горизонтально к поверхности почвы, будучи уже втулки, не могла проделать борозду достаточной ширины для движения полоза, затормаживала его ход и делала невозможным движение всего орудия, представляется совершенно несостоятельным, причем эта несостоятельность вполне очевидна. Ведь орудие двигалось не в твердой, а в относительно мягкой среде, какой являлась вспахиваемая почва. Как же в таком случае осуществлялось движение рала с полозом без железного наконечника? Ведь форма ральника таких пахотных орудий клиновидна, передний конец его всегда уже заднего и иным быть не может. Более или менее острый нос ральника таких орудий взрывал землю, а более широкая задняя часть полоза расширяла давлением боковых сторон образованную борозду. Конечно, сопротивление земли движению подошвенного рала было значительным, но ни в коем случае не в такой степени, чтобы затруднить, а тем более сделать невозможным движение орудия. Точно таким образом могло происходить движение рала с полозом, на рабочий конец которого надет железный узколопастной наральник, повторяющий форму деревянного рабочего конца подошвенного рала.

Этнографические данные свидетельствуют о том, что рала с горизонтальным полозом могут иметь и пмеют железные наральники, передняя рабочая часть которых (лопасть) уже втулки. Укажем на рала из Кафиристана²⁷, Сирии²⁸, с о. Готланд²⁹, из Румынии³⁰ и др., при-

²⁷ «Народы Передней Азии». М., 1957, стр. 137.

²⁸ Там же, стр. 454.

²⁹ E. Erixon. Svenska arder. «Liv och Folkknetur», т. I. Stockholm, 1949, рис. 28.

³⁰ B. Brentjes. Untersuchungen zur Geschichte des Pflü-

чем подобный список можно было бы значительно продолжить. Примеры узколопастных наральников, надевавшихся на рабочую часть рала с полозом, можно найти и среди древних изображений пахотных орудий. Укажем на известную статуэтку из Чивитта-Кастеллиано (Италия), изображающую рало с полозом. На рабочий конец его надет наральник в виде трубки, втулка которой значительно шире острия³¹. Подобный же наральник имело рало, изображенное на чернофигурном сосуде из Лувра³².

Цель применения железных наральников с узкой лопастью или иного типа, повторяющих форму рабочей части подошвенного рала, заключается прежде всего в том, чтобы укрепить деревянный ральник, предохранить его от быстрого размочаливания или поломки, что было особенно важно при обработке плотных, покрытых мощной дерниной почв. Поэтому рабочий конец таких рал нередко просто оковывали куском железа и лишь затем стали употреблять более удобные съемные наральники, первоначально просто повторявшие форму рабочего конца деревянного ральника.

Очевидно, что появление широколопастных наральников отнюдь не знаменует собой появление нового типа пахотного орудия — рала с полозом. Их появление — лишь важный шаг на пути развития самих наральников, которые теперь становятся более приспособленными к проведению широкой борозды и борьбе с корневой системой травянистой растительности. Широкая лопасть наральника и его плечики способствовали также разламыванию подрезаемой дернины, частичному обороту пласта вспахиваемой земли. Таким образом, появление широколопастных наральников было важным шагом на пути превращения рала с полозом в плуг.

Нет достаточных оснований считать и все широколопастные наральники принадлежностью рала с полозом. Действительно, слишком широкая лопасть для наральников бесполозных рал, особенно работающих под значительным углом к почве, нецелесообразна. Однако многие бесполозные рала имеют такую установку ральника, что он работает под очень небольшим углом к почве. В этом случае наличие более широкой, чем втулка, лопасти на нем является желательным по тем же причинам, по каким желательна она и для рал с по-

лозом. Если мы обратимся к пахотным орудиям, известным по этнографическим данным, то легко сможем убедиться в возможности употребления широколопастных наральников на ралах без полоза. Укажем на бесполозные рала из южного Загроса³³, «Hoch» и «Stichelpflug» из некоторых областей Средней Европы³⁴, рало из окрестностей Ковеля³⁵ и с о. Вихтерпол в Эстонии³⁶. Вспомним также первые сошники русских сох, работавшие в наклонном положении. Вполне очевидно, что установка широколопастных наральников на бесположном рале отнюдь не может привести к тому, что движение орудия станет невозможным благодаря большому сопротивлению почвы, как это утверждает В. И. Довженок.

Итак, изложенный археологический и этнографический материал указывает, что наличие у железных втульчатых наральников лопасти более широкой или более узкой, чем втулка, не может служить достаточным основанием для отнесения их к подошвенным или бесположным ралам, а делаемые на этом основании выводы о времени появления рал с полозом неминуемо приводят к серьезным ошибкам. При попытках суждения об особенностях конструкции рала по остаткам его железных наконечников необходимо исходить из иных признаков, характеризующих наральник. При этом в каждом конкретном случае вопрос должен решаться индивидуально для каждого наральника, с учетом не одного, а нескольких признаков. Действительно, по этнографическим данным, типы рал были весьма разнообразны, а наральники, изготовлявшиеся деревенскими мастерами, были далеки от стандартизации.

Можно указать несколько общих признаков, помогающих различать наральники, работавшие в наклонном положении или горизонтально³⁷. Так, наральники, неповрежденное острие которых не достигает плоскости, образуемой нижними гранями втулки, также не подверг-

ges. «Wissenschaftliche Zeitschrift der Martin-Lüter-Universität Halle — Wittenberg», т. 10, ч. II, 1952—1953, табл. VII, рис. 60.

³¹ M. Rostowzeff. Economics and social history of the Roman Empire. Oxford, 1926, стр. 20, табл. 3.

³² A. S. F. Gow. Указ. соч., табл. I.

³³ B. Brentjes. Untersuchungen zur Geschichte des Pfluges, табл. I, рис. 40.

³⁴ A. G. Haudricourt, M. I.-B. Delamarre. L'homme et la Charrue à Travers le Monde. Paris, 1955, стр. 198, рис. 75—76.

³⁵ K. Moszyński. Kultura ludowa sloviań. Kraków, 1929, рис. 125.

³⁶ P. Leser. Указ. соч., рис. 80.

³⁷ Подчеркиваем, что речь идет именно о положении наральника, а не о типах рала. Некоторые рала с полозом имеют наральники, закрепленные в наклонном положении, как, например, известное из этнографии бранденбургское рало или орудия типа даберготцского рала. Некоторые рала с наискось срезанным передним концом высокого полоза также могли иметь наральник, закреплявшийся несколько наклонно.

шейся деформации, а внешняя сторона более или менее плоская, не могли работать в наклонном положении. Наральники, острие которых загнуто книзу и лежит на плоскости, образуемой нижними гранями втулки, также не могли работать в наклонном положении. На это в свое время обращал внимание В. И. Довженок³⁸, но этот признак в его последующих работах отступил перед признаком ширины лопасти. По нашему же мнению, это наиболее важный из интересующих нас признаков. Далее, расширяющаяся к тыльной стороне втулка скорее свидетельствует о закреплении наральника на горизонтальном полозе, который обычно имеет форму клина. Наоборот, втулка, одинаковая по ширине на протяжении всей своей длины, говорит о вероятности наклонного закрепления ральника. Но здесь могут быть

исключения, и этот признак необходимо коррелировать с другими. Следует отметить далее, что продольное утолщение посредине лопасти скорее свидетельствует о работе наральника в наклонном положении, когда он испытывает большую силу сопротивления почвы. Определенные данные о способе закрепления наральника могут дать сведения о его поперечном сечении, толщине пластины, из которой сделан наральник, а также следы сработанности на нем, к сожалению, далеко не всегда заметные³⁹.

Указанные выше методические приемы отнюдь не совершенны и требуют дальнейшей разработки с учетом данных земледельческой техники, а также широкого привлечения этнографического материала.

³⁸ В. И. Довженок. Земледелие у восточных славян в I тысячелетии н.э. и в эпоху Киевской Руси, стр. 130.

³⁹ F. Sach. Radlo a pluh na uzemi Československa. «Vědecké práce ustředí pro studium vyvoje v zemědělství Csaru. Zemědělské muzeum v Praze», вып. 5. Praha, 1961.

Л. А. ГОЛУБЕВА К ПРОБЛЕМЕ ЭТНОГЕНЕЗА ВЕСИ

(Москва)

После выхода в свет в 1965 г. работы В. В. Пименова «Вепсы» вопрос, стоящий перед историками в недавнем прошлом, — «куда исчезла древняя весь?» — можно считать окончательно решенным. Весь не исчезла, а сохранилась в своих потомках — народе вепсов. Однако не менее важный вопрос о времени и месте формирования веси до того момента, когда письменные источники и археологические памятники засвидетельствовали ее существование в бассейне Белого озера¹, остается пока без ответа.

Весь упоминается уже в VI в. готским историком Иорданом наряду с такими угро-финскими народностями, как меря и мордва. Однако в отличие от последних археологические памятники веси I тысячелетия н. э. неизвестны. В силу этого проблема этногенеза веси продолжает оставаться нерешенной. Следует признать, что ей до сих пор не уделялось специального внимания. Можно назвать лишь несколько мнений, высказанных исследователями попутно. Так, А. П. Смирнов в ряде своих работ относит весь к восточной группе финно-угров, под-

черкивая ее генетическую связь с такими народами, как коми, мари, мурома, удмурты².

В наши дни вепсы и коми не являются соседями. Однако есть основания говорить о близких контактах между предками коми (зырян) и вепсов. Об этом свидетельствует наличие среди коми-зырян беломорского и восточнобалтийского (характерного для вепсов) антропологических типов, в то время как другим группам коми свойствен вятско-камский сублапоноидный тип. Это подтверждают и прибалтийско-финские заимствования в коми-зырянском языке, о которых писали В. И. Лыткин и Г. Н. Макаров, а также топонимика вепского происхождения в бассейне Северной Двины³. На некоторые общие черты в домостроительстве, обрядах и одежде вепсов и коми-зырян указывают и этнографы.

В 1958 г. гипотезу о восточной прародине веси предложили О. Н. Бадер и В. А. Оборин.

¹ Л. А. Голубева. Археологические памятники веси на Белом озере. СА, 1962, № 3; Н. В. Тухтина. Об этническом составе населения бассейна р. Шексны в X—XII вв. «Археологический сборник. Труды ГИМ», вып. 40. М., 1966.

² А. П. Смирнов. Финно-угорские племена в первой половине I тысячелетия н. э. «Очерки по истории СССР. III—IX вв.» М., 1956, стр. 151; *Он же*. Угро-финские племена. «История СССР с древнейших времен до наших дней», т. I. М., 1966, стр. 212.

³ А. И. Попов. Основные задачи исследования финно-угорской и самодийской топонимии СССР. Сб. «Вопросы финно-угорского языкознания». М.—Л., 1964, стр. 206.

Они высказали мнение о принадлежности ванвиздинской культуры бассейна Вычегды, в то время относимой исследователями к VIII—VII вв. до н. э., предкам вепсов⁴. Позднее к этому присоединился Л. П. Лашук⁵. Со временем эта точка зрения не подтвердилась. По мнению Г. М. Бурова⁶, ванвиздинская культура, получившая новую дату (IV—IX вв. н. э.), принимает непосредственное участие в этногенезе коми-зырян. Этническая принадлежность ванвиздинской культуры спорна. Г. М. Буров относит ее к кругу угроидных культур западносибирского типа, В. И. Канивец и Э. А. Савельева⁷ — к одной из пермских групп восточнофинских племен.

Д. В. Бубрих⁸ и В. В. Пименов, исходя из принадлежности вепсов (а также и веси) по языку к прибалтийско-финской или западной группе финно-угорских народов, высказываются за западную прародину веси-вепсов.

В. В. Пименов, опираясь только на данные языкознания, реконструирует прародину веси где-то на восточной периферии Прибалтики⁹. Отсюда, по его мнению, происходило перемещение предков вепсов на восток. На рубеже I—II тысячелетий н. э. весь занимала обширный район к западу от Белоозера, так, что белозерские ее группы представляли собой крайнюю восточную периферию основного района ее расселения. Отдельные группы веси продвинулись еще восточнее — в район Каргополя, на Онегу, Вагу, Северную Двину (Чуть Заволоцкая). В бассейне Северной Двины и могли иметь место контакты предков вепсов и коми-зырян. Сторонники западной прародины веси допускают сравнительно позднее — не ранее конца I тысячелетия н. э. — время установления таких контактов.

На основе известных в настоящее время археологических памятников прибалтийская прародина веси не может быть реконструирована.

⁴ О. Н. Бадер и В. А. Оборин. На заре истории Прикамья. Пермь, 1956, стр. 165.

⁵ Л. П. Лашук. Этническая история и национальная консолидация коми (зырян). Автореф. докт. дисс. М., 1954, стр. 10.

⁶ Г. М. Буров, Г. А. Серебрянников. Некоторые вопросы этногенеза коми в свете археологических и лингвистических данных... «Acta Linguistica Academiae Scientiarum Hungaricae», т. 17. Budapest, 1967, стр. 301—320.

⁷ Э. А. Савельева и В. И. Канивец. Некоторые вопросы этногенеза коми в свете археологических источников. «Всероссийная конференция по финно-угроведению». Сыктывкар, 1965, стр. 157.

⁸ Д. В. Бубрих. Происхождение карельского народа. Петрозаводск, 1947.

⁹ В. В. Пименов. Вепсы. М., 1965, стр. 19.

Третья точка зрения, принадлежащая П. Н. Третьякову, предполагает, что весь, как и мера, формировалась на исконной территории своего обитания. В 1956 г. П. Н. Третьяков писал: «Дьяковские племена — это древние финно-угорские племена Поволжья и Севера, непосредственные предки известных по летописи веси, мери и муромы»¹⁰.

В другой своей работе он указывал, что от Верхнего Поволжья «городища с сетчатой керамикой шли широкой полосой на северо-запад — к Ладожскому и Онежскому озерам (где лежали впоследствии земли веси), к Финскому и Рижскому заливам, где обитали прибалтийские чудские племена, и заходили на территорию Карелии и Финляндии»¹¹. Позже П. Н. Третьяков отмечал особенность территории к северу от излучины Волги и Рыбинского моря (земли веси. — Л. Г.), заключающуюся в том, что городища дьякова типа здесь неизвестны. Вместо них «в районе Белого озера имеются неукрепленные поселения с текстильной и позднекаргопольской керамикой, относящиеся к тому же времени, что и городища»¹².

На карте «Основные группы городищ раннего железного века Восточной Европы» (стр. 122—123, рис. 31) П. Н. Третьяков называет эти поселения позднекаргопольскими.

П. Н. Третьяков указывает верное направление в поисках той группы памятников I тысячелетия н. э., которые помогут связать древности веси X—XII вв. с памятниками культуры сетчатой керамики.

Обширность земли веси в X в. заставляет предполагать, что процесс развития сетчатой керамики мог иметь локальные особенности и, например в Приладожье, протекать несколько иначе, чем в Белозерье. Поэтому для нашей цели правомерно ограничиться территорией белозерской веси. Последняя к концу I тысячелетия н. э. занимала бассейн озер Воже, Лаче, рек Шексны (древний Белозерский край) и Мологи.

Отправной точкой на пути наших поисков генезиса веси является позднекаргопольская культура. Первоначально выделенная М. Е. Фосс в качестве позднего этапа неолитической каргопольской культуры бассейна озер Кинема-Воже-Лаче, позднекаргопольская культура

¹⁰ П. Н. Третьяков. Финно-угорские и летто-литовские племена в I тысячелетии до н. э. «Очерки по истории СССР». Первобытнообщинный строй и древнейшие государства. М., 1956, стр. 373.

¹¹ П. Н. Третьяков. Об этническом составе населения Волго-Окского междуречья в I тысячелетии н. э. СА, 1957, № 2, стр. 73.

¹² П. Н. Третьяков. Финно-угры, балты и славяне на Днестре и Волге. М.—Л., 1966, стр. 149.

в настоящее время рассматривается как самостоятельная культура раннего металла племен Восточного Прионежья, Белого озера и среднего течения Шексны¹³.

Племена позднекаргопольской культуры — охотники и рыболовы, жившие в зоне лесов таежного типа, в первой половине I тысячелетия до н. э. отличались от своих южных соседей — верхневолжских дяковских племен более отсталым образом жизни. Недостаточное развитие скотоводства и медленное освоение земледелия в связи с малочисленностью населения не стимулировали сооружения укрепленных поселений — городищ. Основным типом поселения здесь оставались открытые поселки близ воды.

Несмотря на некоторую близость к археологическим культурам Вычегодского и Камско-Вятского края (круглодонность части керамики, линейный веревочный орнамент и валики по шейке сосудов), позднекаргопольская культура формировалась на основе местного этнического компонента. Им являлась группа родственных племен эпохи бронзы, на основе которых складывались как верхневолжские дяковские племена, так и племена позднекаргопольской культуры¹⁴.

В 1966 г. П. Н. Третьяков указал на близость к поздняковской культуре бронзового века не только стоянок верхней Волги и Костромского Поволжья (об этом писала раньше Т. Б. Попова), но и нижнего течения рек Шексны и Мологи¹⁵. Однако близкая к поздняковской керамика имеется также в среднем течении Мологи и верховьях Шексны. В 1964—1965 гг. А. В. Никитин обнаружил такую керамику при раскопках на р. Кать, притоке Мологи¹⁶. Такая же керамика найдена на капале Чайка — Белозерск¹⁷. И. К. Цветкова указала на присутствие керамики поздняковского облика на стоянке Селище на оз. Воже¹⁸.

Характерные черты позднекаргопольской керамики — плоскодонность, применение наряду с гребенчатым круглого и треугольного чеканов.

Местное происхождение и длительное существование сетчатой керамики можно рассматривать как отражение традиций поздняковской культуры. В отличие от вычегодской и ветлужской посуды в позднекаргопольской керамике в качестве примесей к глине применялась только дресва. Как М. Е. Фосс, так и С. В. Ошибкина датировали позднекаргопольскую культуру началом I тысячелетия до н. э. — IV в. до н. э. Однако есть некоторые основания не только поднять верхнюю дату позднекаргопольской культуры, но и распространить ее ареал на весь бассейн Шексны и среднее течение Мологи — до пограничья с дяковскими поселениями верхней Волги.

В настоящее время выразительные комплексы сетчатой и позднекаргопольской керамики обнаружены при раскопках на берегу Белоозера, а также на поселениях Городище и Луковец на Шексне, ныне затопленных Рыбинским водохранилищем¹⁹ (см. рис.). Небольшой материал известен со среднего течения Суды, где в 1911 г. ученик А. А. Спицына Н. Ф. Лаветров вел поиски городищ дякова типа. Он обследовал два открытых поселения и мысовое городище²⁰. Второе городище на Суде, где был найден железный кельт с ушком, описано Н. В. Тухтиной²¹. На средней Мологе исследовались два поселения: Покровско-Мологское²² и поселение при впадении р. Кать в Мологу²³. О поселениях с сетчатой и позднекаргопольской керамикой в нижнем течении Мологи и Шексны, не подвергавшихся раскопкам, упоминалось давно²⁴.

Обширная территория Белозерского края и среднего течения Мологи изучена плохо. Материал, которым мы располагаем, немногочислен. Тем не менее он позволяет сделать некоторые выводы.

Все поселения с сетчатой и позднекаргопольской керамикой на Шексне, Суде и Мологе (кроме двух) принадлежат к открытым поселениям на береговых останцах. Обнаруженная на них керамика — сетчатая, штрихованная и гладкостенная, представлена как комплексами, ти-

¹³ С. В. Ошибкина. Племена Восточного Прионежья в эпоху раннего металла. Автореф. канд. дисс. М., 1966.

¹⁴ Выступление Е. И. Горюновой на Ученом совете Института археологии АН СССР от 10.III 1967 г.

¹⁵ П. Н. Третьяков. Финно-угры, балты и славяне..., стр. 129—137.

¹⁶ Вологодский музей. Коллекция из раскопок А. В. Никитина в 1964—1965 гг. в Устюженском районе Вологодской обл.

¹⁷ Череповецкий краеведческий музей. Коллекция № 1930.

¹⁸ Выступление И. К. Цветковой на Ученом совете Института археологии АН СССР от 10.IV 1967 г.

¹⁹ Череповецкий краеведческий музей. Коллекция № 1711, 1737, 2395, 2472.

²⁰ Архив ЛОИА, д. 89/1911.

²¹ Н. В. Тухтина. Указ. соч., стр. 121, рис. 1, 1.

²² М. Е. Арсакова. Древний человек и поселения края. Сб. «Череповецкий округ». Череповец, 1929, стр. 346; Череповецкий краеведческий музей. Коллекция из раскопок М. Е. Арсаковой 1927 г.

²³ А. В. Никитин. Раскопки в Вологодской обл. Сб. «Археологические открытия 1966 г.» М., 1967, стр. 13.

²⁴ «Археологические работы ГАИМК на новостройках в 1932—1933 гг.», т. I. Л., 1935.

пичными для первой половины I тысячелетия до н. э., так и более поздними, позволяющими утверждать, что жизнь на этих поселениях продолжалась и во второй половине I тысячелетия до н. э. Так, сетчатая керамика, в основном плоскодонная, представлена не только банковидными, но и горшковидными формами. Среди последних по рисунку венчика и пропорциям выделяются следующие типы.

I тип. С прямым венчиком и выпуклыми плечиками, переходящими в сужающееся книзу тулово. Край венчика округлен или горизонтально срезан.

II тип. С прямым высоким венчиком и низкими выпуклыми плечиками. Край венчика утолщен и свисает карнизом внутрь и наружу. С этим типом посуды связан двузубый узор, происхождение которого, как считает С. В. Ошибкина, относится к эпохе бронзы.

III тип. Венчик почти прямой или слегка отогнут наружу, переход к плечикам плавный; край венчика округлен или горизонтально срезан.

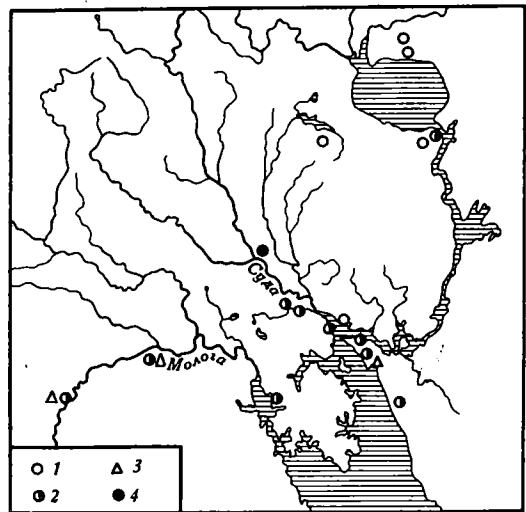
IV тип. Венчик воронкообразно отогнут наружу. Шейка сужена, плечики округлые, низкие. Край венчика закруглен или косо срезан наружу.

V тип. Венчик загнут внутрь сосуда.

Для сетчатой посуды III—V типов характерны оттиски крупноячеистой сетки по всему тулову, срезу венчика и днищу. По наблюдению П. Н. Третьякова, подобная обработка поверхности и дифференциация форм сетчатой керамики наблюдаются в Верхнем Поволжье только со второй половины I тысячелетия до н. э.²⁵ В первых веках нашей эры сетчатая и штрихованная керамика исчезают. То же происходит на мOLOGских и шекснинских поселениях.

Штрихованная керамика Белозерья представлена слишком малыми фрагментами, чтобы можно было судить о ее формах. Гладкостенная керамика, видимо, в известной степени является преемницей сетчатой, так как представлена наряду с баночной формой теми же пятью типами горшковидной посуды, о которых сказано выше. Только на поселении у р. Катъ отмечен новый, шестой тип горшков с сильно загнутым внутрь венчиком и резким переломом плечиков, образующих ребро примерно на $\frac{1}{4}$ или $\frac{1}{3}$ высоты сосуда. Судя по москворецким городищам, такая посуда появляется не ранее III—VI вв. н. э.

Орнамент на гладкостенной посуде редок. Характерные приемы орнаментации: оттиски круг-

Памятники I тысячелетия до н. э.—начала I тысячелетия н. э. Белозерья и среднего течения р. Мологи
1 — позднеаргопольские стоянки (по С. В. Ошибкиной); 2 — керамика I тысячелетия до н. э.—начала I тысячелетия н. э.; 3 — грузики дьякова типа; 4 — кельт с петлей

лым, треугольным, прямоугольным или гребенчатым чеканами, сочетание чеканного и веревочного орнаментов, веревочный линейный (только на круглодонной посуде) валик. На более поздней гладкостенной посуде встречаются оттиски веревочки, намотанной на палочку, резной орнамент и защипы или ямки, расположенные только по венчику.

Насколько можно судить по крупным фрагментам, как сетчатая, так и гладкостенная керамика Белозерья более приземиста, чем верховолжская.

Помимо керамики на открытых поселениях по Мологе и Шексне собран обильный инвентарь из кости и рога. Так, на Покровско-Мологском поселении найдены шилья, долотца, ножи, рукоятки для железных ножей. Из металлических изделий обнаружены нож и шило. На поселении в устье р. Катъ среди ряда поделок из кости найдена типично дьяковская рукоять ножа с грибовидным навершием. Из Городища и Луковца на Шексне происходят многочисленные костяные и роговые орудия в виде шильев, долот и ножей. На Белозере найдено много режущих орудий типа ножей и кинжалов из длинных костей лося, полые рукоятки для железных ножей, проколки, кочедыки, наконечники стрел и гарпуны из рога оленя.

Интересна костяная подпрямоугольная пряжка, близко напоминающая пряжки с неподвижным язычком из москворецких городищ.

²⁵ П. Н. Третьяков. Финно-угры, балты и славяне..., стр. 151.

Бронзовые украшения следующие: круглая выпуклая бляшка, лапчатая подвеска, конусообразная подвеска с треугольными прорезями, массивная кольцевидная пряжка из круглого дрота с прилитыми бронзовыми усиками. Они принадлежат к кругу изделий первой половины I тысячелетия н. э., широко известных по верхневолжским и москворецким городищам.

Следует отметить позднюю дату — IV—VI вв. некоторых украшений (конусообразная подвеска, пряжка).

Типичен позднедьяковский нож с уступом в верхней части. Интересна глиняная поделка с четырьмя крестовидными выступами, напоминающая аналогичные глиняные скульптуры культового значения из городищ Топорок, Борисо-Глебское и др.

Очень важно отметить и находки грузиков дьякова типа на Мологе и Шексне. Так, на Покровско-Мологском поселении найдены три грузика, самый поздний из которых, по датировке К. А. Смирнова, относится к первой половине I тысячелетия н. э. На поселении в устье р. Кать также найдены грузики дьякова типа. Грузик, происходящий с Городища на Шексне, К. А. Смирнов датирует II—III вв. до н. э. — II—III вв. н. э. По словам директора Череповецкого краеведческого музея К. К. Морозова, грузики дьякова типа находили на р. Южок, притоке р. Юг, и на северном берегу Белого озера.

Помимо грузиков дьякова типа к изделиям балтийского круга, проникавшим в бассейн Шексны, относится железный кельт с петлей, найденный на Суде. Этот тип кельта характерен для древностей Прибалтики I—II вв. Подобные кельты встречены на Троицком городище под Москвой, где датируются тем же временем.

Приведенные выше факты свидетельствуют, что население Белозерья в культурном и эт-

ническом отношении было близко населению Верхнего Поволжья. В этом убеждают одни и те же традиции в развитии керамики (особенно местное происхождение и длительность бытования сетчатой керамики). Показательно также высокое развитие костяной индустрии, основанное на массовом применении железных инструментов для обработки кости. Распространение одних и тех же типов украшений и грузиков дьякова типа также говорит о том, что в начале I тысячелетия н. э. на Шексне и Мологе существовала этническая общность, близко родственная верхневолжской дьяковской, но формировавшаяся на основе позднекаргопольской культуры.

Мы относим ее к предкам веси. В течение первой половины I тысячелетия созревали предпосылки объединения позднекаргопольских племен в средневековую народность. К VI в. н. э. в этом процессе, видимо, приняли участие и приладожские группы веси. Мы не имеем пока возможности проследить это явление на археологическом материале, но к X в. у населения Приладожья и Белозерья уже существовала единая материальная культура.

Следует отметить, что этнокультурный облик Белозерского края уже в начале новой эры значительно отличался от Вычегодского. Так, в вычегодской керамике отчетливо представлены зауральские и верхнекамские традиции: круглодонность, раковинные примеси к глине, устойчивый как зауральских (змеевидный и крестовидный чеканы), так и ананьинских орнаментальных мотивов. Характерно также массовое употребление каменных орудий при слабом развитии костяных. Эти факты свидетельствуют о разнотничном составе населения этих двух соседних областей и опровергают предположение о восточном (вычегодско-мезенском) происхождении веси.

В. В. КРОПОТКИН ТОРГОВЫЕ СВЯЗИ (Москва) ВОЛЖСКОЙ БОЛГАРИИ В X в. ПО НУМИЗМАТИЧЕСКИМ ДАННЫМ

Изучение нумизматических материалов представляет большой интерес для уточнения кратких и зачастую неясных свидетельств письменных источников о торговле и торговых путях в Восточной Европе, в частности о торговых связях Волжской Болгарии в X в.¹

Ценные свидетельства о торговых связях Булгара с Киевом мы находим в сочинении ал-Ис-

¹ В. Л. Янин. Денежно-весовые системы русского средневековья. М., 1956, стр. 104 и сл.; А. Л. Монгайт. Абу-Хамид ал-Гарнати и его путешествие в

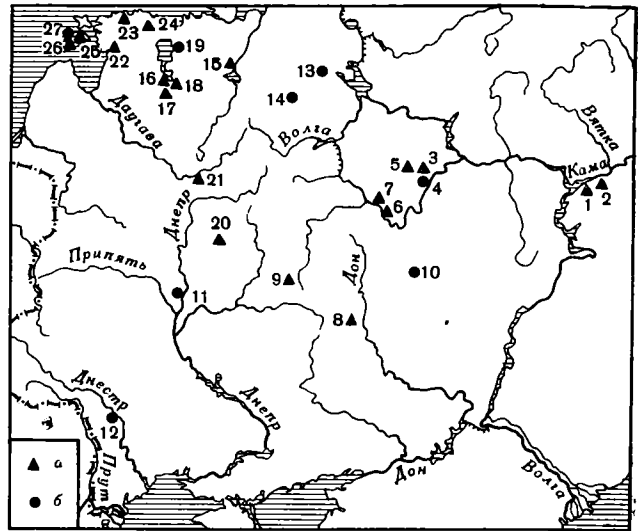
русские земли 1150—1153 гг. «История СССР», 1959, № 1, стр. 175 и сл.; *Он же*. Рязанская земля. М., 1961, стр. 90 и сл.; Б. Н. Заходер. Каспийский свод сведений о Восточной Европе, т. 2. М., 1967, стр. 29 и сл.; А. П. Новосельцев, В. Т. Пашуто. Внешняя торговля Древней Руси (до середины XIII в.). «История СССР», 1967, № 3, стр. 104 и сл.

тахри². По сведениям Ибн-Фадлана, русские купцы привозили в Булгар свои традиционные товары: воск, мед, меха и рабов, которые, как известно, особенно ценились на Востоке³. Важным источником для изучения торговых связей Среднего Поволжья с другими областями Восточной Европы являются монеты Волжской Болгарии, чеканенные от имени местных правителей на монетных дворах Булгара и Сувара⁴. По мнению известного нумизмата-ориенталиста академика Х. М. Френа, правители Волжской Болгарии чеканили также варварские подражания саманидским дирхемам, которые часто встречаются в восточноевропейских кладах куфических монет X—XII вв. Это предположение в дальнейшем было поддержано В. В. Григорьевым, В. Г. Тизенгаузенем, А. К. Марковым, Р. Р. Фасмером и другими нумизматами⁵.

Изучение кладов куфических монет, найденных в Среднем Поволжье, убеждает в справедливости этой гипотезы⁶. Монеты болгарской чеканки с именами местных правителей встречаются в Восточной Европе сравнительно редко, но изучение их ареала и путей распространения дает ценные материалы о торговле Волжской Болгарии в X в.

В Среднем Поволжье монеты болгарской чеканки обнаружены в двух кладах куфических монет, один из них найден близ с. Татарский Толкиш Татарской АССР⁷, второй — у дер. Старо-Альметьево той же республики⁸.

Волжская Болгария, по сведениям арабских географов Ибн-Русте и ал-Бакри, вела интенсивную торговлю с хазарским каганатом и соседними древнерусскими областями — Верхним

Местонахождения кладов куфических и западноевропейских монет

а — клады куфических и западноевропейских монет, содержащие дирхемы Волжской Болгарии; б — отдельные находки монеты болгарской чеканки; 1 — с. Татарский Толкиш; 2 — с. Старо-Альметьево; 3 — г. Муром; 4 — с. Максимовка; 5 — дер. Малышево; 6 — дер. Борки; 7 — дер. Белый Омут; 8 — дер. Малое Боршево; 9 — дер. Береза; 10 — г. Тамбов; 11 — с. Любеч; 12 — с. Алчедар; 13 — дер. Куреваниха; 14 — дер. Курво; 15 — г. Новгород; 16 — г. Псков; 17 — дер. Ерилово; 18 — дер. Демшино; 19 — дер. Верхоялны; 20 — дер. Старый Дедин; 21 — дер. Стражевичи; 22 — с. Вылла; 23 — с. Ванамыйса; 24 — г. Кохтла; 25 — с. Ряги; 26 — о. Сааремаа, 1856 г.; 27 — о. Сааремаа

² *Ал-Истахри*. *Китаб масалик ва-л-мамалик*. «Bibliotheca Geographorum arabicorum», I. Lugduni Batavorum, 1870, стр. 227.

³ *А. П. Ковалевский*. *Книга Ахмеда Ибн-Фадлана*. Харьков, 1956, стр. 141—146.

⁴ *Р. Р. Фасмер*. *О монетах волжских болгар X века*. «Известия Казанского общества археологии, истории и этнографии», т. XXXIII, вып. 1, 1926, стр. 31 и сл.

⁵ См. литературу по этому вопросу в статье Р. Р. Фасмера «О монетах волжских болгар...», стр. 44 и сл.

⁶ *Р. Р. Фасмер*. *Указ. соч.*, стр. 47 и сл.

⁷ Клад куфических монет в с. Татарский Толкиш Чистопольского района найден в 1907 г., он содержал 957 монет, в том числе три дирхема Волжской Болгарии, зарыт около 985 г. (ДАК, 1907, № 141).

⁸ Клад куфических монет в с. Старо-Альметьево найден в 1906 г. и содержал 167 монет и обломков, в том числе два дирхема Волжской Болгарии с именем Мумина ибн ал-Хасана. Младшая монета в кладе 984/5 г. (ДАК, 1906, № 102; ОАК, 1906, стр. 130, 147; *В. Л. Янин*. *Указ. соч.*, стр. 131).

Поволжьем и Владимиро-Суздальской землей. В бассейне Оки и Клязьмы болгарские монеты обнаружены в известном кладе куфических монет в г. Муроме⁹, в Муромском¹⁰ и Малышевском¹¹ могильниках, в кладе у с. Борки на левом берегу р. Оки (ныне в черте г. Рязани)¹²

⁹ В Муромском кладе 1868 г. найдено 11 болгарских подражаний саманидским дирхемам с именем Микаила ибн Джафара (ДАК, 1868, № 43, л. 18 и сл.).

¹⁰ В Муромском могильнике у с. Максимовки Муромского района в 1876 г. найдены монеты Волжской Болгарии (*А. К. Марков*. *Топография кладов восточных монет (сасанидских и куфических)*. СПб., 1908, стр. 4, № 20—22).

¹¹ В Малышевском могильнике Селивановского района Владимирской обл. при раскопках А. Ф. Дубынина найдено 68 дирхемов и обломков, в том числе подражение саманидскому дирхему с именем Микаила ибн Джафара и одна монета односторонней чеканки Мумина ибн ал-Хасана без года и места чеканки (*А. Ф. Дубынин*. *Раскопки Малышевского могильника*. КСИИМК, вып. XXVII, 1949, стр. 95).

¹² Клад найден в горшке в 1952 г. В Рязанский музей поступило 219 дирхемов и обломков, в том числе

и в кладе у с. Белый Омут Московской обл.¹³ Изредка болгарские монеты проникали в бассейн верхнего Дона. При раскопках А. Д. Прягина на Малом Боршевском городище Хохольского района Воронежской обл. в 1966 г. найден клад куфических монет, состоящий из 106 дирхемов, среди них одна монета Волжской Болгарии. Младшая монета в кладе чаканена в 315 г. х. (927/8 г.)¹⁴. Два болгарских подражания саманидским дирхемам найдены в 1869 г. при строительстве железной дороги Тамбов — Саратов в 12 верстах от г. Тамбова¹⁵.

Из Подонья и бассейна Оки и Клязьмы куфические монеты проникали в Подесенье, Посемье и Среднее Поднепровье.

Арабский путешественник XII в. Абу-Хамид ал-Гарнати сообщает, что из Булгара он направился по славянской реке (Нахр ас-Сакалиба) в землю славян и посетил один из русских городов, который он называет «Медина ас-Сакалиба» (славянский город) или Гуркуман. «Большинство современных исследователей, — пишет по поводу этого отрывка А. П. Новосельцев, — видит в реке Оку, а в городе Киев, хотя этой рекой можно определенно считать и верхнюю Волгу, а под Гуркуманом вполне может скрываться искаженное название одного из городов Верхней Руси»¹⁶.

Трудно предположить, что арабский путешественник XII в. не знал хорошо известного в арабской литературе названия Киева (Куяба) и именовал его Гуркуманом или славянским городом¹⁷.

По окскому пути болгарские монеты проникали в земли северян, радимичей и тиверцев. В кладе куфических монет, обнаруженном в 1910 г. в с. Береза Дмитриевского уезда Курской губернии, найдено 696 дирхемов и 827 обломков, в том числе 2 обломка болгарских мо-

нет эмира Бармана и 7 подражаний саманидским монетам. Клад зарыт в 50-е годы X в.¹⁸

При раскопках Б. А. Рыбакова в Любече Черниговской обл. в 1958 г. найдено подражание саманидскому дирхему с именем болгарского царя Микаила ибн Джафара, чеканенное в Волжской Болгарии в 20-х годах X в. Монета имеет ушко и отверстие для привешивания. Резчик скопировал с аналогичного саманидского дирхема год и место чеканки — Нисабур, 308 г. х. (=920/21 г.)¹⁹.

Одна монета — подражание саманидскому дирхему с именем Абдаллаха ибн Микаила — была найдена в земле тиверцев в Молдавии при раскопках Г. Б. Федорова на Алчадарском городище в 1963 г. Дирхем чеканен в Булгаре или Суваре около 336 г. х. (947/8 г.), монета имеет два отверстия²⁰.

Значительно чаще монеты Волжской Болгарии проникали по Волге и ее притокам в Верхнее Поволжье, Вологодскую, Новгородскую и Псковскую области. В дер. Курово Вышневолоцкого уезда в поле выпахан дирхем болгарского эмира Талиба ибн Ахмеда, чеканенный в Суваре в 338 г. х. (949/50 г.)²¹. В дер. Куреваниха Устюженского района Вологодской обл. при раскопках А. В. Никитина в 1966 г. в кургане, в богатом женском погребении найдено 12 монет с ушками, в том числе три дирхема, чеканенных в Волжской Болгарии: а) Талиб ибн Ахмед, Сувар, 341 г. х. (=952/3 г.); б) Мумин ибн Ахмед, Сувар, 366 г. х. (=976/7 г.); в) Мумин ибн ал-Хасан, Булгар, 366 г. х. (=976/7 г.)²².

В Новгородском кладе, обнаруженном при раскопках на Неревском раскопе в 1956 г., находились четыре монеты Волжской Болгарии и варварские подражания саманидским дирхемам. Младшая монета в составе клада — дирхем 364 г. х. (=974/5)²³. Монеты Волжской Болгарии найдены также в Псковском кладе 1835 г.²⁴,

1 болгарская монета Мумина ибн ал-Хасана, Булгар, 366 г. х. (976/7 г.). Младшая монета в кладе — дирхем Мансура ибн Нуха, аш-Шац, 366 г. х. (Е. А. Пахомов. Монетные клады Азербайджана и других республик, областей и краев Кавказа, вып. VII. Баку, 1967, стр. 94—95, № 1877).

¹³ Клад из с. Белый Омут Луховицкого района найден в 1839 г., содержал 25 дирхемов и 32 обломка, в том числе два обломка монет Волжской Болгарии, чеканенных в Булгаре (949 г.) и Суваре (976 г.), младшая монета — дирхем 976 г. (А. К. Марков. Указ. соч., стр. 39—40, № 220).

¹⁴ Сообщение А. Н. Москаленко и С. А. Яниной.

¹⁵ ОАК, 1869, стр. XX; А. К. Марков. Указ. соч., стр. 46, № 260.

¹⁶ А. П. Новосельцев, В. Т. Пашуго. Указ. соч., стр. 105; А. Л. Монгайт. Абу Хамид ал-Гарнати и его путешествие в русские земли..., стр. 175 и сл.

¹⁷ Более вероятно, что название «славянский город» относится к Новгороду или какому-либо другому городу Северо-Западной Руси.

¹⁸ ДАК, 1910, № 117; ОАК, 1910, стр. 206, 256; О. Л. Кусаков. Находка клада в с. Береза. «Известия Курского общества краеведов», 1927, № 3; В. Л. Янин. Указ. соч., стр. 128 и сл., табл. 1—2; А. Л. Монгайт. Рязанская земля, стр. 93, № 60.

¹⁹ Архив ИА АН СССР, Р — 1, № 1737, л. 42.

²⁰ Определение С. А. Яниной.

²¹ А. К. Жизневский. Описание Тверского музея. М., 1888, стр. 208, № 1037; А. К. Марков. Указ. соч., стр. 48, № 275.

²² Определение С. А. Яниной (архив ИА АН СССР, Р — 1, № 3342, л. 21—22).

²³ В составе клада найдены обломки болгарских монет с именем Джафара ибн (Абдаллаха), место и год чеканки обрезаны (С. А. Янина. Второй Неревский клад куфических монет X в. МИА, № 117, 1963, стр. 291 и сл., № 467—470).

²⁴ А. К. Марков. Указ. соч., стр. 36, № 205; В. Л. Янин. Указ. соч., табл. II.

в Ериловском²⁵ и Демшинском²⁶ кладках, а также при раскопках кургана близ дер. Верхояны Гдовского района Псковской обл.²⁷

В Верхнем Поднепровье монеты болгарской чеканки обнаружены в кладе куфических монет у дер. Старый Дедин Климовичского района Могилевской обл. Клад содержал 201 монету, в том числе 184 куфические, 2 германские, 1 византийскую, младшая монета в кладе — дирхем 978/9 г.²⁸

В кладе у дер. Стражевичи Чапниковского района Витебской обл. также обнаружены монеты Волжской Болгарии. Младшая монета в составе клада датируется 1045 г.²⁹

Несколько монет болгарской чеканки найдено в кладках куфических и западноевропейских монет на территории Эстонии. В кладе у с. Вылла Пярнуского района найден дирхем Волжской Болгарии Мумина ибн ал-Хасана, чеканенный в 366 г. х. (=976/7 г.)³⁰. В кладе у с. Ванамыйса (быв. Фридрихсгоф) Ревельского уезда в 1913 г. найдено 996 монет и обрывков и 8 серебряных браслетов, младшая монета в кладе датируется 951/2 г. В составе клада найдены подражания куфическим монетам и 24 дирхема, чеканенных в Волжской Болгарии³¹.

На окраине г. Кохтла Раквереского района в 1957 г. на поле в бронзовом сосуде найден клад, состоявший из 11 серебряных пластинок и 779 монет: западноевропейских — 771, византийских — 1, куфических — 7, в том числе времени Аббасидов, — 4, Саффаридов — 1, Бувейхидов — 1, а также одна волжско-болгарская монета Мумина ибн (Ахмеда), чеканенная в Сува-

ре в 365 г. х. (=975/6 г.) Клад зарыт около 1130 г.³² В кладе у с. Ряги Кингисеппского района в 1932 г. обнаружено 107 западноевропейских, византийских и куфических монет, в том числе 1 монета Волжской Болгарии. Младшая монета в кладе — мервандийский дирхем Абу-Али ал-Хасана (990—997 гг.)³³.

На острове Сааремаа в 1856 г. найден клад куфических монет, содержащий аббасидские и саманидские дирхемы и 2 монеты Волжской Болгарии, в том числе дирхем Мумина ибн Ахмеда, чеканенный в Булгаре в 365 г. х. (975/6 г.)³⁴.

Наконец, среди отдельных находок на о. Сааремаа оказался дирхем Волжской Болгарии³⁵, чеканенный в Суваре в 366 г. х. (=976/7 г.).

Приведенный выше краткий перечень находок болгарских монет в Восточной Европе свидетельствует о том, что в южных районах Древней Руси интересующие нас дирхемы встречаются крайне редко (Алчедар, Любеч, Береза, Малое Боршево). Очевидно, основная масса куфических монет из Среднего Поволжья направлялась по окскому пути в земли вятичей, кривичей и радимичей. Нумизматические данные убедительно свидетельствуют о том, что торговые связи Среднего Поднепровья, Побужья и Поднестровья с Хазарией и Волжской Болгарией устанавливаются не в VIII в., как полагали В. В. Мавродин и М. Ю. Брайчевский, а не ранее начала X в.³⁶ В середине столетия приток куфических монет в южные районы Древней Руси заметно сокращается³⁷, что свидетельствует о том, что окский путь, связывавший Волжскую Болгарию со Средним Поднепровьем, функционировал сравнительно короткий промежуток времени и не играл значительной роли.

По Волге и Клязьме монеты Волжской Болгарии проникали в Тверскую, Новгородскую и Псковскую земли, в Белоруссию и Прибалтику, причем особенно много их найдено на территории Эстонии. Нумизматические материалы свидетельствуют, что в X в. основным торговым путем, связывавшим Волжскую Болгарию с Древней Русью, являлся путь по Волге и Клязь-

²⁵ В. Л. Янин. Указ. соч., стр. 128 и сл., табл. I—II.

²⁶ В кладе найден дирхем Мумина ибн ал-Хасана, чеканенный в Булгаре в 366 г. х. (=976/7 г.) (ДАК; 1891, № 147; А. К. Марков. Указ. соч., стр. 38—39, № 212).

²⁷ В ожерелье найден дирхем Мумина ибн ал-Хасана, чеканенный в Булгаре в 366 г. х. (=976/7 г.) (А. К. Марков. Указ. соч., стр. 140, № 28).

²⁸ Р. Р. Фасмер. Список монетных находок, зарегистрированных Секцией нумизматики и глиптики. «Сообщения ГАИМК», т. II. Л., 1929, стр. 291, № 33; R. Vasmer. Ein im Dorfe Staryi Dedin in Weissrußland gemachter Fund kufischer Münzen. Stockholm, 1929; В. Л. Янин. Указ. соч., табл. I.

²⁹ В. Л. Янин. Указ. соч., стр. 131, табл. II; N. Bauer. Die russischen Funde abendländischer Münzen des 11 und 12 Jahrhunderts. «Zeitschrift für Numismatik», Bd. 39, 1929.

³⁰ ДАК, 1903, № 224; А. К. Марков. Два монетных клада 1903 года. ИАК, вып. 17. СПб., 1905, стр. 136; В. Л. Янин. Указ. соч., стр. 131 и сл.; И. В. Соколова. Византийские монеты клада Велла. «Труды ГЭ», т. IV. Л., 1964, стр. 10 и сл.

³¹ ДАК, 1913, № 237; ОАК, 1913—1914, стр. 183, 270; Р. Р. Фасмер. Список монетных находок..., т. I, стр. 292, № 40.

³² E. Tonisson. Eesti aardeleidud 9—13 sajandist. «Древние могильники и кладки. Археологический сборник», т. II. Таллин, 1962, стр. 195, № 49.

³³ E. Tonisson. Указ. соч., стр. 206, № 134.

³⁴ Часть клада хранится в фондах Института истории АН Эстонской ССР, инв. № 62687—62695.

³⁵ А. К. Марков. Указ. соч., стр. 22, № 127.

³⁶ В. В. Мавродин. Образование Древнерусского государства. Л., 1945, стр. 135; М. Ю. Брайчевский. Когда и как возник Киев. Киев, 1964, стр. 139 и сл.

³⁷ В. Л. Янин. Указ. соч., стр. 130.

ме. Прекращение чеканки болгарских монет в середине 70-х годов X в. приблизительно совпадает с изменением основных торговых путей в Восточной Европе и усилением притока запад-

ноевропейских монет на Русь. Поэтому этот факт не может изменить нашего представления об удельном весе окского и верхневолжского торговых путей в X в.

В. П. ДАРКЕВИЧ   НОВЫЕ НАХОДКИ
(Москва)   РОМАНСКИХ БРОНЗОВЫХ ЧАШ

«Латинская» утварь, ввозившаяся на территорию восточных славян, — важный источник для исследования экономических и культурных связей Руси с Западной Европой в X—XIII вв. Каждый вновь открытый памятник интересен и для истории романского прикладного искусства, в которой имеется немало пробелов. К изданному в 1966 г. своду импортных произведений западного художественного ремесла¹ можно добавить несколько находок последних лет.

В 1966 г. в посадской части древнего Переяславля (г. Переяслав-Хмельницкий Киевской обл.) был найден нижнесаксонский бронзовый водолей в виде льва (первая половина XIII в.)². Из раскопок 1967 г. в Плотницком конце Новгорода происходит камея работы итальянских мастеров XIII в.³

Летом 1967 г. во время работ Старорязанской экспедиции под руководством А. Л. Монгайта около школы-интерната, где помещалась экспедиционная база, был случайно найден большой фрагмент романской бронзовой чаши (рис. 1). По-видимому, он был принесен с территории городища Старая Рязань или окружающего его посада. От сосуда уцелели дно и частично стенки с рваными краями, покрытые многочисленными трещинами. Выгравированная на внутренней поверхности композиция восстанавливается полностью. Без труда читаются и все латинские надписи, поясняющие женские фигуры — персонализации христианских добродетелей⁴.

Чаша выкована из тонкой листовой бронзы. Первоначальный диаметр ее около 30 см, толщина стенок 0,05 см. В центральном медальоне, в двух concentрических кольцах шнурового орнамента помещена фигура сидящей женщины с книгами (священное писание?) в обеих руках. Она задрапирована в длинную просторную одежду. Собранные в прямые складки облачение свободно спадает с плеч и колен. Окруженная нимбом голова покрыта платком. Лицо с сильно выступающим носом и пухлыми губами повернуто в профиль. По сторонам фигуры идет круговая надпись: HUM — IL — IT — A (humilitas — смирение). Вокруг центрального медальона в пятилепестковом построении группируются аналогичные погрудные фигуры женщин. Их поясняют надписи: FID — ES (Вера), SP — ES (Надежда), KARI — [I] AS (Любовь), PAC [IE] — NTI (patientia — терпение), SOP [RI] — [E]TAS (proprietas — чистота). Промежутки между «бюстами» заполнены стилизованным растительным узором из расходящихся стеблей с овальными листьями. Сегментовидные чашечки цветов на концах стеблей не сохранились.

Аналогичная чаша найдена в 1900 г. в Лунде (Швеция)⁵. Отличие состоит в отсутствии одной из аллегорических фигур. По той же четырехлепестковой схеме построена композиция идентичного сосуда, найденного в 1887 г. на северном городище Старая Рязань (хранится в Рязанском музее)⁶. Персонализации добродетелей расположены в ином порядке. Центральную женскую фигуру поясняют надпись SPES и боковые надписи: CARITAS, PACIE (NTIA) и (FIDE)S. Четвертая фигура утрачена. Обе параллели позволяют восстановить края рассматриваемой чаши. Они были покры-

¹ В. П. Даркевич. Произведения западного художественного ремесла в Восточной Европе (X—XIV вв.) САИ, Е 1—57. М., 1966.

² Р. А. Юра. Бронзовый водолей из Переяславля Русского. Сб. «Славяне и Русь». М., 1968, стр. 238—241.

³ А. В. Рындина. Итальянская камея XIII в. с изображением Богоматери-Одигитрии из Новгорода. СА, 1968, № 4.

⁴ Тема христианских добродетелей в образах женских фигур восходит к литературному источнику V в. В искусстве она развивается на фасадах романских и готических церквей Франции (*L. Réau. Iconographie de l'Art chrétien*, t. I. Paris, 1955, стр. 163). У Данте три «богословские» добродетели олицетворены тремя женщинами — алой (Любовь), зеленой (Надежда) и белой (Вера), которые пляшут у правого колеса повозки, символизирующей христианскую

церковь. Четыре женщины у левого колеса персонажируют четыре «основные» («естественные») добродетели («Чистилище», XXIX, 121—132).

⁵ T. Poklewski. Misy brązowe z XI, XII i XIII wieku. Łódź, 1961, табл. XVI, в. 53. Подобный экземпляр, но тщательнее выполненный, хранился в Баварском национальном музее в Мюнхене. Там же, табл. XXX a, 148.

⁶ В. П. Даркевич. Указ. соч., стр. 21—22, табл. 14, 4.

ты схематизированным растительным орнаментом, который обрамлял надписи, четырехкратно повторявшиеся в группах по три: ODIUM (ненависть), PECCATUM (прегрешение), DOLUS (лукавство).

Маленький деформированный обломок бронзовой чаши того же типа найден в 1967 г. при работах Радимической экспедиции под руководством Г. Ф. Соловьевой на городище Зборово на левом берегу Днепра несколько выше г. Рогачева Гомельской обл. находка обнаружена в верхнем слое городища, который относится к XII—XIII вв.

Фрагмент представляет собой часть дна сосуда (рис. 2). Центральный медальон был образован двумя concentрическими кольцами шнурового орнамента с круговой латинской надписью между ними. Сохранился незначительный обрывок надписи: ...A — C RA... В медальон вписано изображение сидящей женщины в легкой одежде, спадающей параллельными складками. Волосы прикрыты низкой шапочкой с загнутыми вверх краями (?). В левой руке женщина держит книгу. Между схематично переданным лицом и фолиантом помещена буква T — часть пояснительной надписи.

Стереотипность пояснительных надписей и морализирующих изречений, их одинаковое расположение в декоративной системе той же группы чаш позволяют по ничтожным обрывкам воссоздавать надписи целиком. Как показывает сравнение с экземплярами из Старой Рязани (рис. 1), Лунда и Баварского музея в Мюнхене, фигуру в центральном медальоне окружала надпись HUMILI[T]AS (смирение). Сопоставление с сосудом из Кестнерского музея в Ганновере⁷ позволяет реконструировать текст вокруг медальона: + H[A — C RA]DICE BONA NASCITUR OMNE BONUM (от этого хорошего корня рождается всякое добро). На ганноверской чаше эта сентенция также относится к аллегории смиренности — одной из основных христианских добродетелей. Тожествен зборовской находке фрагмент бронзовой чаши из пос. Вольное около Приморска (Калининградская обл.)⁸. В центре помещена схематичная женская фигура с книгой в левой руке. Рядом обрывок нечитаемой реликтовой надписи: ...VVIITA... (humilitas?). Медальон был обрамлен надписью, заключенной между concentрическими кольцами шнурового орнамента. Уцелела часть текста: + HAC RADICE...E BONUM. Как на многих родственных экземплярах, на чаше из Зборова по сторонам средне-

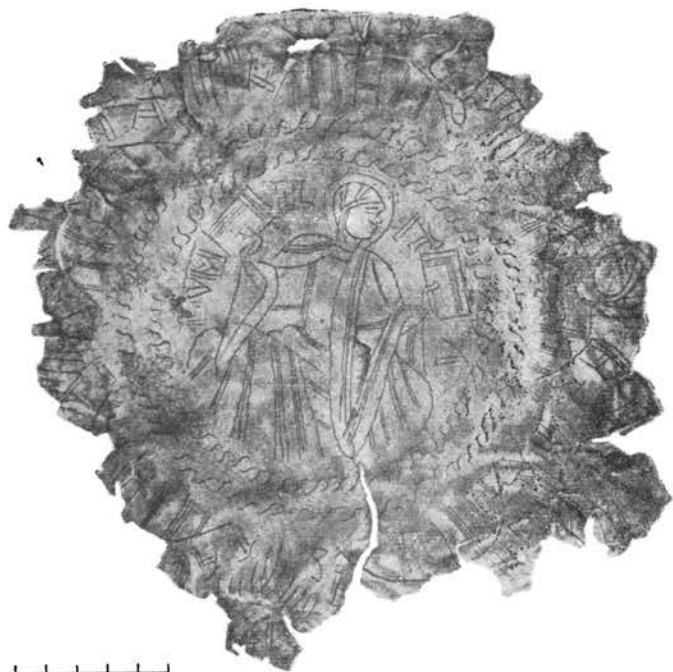

Рис. 1.

Фрагмент бронзовой чаши из Старой Рязани

⁷ Т. Poklewski. Указ. соч., табл. XXIX а, 146.

⁸ Там же, табл. XXV в, 131.

Рис. 2.

Фрагмент бронзовой чаши с городища Зборово

го медальона были скомпонованы погрудные женские фигуры — олицетворения добродетелей.

По классификации бронзовых чаш, разработанной Т. Поклевским⁹, обе находки 1967 г. относятся к типу II, который включает экземпляры с дидактическими изображениями христианских добродетелей или пороков в виде погрудных человеческих фигур. Фигуры снабжены пояснительными надписями-легендами. По стилистическим признакам чаши типа II распадаются на несколько подтипов. На сосудах подтипа II а (рубеж XI—XII — рубеж XII—XIII вв.) орнамент гравирован тонкими линиями. Он трактован детально и аккуратно, слова выписаны старательно, очень мало пропусков и изменений букв. Сосуды этой группы не найдены к востоку от Одера (рис. 3). Чаши подтипа II а, по-видимому, были сделаны в специализированной мастерской или группе мастерских, находившихся в пределах Вестфалии, бас-

сейна Мааса и низовьев Рейна (может быть, в Кельне или Аахене).

На рубеже XII—XIII вв. мастерские, располагавшиеся на территории нынешней ФРГ, переходят к производству сосудов на широкий рынок, их продукция становится массовой. Переход к массовому выпуску изделий повлек за собой стандартизацию и схематизацию орнаментального убранства чаш (подтип II б).

В первой половине XIII в. первичная целостность форм орнамента постепенно утрачивается. Узор становится «немым» (тип III, представленный чашами почти без надписей, с неряшливо выполненными изображениями ангелов в образах крылатых человеческих фигур). На сосудах подтипа II б, к которому принадлежат оба публикуемых экземпляра, преимущественно сохраняется орнаментация чаш подтипа II а. Узор скомпонован в центрической лепестковой композиции из погрудных широкоплечих фигур в полукружиях (от трех до пяти), размещенных вокруг центрального медальона. Рисунок, выполненный глубокими жесткими линиями, более схематизирован. Надписи изобилуют ошибками и пропусками букв, фрагменты слов часто совсем неразборчивы. Персонализации не индивидуализированы какими-либо атрибутами. Складки одежд условно переданы рядами вертикальных черточек одинаковой длины. Растительный орнамент, еще читаемый на чашах группы II а, упрощается. Характерными декоративными мотивами, заполняющими фон фигур, являются длинные радиальные стебли с чашечками цветов и округлыми листьями, пучки параллельных линий, имитация шнура в виде коротких S-видных черточек.

Находки сосудов подтипа II б и типа III связаны с центрами торговли и связывающими их торговыми путями (Любек, Лунд, Оломоуц в Моравии, Сobotка около Вроцлава, Кальви на северном побережье Эстонии, Темза возле Лондона). Рейнские мастерские снабжали своей продукцией Саксонию, южные районы Польши (Силезию и ее пограничье), Чехию и Моравию, Скандинавские страны, земли балтов и восточных славян. Отдельные экземпляры чаш проникали далеко на северо-восток — на территорию Финляндии. Восточные направления экспорта чаш подтипа II б выявляет их картографирование (рис. 3). Прибалтийской магистралью, которая проходила вдоль южного и восточного побережья Балтики, чаши проникали в Швецию, польское Поморье, Самбию, в земли ливов и эстов. На Русь они поступали через Галицкое княжество, распростра-

⁹ Т. Poklewski. Указ. соч. (в работе дан подробный обзор существующей библиографии).

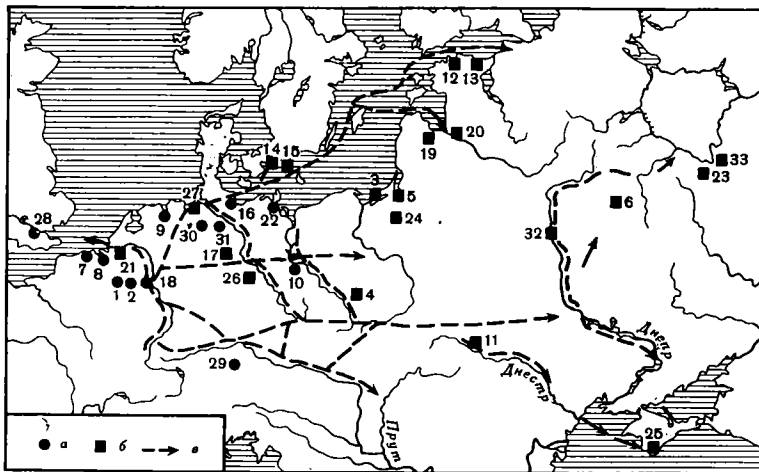

Рис. 3.

Распространение бронзовых чаш типа II (по Т. Поклевскому с дополнениями автора)

а — подтип II а; б — подтип II б; в — пути сообщения; 1, 2 — Аахен; 3 — Ветрово около Приморска; 4 — Вешлас, уезд Велюнь; 5 — Вольное около Приморска; 6 — Вщиж; 7, 8 — Гевт; 9 — Гронинген; 10 — Губен; 11 — Зеленче, Тернопольская обл.; 12, 13 — Кальви; 14, 15 — Лунд; 16 — Лю-

бек; 17 — Магдебург; 18 — Рейн около Кельна; 19, 20 — Рига; 21 — Роттердам; 22 — Рюген; 23 — Старая Рязань; 24 — Филипповка, уезд Кентшин; 25 — Херсонес; 26 — Шладитц около Делича; 27 — Штаде; 28—31 — происхождение точно не установлено (28 — Британский музей; 29 — Баварский национальный музей в Мюнхене; 30, 31 — музей в Ганновере); 32 — Зборово, Рогачевский район; 33 — Старая Рязань

бясь с юго-запада на северо-восток в направлении Галич — Киев и далее по Десне (Вщиж) на Оку к Рязани. Другая дорога в Рязань шла от Киева вверх по Днепру (Зборово) и затем

по Угре на верхнюю Оку. «Греческим» путем — из Киева вниз по Днепру — произведения романского искусства проникали в Крым (Херсонес).

В. А. КУЗНЕЦОВ ДРЕВНЕРУССКИЕ ПРЕДМЕТЫ, (Орджоникидзе) НАЙДЕННЫЕ НА СЕВЕРНОМ КАВКАЗЕ

З многочисленных, но еще слабо изученных христианских древностей Северного Кавказа выделяется группа предметов древнерусского происхождения. Среди них три предмета, которым мы посвящаем эту заметку.

1. Бронзовая литая иконка¹ в форме квадрифолия (рис. 1, 1). Найдена в 1886 г. у с. Кудинетово в верхнем течении речки Шалупки, в районе г. Нальчика Кабардино-Балкарской АССР. В четырех медальонах по краям изображены фигуры святых с нимбами и воздетыми руками (две в фас, две в профиль), в центре в более крупном медальоне — Иисус Христос. Обратная надпись, расположенная по углам вокруг этого медальона, содержит монограмму: IC NIKA. Кудинетовская иконка имеет абсо-

лютную аналогию в киевских древностях XIII в.² Б. А. Рыбаков справедливо считает обе иконки отлитыми в одной форме и указывает другие отливки из этой формы в Поволжье (Терновское и Увекское городища)³.

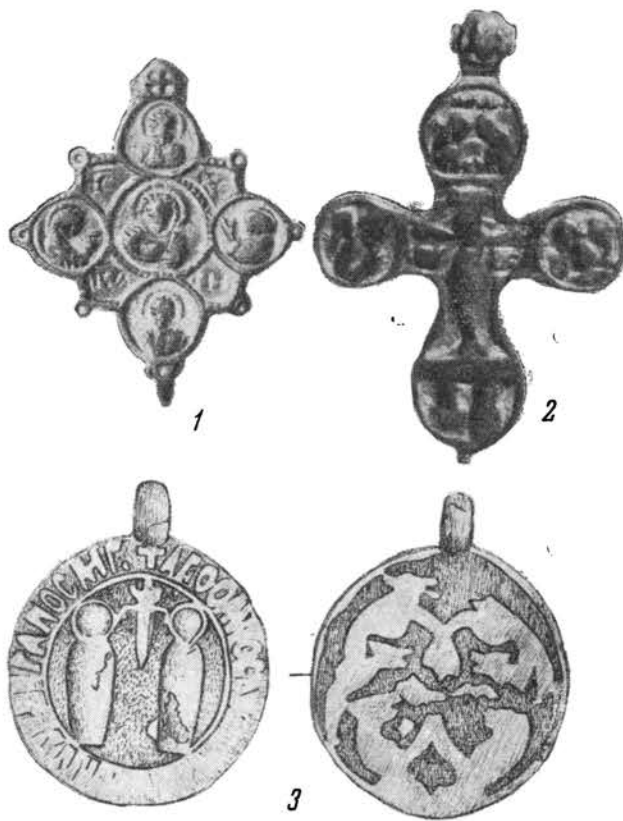
2. Бронзовый литой наперсный крест с двусторонними изображениями и ушком для шнура (рис. 1, 2). Найден при земляных работах на «Красной слободке» в г. Пятигорске в 1961 г., передан мне А. П. Руничем в 1966 г. Крест имеет абсолютную аналогию в киевских древностях⁴. Иконография пятигорского креста представляется в следующем виде: на ушке изображен нерукотворный Спас, на лицевой стороне

¹ Архив ЛОИА АН СССР, негатив № 53818. Место хранения находки мне неизвестно.

² Б. Н. и В. И. Ханенко. Древности русские. Кресты и образки, вып. I. Киев, 1899, табл. VIII, 100, стр. 19.

³ Б. А. Рыбаков. Ремесло Древней Руси. М., 1948, стр. 528.

⁴ Б. Н. и В. И. Ханенко. Указ. соч., вып. I, табл. XII, 140.

Р и с. 1.

Древнерусские бронзовые предметы, найденные на Северном Кавказе

1 — иконка-квадрифолий из Кудинетово; 2 — крест из Пятигорска; 3 — змеевик из окрестностей Кисловодска

в середине — распятие, по сторонам — Богоматерь, Иоанн Богослов и, вероятно, Мария Магдалина и Лонгин сотник; сверху два архангела, обычно изображаемых над распятием (Михаил и Гавриил), внизу два святых с неразборчивыми надписями. Фигуры на обратной стороне видны очень плохо; можно предположить, что в середине изображен Никита, бичующий беса; по концам — святые с неразборчивыми надписями.

Киевский крест отличается значительно лучшей сохранностью изображений и надписей. Из надписей публикуемого здесь креста хорошо читается лишь имя МІХАІ (Михаил) в верхнем медальоне. Остальные надписи и изображения сильно стертые. В. И. Ханенко датирует кресты рассматриваемого типа XIV—XV вв.⁵

В Москве при раскопках в устье Яузы усадь-

⁵ В. И. и В. И. Ханенко. Указ. соч., вып. I, табл. XII, стр. 27.

бы XV—XVI вв. был обнаружен еще один крест, совершенно аналогичный пятигорскому⁶. Третий крест этого типа происходит из кладбищенского слоя XV в. Новгорода⁷. Четвертый крест опубликован В. Н. Перетцом и датирован им XV — первой половиной XVI в.⁸ Таким образом кресты рассматриваемого типа (генетически, возможно, связанные с энколпионами) датируются XV—XVI вв. Но при раскопках древнерусского селища Лебедка в Орловской обл. в 1952—1953 гг. Т. Н. Никольской был найден такой же крест в слоях времени до монгольского нашествия (по предположению автора раскопок, селище было покинуто во время нашествия Батюя)⁹. Материалов позже XIII в. на этом памятнике не выявлено. Следовательно, кресты интересующего нас типа бытовали и в XIII в., когда они, вероятно, и производились. Кресты, найденные в памятниках XV—XVI вв. и перечисленные выше, были предметами длительного пользования, о чем свидетельствует также их сильная стертость. Именно этим длительным использованием в течение жизни нескольких поколений можно объяснить тот факт, что они встречаются вплоть до XVI в.

На основании сказанного крест из Пятигорска следует отнести ко времени с XIII до XV в., причем более предпочтительной датой представляется середина — вторая половина XIII в. На этом мы остановимся ниже.

3. Бронзовый литой змеевик с двусторонними изображениями (рис. 1, 3) был найден случайно между Рим-горой и «Красивым курганом» в районе г. Кисловодска несколько лет назад (более точно неизвестно). Хранится в Кисловодском народном музее. Аналогичные круглые змеевики, снабженные греческими или греко-русскими надписями, широко известны в русских древностях XI—XIII вв.¹⁰

На лицевой стороне кисловодского змеевика

⁶ М. Г. Рабинович. Раскопки 1946—1947 гг. в Москве на устье Яузы. МИА, № 12, 1949, стр. 34, рис. 20.

⁷ В. А. Арцизовский. Раскопки на Славне в Новгороде. МИА, № 11, 1949, стр. 149—150, рис. 226.

⁸ В. Н. Перетц. О некоторых основаниях для датировки древнерусского медного литья. ИГАИМК, вып. 73, 1933, стр. 45, рис. 9.

⁹ Т. Н. Никольская. Древнерусское селище Лебедка. СА, 1957, № 3, стр. 189, рис. 12, 9.

¹⁰ См., например: И. И. Толстой. О русских амулетах, называемых змеевиками. ЗРАО, т. III, вып. 3—4, новая серия. СПб., 1888, стр. 363—413; В. И. и В. И. Ханенко. Указ. соч., вып. II. Киев, 1900, табл. XXIX, 323; Н. И. Петров. Альбом достопримечательностей церковно-археологического музея при Киевской духовной академии, вып. IV—V. Киев, 1915, табл. XIV, 3—4; А. Орлов. Амулеты-«змеевики» Исторического музея. «Отчет ГИМ за 1916—1925 гг.» М., 1926, приложение V.

изображены две фигуры святых (Кузьма и Демьян или Борис и Глеб), между ними и несколько выше — знак, в старой литературе иногда именуемый «мечевидным». Над ним в ободке расположено изображение креста, верхний конец которого прикрыт приделанным сверху ушком. От креста начинается греческая надпись, сильно стертая. Тем не менее ее начало и конец достаточно четки и позволяют восстановить весь текст: АΓΙΟΣ ΑΓΙΟΣ ΚΣ САΒΑΟΘ ΠΛΙΡΙΣ Ο ΥΡΑΝΟΣ ΚΑΓ (часть так называемой трисвятой песни, распространенной на змеевиках). Точной аналогией кисловодскому змеевику является змеевик XIII в. с более четким изображением¹¹, хранящийся в Киевском государственном историческом музее. В качестве довольно близкой аналогии можно назвать змеевик из Тверского музея, опубликованный И. И. Толстым. Разница состоит лишь в том, что на лицевой стороне тверского экземпляра изображен один святой¹².

На оборотной стороне публикуемого нами змеевика изображен шестиглавый змей, а в центре этой композиции помещено условно схематичное изображение человеческой головы. Изображение человеческой (женской) головы в окружении «змеиного гнезда» исследователями связывается с синкретическими представлениями об охранном значении головы Медузы. Соответствующие античные мифы, проникнув в Северное Причерноморье, были переработаны и переосмыслены на почве древних местных представлений. «Змеиное гнездо» име-

ет значение апокрофея и ассоциируется с мудростью, здоровьем и долголетием¹³.

Когда и при каких обстоятельствах описанные выше древнерусские предметы попали на Северный Кавказ?

Б. А. Рыбаковым высказано интересное предположение о том, что древнерусские энколпионы, иконки и змеевики были занесены в степи юго-востока Европы в XIII в. русскими пленниками-ремесленниками, захваченными татаро-монголами¹⁴. Представляется, что у нас есть все основания присоединиться к этой точке зрения. Следует полагать, что кочевья монголо-татар на Северном Кавказе появились лишь после захвата ими равнинной части края, что имело место в результате похода 1237—1240 гг.¹⁵, то есть около середины XIII в. Именно в это время и могли появиться на Северном Кавказе русские пленники, принесшие публикуемые здесь предметы.

В заключение отмечу, что длительное пребывание татаро-монгол в районе современного Пятигорья (где найдены крест и змеевик) не вызывает сомнений. Об этом прямо пишет в XIV в. Ибн-Батута¹⁶; археологически о том же свидетельствуют остатки двух золотоордынских кирпичных склепов, недавно выявленных местными краеведами между городами Ессентуки и Пятигорск.

¹¹ Киевский государственный исторический музей, инв. № МТ — 427.

¹² И. И. Толстой. Указ. соч., стр. 388.

¹³ Г. К. Вагнер. О змеевидной композиции на древнерусских амулетах-змеевиках. КСИА, вып. 85, 1961, стр. 26—30.

¹⁴ Б. А. Рыбаков. Указ. соч., стр. 527—531.

¹⁵ Л. И. Лавров. Нашествие монголов на Северный Кавказ. «История СССР», 1965, № 5, стр. 98—102.

¹⁶ В. Тизенгаузен. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды, т. I. СПб., 1884, стр. 289.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АЛЮР	— Археологическая летопись Южной России
АП	— Археологічні пам'ятки УРСР
АС	— Археологический съезд
БАН	— Белорусская академия наук
ВИ	— Вопросы истории
ВУАК	— Всеукраїнський археологічний комітет
ГАИМК	— Государственная академия истории материальной культуры
ГИМ	— Государственный Исторический музей, Москва
ГЭ	— Государственный Эрмитаж
ДАК	— Дело Археологической комиссии
ЗООИД	— Записки Одесского общества истории и древностей
ЗРАО	— Записки Российского археологического общества
ИА	— Институт археологии
ИАК	— Известия Археологической комиссии
ИГАИМК	— Известия Государственной академии истории материальной культуры
ИЭМЛ	— Историко-этнографический музей Литовской ССР, Вильнюс
КГИМ	— Каунасский государственный исторический музей
КС	— Краткие сообщения
КСИА	— Краткие сообщения Института археологии
КСИИМК	— Краткие сообщения Института истории материальной культуры
КСИЭ	— Краткие сообщения Института этнографии
ЛОИА	— Ленинградское отделение Института археологии
МАК	— Материалы по археологии Кавказа
МАР	— Материалы по археологии России
МАЭ	— Музей антропологии и этнографии, Ленинград
МДАПВ	— Матеріали і дослідження з археології Прикарпаття і Волині
МИА	— Материалы и исследования по археологии СССР
МИСО	— Материалы по изучению Смоленской области
НИТ	Наука і техніка
ОАК	— Отчет Археологической комиссии
ОИН	— Отделение исторических наук
ОИФ	— Отделение истории и философии
ПКМ	— Пренайский краеведческий музей
ПСРЛ	— Полное собрание русских летописей
РКМ	— Рокишский краеведческий музей
СА	— Советская археология
САИ	— Свод археологических источников СССР
СГАИМК	— Сообщения Государственной академии истории материальной культуры
СГЭ	— Сообщения Государственного Эрмитажа
СЭ	— Советская этнография
ТГИМ	— Труды Государственного Исторического музея
ТКМ	— Тельшяйский краеведческий музей
ТСУАК	— Труды Саратовской ученой архивной комиссии
ШИЭМ	— Шауляйский историко-этнографический музей

СОДЕРЖАНИЕ

	Петр Николаевич Третьяков	3
	Список работ П. Н. Третьякова	9
В. Хенсель <i>(Варшава)</i>	Предполагаемое влияние хеттов на лужицкие племена	13
Э. А. Сымонович <i>(Москва)</i>	Зарубинецкая и черняховская культуры в Поднепровье	17
Ф. М. Заверняев <i>(Брянск)</i>	Зарубинецкие памятники Верхнего Подесенья	22
Е. В. Максимов <i>(Киев)</i>	О времени зарубинецкого поселения Пилипенкова Гора	25
А. М. Шовкопляс <i>(Киев)</i>	Поселение зарубинецкой культуры на берегу Почайны в Киеве	28
Г. И. Смирнова <i>(Ленинград)</i>	Комплексы конца I тысячелетия до н. э. на поселении у с. Незвиско	30
Ю. В. Кухаренко <i>(Москва)</i>	Погребение у с. Пересыпки	33
Э. А. Рикман, И. Г. Хынку <i>(Кишинёв)</i>	Погребение II в. н. э. у с. Первомайск	35
И. С. Винокур <i>(Каменец-Подольский)</i>	Новые языческие памятники на среднем Днестре	38
Б. А. Рыбаков <i>(Москва)</i>	Нестор о славянских обычаях	40
Е. Данилайте <i>(Вильнюс)</i>	Распространение памятников культуры штрихованной керамики на территории Литвы	44
Л. Д. Поболь <i>(Москва)</i>	Городище Кистени	48
О. Н. Мельниковская <i>(Москва)</i>	Первые сведения о погребальном обряде у племен юхновской культуры	50
А. Ф. Дубынин <i>(Москва)</i>	О некоторых предметах со знаками из Щербинского городища	54
И. Г. Розенфельдт <i>(Москва)</i>	Керамические погремушки	56
Р. Л. Розенфельдт <i>(Москва)</i>	О глиняных «жертвенниках»	60
Е. А. Шмидт <i>(Смоленск)</i>	О культуре городищ-убежищ левобережной Смоленщины	63
А. К. Амброс <i>(Москва)</i>	Южные художественные связи населения Верхнего Поднепровья в VI в.	70
Е. Н. Симонова <i>(Будапешт)</i>	Пальчатая фибула Венгерского национального музея	75
И. К. Фролов <i>(Москва)</i>	Нижний слой городища у дер. Серенск	80

Т. Н. Никольская (Москва)	К истории домостроительства у племен бассейна верхней Оки	83
В. В. Седов (Москва)	Длинные курганы Себежского поозерья	90
И. П. Русанова (Москва)	Карта распространения памятников типа Корчак	93
В. А. Падин (Трубчевск)	Ранние курганы Кветунского могильника	97
Г. Ф. Соловьева (Москва)	Памятники конца I тысячелетия н. э. в Верхнем Поднепровье	98
А. В. Арциховский (Москва)	Большой Беседский курган	102
Б. А. Шрамко (Харьков)	Раннеславянское поселение VIII—X вв. на Донецком городище	105
А. Н. Москаленко (Воронеж)	К вопросу о погребальном обряде древнерусского населения среднего и верхнего Дона	108
Д. А. Авдусин (Москва)	Гнездовская корчага	110
С. С. Ширинский (Москва)	Курганы IX — первой половины X в. у пос. Новоселки	114
Ф. Д. Гуревич (Ленинград)	Об углубленных жилищах на территории Черной Руси	117
И. В. Бируля (Брест)	Курганы у дер. Ратайчицы	120
А. Г. Векслер (Москва)	Семиверхие курганы вятичей в Одинцове под Москвой	122
А. Г. Кузьмин (Москва)	К вопросу о «полочанах» Начальной летописи	125
С. А. Плетнева (Москва)	Змей в русской сказке	127
А. В. Куза (Москва)	Рыболовство у восточных славян во второй половине I тысячелетия н. э.	132
Ю. А. Краснов (Москва)	К проблеме эволюции рала (об одном широко распространенном заблуждении)	137
Л. А. Голубева (Москва)	К проблеме этногенеза веси	142
В. В. Кропоткин (Москва)	Торговые связи Волжской Болгарии в X в. по нумизматическим данным	146
В. П. Даркевич (Москва)	Новые находки романских бронзовых чаш	150
В. А. Кузнецов (Орджоникидзе)	Древнерусские предметы, найденные на Северном Кавказе	153
	Список сокращений	156

Древние славяне и их соседи

МИА, 176

Утверждено к печати

Ордена Трудового Красного Знамени

Институтом археологии Академии наук СССР

Редактор *А. Е. Сидоренко*

Редактор издательства *Г. В. Шелудько*

Художник *Н. П. Зотова*

Технический редактор *В. В. Волкова*

Сдано в набор 25/II 1970 г. Подписано к печати 31/VII 1970 г.

Формат 84 × 108^{1/16}. Бумага № 2. Усл. печ. л. 17

Уч.-изд. л. 17,5. Тираж 2300 экз. Т-12665. Тип. зак. 189

Цена 1 р. 05 к.

Издательство «Наука».

Москва К-62, Подсосенский пер., д. 21

2-я типография Издательства «Наука».

Москва Г-99, Шубинский пер., 10